Алмазный венец севера

Larka

SHOUT
SHARE
IT

- Larka
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Эпилог

Larka

Алмазный венец севера

Разумеется, я не Толкиен. Но следовало бы тут ещё заметить — я также не Иванов, не Петров и даже (представьте!) не Сидоров. И что из всего э того следует? А ровным счётом ничего…

— Как это случилось? — даже и всматриваться тут не было малейшей нужды, чтобы заметить — как старый барон взбешён.

Настолько, что уже еле сдерживал себя. На поседевшем в последние годы виске бешено билась наливающаяся всё сильнее жилка, а уголок сурово стиснутых губ заметно подрагивал. Потому капитан баронской дружины счёл за лучшее замереть и опустить долу взгляд огненных глаз.

В самом деле, неладно оно вышло. Навалились светлые на дальний сторожевой пост — да так, что едва там оборонились. При том, что капитан не только прислал подкрепление отчаянно отбивавшимся в бревенчатом форте людям и духам, но и сам лично прибыл. От натуги едва глаза на лоб не вылазили, но всё же, удалось отстоять укрепление, прикрывавшее переправу и дорогу в глубину баронских земель.

Оказалось — всего лишь отвлечение сил. И пока спешно стянутые сюда скудные силы отбивались от двух паладинов, каждый при своей сотне, ещё один отряд светлого воинства скрытно проскользнул в тылы.

И вот, была справная деревня у барона Эшле, а теперь нет её. Духов побили да святым словом попалили, а людей угнали к себе в царство Света. И каждый знал — оттуда возврата нет. Ибо саму душу испоганят своими молитвами, напрочь повяжут святыми словами. А живность и всё нажитое добро сгорели вместе с избами и пристройками…

— Уцелел токмо кузнец, ваша милость — он сёдни за медью да горюч-камнем в горы ходил. Да охотник один, что в лесу смотрел места где зверь водится — чтоб, значится, выведать где ловушки ставить.

Барон слушал молча, и в глазах его гнев мешался с

бессилием. Проклятое пограничье! Мало того, что глухомань, на лесной дороге медведя легче встретить нежели селянскую телегу или разбойника — так ещё и бедность такая, что в столицу хоть не показывайся. Засмеют, барон в солдатских сапогах, мол.

Дух огня виновато пожал плечами в массивных кожаных на медной клёпке наплечах и вздохнул — да так, что от жара пламенного дыхания едва не занялся старенький домотканый половичок на полу баронской опочивальни.

— Ладно, я тебя не виню — если б переправу не удержали, куда хуже вышло бы, — барон устало откинулся на подушки. Да, наверное, ещё год-два, и придётся платить по последним счетам. Старость подкралась как-то незаметно — а с нею и немочь, и болезни. Некому поддержать, некому помочь… оба сына так и погибли, защищая родную землю от поганых светлых — а дочь разве помощница в таких делах? Травничает понемногу да хозяйство кое-как ведёт, и на том спасибо.

— Я отдохну, а к ужину разбудишь — и пусть те двое придут. Помогу немного… хотя, чем тут поможешь, беде такой?

И настолько сипло, жалко прозвучал этот голос, что капитан дружины сгорбился ещё сильнее. Да уж, каков орёл был кормилец наш! Ещё лет десять назад паладины из-за хребта боялись сюда и носа казать. Всяк им от ворот поворот давали — и в лоб, и под зад, и с подвывертом. Но вот, нынче — старик. В то время как он, огненный дух, верно служивший и отцу и деду, по-прежнему крепок и горяч…

Глава 1

Зачем боги напихали в здешние горы, больше похожие на большие холмы, столько медных руд, знали лишь они сами. В принципе, это само по себе оказывалось неплохо — металл хороший, знатный. Опять же, где медь, там непременно и серебро попадается. А старые рудознатцы иной раз ухитрялись так земляного духа выцепить, что потом приносили из своих походов даже и золотишко.

Да вот беда — одною медью погоды не сделаешь. Словно на грех или в забаву, бессмертные не одарили здешние края никакими другими металлами — а особенно без железа это всё так, маета… Посудите сами, раз уж головы на плечах сохранили и есть чем думать — ну вот наезжают с той стороны полуночного снегового хребта гордые паладины Света со своими вояками, и как тут отбиваться? Медные кольчуги или пластинчатые доспехи красивы — старики говорят, краше даже золотых. Да вот, прочности в них нет никакой, и ничего тут не поделать.

Мнутся и лопаются как тесто под мощными ударами, а если потолще сделать, то обладатель едва двигаться в них может, куда уж тут бой вести?

С оружьем тоже морока. Мечи-копья и прочие вострые железки гнутся после первого же доброго удара о железо. На охоте ещё куда ни шло, мех у зверей всё ж помягче будет… Потому в здешних краях из боевой справы ведали только булавы да цепы — тяжёлые как гора и годные лишь в переплавку после всего одной лишь хорошей драки.

Даже на олово поскупились небожители для здешних земель — а без него из сырой меди и бронзы не выплавить. Та хоть и неважная, но всё ж замена.

Оттого и понятно, что железо, а уж тем паче гномья сталь испокон веков ценились в Межгорье дороже золота. Но приезжие чужаки по первости в соляные столбы от изумления превращались, осознав — во сколько же крат дороже.

Хорошо хоть, что орки, частенько приходящие в набег из-за полуденного каменного хребта, и вовсе металлов не ведают. То есть, знают про них, и вроде как даже умеют кое-как обрабатывать, да всё равно предпочитают дубины и палицы. А доспех делают из сложенной вдвое-втрое, прокалённой над огнём толстой буйволиной кожи с нашитыми поверх костяными бляшками. Такое и сталью вострой заморишься пробивать, а уж куда медью… только добрый удар тяжеленной шипастой булавы и сминает такую защиту, иногда не просто калеча оплошавшего

клыкастого воина, но и вовсе сминая того в лепёху.

Оттого и понятно, что в здешних местах в основном и водились сильные как удар молнии люди и духи. Были, правда, и другие, обладавшие даром повелевать неведомыми силами. Когда в старину Финист-княжич с одною лишь зазнобою своею да старым учителем выжгли целое войско пришлых захватчиков — до самого скального грунта — только тогда и поняли здешние, что утвердятся они в этой местности.

Вроде и не было нужды вцепляться в эту землю, богатую всем кроме металлов помимо меди — да ведь, родину не выбирают. Да, леса богатые… да, хлебопашцы урожаи снимают другим на зависть — но ведь надо и защищать всё это от жадных, загребущих лап соседушек.

С полудня орки, что никогда не смирятся с тем, что тут живут люди. А с полуночи богатая страна, где поклоняются Свету и всех здешних духов почитают просто демонами и слугами падшего бога — оттого и изничтожают беспощадно.

Слабые телом погибали в бою, слабые духом спивались или же, с воем в горле и слезами в очах похватав манатки, всею семьёй уходили через перевал на полночь. Купцы баяли, таких там жалуют, землю дают да по первости послабление в податях. Но душу святыми молитвами повяжут крепко-накрепко… вроде ты и человек, а не успел и спохватиться, как стал раб божий. Оттого и смотрели вослед таким кто с горечью, а кто и с презрением…

На закат леса становятся лига за лигой всё гуще, всё темнее, пока не встают наконец зачарованной стеной — и нет туда хода ни пешему, ни конному. Старики гутарили, вроде там остроухие елфы живут — но что они за люди, да и люди ли вообще, мало что было известно. И ещё меньше из того доподлинно. А на восход через два дня конного пути открывалось немеряной ширины солёно озеро, и как ведомо точно, той стороны у него и вовсе нет.

Как такое было возможно, чтоб один берег есть, а противоположного нет, Ларка представлял себе плохо. Кузнец, сын и внук кузнеца, он всё примеривал на здравый смысл и свой практичный ум — коль есть начало, должен быть и конец. Но и особо такими мыслями себе голову не задуривал — иной раз день прожить и то забота…

— Ну что, принёс? — с непривычного взгляда невозможно оказывалось разглядеть вылезшего наверх погреться земляного духа. То ли лёгкое дрожание тёплого воздуха над горушкой, как оно бывает иной раз — то ли просто усталому глазу мерещится.

Но Ларка уж никак не числился в непривычных —

сызмальства окрестности родной Каменки слышали его голос, а затаившиеся в недрах земляные духи топот маленьких ног над головой. Да и как-никак, в любой деревне только два настоящих человека и есть — староста да кузнец. Остальные так, лапотники серые… Двадцать зим и тяжёлый труд в кузне пусть и налили плечи его силой, но не обратили в грузного коренастого крепыша, как оно почти всегда с кузнецами бывало. Потому мамаши хоть и прятали от статного парня своих вошедших в сок дочерей, но иной раз втихомолку и сами засматривались вослед, дивясь ладной стати и какой-то лёгкой походке…

Ларка скинул с плеч два объёмистых мешка и некоторое время просто переводил дух. И то сказать, к углежогам путь неблизкий. Да на обратном пути к ведьме заглянул — староста Хведот велел поклон с подарком передать. Да напомнить, чтоб та пришла деревенские колодцы почистить, заодно и на живность домашнюю поглядеть. Вроде как кто-то из лихих мелких духов шастать повадился.

— Да, принёс — вот ольховый, а здесь берёзовый, — два мешка с приготовленным к работе древесным углем человек знающий оценит недёшево. Веточка к веточке подобраны, до сухого ломкого звона прокалены — да без доступа воздуха, чтоб до золы не перегорело. Как пламень летучий из дерева выйдет, тут и надо гасить аккуратно. Ни раньше, ни позже.

Дух прчнул к принесенному углю, задрожал маревом в полуденном воздухе, отчего стал на миг почти заметным. Да только, блаженно отдувающемуся молодому кузнецу не было нужды присматриваться. Мало того, что всех окрестных духов ведал наперечёт — так и они его знали и даже привечали. Потому как ни разу он за ними не гонялся со словом чаровным или рогулькой, ведьмой заговорённой. Никогда не выпытывал тайн подземных кладовых, с помощью колдовского обряда вызвав духа из уютной темноты да пребольно вцепившись в бестелесного светящимися от магии медными клещами.

Да в добавок, ещё тем летом Ларка с замиранием обнаружил, что он не простой кузнец — чаровник. Таких на всё немаленькое королевство оказывалось всего-то человек несколько, и сказки о них частенько рассказывал на завалинке слепой Феофан, или же напевал захмелевший старый пастух у костра. В общем, теперь ему не надобны были молоты и молоточки, наковальни и горн. Без нужды оказался горюч-камень и даже мелкий древесный уголь для тонкой работы.

Как-то вертел он летним вечером брусок сырой меди в пальцах. Чистой меди, что подарил ему дух с Кривой Горки — не такой грязной как обычно. Присматривался так и эдак, всё

прикидывая, как бы половчее сделать из такого богатства колокольцы на конскую упряжь старому барону — тот своих не обижал, и чужим спуску никому не давал. Но в тоже время, без панибратства, держал в строгости. Оттого его и уважают, кстати — не дурак и не лодырь, нормальный дядька, хоть и совсем седой уже…

Так вот, крутил Ларка меж пальцев медяху, всё прикидывал и присматривался. Оно ведь как — хороший кузнец металл должен чувствовать. Не просто любить за то, что покорно под молотом сплющивается да в форму льётся. Не за то уважать, что работа деньгу и почёт приносит. Даже не приказывать, а именно чувствовать.

На губах ещё цвёл жарким ароматом тайком подаренный молодой вдовушкой поцелуй, кузнец с лёгкой улыбкой и светлым от того настроением насвистывал что-то да всё никак не выпускал из рук изученный уже до каждой трещинки и вон того скраю пузырька внутри медяхи. А потом, задумавшись о чём-то несбыточном, вдруг обмер весь. Медь словно тесто заструилась, мягко потекла меж сильных пальцев. Пришлось обойтись помягче, поласковее — в точности как с девицей, право.

И долго ещё похолодевший от этого незабываемого ощущения Ларка боялся опустить глаза к странно тёплой меди в своих руках. А когда всё же решился, не скоро на его строго сжатые губы выплыла несмелая улыбка — колоколец вышел всего один. Но, настолько красивый и занятный, что на него приятно было даже просто посмотреть. Формы диковинной да с узорчатым краем, где меж гор и лесов бегали звери диковинные.

Неужто лесные или горные духи надоумили или одарили умением? Старый подземный ворчун из дальней копанки, который прочими духами признавался самым знающим, долго присматривался в лунном свете, как парнишка перед ним с медью опять баловал. И лишь потом вдруг перестал хмурить бестелесные брови да неожиданно поклонился.

И с тех пор духи земли признавали Ларку если не за равного, то за своего уж точно. Спасибо богам, у того хватило ума нос по сему поводу не задирать. И даже не хвастать под хмельком в корчме, как не преминул бы сделать любой другой. Лишь старосте поведал, а вместе с ним в полночь и их милости барону продемонстрировал умения свои.

Надо признать, оба почтенных мужчины поначалу изумились до крайности. Одно дело про таких кузнецов былины слушать, не задумываясь — байки то или же вовсе побреховеньки. А другое дело вот так, прямо своими очами увидать этакое неизъяснимое диво. Ларка и раньше с работой управлялся ловко да ладно, а теперь и

вовсе стал творить мало не чудеса. Фигурку крылатой богини с мечом, что он сделал в подарок старой мельничихе, всяк почитал за счастье оглядеть да потрогать. Но повелел барон о том даре молчать как о страшной тайне — ведь зависть и злоба людская пределов не ведают…

Дух земли проворно сунулся к мешкам и чуть ли не вынюхал каждую чёрно-серую веточку.

— Хороший — не пережжённый, но и не сырой, — наконец кивнул он. Хоть и не было нужды проверять, уж Ларка дрянь какую никогда не приносил и не делал — но и другим подобного небрежения не прощал.

— Сам, лично собирал по веточке, — молодой кузнец продемонстрировал сточенный едва не наполовину серебряный нож на поясе. — И к самому Майку-углежогу отнёс работу, вместе с пузырём зелья, что в кабаке гонят. Он лучший мастер в округе.

Дух меленько закивал, а потом на пробу выудил из мешка обугленную веточку и принялся вдумчиво, с хрустом жевать. Как он, бестелесный, то проделывал, Ларка всегда удивлялся — но с расспросами не приставал. Захотят, скажут — не захотят, значит и спрашивать не след.

Дух улыбнулся, и ловко высыпал оба мешка в узкую расселину меж валунов. Прибывшие за лакомством двое его сыновей приветливо помахали молодому кузнецу, а потом проворно утянули звонко постанывающие угольные палочки в свои подземные кладовые. А папаня их дожевал, вытер о себя дрожащие маревом лапки, и наконец добыл под свет полуденного солнца плату — два горящих на солнце бруска самородной меди. Чистой, без примесей — с такой работать одно удовольствие. Но потом, подумав, добавил вполовину меньший слиток туманно блеснувшего серебра.

— Бери-бери, для тебя не жалко, — дух улыбнулся при виде обеспокоенно оглядевшегося Ларки — не приведи боги кто приметит такое богатство. Правда, затем не спешил уходить в прохладную сырую темноту обжитых недр. Выспрашивал новости, качал лохматой головой над удивительными известиями. Кузнец даже подивился словоохотливости и интересу к *верхним* делам обычно замкнутого знакомца. Но виду не подал — как положил себе вежливо и ровно общаться с подземным народцем, так непременно правила сего и придерживался.

За то, наверное, и уважали, что с колдовством да лопатой к ним не лез…

— Зажди, побудь ещё, — дух пошарил под замшелым валуном и вытащил хороший кусок зелёной руды.

Взяв его в руки, Ларка ахнул — малахит! Чистейший, безо

всякой трещинки или порчи! Богатство даже в здешних местах немалое, а уж в других краях камень этот и вовсе по достоинству уважали…

— Зимой ты ездил в Каменный Кряж за белым мрамором? — поинтересовался дух и улыбнулся. — Приходил недавно оттуда в гости братец мой, добрым словом тебя вспомнил.

Ларка осторожно кивнул, всё ещё недоверчиво разглядывая этакое диво в своих руках. Хоть и не каменотёс он и не совсем ювелир — но как стал зимой снег и наладился санный путь, барон в числе прочих послал за мрамором и его.

— Края дальние посмотришь да себя немного покажешь, — что-то такое слышалось ещё за словами старого вельможи, но Ларка тогда загадку не разгадал. А теперь только и выяснилось, что проверял его старый барон — без колдовства ли он владел даром своим?

Духа хоть земляного, хоть огненного или воздушного, можно зачаровать или купить — а вот обмануть никак. Да и они тоже не в состоянии лукавить, уж такими их боги сотворили… Ларка тогда, выбирая в каменоломнях подходящие цветом и размером глыбы мрамора, разговорился с хозяином тамошних недр, благо тот сразу почуял родственную душу настоящего мастера да открылся пришлому без опаски…

— Ну, спасибо, — всё же он улыбнулся. В самом деле, первый же скол обнажил тёмно-зелёную, почти чёрную поверхность, в которой словно еловая веточка красиво разбегались прихотливые прожилки и завитки яркого изумрудного цвета. — Тут долго думать надо, чтобы сделать что-то путное, а не ту обычную халтуру для продажи, что только денег и стоит.

Удивительно — в долгом и нудном ворчании духа слышался едкий упрёк, что они, человеки, слишком много уделяют помыслов так называемым деньгам, когда истинное богатство вот оно. Уж он сразу приметил, что молодой кузнец уже прикидывал нетерпеливо, подходит ли медь и серебро оправой или вставками к этому полудрагоценному малахиту.

— Тебе хорошо, ты в еде или одежде не нуждаешься, дети тоже, — Ларка всё же попытался оправдаться. — А мне и другим есть-пить надобно, одеваться или всяко другое — вот деньга для обмена да накопления и придумана умными людьми…

В животе у него очень кстати забурчало. Потому человек проворно расстелил прямо на нагретом валуне тряпичный свёрток, что извлёк из заплечной сумы. Немного хлеба, обрезок сыра да полупрозрачный по жаре шмат сала. Чистейшая вода вон в ручье, почти под ногами — что ещё проголодавшемуся парню надо?

Дух весело хохотнул, наблюдая как кузнец со вкусом, жизнерадостно подкреплялся.

— О, на можжевеловых веточках копчёное, с дымком, — он согласился попробовать ломтик нежного, с прожилочкой сала. Аккуратно прикопал корочку меж камушков, пошептал что-то. И Ларка не сомневался — на следующий год на этом месте вырастет если не разрыв-трава, то лохматый, в серебристой шубке цветок или горный папоротник.

Против такого, мелкого чародейства парень не имел ничего. Да и вообще относился к магикам да ведьмам с уважением, не как все — правда, мысли таковые благоразумно держал при себе. Уж хороший кузнец дураком быть никак не могёт…

— Про Василису-кузнечиху слыхал чего? — и дожёвывающий последние куски парень усердно закивал — уж историю о том, как легендарная мастерица чинила Луну, когда ту кто-то из паладинов Света повредил, он любил больше всего. Даже сильнее чем ту, где Василиса на спор да после чарки зелена вина ударом обёрнутого лишь в рогожу кулака насквозь пробила любимую кирасу графа Витгейта. Правда, на следующий день после пира сама же и чинила…

— Знавал я её, — задумчиво прошептал бестелесный дух, глядящий не столько куда-то в сторону, сколь вглубь времён. — Она ведь нашенская, из здешних краёв. Там, за рекой, когда-то богатая ваша деревня стояла.

Замерший Ларка едва не поперхнулся, да так и сидел, дожидаясь пока смешавшиеся мысли не перестануть скакать в голове заполошными белками. Вот те раз — оказывается, не всё байки в старых сказах! Кроется и за ними что-то такое… эдакое.

— Так вот, когда пришёл срок её — завещала она нам искать мастеров хороших да привечать помаленьку. Если кто ко всему ещё и чист окажется… в общем, смотри.

Словно ледяной туман ожёг руку своим прикосновением — то непостижимым образом сгустившийся дух уцепил парня ладонью и принялся водить ею над куском сломленной высохшей ветки. Не сразу, не вдруг Ларка осознал, что ощущение текущей из пальцев Силы ему не мерещится — дерево почернело, задымилось, а затем и занялось едва видимым на солце огоньком.

— Запомнил? Повтори! — строго нахмурив кустистые брови, потребовал маленький бестелесный учитель.

Со второго раза забывший даже вытереть губы парень таки сумел воскресить в ладони это чувство — ветка снова занялась, а потом вмиг прогорела дотла.

— Силён, — то ли уважительно, то ли неодобрительно проворчал дух и посмотрел вверх, на солнышко. — Ладно, до

остального сам допетришь, Ларка — кузнецы навроде тебя завсегда и магики, потому и редки несказанно. Что ж, тебе пора уже. Ступай.

И совсем уж неожиданно оказалось скомканно простившемуся огорошенному кузнецу чувствовать в спине провожающий его задумчивый взгляд. А когда дух еле слышно и как-то совсем непонятно выдохнул *прощай же*, парень от неожиданности споткнулся и едва не растянулся на склоне. Это с чего бы не *до свиданья*? Никто тут вроде помирать не собирался…

Эх, знать бы тогда, и понять бы — что дух просто тянул время! Задерживал парня возле себя, вдали от родной деревни…

— Да что же это такое? — шёпот белого от ужаса Лёнчика ввинтился в ухо едва ли громче шелеста травы под ленивым ветерком, но Ларка лишь крепче стиснул зубы и сильнее прижал встреченного почти на околице охотника к земле.

Вернее — на бывшей околице. От крепкой и справной деревни Каменка теперь осталось только едко курящееся пепелище. Нелепо торчали чёрные от жирной копоти печные дымари, да на воткнутом в колодец посреди площади бревне висел в назидание всем казнённый староста.

— Паладины… — с ненавистью выдохнул кузнец и вновь прижал дёрнувшегося было куда-то бежать и кого-то спасать охотника.

Да уж, тут если кого и надо спасать, то только себя — дрянное копьецо Лёнчика только на молочного кабанчика или косуль страху навести и могло — а уж свой старый серебряный нож Ларка при желании мог попросту на палец намотать. Куда уж тут, без оружия из укрытия выскакивать. Но даже если бы и было что сурьёзного — как вдвоём против почти сотни? Да и то, один кузнец, другой охотник на пушного зверя.

Они оба краем глаза, искоса проводили взглядом скрывшийся за лесом отряд святого воинства. Ускользали, плыли восприятием — неровен час, почуют те, уж обучены на совесть.

Эх, боги — и ты, барон — как же вы попустили?

По засыпанной шевелящимся, словно живым пеплом деревне тут и там виднелись нелепые ослепительно-белые пятна — там святым словом прищучили какого-нибудь не успевшего удрать духа. В любом поселении-то их завсегда много. Не токмо всякого рода домовых да овинников. И водяные, и огненные, иной раз лукавые духи воздуха в селе приживаются как свои — люди и бестелесные испокон веков жили тут дружно, уж больно тяжело без поддержки друг другу. А людей эти светлые мерзотники угоняли в своё рабство — да не цепями приковывали, а святою молитвой душу отравляли, та крепче любых оков вяжет…

— Слышь, Ларка — пошли краем леса, через лог? Опередим да присмотримся, — в сузившихся от ненависти и страха глазах охотника наконец мелькнуло что-то осмысленное. — Вызволить наших навряд ли удастся — но быть того не могёт, чтоб хоть несколько светленьких не оплошали, не отошли от своих — по нужде или по дурости. Они ж от победы хмельные нонча.

Стоило признать, что поданная тощим и жилистым Лёнчиком идея выглядела весьма заманчиво для просто пылавшего от боли сердца. Потому Ларка нехотя согласился — хоть клок шерсти выдрать обидчикам, а там видно будет…

— Да тише ты! — уже на полпути шуганул его бесшумно скользящий меж деревьев охотник, когда они по бездорожью срезали через старое ущелье свой путь.

— Я только по камням бесшумно хожу, — кузнец виновато пожал плечами.

Лёнчик с тихим вздохом забрал чуть выше по склону, где из-под тонкого слоя почвы то и дело выныривали валуны, и дело пошло веселее. Словно две тени бесшумно скользили меж камней и покрученных сосен. Краем глаза Ларка ещё приметил особо искривившуюся рощицу с каким-то печальным оттенком коры и иголок — наверняка под низом в недрах что-то интересное есть. Затем горько поморщился, не пуская пока в сознание мысль, что многое теперь не будет по-прежнему. Если вообще будет — даже вдвоём заломать крепкого опытного солдата, это дело не для слабых духом или телом.

Впрочем, Лёнчик хоть и выглядел тощим доходягой, однако на самом деле был жилистым, тягучим. Ларка умаялся бежать за тем по малознакомым здесь горкам и крохотным долинам. Он сам если и проходил тут, большей частью прислушивался и присматривался — что же там внизу? А охотник как раз наоборот, *верхний*…

— Не продашь барону или его солдатам? — охотник цепко всмотрелся в тяжело дышащего парня, а потом словно нехотя полез в заплечный мешок.

Вот так дела! У того имелся при себе магический капкан на лося или оленя — таковое в здешних местах запрещалось строго-настрого. Ведь ставили не где ни попадя, а на звериных тропках или у водопоя. А человек та же самая животина и есть, раз не отдавая себе отчёта и сам выбирает такой же путь. Вот после многих несчастных случаев когда-то и приказано было под страхом отрубания руки, чтобы не пользоваться такой поганью…

— Хотел втихомолку сохатого добыть, у меня сестра скоро замуж выходит… дожна была… к свадьбе, значится… — охотника взяла такая злость, такая боль взметнулась в его глазах, что

Ларка лишь молча сжал его плечо в знак поддержки. Если умеючи и потихоньку, да только промеж своих, прощалось многое из открыто почитавшегося запретным.

— Против святых поганцев если сработает, даже барон гневаться не станут, — заверил он, и Лёнчик стиснув зубы коротко кивнул.

— По нужде один-два отойдут навряд ли, вымуштрованы на совесть, — нехотя признал он после некоторого молчания. — Но вот на отдых станут по-любому, да часовых выставят. Показаться осторожненько такому, он за тобой кинется. Ты-то капкан переступишь — место я покажу и даже надломанной веточкой обозначу. А он ногой наступит обязательно — я знаю где ставить.

Ларка поинтересовался — а отчего именно он должен сработать заманушкой? Лёнчик криво дёрнул щекой и прислушался к еле слышному шуму приближающегося отряда:

— Я старый да тощий, могут просто стрельнуть — а вот от таких крепких парней как ты, у них просто слюнки текут…

— Ладно… даже если двое, второго как-нибудь вдвоём осилим, — почти отдышавшийся напарник подобрал с каменистой осыпи несколько обкатанных булыжников и принялся выбирать из них, который ловчее в ладонь ложился.

Охотник посмотрел на такое дело и зябко передёрнулся. Этот плечистый кузнец если приложит чем тяжёлым по макушке, тут тебе и весь сказ — даже стальной шелом не поможет. Вомнёт вместе с головой в плечи, уж добрый удар зря не пропадает…

Он очень не хотел умирать, этот заросший бородой чуть ли не до самых глаз солдат. Хекал только вонью изо рта, брызгал мелкими кровинками, когда Лёнчиков нож раз за разом скользил по шейным пластинам, не будучи в силах найти щелочку и разорвать яремную вену иззубренным лезвием. Вот-вот соберётся с силами и заорёт.

— Осади взад! — от первого, угодившего в капкан, сюда рысью прыгнул Ларка с окровавленным камнем в руке, и Лёнчик некстати заметил, какое же у того бешеное лицо… и впрямь, это охотнику кровь не в диковину — а кузнецу несладко.

Он отпрянул, подался назад почти в тот самый миг, когда у самого носа что-то мелькнуло. Багровая от натуги харя святого воина брызнула красным, раскровянилась, и вместе со сдавленным воем вздулись нелепо-розовые пузыри. А Ларка примерился вернее, и одним ударом вмял то место, где ещё миг назад было человеческое лицо, куда-то глубоко в глухой кожаный шлем.

Миг-другой они прислушивались к тишине, дико глядя на забрызганные кровью лица друг друга и слыша лишь гулкое

буханье в висках и своё еле сдерживаемое надсадное дыхание.

— Уходим, по ручью, — Лёнчик опомнился первым, но кузнец жестом остановил его и принялся что-то быстро шуровать у тела первого солдата, навек затихшего с перемолотыми в капкане ногами и раздробленной головой.

Снимать доспехи было бы слишком долго, а оружие солдат интереса не представляло — короткие дубины с обмотанными войлоком головками. Оружие не солдата, а работорговца — чтоб товар не попортить, значит. Зачем против селянской скотинки сталь?

— Тяни! — и вцепившиеся во что-то руки охотника послушно дёрнули. — Теперь веди!

На ходу Лёнчик глянул на наполовину срезанные, наполовину оторванные медвежьей силой кузнеца добротные наплечи, и против воли улыбнулся. Хоть и кожаные — да с крепко пришитыми, редкими железными кольцами. Тут уж никто не посмеет засомневаться, будто отряд святого воинства ушёл безнаказанным, будет чем перед их милостью или капитаном их гарнизона отчитаться. А теперь, в самом деле — ходу, и поживее!

Да водичкой бегучей, да камнем студёным. Вот здесь дважды повернуться противосолонь, ещё и духу подземному уголёк из ладанки припасённый оставить, чтоб следок под низ утащил — никакому паладину, будь он хоть трижды благословлён, не сыскать следок родных этой земле людей…

Ладное место выбрано было когда-то для баронского замка. Хоть и поговаривали иные, что здешнее пограничье на самом деле самый глухой и паскудный медвежий угол — да что они понимают! Вид отсюда хороший, да воздух чистый. А главное, не приживались в здешних краях лукавые сердцем. Когда-то его величество король пробовал ссылать сюда бывших колодников, да только рукой махнул. Мёрли как мухи большей частью, куда сильнее нежели в рудниках или на каторжных работах…

Ларка недоумённо переглянулся с осунувшимся охотником рядом и поковырялся в ухе — да не ослышался ли он?

— То есть, как это померли?

Огненный дух виновато потупился. Бессменный капитан баронского гарнизона, верой и правдой служивший повелителям этих мест уже четвёртый раз, он только осторожно вздохнул.

— Да повелели их милость, чтоб после вечерней трапезы вас вызвать — рассказать что видели, да за верность поблагодарить… а сами отдохнуть соизволили. Да только, к ужину так и не проснулись…

Верно говорят, что духи огня не плачут. Все другие умеют — а этот лишь отвернулся, глядя как за стеной, где-то меж

Сигнальной горой и перевалом догорал закат. Так и стоял, мрачный и недвижный, лишь всё явнее в надвигающейся темноте светилось тускло-алым его естество.

— Ох как худо, как же невовремя… — опять засуетился было живой как ручей охотник. Однако, после внушительного толчка кулачищем кузнеца в бок, примолк.

Ветер окончательно уснул, примолк даже в этой высоте. Замер неподвижно старый линялый флаг над замком, а луна всё сильнее серебрила только в этом году обновлённый белым и розовым мрамором фасад донжона да крытую кокетливо блестящими пластинами слюды островерхую крышу. И оцепеневшему в каком-то полузабытьи Ларке некстати подумалось, что… а, это теперь неважно.

Совсем рядом хлопнула дверь. На несколько мгновений мелькнул дрожащий, красноватый свет факелов, и на стене появилась дочь прежнего барона. Худенькая, белобрысая — в чём только и душа держится. А глазищи огромные, как два бездонных тёмных озерца, что вот-вот прольются ручейками слёз. Да только, выплакала уже первое своё горе их милость Гражина, насилу служанка да старая няня выходили, чтоб перед людьми своими и духами гордость древнего рода не ронять…

— Их милость когда последний раз со мною говорили, пожелали этих двоих вознаградить или отблагодарить чем, — бесшумно поклонившийся госпоже дух огня вновь говорил гулким, чуть рокочущим солидным басом.

— Я всемерно уважаю волю батюшки, — голос совсем ещё девчонки оказался на удивление ровным, хоть и каким-то бесцветным. Ну да — успокоительными каплями от их милости разило так, что хоть нос зажимай…

Лёнчик пожал плечами и попросился в соседнюю деревню, где у него брат жил. Места там тоже для охоты знатные — ну, и на год ослобонить от всех податей. Госпожа Гражина лёгким кивком подтвердила, что всё так и будет — и молча перевела на задумчивого кузнеца взгляд двух бездонных озёр.

— У меня уже родни здесь совсем не осталось — да и кузнецов в наших краях как грязи, — Ларка дёрнул плечом и решительно вздохнул. — Мне бы вольный лист, ваша милость — хочу пойти в королевскую академию. Пусть выучат войсками командовать, голова у меня вроде не самая дурная. Да и, осенью через нашу Каменку… бывшую Каменку как-то караван проезжал…

Чуть поколебавшись он рассказал, как старый и совсем поседевший королевский магик всё приглядывался, как кузнец ладил новую подкову вместо совсем истёршейся по здешним

камням. А потом и обронил на прощанье, что вполне возможны некоторые способности к огню и какой-то там предметной магии.

— Так что, ваша милость, если не офицером, так магиком стану — коль попустят боги, светлым кровушки пущу вволю. Такая у меня мечта нынче…

Что ж, против решения избрать путь защитника родной земли маленькая баронесса Эшле в общем не возражала.

— Приказать бы тебя выпороть на конюшне за дерзость, вышибить дурь — да воля батюшки для меня священна, — тощая девица на самом деле только выглядела доходягой. — Но если и в самом деле дар имеется… кузнец ты и впрямь из лучших… а вполне возможно…

Дух огня вовремя напомнил, что эти двое даже пришибли пару солдат святого воинства — стало быть, куда как выделяются из обычной крестьянской серости.

— Хорошо, затра будет тебе вольная, — ледяным и тихим голосом продолжила их милость. — А пока, пошли оба прочь…

Перевели дух они только внизу у ворот, где два чадящих факела иногда роняли гудящие огненные слёзы. Охотник тоскливо почесал зад, словно тот и в самом деле отведал господской ласки, и покачал головой.

— А могла бы и в самом деле на конюшню… — пробормотал он с опаской.

— Да пойми ты, Лёнчик! — кузнец сгрёб того за грудки, так что ноги чуть не оторвались от выщербленных каменных плит. — Не могу я здесь больше — у меня всё Каменка перед глазами стоит. Хоть в петлю лезь… мы ведь по осени уже хотели с Милкой в ноги барону поклониться да испросить разрешения.

Тот, ошарашенный такой горячностью, пробормотал, что Милка и впрямь молодуха справная. Добавил грустно *была*, и кое-как отцепил свои лохмотья от кулаков кузнеца.

— Ладно, пошли где-нибудь приткнёмся до утра. Или в корчму?

Ларка вовремя вспомнил, что суме так по-прежнему и оттягивают плечо два медных бруса и серебряный *четвертинчик*. Потому первым делом направился в каморку управляющего и по совместительству казначея.

К его облегчению, старикан оказался на месте. Задумчиво он стоял у потёртого до прихотливых прожилок дерева конторки-бюро да просматривал с пером в руке какой-то испещрённый цифирью пергамент. На выложенные кузнецом на стол бруски чистой меди взглянул без особого интереса, хотя при виде серебра его задумчивые глаза приобрели какой-то другой блеск. А уж приметив хороший кусок малахита отменного качества,

управляющий даже всплеснул руками.

— Откуда на камне скол? — сурово поинтересовался он, когда ничуть не желающий попасть под обвинение в воровстве Ларка потребовал принять всё это в казну по описи.

— Да там желвак был, нарост грязный, — кузнец пальцем нарисовал примерное расположение известковой загогулины. — Я аккуратно отбил его, заодно и проверил качество.

А потом окончательно огорошил строго поджавшего губы старика, который весьма понимал толк в камнях, что малахит этот подарок и лежит на нём доброе напутствие.

— Не вздумай продавать, по любой цене продешевишь, — чуть понизив эдак доверительно голос, добавил он. — Закажи у хорошего мастера чашу или вазу какую для их милости — а из обрезков амулетов и оберегов понаделать, да бус всяких. Уж Гражину-то уберечь любой ценой надо…

Всего на миг вметнулся взгляд старого управляющего, встретившись с блестящими глазами доверительно наклонившегося поближе парня. Старик с задумчивым кивком пробормотал, что в самом деле — от камня хороший дух идёт, чистый. Не ворованный и не добытый в полночь на глухой дороге. Нет на нём ни крови, ни слёз — управляющий, как и большинство в здешних краях, что-то такое чувствовал или умел.

— Завтра их милость баронесса обещала выдать мне вольную, чтоб я отправился в королевскую академию, — старикан удивлённо взметнул брови при таких словах, но затем вздохнул — не верить кузнецу смысла не было — и заметил, что немного денег на дорогу парню в казне таки наскребёт.

И только тогда чуть повеселевший Ларка закинул на себя теперь почти невесомую суму да приобнимая плечи тощего охотника, зашагал по давно проторенному пути — наружу, через двор в ворота, а там недолго прямо и направо, точнёхонько к порогу корчмы…

Глава 2

Вот примерно после таких перипетий судьбы, через седмицу, перед бревенчатым срубом ворот полевого лагеря Королевской Академии Силы и Духа появился плечистый парень в потрёпанной одежде, с крестьянской котомкой через плечо и весьма независимой физиономией.

Надо бы тут отметить, что эта наглая и одновременно смазливая пейзанская морда весьма не понравилась стоящим на посту солдатам — но Ларка (а это оказался именно он) который раз благодарным словом помянул маленькую баронессу Гражину. Наутро выяснилось, что к вольной бумаге и тощему кошельку с пригоршней медяков прилагалось собственноручно написанное её милостью письмецо — оказывалось, что здешний полковник как-его-там приходился баронскому роду Эшле хоть и седьмой водой на киселе, но всё же родственником.

За пазухой на кожаном шнурке временами то подрагивал, то холодил кожу малахитовый амулет — чаровница Ольча, что часто появлялась при баронском замке, питала к кузнецу из дальней Каменки неизъяснимое пристрастие. Но вроде не совсем уж женское — наутро после исчезнувшей куда-то в хмельных парах ночи она неслышно объявилась из укутавшего подножие замка тумана. Одела на уходящего в низины парня собственноручно сделанный оберег, на миг обожгла щёку горячими мягкими губами. А затем исчезла в невесомом седом мареве так же неслышно, как перед тем и прявилась.

Между прочим, из осколка того самого малахита — и как раз с того места, что так Ларке приглянулось. С еловой в камне веточкой… каждый раз как рассматривал, так оторопь брала. Человек знающий ни за что не поверит, что такие диковины просто так в камне рождаются и что их ни с того ни с сего дарят людям бесплотные подземные духи — а уж Ольчу на таких делах и вовсе не проведёшь…

В ожидании, когда к воротам подойдёт здешний полковник с чудным имечком, Ларка расстелил в тенёчке на придорожном камне ветошку да принялся доедать скудные оставшиеся крохи. Лепёшка хоть мало отличалась сухой хрустящей крепостью от пластины слюды, а сало почти совсем закончилось, молодой кузнец втихомолку гордился тем, что по дороге сюда не истратил на соблазны и диковины ни медяка. Чуток еды с собой есть, вода в любом ручье найдётся — а если с водяницей словом ласковым перемолвиться, то ещё и целебная.

Чистому душою человеку любой лесной дух место под ёлкой

укажет, где ни дождь, ни сырость не помеха — а хорошему кузнецу в каждой кузне работа на один раз найдётся. Аккурат хватит на хороший ужин да сон на сеновале… Ларка с ухмылкой вспомнил кузнечиху из Семеринки, что на королевском тракте — ладная бабёнка едва до греха не довела, так вертелась вокруг да вроде ненароком задевала то рукой, то крепким бедром… и едва не поперхнулся последним куском.

Перед ним стоял самый что ни на есть настоящий офицер. Весь из себя важный, в алом с серым мундире, а на вороте кружева белы что твоя пена на перекате. И всяких значков, да шнуров витых позолоченных — ужас! И как неслышно подошёл — хоть Ларка особо и не крылся-сторожился, но всё ж как-то неловко вышло. И сползая неохотно с камня наземь, молодой кузнец вытер с губ крошки а с лица всякое выражение.

— Вижу, есть ты горазд, — голос у офицера оказался как у Сеньки с переправы. Вроде и ничего такого, но ежели рявкнет с этого берега на тот — все рядом, кто ухи закрыть не успели или не догадались, так без чувств в памороки и валились. — Письмо — и бумаги.

Ларка хоть и умел разбирать цифири — уж размеры кузнецу читать надобно — да кое-как понимал буковки, всё же подивился, как быстро дядька офицер дважды, внимательно прочёл вольный лист.

— Кровь на руках есть? — взгляд того лучился строгостью и недоверием.

И смущённый кузнец, зачем-то вертя в руках почти опустевшую котомку, поведал — как пропала деревня Каменка, и что приключилось потом.

— Двое солдат ихних, что на посту были, оплошали. Я им показался, да изобразил из себя неповоротливого деревенского увальня, вроде как в кусты с испугу упал. А Лёнчик перед ними самый свой сильный капкан поставил. Они за мной прыгнули чтоб, значит, схватить да награду получить… — он поморщился. — Ну, первому ноги потрощило, а второго мы заломали, да я ему булыжником из ручья обкатанным бошку-то и размозжил.

И совсем уж некстати добавил, что родни не осталось — а кузнец он справный, и вроде что-то такое с силами выделывать горазд. Но, надо чтоб королевский магик проверил…

— Как барон отошёл? — и вновь, не привыкший к долгим речам Ларка неохотно поведал, что их милость в тот день как услыхали про беду, так побелели весь, задрожали. Легли отдохнуть перед вечернею трапезой… да вот, проснуться обратно и не соизволили. В общем, легко отошли их милость — видать,

много заслуг за ними числилось…

Полковник Блентхейм за свою бытность народу повидал столько, что ух! Много их, разных прошло через его руки и всякие битвы. Потому он ещё раз нехотя осмотрел крепкого как медведь и в то же время ладного кузнеца.

— А отчего всё же не остался? Если хороший мастер, у него всегда будет и нос в табаке, и кошель не пуст, — он кстати набил свою трубку, сидя на камне возле стоящего перед ним молодого парня.

— Да тошно мне теперь там, ваша милость, хоть сам в петлю лезь, — мрачный голос кузнеца разом выдернул полковника из задумчивости. — Вот и отпросился у госпожи баронессы счастья в Академии попытать — если не на офицера выучиться, так на магика. Отплачу светленьким десятикрат, а там уж можно и с чистой душой под камень лечь, не раньше.

— На магика, говоришь? Что ж, может и есть дар какой, — полковник покивал головой, пыхнул духовитым дымком из трубки и добавил — хоть набор на этот год и закончен, но можно впихнуть новичка в девятый отряд.

— Да хоть в десятый, ваша милость! — Ларка просиял с просветлевшей физиономией.

Заслышав, что десятого нет, он сокрушённо почесал в затылке и пожал плечами. Выяснив, что офицер аж цельный полковник да ещё с чудным имечком Блентхейм, он всё же с первого раза сумел выговорить правильно звание-имя, чем немало того удивил.

Крепкие бревенчатые ворота вновь приотворились, и двое мужчин ступили на территорию Академии. Снова оберег молодого кузнеца предупреждающе трепыхнулся — не иначе как здешние ученики с Силой баловали…

— Прям-таки самому королю присягу принести? — Ларка сокрушённо вздохнул. — Капрал — да я ж его и не видал никогда. Встречу где, и не признаю по первости. Не оплошать бы тут.

Но старый служака за свою бытность повидал всяких остряков, и лишь засмеялся. Становись вот сюда, мол, деревенщина. Стой навытяжку, как перед своим бароном — да морду, морду почтительнее! А теперь повторяй за мной… да не голоси ты так, орясина! О, даже грамотке обученный? Тогда читай, да с чувством — их величество сидит высоконько на троне, они оттуда всё видят. И как раз на тебя сейчас свой взор светлый обратили…

Одежда Ларке понравилась, равно как и помывка перед тем. Волосы, правда, остригли почти налысо, так что по первости ухи холодило — но, как сказал капрал, так надобно. Если в голову

ранят, чтоб целителю легшее было. Что ж мы не понимаем, что ли…

И уже облачённый в серый с алым мундир почти без значков — с одними костяными пуговицами — Ларка в ожидании у крыльца своего капрала засмотрелся, как ловко десятеро здешних управлялись в сторонке с оружием. Да не с медным, как в их глухомани — сплошь серая да чёрная бронза.

— Почему не приветствуем старшего по званию, как положено? — ледяной и какой-то змеиный голос вырвал его из восхищённого созерцания.

— Э-э… а я тово, первый день сёдни, ваша милость. Не научили ещё, что тут и как, — Ларка скептическим взглядом смерил тощие плечи какого-то лощёного хлыща.

Того едва не хватил удар от такой наглости. Несколько мгновений он стоял и разевал рот как выброшенная на берег рыбина. А потом началось. Да так, что полной мерой досталось и подоспевшему капралу, да унтеру девятого отряда. Всю физиономию в крике обслюнявил оказавшийся поручиком офицер, а уж на багровой морде капрала Ларка чётко видел, что попал он нынче в какую-то передрягу…

Передряга тут, оказывается, называлась обыкновенной отсидкой в холодной. Лёжбища никакого не полагалось, и кузнец с кривой ухмылкой обозрел подземный мешок из грубо отёсаннных камней да охапку соломы в углу.

— Не переживай, красавчик — могло быть и хуже, — усатый и мордастый капрал сочувственно похлопал Ларку по плечу. — Кто ж знал, что поручик мимо канцелярии проходить будут… располагайся, а я пока похлопочу, чтоб отсидку на работы какие заменили — всё ж веселее, чем тут морозиться.

— Только, можно утром? — Ларка неловко себя чувствовал с пустыми руками и без дела. — Я сюда седмицу пёхом топал, притомился. Дайте отоспаться разок — а то с устатку ноги гудят и голова как котёл медный, ничё не соображат… сил никаких нетути.

Капрала прям-таки перекосоротило от такого — но всё же, усач оказался дядькой не злым. Кивнув, он захлопнул за оставшимся в одиночестве кузнецом хлипкую дверь, загремел засовом. Факел, правда, тоже унёс с собой — так что единственное, что узник первое время видел, это было оставшееся от огня пятнышко перед глазами. Но вскоре погасло и оно…

Река! Здесь когда-то текла река — сообразивший то Ларка чуть не ахнул. Уж не выросшему в горах парню, где камня куда больше, чем иной горожанин или пейзан за всю свою жизнь видал, унывать оказавшись в таком вот недоразумении.

Если бы капрал или тот, как его… поручик соизволили натрудить белы ноженьки да заглянуть в закуток карцера, то глаза их благородий полезли бы на лоб. Если не ещё выше — зрелище скинувшего мундир парня, что сидел на холодном полу из каменных плит, да ещё и плотно, всей спиной и даже руками прислонившись к стене, любого непривычного довело бы до сомнений в здравости рассудка. Если не этого парня, то уж своего точно.

А всего-то навсего, то называлось *вчувствоваться*. Если между тобой и камнем хоть какая помеха, ничего путного их того не выйдет. Если на сердце злое или в душе лукавое — тоже. Оттого и не открывались подземные недра перед всякими-разными, не приходили погреться возле горячей человеческой сущности бестелесные подземные существа…

Первыми прибывали полюбопытствовать духи камня. Или духи земли, как их иной раз называли. Правда, этот оказался какой-то слегка скособоченный — но Ларка приветливо улыбнулся и ему.

— Привет… — шепнул он даже не голосом — словно лункое эхо пролетело под землёй, высветив каждую прихотливую складочку камня или завиток диковинных пластов. Пришёл сверху чувствующий! Все, у кого нужда есть, подваливайте — если не поможет, то хоть посоветует.

Кстати, в Каменке таких оказывалось не так уж и мало. Симеон-рудознатец, старостина дочка — но та больше по воде. Травница и кузнец, те уж само собою. А ежели умеючи да всех проверить, то у столичных магиков от радости мог бы и удар приключиться…

Дух камня робко приблизился, покружил недоверчиво — но всё же прильнул. И Ларка привычно выгладил скособоченное подземными токами бестелесное существо, напитал душевным жаром до блеска. Наконец отпустил, похохатывая при виде очумевшего от радости духа. И такой благодарностью повеяло от бестелесного мальца, что парень на миг смутился.

— Да не надо мне ни камней самоцветных, ни тайн твоих, — настороженно поглядывавших сородичей его он обогрел и приласкал тоже. Всё-таки, есть что-то в *верхних*, отчего их хоть и побаиваются духи, но всё же тянутся к ним как ночные мошки к огню.

Следом прибыли полюбопытствовать двое духов воды. Эти завсегда так — если где под землёй полость образовалась или какое иное непотребство, после духов камня водяники заявляются. Напитать влагой или промыть, да мало ли чего учудят в этих вечных потёмках.

Против этих Ларка тоже ничего не имел. Поделился ощущением текущей и искрящейся на солнце воды горного ручья, передал привет от хвостатой водяницы из горного озера — и через несколько мгновений разулыбавшиеся и принежившиеся около него духи уже болтали меж собой, обменивались новостями — словом, вели себя как наконец собравшиеся после разлуки давние знакомые.

Последними обычно прибывали из самой глубины духи огня. Это если не было какой работы по их части или магик не вытребовал к себе по своей надобности. И даже один воздушный, которого за какую-то провинность тоже отправили на отсидку сюда в темноту.

Молодёжь тут же принялась водить вокруг Ларки хоровод, и от их тягучей, вечной как горы песни залечивались подземные трещины или каверны. Самоцветные камни прямо на глазах распускались в своих гнёздах и горели словно диковинные, никогда не виданные прочими смертными цветы. А трое малышей оседлали подземный ручей и теперь катались на нём туда-сюда, словно детвора с ледяной горки.

— Чуть полегче, — буркнул кузнец, осторожно приводя в соответствие со своими понятиями прогоревшего чуть не до дыр старого духа горюч-камня. Если кто-то наверху думал, будто парень закоченел до дрожи, то как же глубоко таковой ошибался! У Ларки на самом деле давно чуть не дым из ухов валил, а загривок и вовсе вспотел.

Водяные приволокли несколько глотков воды — той самой, что никогда не достаётся *верхним*. Не пускают таковое богатство духи ни в ключ подземный, ни даже сильным магикам не отдадут. Разве что силой или пыткой можно вырвать — но люди и сами не любят таких чародеев, которые всегда под себя гребут. Веку укорачивали таким старательно и умело…

И когда все подземные духи оказались обогреты и обласканы, Ларка наконец расслабился и *потёк*. Ощущение было такое, словно он то ли вплавился в камень чудным образом, то ли и вовсе стал из него состоять. Видел себя со стороны, всё соображал — а вот пошевелить ни рукой ни ногой не смог бы. Бывает оно иной раз такое, и в Каменке так умели многие. Правда, говорили о том неохотно, а уж перед чужаками и вовсе крылись, прикидывались олухами. Но если надо хорошо отдохнуть, заглянуть в землю или передать со знакомым духом весточку вдаль, лучше способа не сыскать…

Оттого и понятно, что заглянувший утром в камеру капрал поначалу впал в полную прострацию, когда обнаружил в углу недвижного и совсем холодного давешнего новобранца с

остекленевшим взглядом. Спасибо богам, что увлечённо беседовавшего со здешними духами Ларку кто-то из шустрых и всё замечающих молодых вовремя потеребил лапкой и указал *наверх*. Парень заметался судорожно, однако двое водяных подтолкнули его уже глубоконько увязшую в камне незримую сущность, иными называемую просто душой…

В верхний мир он вылетел как игривый хариус из ручья. Резко, с брызгами и восторгом живого, полного сил существа. Капрал и ещё один солдат из здешних отшатнулись, когда казавшийся уже совсем окочурившимся новобранец вдруг поднялся мягко и плавно, словно сытый медведь — а затем весело, с хрустом суставов потянулся.

— Ох и здоровый, — буркнул усач, уважительно глянув на литые плечи и крепкие руки. — Такой рубака на вес золота встал бы…

И ещё покачивая головой да недоверчиво поглядывая на вернувшегося с того света парня, он повёл его наверх. Утреннее солнце вовсе не ослепило Ларку. Хотя и согрело столь же приятно, как и немудрёный, но весьма сытный завтрак.

— Работы ты вроде не боишься, — он покладисто кивнул на эти слова капрала, по своей привычке очищая котелок последней коркой хлеба, и закинул ту в рот. — Пошли, есть тут как раз для тебя…

Баян, это оказался, к слову, вовсе не музыкальный струмент наподобие гармошки, как предположил было простодушный Ларка. Хороший такой крепкий ящик с песком и камнями, а понизу густая как щетина проволока. И две ручки по разным сторонам — чтоб таскать, значит, туда-сюда и чисто продрать выложенную из плотно пригнанных плит площадь перед штабом. Правда, капрал назвал эту широкую и почти квадратную площадку плац. Но что совой о пень, что пнём по сове — разницы никакой.

Напарником оказался тощий и злой доходяга, получивший наряд на работы за неумеренное потребление хмельного накануне…

Жизнь потихоньку налаживалась. Ларка живо навострился различать офицерьё по званиям, одним только взглядом оценивая количество и расцветку шнуров да нашивок. И уже не подрывался всполошенно как препуганный заяц, когда кто из них проходил мимо. А уж при штабе и службах их как грибов в ведьминой роще после дождя. Тут главное что — вытянуться вовремя в струнку, с тупой рожей поедая начальство глазами словно красивую бабу, да рявкать погромче *гав-гав-вашество*, чтоб отстали поскорее.

Кстати, баб тут тоже полно было — большей частью не

воительниц, а по магической части. Особенно запомнилась втянувшемуся в покраску забора Ларке одна — вся красивая как лялька, да в розовом платье. Госпожа Велерина, старшая над всеми чаровницами.

Седмица прошла во всяких приятных и не очень развлечениях. Днём бывший кузнец работал, посрамляя зорко присматривавшегося унтера своим полным отсутствием лени да прилежностью к любому занятию — а потом ночью в каменном мешке трещал с духами да развлекался. Кому новый способ работы с медью объяснял, у кого и сам каким тонкостям учился. Улаживал споры и ссоры — и постепенно стал в здешних подземных недрах совсем своим. Что называется, своим в доску — хотя, что это значило, ни духи ни сам Ларка объяснить не смогли бы…

— Хорош гусь, — на породистой физиономии полковника Блентхейма брезгливость мешалась с недовольством, отчего его обкуренные усы слегка топорщились. — Сразу проштрафился, в карцер угодил — позорище, а не кадет.

Стоящий навытяжку Ларка хоть и изображал старательно эдакого туповатого сельского парня — однако нутром чуял, перед полковником такое не пройдёт. Ушлый дядька, в людях разбираться умеет.

— Теперь я, ваш-благородие, понимаю — отчего светленькие нас бьют как хотят, — для затравки проворчал он.

Проходивший мимо здоровенной ямы под фундамент, выкопанной самолично Ларкой, полковник уже собирался было идти дальше по своим делам, но всё же заинтересовался.

— Ну-ка, поделись соображением — наказывать не стану. Слово полковника Блентхейма.

Ларка мысленно попросил заступничества всех духов, каких только и мог перечислить. Да выдал забывшему от удивления даже раскуренную трубку полковнику такое, что тот надолго замер в задумчивости. Каждый второй офицер и унтер здесь просто дурак или дура — чинопочитание да бумажки почитают важнее дела. За седмицу он сам даже не прикоснулся к оружию или доспехам, не выучил ни одного приёма и ни одной военной хитрости из этой, как бишь её…

— Тактики, — негромко подсказал потемневший ликом полковник.

— Так точно, тактики, ваше-ство, — чуть кивнул Ларка. — Оттого и выходит, что как до драки доходит, так нашего солдатского брата светленькие побьют-повяжут легко. А ваш брат завсегда успеет на коне в тылы удрать. Бумага-то всё стерпит, там уж можно потом своё геройство расписать как угодно — глядишь,

за храбрость ещё и медалька или новый чин обломится…

Желваки давненько уж играли на скулах полковника — но он ещё сдерживался. Данное кадету слово офицера это не шутка. Да и, если гонор отбросить, этот сельский парняга из горной глухомани в некотором роде прав — всякого дуболомства, если не бардака, в армии хватало.

— Унтер, как закончит он котлован под фундамент рыть, сразу к оружейнику, магикам — пусть проверят да рекомендации выпишут. И заниматься!

Он небрежно подбросил руку к полевой офицерской шапке, название которой Ларка никак не мог запомнить. Откозырял, значит — а потом ни слова боле не говоря, с потемневшим лицом отправился в штаб.

— Слышь, паря, ну ты смелый, — проворчал унтер. Но, памятуя слова командира и начальника Академии, наказывать кадета не стал. Лишь проронил — чтоб к вечернему построению котлован был готов. И утопал куда-то по своим делам.

Угу, нашли чем напугать — крепкого парня работой. Ларка втихомолку огляделся, не видит ли кто? Оказалось, что ковырянием в земле на окраине территории никто не интересовался. А зря, наверное… если бы кто увидал, как из раскопа фонтаном вылетает земля и щебень, то подивился бы сему феномену до крайности. Ну, это если не знать про пособивших втихомолку парню духов земли. Так что, работу Ларка закончил задолго до. Успел лишний раз сходит помыться, благо тамошняя унтерша отчего-то просто таяла от его улыбки. Да повторно после обеда сходить заправиться в столовую — потому как захлопотанные повара своих не забижали.

Раз не поспел на обед, коль задержался на службе — получи пайку. Солдат должен быть накормлен, иначе с него какой спрос? Ларка скромно умолчал, что один раз нынче уже отобедал. И уминая наваристую пшённую кашу со шкварками, парень почувствовал, что такая жизнь ему уже начинала и нравиться. После деревенского однообразия всё ж лучше… на миг он вспомнил пепелище и горьковатый дух гари и жжёного мяса, да заскрипел зубами. Сколько ж можно вспоминать, жить прошлым?

Проходивший мимо подпоручик поинтересовался, что это такое с роняющим слёзы в пустую тарелку кадетом? Но получив ответ, что вспомнилась тому спаленная светлыми дотла родная деревня, разоряться не стал. Похлопал сочувственно по плечу да утопал по своим делам, сияя начищенными сапогами.

Ларка благоразумно напрашиваться на всякие дальнейшие оказии не стал. Как втихаря просветил капрал, умный солдат держится подальше от начальства да поближе к кухне. Поскольку

со вторым делом порядок наблюдался полнейший, он шустро взял руки-в-ноги да умотал обратно в котлован, где с чрезвычайно важным и занятым видом принялся то править лопату, то подчищать обозначенные вбитыми колышками с натянутой меж них бечёвкой стены. В общем, как заметила вскользь умница и хохотушка писариха из штаба, изображал имитацию бурной деятельности…

Полковник оценил то одним взглядом. Но лишь ухмыльнулся в ус и молча утопал. Унтер погрозил кулаком, втихомолку даже сунул тот кадету под рёбра. Но лишь чуть не сломал себе руку. И зашипев от боли, потащил Ларку наконец по всяким-разным присутственным местам. Чем только не пришлось тому нагрузиться на складах и в канцеляриях! Правда, полученная в арсенале шипастая бронзовая палица восторга его не вызвала.

— Недокованная, и вот тут трещина, — он ткнул чуть выше рукояти пальцем. — Сломается после одного лишь доброго удара.

Естественно — унтер тут же построил одинокого кадета в один ряд и одну шеренгу и начал развлекаться насчёт прославленных и лучших в королевстве оружейников. Но старый капрал с землистым от постоянного пребывания в арсенальных подвалах лицом притормозил того.

— Зажди орать-то, кадет дело говорит, — он повертел в узловатых ладонях оружие, всмотрелся. — И в самом деле, вот тут не проковано толком — а этот парень плечистый, может и впрямь поломать. Неприятности нам нужны?

Тот засопел хмуро, но всё же признал, что происшествия ему и впрямь без надобности. В конце концов, Ларка предложил завтра с утречка наведаться в здешнюю кузню, которую называли чудным словом мастерские, да поправить недоделку — начальству о том и знать не след. Меж своих порешать, в общем.

И нагрузившись опять всяким барахлом вроде одеяла, парадной формы да тонких книжек с чистыми страницами под названием тетрадь, Ларка сунул палицу подмышку да потопал вслед за унтером в казарму. Тут он и вовсе изумился. Чистота это хорошо, порядок тоже — но иметь свою собственную кровать, да ещё и в просторной комнате всего на четверых, это для бывшего кузнеца показалось верхом роскоши. Раньше-то приткнёшься где в общей избе, до утра перебьёшься, и то ладно.

— Всё, располагайся, знакомься — а утром уже и возьму в оборот, мало не покажется, — унтер погрозил какой-то тощей чернявой девице из кадетов кулаком и утопал в уже разлившиеся над Академией сумерки.

Единственное что Ларке не понравилось, это рожи вокруг. Девятый отряд оказался леший его знает чем — то ли бандой

несостоявшихся колодников, то ли психов, забракованных даже домом для скорбных главою. На месте полковника он первым же делом озаботился бы крепкой конопляной верёвкой да развесил всех этих на ветвях или всяких подходящих крючках… кое-как представившись этой разномастной ораве в большой комнате под названием красный уголок — хотя тут красной краской и не пахло ни в углах ни по стенам — Ларка утопал в комнату нумер двенадцать и принялся обустраиваться вокруг кровати под окном.

Как он узнал уже потом, место это почиталось едва ли не позорным — во всех остальных комнатах кровати специально расставили так, чтобы оно оставалось свободным. Но против свежего воздуха ещё вчера деревенский парень ничего не имел. Потому и не придал всей этой мути никакого значения. А зря, зря…

— Ой, какой красавчик, — манерный юнец игриво прижался к скорчившему недовольную физиономию Ларке, который что-то уже начал потихоньку соображать. Правда, мальчишечка, от которого разило дамскими парфумами и притираниями, потом долго пытался вылезти из угла — трясущиеся после хорошей плюхи ноги того откровенно не держали.

— Вы что тут, все из этих, вихлянутых? — проворчал он и обомлел. Оказалось, в девятый отряд как раз и определяли эдаких подвинутых на всякой гадости. Так что, если оглядеться и вдуматься хорошенько, становилось понятным невольное отвращение брезгливо относившегося к таким гнусностям парня. Про эти гадкие дела-забавы слыхали и в горной деревне, не совсем уж дикие…

— Так, отстаньте все, — он решительно хлопнул ладонью по колену. — Я не из таковских — а если ещё кто раз полезет, мозги свои со стенки отскребать будет сам. И вообще, валите… я седмицу в карцере да на всяких работах отбыл — объявляю отбой.

Как ни странно, больше никто за ночь потревожить его сон не рискнул. То ли эти извращенцы прониклись вескими словами кузнеца — но скорее всего, впечатлились видом юнца, которого им же и пришлось кое-как оттащить в его комнату да определить словно пьяного на кровать.

Следующий день оказался до предела насыщен новыми впечатлениями. Как оказалось, тут даже дают поспать до восхода солнца! Положительно, эта Академия бывшему кузнецу начинала нравиться всё больше и больше… после зарядки и завтрака Ларка подмышку со своим оружием навестил кузню. Ну, эдакие места для него и вовсе почти родными были. И пока сопровождавший его унтер точил лясы, отойдя подальше от грохота и чада, парень быстро сделал из своей неудобной палицы такую цацу, что и сам

улыбался, на неё глядя. Тем более что втихомолку стянул из угла брусочек оставленной без присмотра бронзы и добавил его к оружию для веса.

Уже проходясь напоследок малым молоточком по рукояти да наводя на неё окончательный лоск, он обратил внимание на воцарившуюся вокруг тишину. Трое здешних мастеров стояли вокруг, да ещё и разинувшие рты унтера — и даже по какой-то надобности заскочивший в мастерские подпоручик из штаба.

— Не врал, выходит — кузнец и есть, — усмехнулся старый капрал-мастеровой и внимательнейшим образом осмотрел быстренько-но-со-вкусом переделанное оружие. Он поцокал языком, восхищённо покачивая головой, и вздохнул. — Жаль, что решил пойти по военной части — металл ты чувствуешь как мало кто.

Ларка молча прикинул, что особых своих умений он не показывал — если бы переделывал палицу новым способом, то вышло бы вообще чудо. Уж бронза позволяла с собою выделывать куда более изумительные вещи, нежели медь… он пожал плечами.

— У нас в горах плохих кузнецов нету, — и настойчиво высвободил оружие из едва не вцепившихся в неё ладоней мастера.

Смущённо ощущая спиной взгляды из дверей кузницы, он быстренько ретировался за унтером. И началось.

Занятия по тактике, где он понял едва ли половину вообще слов, не говоря уж о смысле. Но кое-как записал в эту тетрадь зачарованным полковыми магиками пером, которое не надо было окунать всякий раз в чернильницу.

Потом история всяких битв и сражений, анализ видов войск и вооружений — это понравилось Ларке куда больше. Настолько, что читавшая эту нотацию — прошу прощения, вашество, лекцию — пожилая майорша даже улыбнулась настырному парню, задавшему пару не совсем уж тупых вопросов.

И уже после обеда, вышло самое интересное — занятия у всяких занятных устройств с оружием. Здешние двое унтеров скривили такие рожи при виде толстяка с новенькой, блестящей на солнце шипастой булавой. Но когда Ларка скинул мешковатый, совсем не по фигуре сидящий мундир да прилежно развалил своим страшным оружием пару мишеней-манекенов, те пощупали его мышцы и признали, что возможно, и удастся воспитать из этого крепыша крутого бойца. Голова у того вроде варила, да и руки вовсе не из задницы росли — при том, что работы с оружием не чурался.

— Странный ты кадет, — вислоусый унтер поправил Ларке

положение руки при отбое и кивнул — правильно, мол, продолжай. — Занимаешься в охотку, я-то вижу. Не считаешь оружие и доспехи своими злейшими врагами. Если хочешь, можем с тобой позаниматься на совесть… да по морде видно, хочешь.

Правда, затем унтера предупредили — если вздумаешь лезть со своими педрильскими штучками, руки-ноги переломают. Похохатывающий Ларка утёр пот и с самой честной физиономией заверил — ничего такого не будет. И не обращая внимания на взгляды кое-как, лишь бы для виду работающих с оружием остальных кадетов, продолжил превращать вертящийся столб с приделанными крепкими поперечинами в щепу. Занятное дело, почти как работать молотом — блок щитом, выпад.

Блок щитом, выпад… он так сосредоточился, что едва услышал окрик унтеров.

— Хорош изгаляться, орлы и орлицы! Проваливайте мыться да на ужин!

Сержант, всюду следовавший за своим отрядом словно хорошая наседка за выводком, прогавкал понемногу уже становящуюся привычной команду — и потная, отдувающаяся толпа кое-как построилась да проследовала за ним. При виде новобранцев встречные чины кривили такие рожи, словно им наступили на мозоль… но до бани девятый отряд добрался без помех и, что самое главное, без потерь.

Четверть часа на помывку, это по мнению Ларки оказалось чуть ли не роскошью. Да к тому же, вместо настоя на корне мыльнянки здесь употребляли мыло — таковое дело он прежде и видал-то всего пару раз…

— Подвинься, здоровый, — в закуток, где парень с наслаждением уже смывал с себя честный пот да здешнюю пыль, скользнула чернявая девица.

В принципе, в Каменке бани тоже были общими — и никто ничего такого в том не видел. В них мыться положено, или же хворость в парилке выгонять — а любиться куда приятнее и удобнее потом, на широкой заждавшейся постели. Тех же, кто таких простых истин по дурости или по первости не понимал, изгоняли надвор нещадно — и ходили те грязными, пока в голове соображение не появлялось…

Ларка мазнул взглядом по тощей фигуре кадетки и отвернулся. Оказалось, напрасно.

— Замри, — девица оказалась совсем рядом — в слишком уж опасной близости.

Прижалась всем горячим телом так, что её бешено стукотящее сердечко едва синяки на рёбрах парня не поставило. А

нахалка мало того, ещё и погладила по щеке этак нескромно — а потом резко, с видимым облегчением отстранилась.

— Не соврал, значит, — она запунцовела так, что то видно было даже в полумраке. А сама с круглыми как у перепуганной мыши глазами прилежно уставилась на ту часть тела Ларки, что досталась в наследство от отца.

— Ну и как, удостоверилась? — парня отчего-то разобрала такая злость, что он едва не пролил воду из шайки.

— Прости… если совсем невмоготу, можешь… но мне это удовольствия не доставит, — девица виновато потупилась и отвела взгляд в сторону. Но по затаившемуся дыханию и отчаянно закушенной губе Ларка отчётливо понял — та уже готова вылететь отсюда с таким заполошным воплем, что в армейскую баню сбегутся не то что здешние офицеры… сам король на коне прискачет.

— Ну, и зачем тебе это? — парень напоследок облился почти ледяной водой, и девица с визгом отпрыгнула от холодных брызг.

А всё же, та оказалась отчаянной — на Ларку уставились огромные, чёрные, почти бездонные глаза.

— Вечером в трактире ничего хмельного не пей. И ещё, переселяйся в нашу комнату — иначе свяжут ночью сонного и… своим сделают, — еле слышно выдохнула чернявая на ухо и исчезла из закутка едва ли не раньше, чем парень успел что-то осознать.

Хм-м, выходит, от страха сердечко стукотело? Он вспомнил её роскошную светловолосую подругу и с отвращением сплюнул от представленных совместных картин.

Ну, полковник, ну удружил!..

Оказалось, чудесам нет предела. После бани и ужина унтер в самом деле повёл отряд в питейную. Ларка поначалу дивился — всюду чистота, да зеркала. А потом подумал, что как ни обставляй меблями да бархатом, а кабак он и есть кабак. И припомнив предупреждение девицы, хмыкнул. Уж враки всё насчёт "пьян да умён — два уменья в нём". Настоящий мастер не пьёт, да и по бабам не особо ходок. Весь жар души в дело уходит.

Мешает оно, понимаете?

Правда, зачем-то унтер выстроил всех напротив стойки и заставил ругаться — да в своё удовольствие. Досталось и ему, и офицерам, и даже (тс-с!) самому королю. Зачем — а чтоб в пику светленьким, коими запрещались всякие злоупотребления. Ларка тихо посмеялся, не без удовольствия напоследок проорав вместе со всеми, что мы дескать, силы Тьмы, и вообще за нами будущее — и наконец, оказался допущен к стойке.

Так он и сидел в уголке, коротая вечер за кувшином молока и

блюдечком семечек. Руки ощущались непривычно пустыми, зато в голове от сегодняшних учёных лекций просто-таки гудело. Поглядывал иногда на сгрудившуюся в центре компанию, где играли на раздевалки — на жалованье или что-то ценное запрещалось — да потихоньку наливался молоком. Хоть и жидковатое, не в пример горному… но всё ж лучше пива или крепких зелий.

— Слышь, новенький — не хочешь счастья попытать? — Ларка криво ухмыльнулся и отрицательно покачал головой. Уж таких вертлявых бестий, которым карты к пальцам сами словно липнут, он повидал и доверия к ним не испытывал ни малейшего.

— Без меня.

Потом двое подвыпивших доходяг из девятой комнаты подсели с кувшином, принялись выспрашивать насчёт былого. Но кузнец отвечал немногословно, с неохотой. Да и кому хочется душу выворачивать перед всякими-разными?

— Не, ну ты нас прям не уважаешь, — рыжий уже чуть косил спьяну глазами, но всё так же упрямо пытался Ларке налить.

А тот со смешком отводил руку, убирал свою чарку — словом, изображал из себя напрочь непьющего парня. Вообще, всяко оно в прошлом бывало, конечно. И всё же, кажный день мозги себе задуривать какой резон? Такие ни долго, ни счастливо не живут. А уж в таких суровых горах, как Медные — и подавно. И без того до старости едва каждый второй дотягивал… у Ларки мимовольно проплыло перед взором пепелище с отвратительно шевелящимся, словно серые и чёрные гусеницы, пеплом и он опомнился.

— Так, парни, не нарывайтесь. Что-то не нравится? Вон, пустые столы ещё есть, ступайте себе, — он демонстративно взял со стола пустую оловянную чарку и с лёгким хрустом скомкал в кулаке словно бумагу.

Медленно разжал ладонь, предъявил смятые обломки — и улыбнулся. Вот он я, какой простой парень! Рыжий даже передёрнулся да в лице переменился. Его товарищ, правда, не впечатлился, но с шумными протестами всё же позволил себя увести подальше.

Правда, ненадолго. Через четверть часа оба вернулись и, дыша перегаром, нависли над одиноко сидящим кадетом.

— Слышь, ты… — рыжий хоть и принял ещё на грудь, и вовсе не легонько, но последовавшее за этим грязное ругательство произнёс без запинки.

Ларка откинулся к стене и для вящего эффекта даже спрятал руки за спину. Ну, дуралеи — им бы просто и без затей заехать для начала ему в физиономию. А там уж, дальнейшее известно.

Фигушки вам, не начну первым… надо будет ту чернявую отблагодарить…

Почти висящий на плече рыжего напарник тоже проварнакал что-то этакое — правда, его намного не хватило. Ругань быстро стала тише и невнятнее, под конец совсем уж сведясь к неразборчивому бормотанию.

— Ну и? Что дальше?

Рыжий озадаченно хлопал глазами и сквозь застящие разум пары что-то никак не мог ничего взять в толк. Да за половину таких слов его бы уже долго и с упоением мутузили — но этого-то слона как прошибить?

— Э-э… — он ещё немного поизгалялся, на вдохновении пройдясь по Ларкиной родне.

Правда, не угадал ни сколечки — тот даже усмехнулся. Отца своего он не помнил, тот сгинул ещё до рождения сына. По слухам, вроде повстречался батя на горной тропе с незалёгшим на зиму косолапым, да что-то не поделили. Да и мать не совсем чтобы помнил — в сенной горячке сгорела раньше, чем сквозь сугробы в Каменку смогла ведьма или Ольча пробиться. Зимой-то в горах не шибко находишься…

— Всё сказал? А теперь кругом — и шагом марш.

Всё ж, рыжий оказался умнее. Обняв за плечи уже едва держащегося на ногах товарища, он проворно наклонил того над Ларкой и легонько сунул напарнику под дых… ну нет, в такие игры мы не играем. Мундир хоть и казённый, да за стирку его из своего скудного жалованья платить приходится!

Летели они оба долго и красиво — усевшийся обратно Ларка даже залюбовался. Тот, что весь в блевотине, даже в противоположном углу не пришёл в себя. Зато рыжему повезло чуть меньше. Из-под самой потолочной балки он неумолимо пошёл на снижение… и только сейчас глаза его расширились в понимании — падал он как раз на два сдвинутых вместе стола посередине, где большая часть девятого отряда затеяла большую игру в стрип.

Увлёкшиеся картёжники и зрители отпрянули, брызнули во все стороны с такой резвостью, словно на стол не тощий кадет рухнул, а влетел файрбол, который сегодня магичка Велерина показывала третьему отряду — и добряче так рванул.

— Ах ты… — плечистая деваха с косой чёлкой, которая вот-вот должна была сорвать банк и снять с парня из пятой комнаты штаны, вспыхнула в один момент.

Можно было даже не считать до трёх — потасовка разгорелась в кабаке быстрее, чем стог высохшей до ломкого звона соломы. Ларка только ухмылялся, глядя на это дело. Вот

уж… замах лошадиный, удар комариный. Он несколько раз отталкивал от своего стола слишком уж далеко выброшенных наружу из кипящей кулаками и сапогами драки, но в конце концов пришлось и ему паре-тройке ослепших от ярости забияк объяснить что к чему. Без чрезмерности, впрочем — зачем калечить?

Сенька-забойщик с околицы, тот и вовсе умел бить скот голым кулаком. Правда, сам не уберёгся — по весне шёл мимо запруды, полез двух провалившихся сквозь талый лёд детишек вытаскивать. Ну, вытащил… а себя не сумел. Ведьма потом тамошнюю водяницу прокляла и развеяла — правда, через пару дней сама же новую приманила и причаровала. Нельзя реке или озеру просто так быть…

— Всем стоять! Прекратить нарушать безобразия! — в дверях как по мановению руки возник тощий сержант с повязкой дежурного, да при нём пара магиков с поблёскивающими в предвкушении глазами.

Естественно, с неизъяснимым удовольствием тут же вломили и сержанту. Да так, что потом небось седмицу его целители пользовали. Даже одному магику пухлая и быстрая как вода девка из седьмой в ухо успела съездить. Понятное дело, те обиделись — и не успел Ларка размяться вволю да забросить на потолочную балку третьего кадета, как оба чародея проворчали какие-то заклинания.

И последнее что вспоминалось, так это просто неодолимая сила, что чуть не вывернула руки, заводя их за спину — а ещё туман, так и затемнивший сознание…

Ледяная вода плеснула в лицо так резко, то на миг просто стало нечем дышать. Наверное, сопроводили ещё каким-то чаровным словом — малахит за пазухой предупреждающе задрожал. Зато настырно жужжащие в голове мухи сразу куда-то подевались, а в глазах начало что-то проясняться.

Ларка осторожно облизал распухшие губы. Вот же сволочи… намедни он никому не позволил к себе прикоснуться — уж не этим городским доходягам тягаться с крепким парнем.

— Ну, рассказывай — как напился, как драку затеял. Весь девятый отряд на тебя указал, голубчик, — сидящий на табурете незнакомый надпоручик в расстёгнутом кителе даже не сделал вид, будто его интересовал ответ кадета. Он благожелательно покивал полковому писарю, и тот прилежно начал что-то строчить.

Тощий магик на той стороне стола разглядывал мокрого и спеленатого заклинанием Ларку с брезгливым интересом. Ну, держитесь, сучары…

— Докладываю, вашество — выжрал в кабаке все запасы хмельного зелья! Ну вот подчистую всё выхлебал!

Надпоручик всё же повернулся от окна, за которым третий отряд проводил репетиции по шагистике. Покрутив ус, он неодобрительно и в сомнении хмыкнул.

— Ну, все или не все… Сколько этот кадет на самом деле выпил? — офицер с вялым интересом посмотрел на магика.

Тот пренебрежительно усмехнулся — тоже мне, задачка! — и прошептал нужные слова. По стоящему у стены Ларке сверху донизу прокатилась изнутри огненная волна — а потом исчезла. Чуть не поперхнулся магик под конец, побледнел отчего-то — вскочивший надпоручик участливо подхватил его и даже легонько похлопал по щекам.

— Идиоты! — кое-как просипел тот. И то не раньше, чем осушил склянку услужливо поданной писарчуком воды и немного пришёл в себя. — Предупреждать надо… чуть откатом наизнанку не вывернуло…

Он ещё некоторое время старательно и глубоко дышал, прежде чем добавил — как минимум седмицу этот долбаный кадет хмельного даже в рот не брал, а вчера вечером только молоко пил. Потому-то не обнаружившее вообще ничего этакого заклинание и вернулось к пославшему его да едва не контузило.

Принявшийся было опять строчить протокол писарь из штаба от неожиданности едва не подавился своей промокашкой.

— Ни капли? — забавно было бы при других условиях наблюдать, как брови надпоручика сначала в изумлении полезли на лоб, а потом сошлись на переносице в раздумьях. Но, полковому магу из дознавателей не верить никакой возможности не было, потому офицер осторожно вернулся на табурет. — Ладно, возможно… говори дальше, кадет.

— Нажравшись в стельку, в одиночку напал на девятый отряд, после чего зверски его весь избил! — Ларка отвечал с непонятным себе злым весельем, но зато предписанным уставом громким и бодрым голосом.

— Врёт, — равнодушно уронил магик, что уже расстегнул воротник и с наслаждением обмахивался неуместно чистым носовым платочком — начало осени выдалось здесь на удивление жарким.

Офицер даже всем телом повернулся на своём табурете, тот аж жалобно заскрипел.

— Ну прямо тебе агнец кроткий… а рожу-то кто раскровянил? — он недоверчиво прищурился.

— Так точно, ваш-бродие! А потом, когда повязали, долго и настойчиво бился харей о кулаки сержанта!

Побагровевший надпоручик вскочил. Мельком он глянул на сделавшего интересную эдакую физиономию магика, и несколько мгновений лишь слышно было, как за окном унтер зычно и протяжно командовал свои ать-два-а-а…

— Так… а теперь шутки в сторону, кадет — что там случилось?

Ларка поморщился и демонстративно заворочался в невидимых путах. Офицер понял — один лишь взгляд на обязательного при допросе магика, и парень вновь почувствовал, как держащее его нечто мягко ослабло и наконец исчезло.

— Да ведь, ваш-бродие — я не из этих, вихлянутых. Местов не было, потому полковник и впихнул меня в девятый отряд. А вчерась эти хотели меня подпоить да… тово… не вышло у них, вот они со злости и передрались, — Ларка говорил нарочито негромко, вынуждая присутствовавших вслушиваться со всем вниманием, и даже чуть ли не дыхание затаить.

Между прочим, шутка людей знающих — барон покойный никогда при смердах глотку не драли, зато его и слышали все…

На этот раз магик действовал осторожнее — Ларка только фыркнул, когда зудящая и щекочущаяся магия заполнила его словно вода склянку. И после кивка помощника офицер только и сел на свой табурет.

— Ни хрена не понимаю, — признался он и развёл руки в стороны.

Забывший про свои писанину штабной бумагомаратель за столом тоже осторожно пожал плечами. Зато магик, при всей своей худобе, оказался вовсе не злым, как оно с такими иной раз бывает. Он призадумался на миг, а потом этак неопределённо предложил:

— Госпожа Велерина займётся девятым отрядом в последнюю очередь — это аж на той седмице. Но можно попытаться спихнуть это дело на неё…

Замотанный надпоручик уставился на того с таким умоляющим видом, что магик понимающе усмехнулся.

— Ладно. Кадет Ларка, за мной, — и не мешкая встал со своего стула.

И в то время, когда остальные кадеты парились над "числовной наукой, сиречь арифметикой", бывший кузнец под их завидующими взглядами прошествовал вслед за магиком мимо учебного корпуса на самый край Академии. Тут, возле небольшого аккуратного домика, выглядящего слишком уж изящным на фоне добротных казарм и корпусов, провожатый равнодушно уронил:

— Стоять здесь, кадет, — а сам с самой почтительной

физиономией постучался в выкрашенную в весёленький зелёный цвет дверь.

Что именно оттуда ответили, изнутри-то, Ларка при всём желании перевести не смог бы — потому что ответили какой-то магической пулялкой, от которой по спине сыпануло вроде как песком, а малахитовый амулет за пазухой возмущённо затрепыхался. Да уж, наверняка далёконько послала госпожа Велерина своего посетителя — тот скорчил постную рожу, но всё-таки вошёл. Через буквально пару минут вылетел обратно, весь багровый и потный. И уже на ходу, вытирая платком физиономию, через плечо кое-как процедил.

— Заходи уж…

Оставшийся один на выскобленном до блеска пятачке перед дверью магички парень не спеша посмотрел на дверь чуть искоса. Как и поучала ведьма с Кривого урочища, да Ольча наставляла — сначала одним, затем другим глазом. Вроде бы, ничего такого особо зловредного на вход здешняя чаровница не навесила… хотя, по идее, должна бы. Уж к бабке попробуй сунься на порог незваным — добро, если вообще живым уйдёшь. Ага, тут тоже есть, не просто так под притолокой что-то алое мерещится!..

Дверь распахнулась, и за нею обнаружилась хозяйка — в неизменном пышном розовом платье и вся из себя красы несказанной. Правда, при ближайшем рассмотрении она оказалась чуть ниже, совсем уж небольшого росточка. Ну, тут дело понятное — дома на своих каблуках не ходит…. попробовала б ты, выдра крашеная, на этих костоломках по нашим горам пошастать… вот хохоту было бы!

Госпожа Велерина отчего-то оказалась не в самом бодром расположении духа — потому как зыркнула на разглядывающего дверной проём Ларку так люто, да ещё и подбоченясь, что другой бы давно сомлел.

— Ну чего там встал, дубина?

— Никак не можно входить, госпожа чаровница! — парень на всякий случай вытянулся перед этой куколкой во фрунт. — Больно уж поганые заклятья вы тута понамудрили. Ищите дурачков в другом месте.

Магичка сердито обозрела притолоку да порог, и её голубые глаза потемнели от совсем уж еле сдерживаемого гнева.

— Да что ты мелешь, деревенщина неотёсанная? Вот смотри… — она спокойно шагнула изнутри через порог. Ларка непроизвольно зажмурился… однако, никакая беда с этой белобрысой чародейкой не приключилась.

Зато едва презрительно задравшая нос Велерина вознамерилась ступить обратно, как неведомая сила вышвырнула

её обратно — да с такой неумолимостью, что пришлось парню поймать пролетающую кубарем мимо него магичку в охапку да осторожно водворить на ноги.

— Очуметь можно! — сквозь зубы процедила волшебница. Она пригляделась к притолоке, пошептала что-то — и с корнем выдрала багровую полосу тусклого сияния. Некоторое время с неудовольствием рассматривала это, а потом небрежно размазала меж ладоней. — Ладно, кадет, возможно я и впрямь немного переусердствовала с охранной системой. Входи, и не стой столбом под моей дверью, словно очередной воздыхатель.

Разумеется, тот не был бы самим собой, если б въедливо не заметил, что не дело простому кадету к знатной магичке подмазываться — и только потом, по прабабкиной ещё методе обозрев проём, шагнул внутрь.

— Цыть! — крупной вязки половичок возмущённо затрепыхался под ногами, когда на него по-хозяйски крепко стали Ларкины сапоги. Но, признав, что этого на кривой козе не объедешь, покорно улёгся обратно.

Хотя парень по простоте душевной полагал, что тут будет хоть отчасти похоже на избушку ведьмы или Ольчину комнатёнку, куда он частенько таскал то охапки пряных трав, то особо диковинные находки по части подземной. Нет, ни малейшего сходства — и даже дух другой. Резкий, щекочущий ноздри… Ларка таки не сдержался, чихнул.

— Ох и дрянью несёт какой-то — прошу пардону, ваше магичество.

Странно — но властная волшебница на миг смутилась.

— Ладно, ладно — то я красную серу просыпала… так что там приключилось? И не стой как армейщина, расслабься.

Пока парень в смущении кое-как рассказывал перипетии вчерашнего вечера, он успел цепким взглядом осмотреть переднюю комнату. Как учил Хведот, дай боги ему посмертия легшее — слева направо, да не метаться взглядом. Примечать главное, а непонятное на потом оставить, после обдумать. Уж по обстановке да порядку первое мнение о человеке составить можно… Стойка с цветастыми парасольками и сиротливо приткнувшаяся меж них бронзовая шпага, вешалка из оленьих рогов с плащом да этой, как её бишь — пелериной. Снизу две пары башмачков с сияющими пряжками и мягкие сапожки. Проход в унутренние покои, а по правую руку зеркало мало не в рост да полочки со всякой женской ерундой…

— О чём задумался? — голос хозяйки самую малость потеплел.

— Что ж, по крайней мере чистоту и порядок тут любят, —

задумавшийся Ларка едва успел спохватиться, чтобы не брякнуть перед её магичеством чего лишнего — ну их, этих баб, вечно у них крик впереди мозгов бежит…

Госпожа Велерина на пробу окатила гостя парой заклинаний, отчего тот неприкрыто почесал не совсем чтобы в спине да нелюбезно заворчал, а потом призадумалась.

— Хм-м, странно — полковник действительно ошибся. Такой красавчик, не обделён ни силой ни способностями… впрочем, бывает. Ладно, посмотрим дальше…

Дальше оказалось куда заковыристее и вовсе уж непонятно — но в конце концов отдувающаяся от усталости волшебница отступилась от вспотевшего парня.

— Да, учиться тебе придётся на совесть — огонь, камень и немного вода тебя слушаться станут. Духи их, то само собой, — госпожа Велерина словно маленькая девчонка фыркнула вверх, сдувая упавшую на носик прядку, и тут же спохватилась. — Покажешь что-нибудь, кадет? Ведь наверняка умеешь?

Ларка замялся и ответствовал в том духе, что старые секреты, которые в их деревне ещё от прадедов из поколения в поколение передавались, не дело посторонним показывать.

Волшебница засмеялась серебристым колокольчиком, и глядящий на ямочки на её щеках парень против воли задумался — сколько ж той на самом деле лет? С виду-то едва на двадцать, но что-то упрямо шептало, что ничуть не младше ведьмы с Кривого урочища будет. А ту ещё деды помнили всё такой же…

— Хорошо, дело твоё. Кузнецом был, говоришь? — госпожа Велерина проронила несколько слов, от которых сапоги кадета разом лишились даже последней пылинки, и пригласила на веранду — выпить травяного отвара и поговорить в более простой обстановке.

По пути в полутёмном коридоре (домик-то оказался с секретом — изнутри раза этак в три поболе чем казался снаружи) к Ларке подошёл еле слышно ступающий по ковру здоровенный белый пёс в чёрную крапушку. С шумом он принюхался было к гостю — но после одного только украдкой показанного кулачищи понятливо отпрянул и на всякий случай завилял длинным и по-крысиному тонким хвостом.

— Ого! Обычно Доги чужих не жалует, — улыбнулась госпожа Велерина и распорядилась колокольчиком вызванному полусонному служке, чтобы на веранду подали чай, плюшки и что к тому полагается.

— Попробовал бы он к Маньке моей так подкатить, — Ларка ухмыльнулся и посерьёзнел, прикинув — в каком же паскудном месте теперь томится её душа. — Уж ту заразу даже медведи

побаивались.

Госпожа Велерина уселась в лёгкое плетёное креслице и заинтересованно улыбнулась.

— А какой породы была твоя собака?

Ларка старательно сделал вид, будто обиделся.

— Как можно, ваше магичество? Какая собака? Коза — причём такая стервь, что не приведи боги!

Он осторожно примерился всем весом ко второму креслицу — оказалось вполне ничего, хоть и хлипковато на вид — а сам рассказывал, как ещё тем летом ведьма отправилась травы свои собирать в дальнюю падь. Да как на беду, в это время откель-то в ближний лес василиск прибился, приблуда этакая. То ли от своих отстал, то ли и вовсе выгнали…

— А наши старики давно приметили, что не могёт он козу так сразу в камень обратить, и всё. Уж на что упрямые и зловредные те твари — даже сам падший от них отказался, говорят. Так вот, староста и повелел мне взять Маньку с собой, да злыдню тому бородавчатому и подсунуть. Вроде как, одна вредность против другой нипочём не сдюжит.

Госпожа Велерина отчаянно хохотала, когда красочно расписывающий это дело Ларка добрался до конца истории — василиск запарился бегать за привередливой козой да заглядывать ей в глаза. А та, паразитка, скакала от него по бурьянам словно за ней волки гнались. Потом обозлилась, да как попёрла рогами на зверюгу!

— Тот молодой был или дурной совсем — тикать от неё. А мы с Хведотом в кущарях сидим да со смеху за бока хватаемся…

И когда наконец Манька загоняла по жаре василиска до того, что он с досады свернулся в клубок да сам в валун обратился, из баронского замка подоспела Ольча-чаровница. Чем надо посыпала, да трижды с наговором прабабкиным по солнышку обошла — тот на части и рассыпался.

— Потом полдеревни в сапогах из его шкуры ходило — ну вот ей-же-ей, ваше магичество! Я своей Милке лично у Ряхи-скорняка заказывал…

Волшебница утёрла глаза тончайшим батистовым платочком (ну, словно крулевна!) и восхищённо улыбнулась, покачивая белобрысой головой.

— Давненько я так не смеялась — но что самое интересное, ни слова не соврано…

Ларка с обиженным лицом вылез из кресла, нависнув над посерьёзневшей магичкой всем своим немалым по сравнению ростом.

— Зря вы так, госпожа Велерина — у нас лукавые языком или

душою не приживаются.

Та взвилась, словно за седалище цапнула, упаси боги, змеюка. Ещё только что голубые глаза сузились, по атласным щёчкам пошли красные пятна, а с прыгающих на личике губ раздалось почти змеиное шипение.

— Что ты себе, смерд, позволяешь?

Но Ларка уже осознал свою оплошность. Вот тебе, простофиля деревенский, вот тебе наука! Всё обман то был, любезничанье да кривлянье — не можно быдлу разговаривать как ровня с магичкой… он уже стоял навытяжку во фрунт, и как положено по уставу, преданно ел глазами начальство.

— Так точно, ваш-магичество!

Магичка чуть осадила назад и примирительно пробормотала:

— Ладно, проехали… — но ответом ей оказалось лишь молодецкое "никак-нет-вашество!"

Закусив с досадой губку, волшебница задумчиво обошла посрамляющего выправкой многих других Ларку по кругу.

— Жаль… кажется, я тебя потеряла… — она неодобрительно тряхнула своими кудряшками цвета переспелой пшеницы, обрушила словно неслышный удар грома тайные слова власти — и за перилами веранды вдруг погасло солнце.

Глаза чаровницы мягко и чуть слышно обжигающе светились — точь-в-точь как когда Ольча вытаскивала схватившего болотную лихоманку Михея. Ларка и Хведот тогда крепко держали ударившегося в корчи бондаря, а колдунья и Марьяна-травница таки сумели провести душеньку уже холодеющего мужика над самым краешком вечности — и таки удержали по эту сторону…

Руки волшебницы обвились вокруг шеи по-прежнему замершего словно на посту Ларки, а сама она мягко и в то же время настойчиво прижалась всем волнующим телом. Да так нескромно, что парень обеспокоенно подумал — не лопнут ли ненароком штаны на непотребном месте? Всё же, обошлось, не совсем уж дрянное полотно поставляли в королевскую армию.

— Непростой ты парень, — Велерина медленно, словно нехотя отстранилась. — Мало кто мог этому противостоять… хотя, я могла бы тебя сломать всё равно — даже амулет твой не помог бы. Но зачем?

Она невозмутимо подставила ладонь, и отшлифованная пластинка малахита сама выпрыгнула меж пуговок мундира наружу. Так ёрзала на крепком кожаном шнурке, так стремилась попасть в эту зовущую руку, что едва шею не надломила.

Ларка чуть не заорал с перепугу дурным голосом — на угольно-чёрном в этом сумраке камне весенним цветом сияла

еловая лапка, а в воздухе сам собою поплыл неповторимый аромат родных гор…

— Сильная ведьма его делала. Волос светло-рыжий, глаза серые и сердце неравнодушное. Олька или Ольча — не знаю, как по-вашему. Умелый мастер — хороший талисман — и камень добрый, — волшебница мягко улыбнулась. — Как видишь, я тоже не только фокусы показывать могу. Не держи зла, кадет. Уж очень хорошо ты простофилей прикидывался — а мне меня сегодня настроение с самого утра эти дуболомы в штабе испортили.

Уже почти привычно выслушав "не-могу-знать-вашество!", она легонько вздохнула и отстранилась совсем. Ларка мысленно восславил всех богов, каких только и мог припомнить — наваждение хоть и не сразу, но отступило. Но правду, пожалуй, тишком говорили меж собой старики, что лучше ведьмы или магички для полюбовных дел не сыскать. Ох и сладкая дамочка…

— Ну чем я могу тебя переубедить? Прощения просить не стану, тащить тебя сразу в постель это как-то даже пошло.

Велерина обняла себя руками, словно вдруг озябла в этой колдовской ночи. Нет, снаружи всё так же сияло солнце, и привыкший чувствовать его даже за самыми тяжёлыми тучами Ларка всё-таки мог с уверенностью показать, где как раз сейчас завис ослепительный глаз божества. Но это всё было как-то так, неубедительно — уж слишком плотная чаровная завеса отгораживала веранду от всего мира и его нескромных глаз да ушей.

— Ладно, это подождёт, — волшебница вернулась в своё креслице, а чайник под её небрежным взглядом сам воспарил диковинным образом и налил госпоже ещё чашечку травяного отвара.

Как на ладони госпожи Велерины объявился довольно приличных размеров удлинённый ларец, Ларка даже не приметил — да что там, бродячие магики на ярмарке штуки и похлеще откалывали… но волшебница вернула чашечку на стол (да не просто, а в блюдечко!) и откинула крышку.

— Раз ты кузнец — расскажи, что сможешь, об этом… рука волшебницы извлекла под постепенно проясняющийся свет тонкий кинжал.

— На стол покладьте, ваше-ство, — с отчего-то пересохшим горлом выдохнул не сводящий с оружия взгляда Ларка. — Нельзя такое из рук в руки…

На узкой грани блеснул тускло-белым солнечный лучик. Железо. Да не простое, а холодное — оно никогда не знало жара горна и ужасов ковки. Не появилось в неистовой вспышке магии или по прихоти колдуна. Нет, такие вещицы вырастают в земле

сами. Медленно, словно самоцветы — и даже старый кузнец из Гречанки, который объяснял когда-то мальцу тонкости работы, не знал, как и отчего такие дела происходят…

Волшебница слушала, едва заметно кивая головой — похоже, это всё было для ней не новостью. Как и то, что такое железо куда прочнее и твёрже обычного, но ни точить, ни подвергать переделке такой клинок не стоит.

Ларка так и не прикоснулся к хищному узкому стилету с наборной рукояткой. Клинок больше походил на тонкий длинный кристалл, чем на обычный для кинжала — парень чуть пригнувшись рассматривал такое всего лишь пару раз виданное диво.

— Да вот, ваш-благородие, проклятие на ём лежит старое. С кровью, потому лучше за него не браться лишний раз, — он чуть покачал в неодобрении головой, обнаружив исцарапанное лезвие и даже пятнышко ржавчины.

— Сможешь поправить дело? — волшебница подняла голову, и парень подивился — какая тоска и безнадёга промелькнули в этих небесных глазах.

— Делов-то! Любой кузнец перекуёт. Проклятие с жаром уйдёт, но тогда будет обычное железо, хоть и очень чистое — не холодное как раньше.

— Так сможешь или нет? Без перековки, — глаза Велерины вцепились в Ларку с такой силой, что тот почувствовал будто его выворачивают наизнанку.

Он честно признался, что никогда не пробовал — но есть тут одна хитрая задумка. Если госпожа волшебница изволят рискнуть да при том заверят, что в случае чего наказывать не станут…

— Прохвост, — в полном несоответствии со своими словами, волшебница засмеялась счастливо и от радости вновь повисла на шее, да ещё и ножками в воздухе заболтала. — Даю, даю слово. Но если выйдет… проси тогда, чего хочешь.

Судя по едва мелькнувшей и тут же исчезнувшей улыбке Ларки — чего просить, когда тебя обнимает такая краля, тут и двух мнений быть не могло. Впрочем, зорко всматривавшаяся через глаза прямо на донышко души волшебница всё прекрасно поняла.

— Даю слово — никаких наказаний или штрафов. Когда? — и понимающе вернулась в своё кресло. Впрочем, и там вертелась как на иголках. — Ведь это фамильный кинжал. Мне от учителя, ему от его, а тому тоже…

Едва переведя дух после отшибающего всякое соображение женского обаяния, Ларка кое-как проворчал — полная луна вроде через две седмицы?

— Пятнадцать, считая с сегодняшнего, — волшебница с хорошо заметным нетерпением выслушала совет в вечер перед тем самым принести этот проклятый клинок да потом помочь немного.

— Ну, и погоду бы сделать ясную да тихую, — Ларке и самому интересно было — справится ли? Железо не вязкая и мягкая медь, оно куда более прихотливый металл. А уж тем более холодное — редкость, говорят, несказанная.

В общем, завёлся не на шутку. Да какой уважающий себя кузнец от сложной и почётной работы откажется? Есть возможность что-то совершить, да чему-то научиться — ну, и награда в случае успеха тоже лишней не будет…

А вечером того же дня, когда Ларка побывал в гостях у госпожи Велерины, в казарме девятого отряда появилась она сама. В неизменном розовом придворном платье, изящная и красивая, она казалась здесь столь же уместной, как роза в зарослях чертополоха. Но знаете, не всё то мягко, что мягким кажется — волшебница без лишних слов шарахнула в пол ослепительной молнией. Да так, что только обгорелые паркетины в стороны разлетелись.

— *Мальчики* налево, *девочки* направо… строиться, — пугающе-равнодушно процедила она, а потом загнула такую фразочку, что рты кадетов растянулись до ушей от восторга, а ноздри кадеток затрепетали от еле сдерживаемой обиды.

Но рыжий из девятой и тут решил выпендриться — это в каком смысле мальчики-девочки? Понятие-то растяжимое — ну, и напросился, ясное дело.

— Сутки гауптвахты — за нахальство и непонятливость… остальные, у кого мужского достоинства только и всего-то, что в штанах — налево. Сучонки с дырками меж ног — направо. Или что-то здесь нужно ещё разъяснять? — промолвлено это было таким ангельским голоском, с такою сладкой и многообещающей улыбкой, что мигом всё уразумевшие "девятки" выстроились как надо.

То есть, в две почти равные шеренги по обе стороны волшебницы. А та, проходя мимо замершего в почтительном оробении Ларки — молния была весьма хороша, вон какая дырища в полу — остановилась. Ласково погладила замершего кадета по щеке, улыбнулась. А затем, плотоядно обозрев остальных… гм, парней, словно кошка замерших в ужасе мышат, госпожа Велерина нежно мурлыкнула:

— *Мальчики*, если не приведи боги что случится — вы будете иметь дело не с судом чести, и даже не с полковником. А лично со мной. С волшебницей первого ранга Велериной дю Гранже,

кавалером ордена Огненного Копья… — после того оказалось перечислено немало ещё чертовски громких, пугающих иногда званий и наград, из которых Ларке особо запомнился титул королевской советницы. Между прочим, не обязанной подчиняться никаким законам, кроме веления своей совести и прямого королевского приказа.

Сказанного для левой стороны оказалось вполне достаточно. Хоть и коротко, но весьма красноречиво и доходчиво. Да и чадящая дыра в полу очень кстати всё-таки занялась огнём, и притопавший следом за волшебницей унтер деловито принялся засыпать начавшийся было пожар обработанным специальными заклятьями песком из ящика.

— Впрочем, если *девочки* присмотрят иногда, чтобы крыша от одиночества не поехала — к их участи я отнесусь не в пример благосклоннее… — и едва осознание смысла этих слов чуть приободрило изрядно струхнувшую правую сторону, волшебница удалилась из девятой казармы — красиво и величественно, словно королевский фрегат с громадой подсвеченных алой зарёй парусов…

Короткое сердитое жужжание от окна снова прервалось коротким щелчком, почти стуком в стекло.

Ларка скосил глаза и грустно усмехнулся. По ту сторону вовсю полоскал нудный осенний дождь, столь непривычный после яростных и недолгих гроз в родных горах. Да и при одном только взгляде туда, наружу, где второй и пятый отряды мужественно преодолевали полосу заграждения с магическими ловушками и ещё прадедовскими ловчими ямами с кольями, становилось как-то тоскливо.

Зато десь, в учебном корпусе, тепло и уютно. Потрескивала в углу изразцовая печь, пыхтели и сопели кадеты, решая доставшиеся задания. Ан нет — муха всё равно отчего-то рвалась туда, за прозрачную преграду.

Он хмыкнул при виде сонно замершего насекомого и вернулся к своим делам. Ну ладно — две сотни пикейщиков и две дюжины арбалетчиков это хоть какая-то боевая сила. Зато десяток лёгкой конницы просто курам на смех, в лучшем случае для разведки и дозора подойдут. Но как прикажете обороняться, когда на тебя прёт целый полк лёгкой пехоты?

"Эх, муха-муха — мне тут тоже несладко" — Ларка чуть повернул перед собой картонку с объёмной иллюзией карты местности, наколдованной магиками Академии специально для проведения занятий с молодыми пытливыми умами. На ней тремя колоннами бодро маршировал вперёд полк святого воинства — а его собственные жалкие силы бесцельно, словно в

сомнении топтались у подножия какого-то холма. Ну никак их командир не мог сообразить, что тут можно противопоставить почти пятикратно превосходящему численно неприятелю.

Муха от окна опять дала о себе знать басовито-зудящим жужжанием и, как и в прошлые разы, с тупым щелчком брякнулась о стекло. И точно так же, то ли сонно, то ли очумело принялась ползать.

Для разнообразия перевернув картонку неприятельской стороной к себе, Ларка почти улёгся головой на локти и изо всех сил попытался представить — чего бы мог опасаться или стеречься полковой командир светленьких в такой вот почти безнадёжной для *медников* ситуации?

Он уже проверил и перепробовал почти всё — и атаки, и маневры, и даже лихие обходные выпады. До одного места, уж слишком большой перевес… он прилежно высчитал время на преодоления расстояний, рекогносцировку местности — в принципе, если вот тут навалиться на одну колонну, можно её разгромить… но две других за это время успевали охватить остатки Ларкиного воинства в сплошное кольцо и раздавить без особого труда.

Дззз-шмяк! Ларка сочувственно улыбнулся сердито потирающей лапки мухе. Точно — и ты и я в примерно похожем положении… правда, проводивший испытания поручик заверил, что по крайней мере половина заданий "нерешайки" — но и в них возможно проявить своё тактическое мастерство да умение крутиться. Во всяком случае, карты местности были копией самых настоящих — а начальная диспозиция войск и их численность соответствовали многочисленным, прилежно зафиксированным стычкам королевских отрядов с так и ищущими брешь в обороне ордами светлого воинства.

Он покосился в другую сторону, где его чернявая соседка по комнате, Майча, уже почти нащупала вариант, как поизящнее добить попавший в пехотный мешок отряд паладина — вон он, блестит как капелька росы.

Стоило признать, что магики поработали на совесть — командиры противной стороны принимали вполне обоснованные и грамотные решения, панике почти не поддавались. А пребывающие при них святые отцы в случае чего беспощадно заливали господним гневом оплошавшие войска в медных и бронзовых доспехах.

Третья из их комнаты, белобрысая и весьма импозантная в кадетской форме Иренка, тоже справилась с доставшимся ей заданием — и теперь раз за разом перебирала варианты, чтобы добиться наименьших потерь. Её оба магика, занявшие

господствующую над долиной высотку, плевались огнём и молниями что твой рассерженный дракон, и обратившееся в обезумевшее стадо святое войско теперь избивали магией и оружием с двух боков…

Дззз! Шмяк!

"Да чтоб тебе!" — Ларка спохватился и вернулся вниманием к своей карте. Прижал пальцем и толикой магии залапанное пятнышко в одном уголке, и войска прилежно вернулись на исходные позиции. "Так… силой тут не прошибить — так может, какую хитрость учудить?" Он отправил заранее в тыл десяток солдат. Ну что ж, так можно изрядно сократить время и даже укрепиться вот на этой холмистой гряде по той стороне ручья. Солдаты разметят позицию, нарежут лозу и прутья для фашин, начнут земляные работы… сверившись по номограммам и графикам, Ларка чуть воспрянул духом. Пока основная часть отряда мягонько и избегая больших потерь сдерживала продвижение светлых, в тылу уже почти выросла вполне приличная для обороны позиция.

Эх, будь кавалеристов хотя бы полусотня — хрен бы эти так вольготно тут расхаживали! Неминуемо в каре и гусиным шагом, а ты знай грызи их со всех сторон да поливай магией. Святые молитвы хороши, но слишком неспешны.

"Если бы, если" — передразнив сам себя, Ларка поинтересовался взглядом — как там дела у толстой мухи? Та обречённо уселась в самом уголке стекла, и судя по всему, так и собиралась заснуть на зиму.

Дура!

Показав ей украдкой язык, хотя та не могла ни понять того ни даже оценить, кадет вернулся к карте. Да, явная нерешайка… некоторое время он лениво следил, как две колонны святого воинства из чертовски неудобной позиции в болотистом ручье пытались штурмовать его весьма недурственно оборонявшийся отряд — зато третья с небрежной уверенностью выше по течению форсировала водную преграду вброд. И потом спокойно ударила скованному боем королевскому воинству в спину. Вот и всё — всего лишь отсрочка, никак даже не ничья…

Стоило признать, что обучение в Академии оказалось организовано куда более толково, чем Ларка предполагал. Как сказал на вводной капитан Хоровиц из штаба, у королевства нет времени на все эти дурацкие лекции и штудирования книг. То всё старьё! Нынче магик быстренько погружал пришедший на обучение отряд в лёгонький сон — транс, как они говорили — а специальный чтец с хорошей дикцией за пару часов успевал при помощи соответствующего заклинания впихнуть в находящиеся

на зыбкой грани меж сном и явью умы целую главу или же боевое наставление, тонкости владения магическими энергиями или занудную "Философию духа".

Так что, проснувшиеся потом со слегка гудящей головой кадеты обнаруживали там хороший шмат уже улёгшихся на полочку знаний — оставалось лишь закрепить их на практических занятиях вроде сегодняшнего. Мало того, капитан заверил — усвояемость материала не зависит от лени или прилежания, наличия в головах кадетов мозгов или же дерьма… эй, а ну-ка, стоп!

Нет — СТОП!

Ларка разом очнулся от своих унылых созерцательных раздумий и теперь впился взглядом в неприметный, слегка поросший кустами холмик на отданной неприятелю без боя стороне ручья. Впереди уже кипело сражение, а сюда ради лучшего обзора забрался командир светлого воинства, его адьютанты и приданная пара святых братьев в неизменно серых, нарочито скромных рясах.

А ведь, у этих паразитов конницы нет совсем… и проверить лазутчиками это место они никак не успевали… дрожа словно в лихорадке, он быстро прокрутил движения отрядов и окружающих их словно мошкара дознатчиков снова — так и есть! Если заранее замаскировать на том холмике в жиденьких кустах хотя бы десяток плечистых парней… не без колебаний Ларка оставил там и самого себя в красивых бронзовых доспехах. Уж самый крутой боец в своём воинстве, как ни крути.

Есть! Едва успевшие вскарабкаться на возвышенность штабные чины тут же оказались атакованы. Ларка сразу повторил, усилив крохотный отряд парой ветеранов-сержантов и одним магиком. Хотя теперь основной массе войск доставалось куда сильнее — двое оставшихся там колдунов едва сдерживали яростные молитвы святош — но зато здесь отчаянные смельчаки во мгновение ока просто разорвали не готовых к такому удару штабных крыс. Уж не высоким чинам или святым отцам противостоять в ближнем бою рубакам и бравому поручику… ура!

Крохотный и ненавистный белоснежный стяг мгновенно упал, а бронзовый жучок Ларки без труда одолел серебристого муравьишку светлого воинства. Ведь по всем канонам воинской науки, если уничтожен командир с монахами и штаб, да ещё и захвачен флаг — это даже не победа, это полный и безоговорочный разгром. Хотя три смешавшиеся колонны у ручья уже почти смели с холмов горстку медно блестящих солдат, их собственное руководство бесславно погибло или оказалось захвачено.

Так и есть — над полем битвы просияло красивое ало-золотистое мерцание. Но совсем уж неожиданным оказалось негромкое мелодичное пиликанье, раздавшееся из клубка хитромудрых и пока не до конца понятных заклинаний на карте.

— Так, что тут за безобразие? — возле его стола как из-под земли появился проводивший практический экзамен поручик, магичка и неразлучный унтер с хорошей дубиной в руках.

— Победа, ваше превосходительство! — улыбка вставшего во фрунт и мокрого как мышь Ларки сияла ничуть не хуже, чем поднявшаяся над волшебной картой медно-алая радуга.

Тот снисходительно усмехнулся, кивнул — а затем на пару с магичкой повторил просмотр боевых действий обеих сторон, не забывая задавать массу каверзных и даже провокационных вопросов. Но последнее уж совсем зря — вчера Ларка под угрозой знакомства со своими кулаками заставил обеих девиц в двенадцатой комнате не кувыркаться этим вечером, а сесть и на троих ещё раз проштудировать учебник полевой тактики малых отрядов.

И как оказалось, не зря — офицер и магичка наконец переглянулись да почти одновременно, согласно кивнули.

— Что ж, молодец, — поручик сверился с номером карты на нижней стороне и, ухватившись за перо, принялся делать отметку в своём списке.

Однако, тут брови его нахмурились. Он зачем-то полюбопытствовал номером ещё раз — затем снова в сомнении порыл носом над списком, на этот раз уже вместе с волшебницей.

— Ого! — он выпрямился и зычным командным голосом распорядился. — Отряд-девять, за исключением этого кадета, строиться в каре!

Напрасно Ларка похолодел в предвкушении очередных неприятностей и подлянок! Едва успели подорвавшиеся как на пружинках кадеты образовать вокруг его стола какое-то подобие квадрата, как поручик торжественным голосом объявил — дескать, этот вот молодец сумел решить задачу-нерешайку. Нелогичным, противоестественным образом; при почти полном нарушении тактики и воинских уставов. Но, победителя не судят…

— Поздравляю, кадет! — офицер и магичка не скрывая улыбки пожали Ларке руку. Зато унтер с неприкрытым сожалением привесил обратно на пояс дубину. — Такое случается крайне редко, чтобы удавалось найти столь дерзкие и изощрённые ходы — но, девятый отряд в наборе этого года и в самом деле лучший.

Офицер добыл из специальной коробочки витой шнур —

после шёпота улыбающейся магички тот просиял медным светом — и навесил вытянувшемуся в струнку Ларке.

Первое звание! Пусть всего-то навсего старший кадет — но при выпуске это тоже означало плюс один. А значит, не просто ротмистр, а полноправный подпоручик. Офицер, белая косточка. И если хоть как-то проявить себя в боевых действиях, там можно дойти и до майора… а это, други мои и недруги, означало неминуемое пожалование его величеством дворянского пояса.

Каково для вчерашнего подневольного?

В девятом отряде уже было двое таких отличившихся: носатый умник из второй комнаты, которому прочили блестящую карьеру артиллериста — командуя баллистами и катапультами учебного платунга Академии, он неизменно повергал в восторг руководство и однокашников. И пышнотелая девица — та самая, что так залихватски въехала в ухо магику в тот памятный вечер. Кадетка орудовала магическими энергиями лихо, как полковой учитель фехтования, и её умение не раз ставилось в пример на построении отрядов.

И вот теперь, вчерашний кузнец… что ж, родные края и впрямь могут гордиться своим сыном.

Ура!

И всё же, когда после экзамена возбуждённо галдящая толпа кадетов принялась вытекать в дверь, Ларка украдкой шастнул к окну. Из ладони привычно после всего трёх занятий выплеснулась Сила — и муха лишь вздрогнула, когда её осторожно и с лёгкой грустью погладили чуткие пальцы.

— Спасибо, крылатая… пусть тебе тоже когда-нибудь повезёт…

Кстати, двенадцатая комната, куда давно переехал Ларка, оказалась под самой крышей. Со скошенными стенами и чуть тесноватая для четверых, она под впечатлением визита волшебницы мигом потеряла пару трусовато удравших юнцов — а на их место торжественно въехал бывший кузнец. Обитающие здесь Иренка и Майча — та самая, чернявая — с лёгкой улыбкой кивнули.

Правда, уснуть под их ахи-охи-чмоканья, да ещё и при таком сладком запашке разгорячённых девичьих тел, оказалось непросто. Но, промаявшись одну ночь и проворочавшись с боку на бок, следующую Ларка уже спал беспробудно — наутро унтер едва доорался своей побудкой.

Но сегодня… девицы о чём-то перешёптывались уже в столовой за ужином. Ведь обе сдали экзамен без особого напряга — благодаря вчерашним весьма убедительным аргументам парня, что позаниматься дополнительно всё-таки надо. И едва за окном

мокрый и озябший от дождя трубач проиграл *отбой,* как интересно охрипший голос Майчи мурлыкнул в темноте:

— Ларка, иди сюда… — девицы с самого начала обретались на широченной постели, образованной из двух сдвинутых парнем вместе и даже скрученных медной проволокой кроватей.

И под неуёмный шорох дождя по непромокаемой из-за заклятий крыше Ларка с весьма заинтересованнным ощущением где-то внутри прошлёпал через разделявший их проход. Сначала он ступил по обязательному для каждого кадета половичку у кровати, затем последовали выскобленные прислугой и чуть холодящие пятки паркетины, и наконец крупной домашней вязки почти коврик девиц. О ноги мазнуло мягкое пушистое тепло — то Майчин домовой выкатился из-под кровати и неслышно умчался куда-то на чердак…

Парень присел на краешек чуть белеющей впотьмах постели.

— Нет, иди к нам, — чья-то подрагивающая рука притянула его и даже сунула меж восхитительных девичьих тел на манер ломтика ветчины в бутерброде.

Обе проказницы прильнули с двух сторон, и некоторое время парень слышал только их дыхание на своих щеках. Потом Иренка содрогнулась от тихого хохота.

— Ужас какой-то — я и в постели с мужчиной!

— Бред, — согласилась со своей стороны Майча и тоже негромко захихикала. — Ларка, мы не потому, что магичка… Ну, хотим просто спасибо сказать — за то, что ты нас вчера заниматься заставил. И вообще — ты хоть и парень — но хороший.

И, получив в каждую щёку по чмоку, парень в самых интересных чувствах вернулся к себе. После хорошей работы можно и хорошо поспать?

Ларка повторил выпад. А затем, неприметно оглянувшись — не видит ли кто? — втихомолку выровнял изогнувшийся от страшного удара меч. Чёрная бронза податливо и послушно текла меж его пальцев, пока исковерканное недоразумение в ладонях парня вновь не превратилось в подобие оружия. Именно что подобие! Хоть оно и называлось "короткий меч стандартного образца", но в крепких руках кузнеца оказывалось чем-то несолидным, вроде кухонного ножа. Ни складу, ни виду — и первый же удар, что называется, от души, превращал клинок в кривую загогулину.

— Может, мне двуручник лучше будет? — хмуро поинтересовался он у подошедшего полюбопытствовать по поводу заминки в тренировке унтера.

Булавой Ларка уже орудовал просто на загляденье. Топором

тоже — уж за него-то сельского парня не надо учить, с какой стороны браться. Копьё, правда, не далось — любые самые прочные древки ломались как гнилые в крепких руках. Зато с мечом одна морока вышла. Хоть все и соглашались, что рубящим ударом меч, тем более бронзовый, не пробьёт даже дрянные доспехи — но полковник Блентхейм, к которому Ларка вместе с сержантом отряда отправился посоветоваться, пояснил:

— Если придётся с паладином святого воинства или просто офицером рубиться на дуэли, то по законам и традициям только на мечах. Так что, кадет — осваивай…

И вот теперь Ларка уже потерял всякое терпение. А унтер покивал с эдакой недовольной физиономией, но потом вытащил из-под прокуренных усов трубку да с кислой физиономией вздохнул.

— Да, тебе неплохо бы — но офицер с двуручником что бык под седлом. Совсем хорошо было бы бастард, но таких у нас в арсенале не имеется.

Парень живо напомнил, что кузнец он не из последних.

— Только покажите мне хороший клинок, или размеры хотя бы — за вечер сделаю.

Оба унтера, присматривавшие за площадкой для фехтования, посоветовались и согласились. Ещё бы! Ларка на правах лучше всех разбирающихся в таких делах поправил и сбалансировал оружие всего девятого отряда. Оказалось, что с этими вихлянутыми всё же можно управляться — как говаривал Хведот, кнутом и пряником. Так вот, теперь кадеты занимались на тренажёрах и манекенах куда прилежнее. Когда рукоять в ладони сидит как влитая, а оружие просто кажется продолжением руки, дела идут гораздо лучше — Майча со своими парными кинжалами и Иренка с копьём после первого же занятия на новом оружии пришли в такой восторг, что прилюдно выразили смущённому Ларке самую горячую благодарность и даже обчмокали его.

Там и остальные подтянулись. Поначалу робко, памятуя одну чародейку в розовом, но постепенно всё личное оружие девяток прошло через руки настоящего мастера…

— Да, а почему называют бастард? — Ларка недоумённо посмотрел на старых рубак. — Это ж вроде по-старому ублюдок, байстрюк?

Тот унтер, который с трубкой, с охоткой пояснил парню и подошедшим послушать соседним кадетам. Дескать, когда какой знатный рыцарь или граф входит к смазливой простолюдинке, от такого дела мальчишки обычно рождаются крепче и сильнее, нежели если с манерными да изнеженными их благородиями-

мадамами. Вот для таких крепких парней эдакие мечи и делают. Больше обычного, но меньше двуручника. Полт… плут… Тьфу, курва! Полутораручниками, в общем, называть неудобно — потому-то и называют бастардами.

— О, слышу — лекция об оружии, на свежем воздухе! Продолжайте! — проходивший мимо полковник отмахнулся от козыряний вытянувшихся кадетов и унтеров да направился было дальше, но тут старый ветеран окликнул того.

— Ваш-благородие, тут мысля есть! — и в нескольких фразах посвятил начальника Академии в задумку.

Тот, как и положено толковому командиру, соображал быстро.

— А что, для такого плечистого парня и впрямь самое оно будет. В музее Академии хранится клинок прославленного маркиза де ла Вуазье — как раз бастард. Разрешаю на четверть часа взять для обмеров под вашу, унтер-офицер, ответственность. Из здания музея не выносить.

Давно уже каждая собака в Академии знала, что эти два унтера только и остались живыми из первого отряда тогда ещё молодого поручика Блентхейма, потому тот и доверял своим людям как никому — и никто ничему тут не удивился.

— А пошли прямо сейчас, — тот, что с трубкой, хлопнул Ларку по плечу. — Зинни, пригляди тут за этой бандой розово-голубых. Мы быстро…

Клинок прославленного в хрониках Академии маркиза Ларке понравился сразу. Унтер показал, как его правильно держать и перехватывать при нужде за удлинённую рукоять с противовесом, и даже пару движений.

— Кажется, именно оно — правда, чуть легковат.

— Э-э, ещё бы — лезвие ж источено, — унтер закончил записывать размеры на имеющейся при себе восковой дощечке.

И едва он удостоверился, что кадет в состоянии понимать их, как поющий в крепких ладонях меч пришлось вернуть на витрину под зачарованное стекло.

А вечером чуть волнующийся Ларка ощутил, как истосковались руки по настоящей работе. Не разрушать — творить. Пусть даже орудие разрушения… поскольку от молчаливых зрителей, среди которых виднелось и розовое платье, в мастерских оказалось не продохнуть, он работал обычным способом — молотом и молоточками, чеканами и наклепами.

Тинь-тинь, перетинь! Помогавший ему мастеровой-оружейник лишь иногда придерживал раскалённую поковку да распоряжался вполголоса подачей воздуха в кузнечный горн. Ларка работал быстро. Ну не умел он вымучивать из себя работу, как жаловались

иные кузнецы. Работаешь как летишь — оттого и результат вышел такой, что вынутый из парящей воды остужённый чёрный клинок разглядывали в полной и даже благоговейной тишине.

Некоторые и вовсе не сумели удержать отвисших челюстей — меньше чем за час какой-то кадет отковал такую знатную вещицу! Сам господин полковник долго присматривался и примерялся, оружейники едва не до крика дошли — да как же таковое чудо сделать возможно? — однако, по бархатно-серому до черноты бронзовому лезвию стелилась от эфеса изумрудно-зелёная еловая лапка. И в самом деле именно что полутораручный меч смотрелся как-то на диво соразмерным, а притащенное на пробу поленце развалил просто играючи.

— Да уж, королевские оружейники от зависти просто рыдают… — проворчал напоследок унтер, задворками утаскивая Ларку из мастерских, откуда расходилась гудящая в возбуждении толпа.

Напоследок выклянчив, чтобы парень поправил и их собственные клинки, унтера пообещали — вот теперь он только и узнает, что такое настоящая учёба!

Ага, испугали мастера работой… легче ежа голой задницей впечатлить. Но и в самом деле — на следующее утро все преподы словно сговорились. Магики пичкали в очумевшего от усталости кадета целые тома из библиотеки, а потом всё приставали — то им радугу высвети, то духа примани… Ларка с досады собрал всех, что болтались тут на пару лиг в округе — и волшебники долго икали с перепугу, когда их окружила изрядная орава весело приплясывающих да чего-то вразнобой болтающих теней.

— А, ты же чувствующий! — госпожа Велерина, стоило отдать ей должное, сообразила первой.

Швыряться молниями и файрболами, правда, почти не выходило. Ну нельзя иметь сразу всё, хотя и хотелось. Зато гасить или отражать голой ладонью неистовые атаки волшебницы и подсобляющей ей пары магиков Ларка уже настропалился. Запросто получал из неописуемой дряни всякие хитромудрые алхимические препараты — а потом долго мучился, куда ж это всё девать?

Оказалось, что красную ртуть за будь здоров трескали духи огня. Потом, правда, исходили дурным воздухом, подпрыгивая и вереща с перепуга. Зато их земляные собратья за обе щеки уплетали и гремучую серу, и хохотучий туман. А за одну только кружку ядовито-зелёной светящейся дымки две водяницы из соседней речушки готовы были даже отдаться Ларке душой и телом — да вот никак, ввиду отсутствия последнего…

Но это всё так, по части Духа. А после обеда и получаса

больше похожей на смерть дремоты за кадета брались унтера — и вот тут-то он живо отбрасывал с себя сонливость и расслабленность. Кто-то шепнул ветеранам, что совсем скоро, под праздник прихода весны, в Академии состоится турнир фехтовальщиков среди кадетов. Приз — шнурок внеочередного звания.

И если кое-кто совершенно честно не выиграет… нет, о дальнейшем переменившиеся в лице унтера даже и думать боялись — а потому гоняли упражняющегося с оружием кадета, как два кобеля всегда и во всём виноватого кота.

А вечером он в каком-то мутном от усталости безразличии едва дополз до кровати — и едва ли осознавал, кто же именно, Иренка или Майча, сегодня ласково желала ему спокойной ночи.

На удивление, сны он всё же иногда помнил. Странные и нелепые — отчего-то неестественно чёрно-белые, они приходили словно неслышный удар грома. Властно обволакивали собою, и тогда вполне естественным казалось лететь невысоко над землёй, иногда чувствуя босыми пятками щекочущие стебельки разнотравья. Причём, именно лететь — соседки по комнате в смущени признались, что они-то во сне падают. Бесконечно падают в немом и каком-то клейко-ватном ужасе — и никак не могут упасть. Впрочем, кто этих девиц разберёт. Они и без того несполна разуму, а уж вихлянутые и подавно.

А наутро начиналось всё подряд. То до каждого платунга разобрать старое сражение у подножья Гномьего Кряжа, причём ещё и варианты потом на карте погонять, то чтец вдруг бухал в голову полный кодекс дворянской чести, да с этикетом и манерами — а вдруг пред ликом его величества когда придётся предстать?

Если когда и удавалось хоть немного прийти в себя — так это перед обедом, когда Ларка в мастерских изощрялся с инструментами, выделывая чёрт-те что, чего через полчаса и припомнить не мог. Но судя по ещё долго округлённым глазам унтеров, офицеров и магиков, выходило нечто из ряда вон.

Но всё-таки, однажды наступил момент, когда Ларка долго таращился в зеркало и никак не мог понять, кто же перед ним такой и что с этим парнем надо делать обнаружившейся в руках бритвой. Вроде и смутно знакомая физиономия, и вроде даже в дружеских с этим кадетом отношениях — но вот кто он и как его зовут, вспомнить решительно не удавалось.

И тогда две бестии — чернявая и белобрысая — бесцеремонно послали всех в и на. Погрузили пьяно пошатывающегося парня на свои плечи, и наполовину отвели, наполовину отнесли наверх, в отчего-то показавшуюся знакомой

и уютной комнатку под крышей. Уложили посреди широкой как плац постели, и даже сами скользнули по бокам живыми грелками.

— Не беспокойтесь, господин полковник — утром будет как огурчик… отогреем.

Зима наконец всё-таки пришла и сюда. По Ларкиным ощущениям, родные горы уже давно окутал снег. Однако здесь гнилая и слякотная осень всё никак не хотела уходить. Медлила, задерживалалсь в этих низинах, расположенных почти впритык к Каменным горам, за которыми лишь пустоши. И много-много орков… Впрочем зима не настаивала. Что вы, что вы — да бога ради! Тоже крутила носом, не спешила — но сегодня всё-таки заглянула в гости.

Ларка не удержался. Наклонился и зачерпнул полную пригоршню первого снега, задумчиво слепил комок. Улыбнувшись словно мальчишка, он прошептал тайные слова, что словно сами собою родились в голове. А потом размахнувшись, запустил снежок хмурое белёсо-серое небо и смотрел, как тот на самом верху полыхнул малиновыми искрами сигнального фейерверка.

— Эй, хозяин! — за брючину потеребило мягкое тепло, и парень тотчас опустил глаза вниз.

Каждому кадету полагался земляной или воздушный дух. "Ваше время слишком ценно, а обучение слишком дорого встаёт королевской казне" — припомнились слова полковника. Так вот, духи прилежно выполняли роль денщиков, адьютантов и вестовых в одном лице. Заставлять кадетов выполнять чёрные работы оказывалось слишком уж нерациональным расходованием времени и средств. Разве что в наказание…

— Да, малыш, я помню. Всё сделал?

Дух земли прилежно закивал. Впрочем, переспрашивать или проверять нужды не было — эти кажущиеся тенями существа и без того не отличались леностью и лукавством. А уж чувствующему и вовсе служили на совесть. И поскольку Ларка обещал тому отпустить на денёк в родные глубины, он просто погладил малыша по старательно подставленному подобию головы.

— Ступай, погуляй там хорошенько, — нынче у подземных намечалось что-то вроде встречи или фестиваля. Сборище, в общем — обсудить дела, посмотреть на молодёжь, обменяться новостями. — Да, прихвати с собой пакет гремучей серы, что под лестницей стоит. По моему запаху найдёшь… угости там своих друзей.

Дух благодарно запрыгал, заурчал. И прижавшись на миг к

своими же стараниями начищенным сапогам да отглаженным форменным брюкам, словно провалился под землю. Впрочем, именно что провалился — для них быть там куда естественнее, уж наверху они ощущали себя неуютно, будто рыба на берегу. Через миг он вылетел уже из казармы с рогожным свёртком на загривке. Почти сразу к нему присоединился ещё один — со здоровенной бутылью тумана-хохотушки подмышкой.

Ларка пригляделся — а, это тощего Заньки из шестой… на всякий случай ещё раз почтительно поклонившись маячущему у ступеней кадету, духи переглянулись и тут же дымком втянулись вниз.

Погуляйте там за нас, малыши…

Сегодня Ларку отчего-то освободили от занятий — ну уж явно не потому, что выучил поболе иных кадетов. Просто, как объявил капитан Хоровиц, теперь пойдёт специализация сообразно способностям и наклонностям каждого кадета. "Офицер или волшебник это не просто мясо для войны. Это самостоятельная сила, обязанная максимально эффективно действовать даже в случае отсутствия чётко поставленной задачи" И хотя это здорово входило в противоречие с дурацким принципом "служба в армии есть выполнение приказов начальства", всё же тупоголовых и прилежных исполнителей из кадетов не воспитывали.

Наоборот, заправлявшие в Академии всем и вся полковник и магичка в розовом всегда подчёркивали, что инициативность и осознание есть черта настоящего офицера или волшебника… Ларка снова попытался вспомнить, что же вышло в ночь полнолуния, и отчего госпожа Велерина всегда так менялась в лице, стоило только завести о том речь — но в голове обнаруживалась только некая звенящая пустота. Что-то такое лихое он утворил на вон том холме за речушкой, отчего магики до поры наложили на парня Заклятие Забвения. Малое, впрочем, и на том спасибо…

К казарме девятого отряда, где Ларка уже утоптал в ожидании снежок, подлетел на чёрном коне знакомый ротмистр из штаба.

— Ларка, чеши на проходную, там к тебе посетители! — и пришпорив выдохнувшего тугую струю тёплого воздуха жеребца, тот отсалютовал рукой с болтающимся на запястье хлыстом да умчался куда-то в сторону складов. А красиво смотрелся серый с алым мундир, да на лоснящемся чёрном коне, особенно на фоне слепящей снеговой белизны… и парень поймал себя на ощущении, что всего полгода назад он и слов-то таких не знал — да и вряд ли оценил бы эту красоту.

Размышляя над загадкой, кто бы это мог притащиться в расположенную на отшибе Академию по его душу, Ларка направил сапоги в сторону ворот. Кадеты не особо жаловали это место — уж непрестанная борьба руководства с желающими сходить в самоволку не прекращалась ни на день, хоть и шла с переменным успехом. Ушлая молодёжь постоянно находила и изобретала новые способы сходить погулять за стену. За то сильно не наказывали — так, больше для виду… но за особо ценные задумки даже и поощряли втихомолку. Уж безропотные овцы королевской армии не нужны. Такие и светленьким рыльце не начистят, и сами ни за понюшку погибнут…

— Ларка! — налетевшая буря теребила смущённого парня, обнимала-чмокала.

Рядом смущённо топтался смутно знакомый тощий мужичок в мехах, и Ларка не без труда припомнил в нём Лёнчика. А когда радостно визжащее нечто удалось отодрать от себя и кое-как рассмотреть, то оно оказалось взволнованной до неприличия Ольчей в домашней вязки безрукавке и серых полотняных штанах.

— Привет, вы как тут?.. — теперь пришла очередь смущаться тем — если охотник только кряхтел от медвежих объятий бывшего кузнеца, то получившая свою долю приветствий чаровница визжала и хохотала в своё удовольствие. Двое часовых под грибком, со скуки присматривавшиеся сюда, вынуждены даже оказались отвернуться.

Ларка не сразу оторвался от её прохладных и тёплых одновременно губ.

— Ой, извини, я ничего такого. Просто настолько рад… — он резко отодвинулся, отпустил притихшую Ольчу, почувствовав, как вдруг полыхнули в смущении щёки.

— Да… я понимаю, — та улыбнулась и знакомым жестом встряхнула головой, отчего её роскошные рыжевато-песочные волосы в меленькие пружинки разлетелись по плечам.

И вот так, обняв одной рукой упругий стан весело-беззаботной чаровницы, а другой тиская за плечи улыбающегося Лёнчика, Ларка приметил подошедшего к проходной поручика из штаба.

— А, из родных мест… — тот призадумался на миг, а потом махнул рукой. — Ладно, до обеда считай себя в увольнении. Но чтоб мне потом не пришлось за тебя краснеть.

В три голоса заверив господина офицера, что ничего такого не будет и вообще боже упаси, троица после отпускающего кивка белками ускакала по сугробам в ближайшую рощицу на холме — все трое куда свободнее чувствовали себя в этом поросшем

клёнами подобии родных гор.

Ларка сообразил из натасканного охотником хвороста небольшой бездымный костерок, пока хозяйственная Ольча, очаровательно сияя румянцем на щеках, доставала гостинцы. Особенно парень истосковался по домашнему, копчёному на можжевеловых веточках салу. А меж тем гости рассказывали новости.

Из столицы баронессе в помощь прислали полсотни кавалерии. Капитан-огневик посоветовал оставить их в посёлке при замке — по дорогам отсюда они могли быстро поспеть в любую сторону. Казарму и конюшни уже отстроили, так что светлых есть чем встретить-приветить. А ещё, королевский чиновник привёл из низин отряд поселенцев, как бы в компенсацию за потерянную деревню.

— А, больше половины бывшие колодники и воровки, — отмахнулась Ольча и запихнула в рот Ларке ломтик сыра — дразняще и остро пахучего на морозе, овечьего. Такого городским или равнинным вовек не попробовать, а уж тем более не оценить. — Хорошо, коль через год треть не перемрёт.

С другой стороны, если поселенцы всё же укрепятся на новом месте, пустят корни — помогать им в том будут неустанно — то глядишь, и будет толк…

— Место им отвели напротив Сонной Лощины, — добавил Лёнчик и лихо опрокинул в себя чарку.

Ларка кивнул — неплохое место для деревни, тихое и светлое — и тоже последовал его примеру. Уж ведьминская настойка, изготовление которой не давалось даже Ольче, ценилась вовсе не за крепость — кузнец разбирал в ней полдюжины травок. А уж сколько их там на самом деле, пользительных и не очень, только сама бабка и ведала.

— А, чуть не забыл! — раскрасневшийся и ставший ещё более непоседливым Лёнчик хлопнул себя по вязаной шапочке и полез за пазуху.

Оказалось, что после тех событий в Каменке он вместе с чаровницей прошёлся по следу так напаскудившего отряда святош — чтоб найти место и способ, как те проскользнули в тыл.

— Они через узость в ущелье псалмами над пропастью мостик намолили. А коням копыта войлоком обернули, чтоб шумом себя не обнаружить. Я там закрыла волшбой… той самой, прабабкиной — с гребешком и волчьим зубом, — Ларка против воли содрогнулся.

Уж он видел *это*, когда старая ведьма изгоняла из Тёмного Бора волколаков. Такое и захотел бы, да не забудешь — воистину, и врагу не пожелать. Тёмное, старое и напрочь недоступное

обычным волшебникам колдовство, оно пусть и выглядело блекло по сравнению с файрболами и ленточными молниями… но оказывалось куда более действенным, хоть и неспешным.

Но оказалось, что и это не всё. Того из двух незадачливых солдат, который оказался дальше от тропинки, земляные духи таки успели утянуть *вниз*. И с трудом нашедшая то место парочка потом тащила в замок почти пуд оставшегося от вояки железа.

— Так что, госпожа Гражинка теперь богатая невеста, — раскрасневшаяся на морозе и после чарки Ольча (а может, и поцелуй кузнеца до сих пор горел на устах?) усмехнулась. — Настолько хорошо железо пристроить удалось, что от щедрот её милость велела тебе подарок передать — мы это на той на тропинке случайно углядели, почти чудом.

В ладонях Лёнчика обнаружилась рыжая загогулина, в которой Ларка со всё возрастающим изумлением признал потерянную кем-то из коней светлого воинства подкову. Найти и подобрать такое считалось неслыханной удачей, не говоря уже про богатство. Да уж, не скупа госпожа Гражина, дай ей боги всего и вовремя! Парень осторожно повертел в руках добычу.

— А ведь, на хороший кинжал в самый раз, — выдохнул он, и на радостях снова полез обниматься. Если похохатывающий охотник сразу запросил пощады, то Ольча коварно подставила губки бантиком… и парень с хохотом прекратил свои поползновения.

Нехотя Ларка рассказал о своём отряде вихлянутых и их постельных забавах — но Ольча завертела отрицательно головой, отплёвываясь.

— Это самый лёгкий путь… но я отчего-то чувствую, что он не мой… и спасибо небесам, что не твой.

Туман вокруг медленно, словно нехотя рассеялся. У костерка обнаружился словно заснувший Лёнчик — вот он встрепенулся, и как ни в чём ни бывало продолжил свой рассказ.

— В общем, её милость повелела передать тебе подарок, — дальше выяснилось, что с традиционным в конце осени обозом, когда в столицу из баронства отправлялись подати, королевская дань, а также подарки нужным людям и чиновникам — в общем, с караваном отправились охотник и чаровница, получившие разрешение отлучиться ненадолго и проведать Ларку.

Парень неохотно отпустил замершую в его объятиях ведьмочку. Легонько чмокнул напоследок в чуть припухлый от слёз носик — и та столь же медленно, нехотя отстранилась.

Зато в ладони снова легла увесистая подкова. Перед своими Ларка решил не крыться — рыжая пыль ржавчины осыпалась клубящейся струйкой, когда тугой неподатливый металл потёк

меж соскучившихся по настоящей работе пальцев. И то, что ещё несколько мгновений назад было неказистой потёртой поковкой безвестного кузнеца из полночных краёв, вытянулось в полосу.

Железо оказалось с одной стороны куда прочнее и твёрже бронзы, а ж тем более меди — но с другой, есть что-то в этом металле особенное. Уж очень прихотливо оно воспринимало малейшие примеси, ничтожные завитки волшбы. И даже самые искушённые в таковых делах кузнецы или чародеи не ведали и десятой части всех его возможностей.

А металл тёк, выглаживался. Вот сверху руки Ларки легла горячая, истекающая сдержанной силой женская ладонь — и тот с благодарным кивком направил в поделку поток магии. Не повредит, уж зачарованный клинок куда лучше простой поделки. Внутренний слой вязкий, гибкий, весь напитанный упругой женской волшбой. Сверху второй, твёрдый — тут даже Лёнчик добавил пару капель Силы к умениям кузнеца. И лишь самый наружный Ларка облёк таким блеском уснувшего пламени, что уже потом долго и с восхищением рассматривал даже сам.

— Вот и всё. Похоже, еловая лапка это мой знак как кузнеца, — он выдохнул пар в морозный воздух.

В ладонях открылся небольшой ладный клинок. Узкий кинжал, хотя и потолще стилета. Не с лепестковым лезвием, но и не рыцарская мизерикордия — в общем, что-то не совсем обычное, но жутко красивое. Как и всё, впрочем, что последнее время выходило из-под рук молодого кузнеца.

— Мастер, — уважительно засмеялся Лёнчик и, в восхищении покрутив головой, добавил в почти прогоревший костёр несколько веток.

Ольча долго вертела клинок в ладонях, приценивалась. Даже шептала что-то, отчего оба мужчины то покрывались потом, то едва сдерживали желание почухаться пониже спины — уж при бабе-то никак не можно, а тем более при Ольче.

— А ну-ка… — чаровница добыла с пояса собственный, простецкий серебряный нож. — Кажется, с моего рукоятка должна подойти.

Ларка улыбнулся. Узорная, костяная с врезками рукоять Ольчиного ножа долгое время служила предметом восхищения и даже зависти окрестных мастеров. Покойный барон охотно предложил бы чаровнице хорошие деньги за неё — если б они у того в казне водились.

— Ну, спасибо — подарок от души это вещь! — оказалось, подошло почти идеально. Лишь пришлось снять пару тончайших стружечек да расплескать кончик хвостовика — и вот, по рукам знающих толк в таких делах пошёл сияющий смертельным

отблеском кинжал с кокетливо зеленеющей еловой лапкой на клинке да узорной наборчатой рукоятью.

— М-да — зуб даю, такого и король не постеснялся бы, — Лёнчик последний раз восхищённо хмыкнул, и вернул кинжал.

Вернее, хотел вернуть — Ольча вновь затормошила кузнеца.

— Да, ещё немного, и ты много чего сможешь… — кое-как отдышалась она и тут же кокетливо стрельнула серыми глазами. — Лишь бы тебя какая столичная штучка не окрутила…

Ларка шепнул в любопытно подставленное ушко, что для неё у него в сердце всегда место найдётся, и получив обиженно-кокетливый шлепок по груди, отпустил ведьмочку.

— Значит, так, — он неохотно отогнал от головы сладкий туман. — Когда я пойду обратно, зайдите с той стороны к стене. Там кривая сосна с моей меткой, приметная. Я тут тоже кой-чего припас… хоть и тяжело вам будет, но домой надо донести.

На заинтересованные вопросы парень с улыбкой ответил — да ведь, он зелья не пьёт и табака не курит. Но выдаваемый паёк исправно получал и обменивал на всякое-такое полезное.

— В общем, три больших бруска олова — рябой Бажик пусть бронзы наварит, — и заинтересованно блеснувшая глазами Ольча кивнула. Старый кузнец при баронском замке знал, как распорядиться таким богатством.

— Да две дюжины стальных иголок, у нас-то таких и не видали, — тут уже закивали оба. Из меди-то что за игла? Только батист или мягкий лён и шить… но оказалось, что и это не всё.

В библиотеке Академии износившиеся или случайно пострадавшие книги уничтожались смотрителями, а взамен них писари под чутким присмотром магиков делали новые. Но ушлый Ларка перемолвился словечком тут, подмазал подарком там — и теперь у него под изголовьем кровати хранилось несколько потрёпанных томиков.

— Но, книги и свитки тебе да ведьме, Ольча. И послушай очень внимательно, — в последнем напоминании нужды не было. Очаровательно румяная и подозрительно радостно поблёскивающая глазами чаровница была сама внимательность. — Здешние магики всё спешат, больше обращают внимание на результат — а вот отчего и почему то или иное колдовство работает, многие уже и забывать начали. Неспешно почитайте, разберитесь — мне кажется, эти торопыги много чего упустили…

Стоило признать, Ольча и Лёнчик согласно закивали. Уж если к древним, из поколения в поколение передаваемым знаниям добавить новый свет… это дело!

— Ну вот представьте — я, сидя на лодке посреди вон того

озера за холмами, смог при помощи обряда вызвать огненного духа, — оба гостя изумлённо переглянулись, а Ольча севшим голосом проворчала, что такого не умела ни она, ни даже старая ведьма… — Обряд простой — но вот как и почему он действует, нынче не помнит уже никто. Вот сядете и разберётесь.

Ларка обвёл охотника и чародейку внимательным взглядом, и над крохотной полянкой негромко раздался его волнующийся голос.

— Понимаете… эти, с их городами, войнами и показушным блеском — они пришли и ушли. А нам в глухомани надо силу хранить, и знания. Не настал ещё час… — палец Ольчи лёг поперёк губ кузнеца и словно замкнул их печатью молчания.

— Не здесь, — и оба мужчины понятливо кивнули.

— Ещё есть старая книга по травам и порошкам, что у нас не встречаются — но у купцов можно купить или выменять. И да, там одна дивчина набросала мне свиток — с погодой она управляется очень уж ловко… посмотрите, может, кто из наших сумеет.

Лёнчик восторженно затряс парня и даже пустился вокруг костерка впляс. Уж погода в горах это дело такое — если не управлять, то хотя бы предсказать, уже дело великое. Завсегда нужное, хоть путнику, хоть охотнику, хоть землепашцу или скотоводу…

Ольча мельком взглянула вверх и с неохотой выдохнула.

— Пора.

Погрустневший Лёнчик проворно разлил остатки сладкой волной колышущейся в теле ведьминской настойки.

— Что ж, Ларка — ты сильно изменился… но, скорее к лучшему, — они выпили по капельке жизненной силы не чокаясь. Уж не алкаши какие-нибудь. А потом молча, полные каждый своих раздумий, побрели в обнимку к бревенчатым меж каменных башен воротам…

Дух земли, что бесцельно околачивался под стеной, понятливо закивал. Тут же он обнял лапками здоровенный для него, полновесный брусок серого олова и словно провалился с ним под землю. Впрочем, почему словно? Именно что поднырнул без особого труда под мощный каменный фундамент с тем, чтобы тут же поплавком выскочить наверх с другой стороны. Туда, где Ольча под прикрытием не очень-то и широких плеч Лёнчика присела и лихорадочно распихивала по торбам и котомкам таскаемые малышами подарки.

Последним Ларка отправил два небольших, ладных бронзовых кинжала. Делал с любовью, думал кому-нибудь в подарок пару сотворить — а вон как пригодились. Будто как

чувствовал, что для хороших людей подойдут. Для людей ли? Он вспомнил, как четверть часа назад он кое-как оторвался от ставших вдруг огромными серых глаз чаровницы, в хмельном тумане соображая, что ещё чуть и случится непоправимое — и зачем-то спросил:

— Сколько тебе лет?

Ольча непонятно так улыбнулась, тоже едва в силах отвести подёрнутые сладкой мечтательной поволокой глаза, и выдохнула поначалу вроде непонятное.

— Сколько лет весеннему лесу?

Много — и ни одного. Уж Ларка знал ответ на эту немудрёную, ещё детскую загадку. Ох уж, Ольча! Знала ведь, что парень подумает. Ведь раскрылась напрочь — она лишь один листочек природы, но и природа есть часть её. Говорят, эльфы тоже такие — им тыщу лет прожить что нам плюнуть…

Вернувшийся дух притащил в лапках какую-то зелёную искорку — и вприпрыжку прилепил её на губы ухоронившемуся за стоящей здесь катапультой Ларке. Не узнать пахнущий горьковатой полынью чмок Ольчи было просто невозможно, и парень легонько улыбнулся.

— Спасибо, малыш — теперь отдыхай.

Обласканный и согретый горячей человековской сущностью дух запрыгал восторженным колобком — чувствующий поблагодарил его! Значит, он сделал всё правильно? Будет, будет чем похвастать перед друзьями во время посиделок у старого Огневика в известковой каверне…

Известно ли дамам и господам неверующим, отчего даже в богатом железом царстве полуночи иногда инструменты всё же делают из бронзы? В тех местах, где пожар страшнее гнева господня. Неужто сообразили? Да, всё верно — в отличие от гордого и прославленного железа, бронза при ударе не искрит. Не отлетают крохотные раскалённые брызги, не дают даже малейшей возможности полыхнуть беспощадному пламени…

Ларка отпрыгнул и привычно поставил блок. Сквозь зубы он глухо зашипел как кот — чёртов фехтовальщик всё-таки зацепил левую ногу. И теперь она горела словно в огне. Правда, и противник перекособочился от боли, потирая наверняка переломанные рёбра. А, ничего страшного. Перед каждым боем полковник лично напоминал — главное, не убить. Магики и целители вон они, наготове. Специально собраны лучшие чуть ли не со всего королевства, сразу закроют любую рану, залечат так что потом и шрамов не останется. Даже отрубленную конечность на место приделают — разве что не голову…

Долговязый кадет из четвёртого отряда фехтовал как бог.

Кончик его тяжёлой шпаги раз за разом мелькал у левого глаза парня, и только небесам оставалось ведомо, какими трудами удавалось его отвести или отбить. Давно и напрочь взмокший Ларка поймал себя на почти непреодолимом ощущении — даже если снести этому паразиту башку, движения его останутся всё теми же небрежно-выверенными и быстрыми.

Шпага оказывалась несколько быстрее бастарда, зато и отбивала удары того едва-два — лишь мелькали иззубренные клинки.

"Ничего, веточка, поправлю — будешь как новая" — парень встал в обратную стойку, положив свободную ладонь у основания клинка, и вновь почувствовал как от того во всё тело потянуло хвойной свежестью. Бастард откровенно оказался волшебным, хоть и не светился. По занемевшим от усталости членам словно пронёсся бодрящий ветерок, понемногу вымывая усталость.

Противник тоже замер на некотором отдалении, хмуро и сосредоточенно изучая взглядом соперника и прикидывая — какую бы ещё пакость тому устроить? Ларка особо в атаку не лез, зато огрызался так, что шпажист с воем насилуемого клинка раз за разом отскакивал обратно.

За пределами небольшого квадрата из лент, привязанных к эфесам традиционно воткнутых по углам клинков, стояла мёртвая тишина. На самом-то деле, там сейчас наверняка бушевала буря нешуточных людских страстей — но сюда не доносилось ни звука. По правилам, запрещались любые выкрики, неодобрение или поддержка. А уж тем более магические воздействия… но поскольку в запале зрители обязательно по широте души чего-нибудь так и норовили учудить, то волшебники Академии и накрыли ристалище особой магией.

Финал. Для кого-то одного из этих двоих проигрыш оказывался равносилен смерти. Победитель получает всё — вожделенный шнурок внеочередного звания дело такое, за которое, бывало, и жизнью рисковали… Ларка осторожно утёр заливающий глаза пот.

Конечно, выучили что его, что соперника на совесть. А всё же, нехватка опыта сказывалась страшно. Потому-то и вспомнились слова унтера, что плохонького ветерана нипочём не одолеет даже самый блестящий новичок. Впрочем, тут ситуация оказывалась на равных.

Он сделал крохотный шажок вперёд. Всего один — но первый. И того хватило, чтобы взгляд противника заметался с удвоенной силой. Какую бы гадость тот ни придумал, но и Ларка чуть поменял тактику боя…

И снова глухо запели клинки, снова в дюйме от поражения

засновали разгорячённые тела парней. С тем, чтобы после едва видимого глазом обмена ударами разорвать дистанцию. Вот уж, практически равны… и Ларка снова сделал шажок вперёд. Отвоевал позицию, как говаривал старый поручик Хоровиц.

Теперь не соперник, а он, он занимал середину квадрата и волен был гонять того и пытаться зажать в угол. Правда, сил оставалось не так уж и много — быстрые как змеиный укус колющие удары тоже потребляли просто уйму запасов.

Ещё один шажок — и выдержать, выдержать бешеный шквал атаки… как хорошо, что бронза не искрит! Не слепит, не отвлекает…

Ларка нарочито не смотрел в глаза. И даже на оружие противника вроде бы поглядывал небрежно, искоса. В ноги противнику смотрел, уж те о намерениях скажут обязательно и без лжи. Центр тяжести просто обязан помещаться меж точек опор. Парень едва не засмеялся — меньше года назад он не то что слов, даже понятия о таких материях не имел!

Ага, потивник принялся на хитрости пускаться. Начал плести обманчиво-красивые кружева, юлить и финтить — ну, это не ново.

Бой зашёл в тупик — противник оказался чуть сильнее в атаке, но и Ларкина защита выглядела несокрушимой. Тот каждый раз будто натыкался на прозрачную бронзовую стену, с лязгом отбивающую разгорячённый клинок и норовящую обрушиться навстречу.

Э-э, пёс тебя побери! Он так задумался, что едва не пропустил. Противник словно нырнул, застелился над вытоптанным до звона пятачком земли — и его клинок странно медленно двигался в наименее защищённый бок. И всё что успевал сделать похолодевший в туманном ничто Ларка, это принять удар на себя, сдержать порыв рвущихся и всё же не успевающих отбить выпад рук — но вместо того косо, на выдохе рубануть в основание оказавшейся внизу и прямо подплывающей под клинок шеи…

Странно… боли он не почувствовал — хотя явственно ощутил, как на спине затрещала разодранная ткань под жалом насквозь пронзившей правый бок шпаги. Только тупой удар… и холод где-то внутри. Отчего-то холод, хотя бронзовый клинок, казалось, должен был зашипеть от ярости, наконец захлебнувшись в человеческой крови…

И всё же, он сумел удержаться на ногах, нелепо покачивая торчащей из живота витой бронзовой гардой. С кривой усмешкой посмотрел, как всего в трёх шагах впереди целители и магики суетились над разрубленным почти пополам соперником. Наискось — от залитой кровью шеи и до пояса. Прости, парень…

победить тебя оказалось невозможно. Оставалось лишь надеяться, что и убить тоже.

На странно похолодевших ногах и с одеревеневшими в какой-то гнусной улыбке губами Ларка подошёл к столу, за которым вскочивший полковник что-то озабоченно и беззвучно кричал лекарям. Под шумные и какие-то мутные колокольчики в ушах он швырнул на устланную скатертью и бумагами поверхность свой истерзанный, но всё же испивший крови клинок победителя.

Стол, полковник и густая толпа за ним игриво уплыли вбок. А потом в глазах отчего-то оказалось лишь стремительно крутящееся небо. Вот оно надвинулось, набухло — и неслышно погасло в серой дымке.

Как же хотелось думать, что не навсегда…

* * *

Здесь никогда не бывает лета. Лишь раз в году проклятое богами солнце выглядывает чуть ярче сквозь тяжёлые тучи, что так и хочется потрогать рукою. Да и зачем этакие перемены здесь, на крайней полуночи? Царство бескрайних льдов да великолепных снегов величественно и неизбывно. Именно отсюда небрежная рука спускает с цепных поводков могучие ураганы — чтобы те с бешеным воем понесли свой хлад туда. Туда, откуда они уже никогда не возвращались.

Растратив всю свою ярость и обменяв мороз на нежность полуденных морей, они обращались в солёный бриз или ласкающий волосы ветерок. Забывались в тёплой неге под лазурными небесами, и лишь белоснежные барашки облаков иногда напоминали о былом.

А взамен, среди кружащих меж острых ледяных клыков метелей вновь выбиралась бестрепетным жестом одна. Та самая, которой и оказывалось суждено, обласканной морозами и оплодотворённой бураном, на следующий год полететь на полдень…

Он стоял возле глыбы прозрачного как стекло льда, больше напоминающего чудом залетевший сюда обломок чудесного дворца или же кокетливой башни какого-нибудь чудаковатого волшебника. У ног покорно стелилась позёмка, и так и выстилала безукоризненную белую дорожку.

Куда?

За мельтешащей круговертью ничего не было видно. Зато

словно насмешкой над всем этим ледяным безмолвием, на полнеба развернула цветные полотнища радуга, какой никогда не бывать в иных местах. Дерзкая и бесстыжая, она бесшумно переливалась и колыхалась, словно плод бессоных метаний напрочь спятивших чародеев — и никак не унималась. Сдёрнуть бы её оттуда, швырнуть в лицо.

Да кому?

Одна только мысль, будто в этом царстве ледяных кристаллов, посрамляющих своей правильностью построения величайших геометров, могло быть что-то живое и тёплое, казалась смехотворной. Белизна снегов запросто довела бы до отчаяния любую пряху — такового идеального полотна никогда не добиться даже магическим отбеливателем. Да и зачем… ничто иное не нужно здесь — а эта красота чуждой оказалась бы под жарким солнцем полудня, где буйствует жизнь, изощряясь в красках и трепетных формах.

Небесные радуги кокетливо сложились в узор. Прильнули зачем-то к горизонту — там, куда нет доступа никому. Да так и застыли переливающейся горой. Взвихрились бешеными искрами, застыли совсем. И разом опомнившаяся позёмка вмиг образовала мохнатящуюся восхитительно мягким инеем дорожку.

Туда, в алмазный дворец, куда никому не суждено войти. Куда невозможно даже дойти. Да и незачем, по правде-то говоря…

* * *

Отрывок из разговора неустановленных лиц, зафиксированного лазутчиком Святой Церкви на террасе королевского дворца медников в ночь весеннего равноденствия. Баритон пожилого мужчины, несомненно дворянина, и молодой женский голос с возможным акцентом уроженки восточного побережья.

— В каком он сейчас состоянии?

— Увы, пока без изменений, ваш…

— Без титулов, милочка! Продолжайте же, мы весь внимание.

— Целители уверяют, что телом здоров совершенно. Зато разум бродит неведомыми нам тропами. Да и недоступными тоже, чего уж тут греха таить.

— Мы так поняли, вы применили магическую пиявку?

— Даже две, ваш… простите. Я помню его, когда он появился

в известном вам заведении. Молодой, сильный… однако не то главное. Обычно к нам на обучение попадает всякая, извините, шваль.

— Извиняем — что есть, то есть. *(смешок)*

— Так вот… в отличие от остальных, он не просто крепко стоял на ногах — его уверенность в себе основывалась не на пустом месте. Он ведь мастер — нет, Мастер с большой буквы. Он сила сам по себе.

— Что ж, мы читали отчёт. И что?

— И выучить столь здравомыслящего человека чему-то новому оказывалось совершенно невозможно. Даже вредно — он всё воспринимал бы и преломлял через призму своего опыта и своих умений.

— Кажется, мы начинаем догадываться…

— И единственный способ оказался — выбить почву у него из-под ног. Надломить. Посеять неуверенность, ввергнуть в пучину раздумий. Заставить на время забыть о прошлом и стать никем.

— Помолчите чуть, дайте нам подумать… да, пожалуй, вы правы.

— Уболтать его заняться моим клинком было счастливой находкой. Даже не побоюсь сказать — гениальным озарением. Именно тогда, на холме, он раскрылся, я и навесила на него первую пиявку.

— А, помним, помним — кинжал холодного железа? И что же, помогло?

— Совершенно верно, ваш… да, он даже не заметил и спокойно провёл обряд до конца. Лишь потом я удостоверилась, что такому парню одна пиявка это так, вроде лёгкого насморка.

— Демоны были настоящими? Не просто сильные духи?

— Да, самые настоящие. Древние, могучие — и злые как не знаю кто. Признаться, я струхнула тогда. Хотя и заранее готовилась, копила силу, а за плечами мне оказывали поддержку два самых моих сильных и искусных ученика. Но парень заставил работать призванных из неназываемого — и проделал всё спокойно, будто каждый день только тем и развлекался.

— Быть может, он уже занимался подобным ранее?

— Никак нет, всё проверено — этот опыт был для него первым.

— Любопытно… нет, даже просто невероятно! Но прошу вас, продолжайте.

— К весне он снова упёрся в потолок, поставленный себе самим собою же. И после финального боя в турнире, когда почитавшийся лучшим фехтовальщиком кадет пришпилил

нашего парня словно жучка булавкой, я хоть и не без колебаний, но привесила вторую.

— Он проиграл бой?

— Противника его и вовсе сшивали по частям. Даже полковник удивлялся — развалить человека надвое бронзовым мечом, это что-то из ряда вон.

— Совершенно верно, милочка, совершенно верно — уж нам объяснять не надо. В молодости мечом намахались… И что далее?

— Далее… мы с полковником уже начали приходить в недоумение — проснувшийся разум парня требовал всё новых и новых знаний, умений и навыков. И тогда, вспомнив о его главных пристрастиях, из арсеналов Королевской Горки были вызваны два самых лучших, старых мастера. Кузнец и рудознатец — они успели впихнуть в парня всё, что знали сами, и даже кой-чему научились от него взамен.

— Признаться, мы никогда не поверили бы. Даже вам, милочка — хотя и питаем к вам безграничное доверие. Но, мы осматривали те два клинка и каминную статуэтку, сделанные парнем… нам так и хочется продемонстрировать их и удивить посланника гномов — мол, наши мастера не хуже ваших!

— А ведь он молод, ваш… простите. Это лишь первые шаги малыша, едва научившегося ходить. Ну да ладно… сейчас он находится в магическом изоляторе — на зыбкой грани безумия.

— Не сбежит, если что вдруг?

— Не сбежит. Всё обмуровано кирпичом, а не диким камнем, к которому он привык — а под внешним слоем облицовка из освящённых молитвами жрецов досок и брусьев. Ни он изнутри не пробьётся, ни даже духи снаружи не смогут подойти. И ни кусочка металла.

— Ну как же, помним. Когда удалось захватить несколько осадных башен и катапульт святош, полковник весьма настойчиво выпросил освящённое дерево себе… что ж, остаётся надеяться, что парень таки выкарабкается.

— Я же в своё время сумела… правда, только после одной пиявки. Гадость преизрядная…

(долгая пауза)

— И ещё одно, последнее. Как-то в мастерской, когда он переделывал клинок полковника, обмолвился он об одной мечте. Ведь такой металл как медь, очень восприимчив ко всякой магии — заклятья к нему так и липнут. И пробормотал он — а специально приставленные дознатчики прилежно записали — нельзя ли найти такую магию, чтобы сплелась с медью напрочь? Чтобы получилось нечто прочнее железа и даже гномьей стали?

— Хм-м… любопытно. Это хотя бы теоретически возможно?

— Не знаю, ваш… о, чёрт! Прошу извинить ещё раз. Мы в Академии ни о чём подобном не слыхали. И подумала я, сидя бессонной ночью над листками записей — если кто и сможет найти или сделать подобное, то только он.

— Да… тогда наше королевство сможет на равных потягаться с паладинами Света. Это тщательно скрывается, но… мы ведь потихоньку проигрываем это противостояние, милочка. Без железных доспехов и оружия королевская армия так, одна красивая видимость и есть. Только на талантах полководцев да на волшебниках кое-как и выезжаем. Долго ли так может продолжаться?

— Если что и сможет переломить и спасти подобную ситуацию, то лишь подобная счастливая находка — уж меди у нас навалом.

— Ну-у, есть ещё вариант "третья сила", и другие — там люди тоже работают не покладая рук… но, оставим это. В ближайшее время представьте нам свои соображения — что нужно и возможно, дабы превратить ваше "если" в "когда". А пока что, давайте сделаем следующее…

Дальнейшая запись беседы, прилежно запомненной послушником второго ранга (неразборчиво), стала невозможной ввиду смены караулов и обхода территории королевского парка. Лазутчик оказался вынужден уйти, дабы донести до святых братьев хотя бы эти ценнейшие крохи…

Конец первой части

К чему всё это? Великолепные дворцы и могучие королевства. Бескрайние поля и цветущие по весне сады, где бессловесные полурабы медленно, исподволь что-то выращивают и создают. Кружева изящных городов больше напоминают паутину, заплёвшую дыру в бездну, из которой неумолимо просвечивает неприглядное. Да и сама жизнь человеческая с её шахтами, арками мостов и балаганными представлениями шутов в королевских одеждах — только плесень.

Всего лишь плесень, охватившая корку хлеба и тем кичащаяся. И порою просто делается страшно от одного лишь осознания, насколько же то всё зыбко. Падёт ли всесжигающий небесный огонь, выступит из подземных глубин хладная вода — или же чья-то небрежная рука смахнёт всё это в пучину забытья.

И всё, что нам остаётся… да не так уж и много остаётся, Падший побери! Гореть искоркой во тьме — пылать, старательно поджигая безумным пламенем надежды другие искорки. С тем, чтобы в свой час раствориться в траурном бархате забытья — в долгом ожидании.

В ожидании света.

Летняя ночь властвовала над королевством словно незримая хозяйка. Долгожданной и сладкой завоевательницей вошла она неслышно. Не было силы противостоять, да и какая в том нужда? Всякому своё время. И только невежи да философы думают, будто ночь это всего лишь подобный краткой смерти перерыв в деятельности. Или всего лишь время отдыха…

Да, это так. И всё же, подобные определения страдают некой однобокостью. Согласно утверждениям геометров и полководцев, дорога есть всего лишь соединяющая две интересующие нас точки линия. Но есть и другое… дорога ценна сам по себе. Равно как бытиё наше тоже есть лишь кратковременный перерыв — меж рождением и смертью. Может, кому-то интересны начальная и конечная точки… а человек здравомыслящий храбро пускается в длинный или не очень путь под названием жизнь. От небытия до небытия…

В тот час, когда большая часть всего живого грезила во сне, стоило бы обратить внимание на королевский тракт, ведущий из столицы на восход, к морскому побережью и тамошним городам. Вымощенный в незапамятные времена широкими плитами

светло-серого камня и с тех пор непрестанно охраняющийся и ремонтируемый, он людьми знающими почитался одним из величайших достижений королевства. Ибо связывал сердце королевства с портами. А там уж… сотня лиг по суше, если по бездорожью, то расстояние немалое. Зато по морю так, сутки пути — потому-то купцы во все времена предпочитали водные дороги сухопутным.

И вот по этому тракту, немало облегчавшему и ускорявшему продвижение, двигался облитый неверным лунным светом серый жучок, влекомый парой полусонно пофыркивающих пегих козявок.

— Дедуля, проснись пока что, да притормози коников малехо… — неожиданно расслышал возница, неопределённых лет мужичок.

Прежде сладко дрыхнувший в наваленном сене парняга проворно и бесшумно словно кот перебрался на облучок. Сел, неслышно зевнув, рядом с подвинувшимся дедуганом — и приметил тот, как под правую руку словно ненароком легла рукоять добротного меча. Одетый лишь в узкие, серые офицерские штаны с рядами многочисленных пуговок вместо лампасов по бокам да белоснежную распашную рубаху, он быстро, но цепко огляделся и легонько кивнул.

Старик и сам в своё время оттрубил четверть века в седьмом кавалерийском. Всяко приходилось — но, выслужив в конце концов сержантский чин да три лишние дырки в теле, не осел на одном месте. Не лежала душа открывать постоялый двор или винокурню. А занялся он извозом. Да что с того, что все ветры, дожди и снегопады твои? Зато простор, которого так иногда жаждет душа — вот он. И дорогу сам себе выбираешь, с кем ехать, а кого просто отвезти…

Ларка слушал молча, иногда кивая или хмыкая в нужных местах. Больше всего ему нравились именно вот такие, несуетливые и знающие цену. Не себе — жизни и окружающему. Живущие вроде бы в сторонке, отчуждённо. Однако попробуй судьба или лихие люди учуди чего! Под сеном парень ещё в городе приметил ухоженный кавалерийский палаш с чуть потускневшим сержантским темляком, да малый арбалет… вообще-то, таковое гражданским строго-настрого воспрещалось. Да только вот, этот дедок с хитрым взглядом не из тех, кому оружие в лапках противопоказано. Знал, что такое порядок, старый шельма.

Тени на обочине, вроде бесцельно слоняющиеся просто так, на миг сгустились — и Ларка безотчётно похлопал по плечу возницу, тотчас легонько натянувшего вожжи и придержавшего

коней.

С сопением и пыхтением из ночи возникло нечто. Потопталось словно в сомнении у дороги, не решаясь ещё выйти из надёжной темноты под деревьями. Огромное и неповоротливое, оно запросто посрамило бы виданного в книжке элефанта высотой того места, кое так и хотелось назвать загривком.

— Сзади нас перейди! — неуместно звонко прозвучал в застывшем, напоенном лунным светом воздухе голос Ларки.

Громадная тень шарахнулась беззвучно. Однако, то ли ей до зарезу нужно было перебраться через дорогу, то ли и впрямь совет молодого поручика показался хорош — но через несколько мгновений звёзды позади заслонило нечто. Чернота молча перебралась через едва не гудящий от напичканной в него магии королевский тракт и неслышно ухнула в придорожную канаву на той стороне.

Не сговариваясь, у обоих мужчин зашевелились на поясах кошели. Миг-другой — и две серебрушки, поблёскивая и тихо звеня, улетели в словно чего-то дожидающуюся тень…

И всё сгинуло в то же мгновение. Всё так же серебрился под луною путь, молча спали клёны и тополя по бокам. Равнодушно перемигивались звёзды, а посреди замерла крытая телега с двумя трепещущими сердцами на передке.

— Трогай, деда, да ходу! — Ларка только сейчас ощутил, как занемела стиснувшая рукоять меча ладонь. И лишь долгое время спустя, когда никто из них так и не осмелился оглянуться, он поинтересовался — что же оно было такое?

— Да кто ж его знает, — словоохотливость дедка на миг проснулась. — Я уж почти десяток лет в этих краях промышляю извозом — порою привидится… всякое.

Словно спохватившись, он захлопнул рот, и до самой оседлавшей переправу малой крепости молчал. И лишь когда двое полусонных солдат глянули подорожные да бумаги и освободили выезд на мост, возница осторожно, через левое плечо оглянулся.

— Приметил я, как ваш-благородие за рубальник ухватились. Смекаете, помогло бы чем?

Многое мог бы сказать Ларка — но ещё куда о большем сумел бы умолчать в этой летней ночи. Как он едва не разломал голыми руками толстенные дубовые брусья подземной темницы — дым валил из пропитанного квасцами дерева, и даже искры сыпались. Именно тогда он вдруг осознал себя, очнулся из душного тумана, не выпускавшего из себя… оказалось, две седмицы.

Именно в то утро струхнувший и едва не лишившийся

половины зубов полковник прятался где-то в спальне у любовницы. Офицеры и магики разбегались суетливыми крысами — и лишь Велерина в обгорелом и чадящем платье стояла прямо, бледная и дрожащая.

— Ну не будешь ты меня бить-убивать!

Ларка швырнул ей под ноги обгорелое бревно, правившее ему за дубину — и на неверных ногах утопал в столовую. Именно там его и нашёл для храбрости принявший на грудь пинту старого вина полковник. И беседа та парню в общем понравилась. Не только за себя… в конце концов, всё для его же блага было сделано, если вдуматься. Но так, оказалось, сама Академия для того и придумана была, чтоб не просто мясо воспитывать — а примечать да возвышать людей умеющих…

— Да, старик, есть за душой умения — ещё прадедовы. Да и добрые люди кой-чему научили…

Старик хмыкнул, чуть воодушевил сонную поступь коней шевелением кнутовища, и поинтересовался — а почто ж тогда светленьких вояк не охаживает их благородие? И, скептически кивая, выслушал ответ — таких офицеров да магиков решено было сразу на фронт не посылать. Ведь сгорят они там как мошки, поодиночке-то. А вот накопить немного, да потом всей кучей на паладинов и натравить…

— Охо-хо! — возница захохотал, разинув к луне щербатый рот. — Да, это верно, шо ж я дурные вопросы задаю? Если крохами по одному эскадрону супостатов щипать, толку мало будет — но если их уберечь да в полк соединить, тогда можно будет знатную рубку устроить!

Дорога чуть повернула, огибая знаменитый на всё королевство Палец Великана. Почто бессмертные утворили такое диво, только им и ведомо — да только, торчащий из-под земли исполинский каменный перст указывал в небеса напоминанием… о чем? Да падший его знает — уж сильно в давние времена тут всё произошло.

— О, ну наконец-то! — возница встрепенулся. Сунул вожжи призадумавшемуся при виде диковины о своём Ларке, и принялся проворно взводить арбалет. — Господа разбойнички пожаловали.

Тут даже и особо магией ворочать нужды не было — парень и сам заприметил скользнувшие наперерез несколько теней да ещё две, что заходили сзади. Ну словно дети малые… Лёнчик, тот вообще позубоскалил бы вволю — как неумело те прятались и передвигались. В Академии Ларка здорово позабавился, объясняя поручику пластунов — да хоть как ты учи своих лазутчиков, а проку будет мало. Никакая выучка не сдюжит против тех, кто из поколения в поколение подобными делами занимается, и чья

жизнь именно от такого и зависит…

— Класть насмерть будем? Или за кого в городе награда, живьём привести надобно? — лениво поинтересовался он.

Старик с озабоченно нахмурившимися бровями пошарил под сиденьем, и добыл заботливо припасённые несколько листов.

— А ну, гляньте, ваш-бродие… — он сунул парню в ладонь настолько привычные объявления "Разыскивается преступник короны…", что на такое уже никто и внимания не обращал.

Полюбопытствовав прейскурантом и расценками, Ларка ткнул пальцем в одну из дожидающихся их теней.

— Вон тот похож… за него в городе, что у рудника, должны неплохо отсыпать.

Простенькое заклинание, которым должен владеть каждый не желающий попасть в засаду офицер или даже сотник, уже разгорелось, как говорили магики. Тени пошли цветами побежалости, и среди мешанины лунных пятен и черноты неумолимо высветились живые. Живые и тёплые — выверенное десятками поколений чародейство и на этот раз сработало беспристрастно.

Возница кивнул, припрятав пока взведённый арбалет под полой, и подвинул к себе ближе свой палаш. Примерился под одобрительным взглядом Ларки, ловко ли будет тот выхватить? Оказалось, удобно — можно даже сэкономить время на первом замахе и снести кому-то из супостатов если не лихую голову, то плечо точно…

— Сначала из арбалета вон того на ветке, что слева, — Ларка нагнулся, и озаботился в ладонь небольшим обкатанным камнем, что зачем-то обретались под сеном у передка. — А я сниму того, что справа.

Мощная дубовая ветвь, что почти нависла над дорогой, и в самом деле скрывала в себе готовую свалиться на головы парочку — и Ларка поймал себя на мысли, что как-то уж больно неправильно оно всё. Разбойники, да в самом людном месте королевского тракта? На пустую повозку всего лишь с парой людей? И всё же, ситуация не оставила времени на раздумья…

Ветеран словно вспомнил былое. Под командованием их благородия офицера он воспрянул духом, глаза заблестели — а появившийся как по волшебству в руках арбалет щёлкнул именно в тот момент, что и было нужно. Камень из руки Ларки отправился едва ли на миг позже, и больше он в ту сторону даже не смотрел. Зря, что ли, в их Каменке любой пацан умел кругляшком сшибить белку или до смерти напугать слишком осмелевшего волчару? А уж в висок неподвижному, да почти в упор…

Бронзовый клинок звякнул с глухим хряском всего трижды. Одного зарубил дед, а намеченному в плен ватажку он же лихо проткнул плечо.

— На колени, — мрачно процедил парень, не сводя глаз и острия с бледного лица глухо постанывающего лохматого крепыша.

Возница с ворчанием зашёл сзади и врезал тому под ноги. Атаман брякнулся на каменные плиты, где уже валялись тела его товарищей — и через некоторое время оказался связан. Даже дырку в плече Ларка кое-как залепил толикой древней волшбы. Уж подобное просто обязан уметь толковый офицер…

— Знатный у вашей милости клинок, дозвольте полюбопытствовать? — дедок оказался вовсе не таким уж и хлипким, как казалось со стороны. Он уже забросил в телегу спеленатого разбойника и даже обыскал тела.

Ухмыльнувшись, Ларка бесцеремонно постучал тому по лбу.

— Амулет с вожака забыл срезать. А ещё гвардия…

Сконфуженный возница спохватился. Привычно потрогал обретающееся на пальце железное кольцо — такими награждали только в гвардии, и только за немалые заслуги — и вновь полез к едва дышащему пленнику.

Ларка кивнул, когда дед снял с того целую охапку всяких оберегов и талисманов. И даже на щиколотке обнаружился плотно примотанный лентой к ноге, слегка мерцающий гнилушечным светом заговорённый волчий зуб.

— Ах вот он как, паскуда, от егерей королевских уходил? — парень ухмыльнулся, и только сейчас передал ветерану свою *еловую лапку*, которую уже вытер одеждой поверженных и даже чуть приласкал ладонью, затёр две свежие зазубрины.

Забравшийся на своё место дедок не спешил хвататься за вожжи и понукать беспокойно прядающих ушами коней. Всё присматривался к мечу, цокал языком, и даже гладил клинок с мечтательным блеском в глазах.

— Что-то никак в толк не возьму, ваша милость — клинок знатный, хучь бы какому графу или барону… да вот, вы никак не похожи на энтих. Вы, уж не прогневайтесь, из наших — из простых.

В ответ Ларка беззлобно ткнул старика кулаком в плечо и тихо засмеялся.

— Всё верно — да только, деда, меч этот не покупной и даже не подарок.

Он бережно взял в руки бастард, провёл пальцами по ложбинке кровостока, над которой беззаботно светился весенней зеленью хвойный побег, и только потом спрятал в ножны. Зато

полез в сапог и добыл оттуда кинжал. Тут уж у ветерана и вовсе полезли глаза на лоб. Мало того, что оружие оказалось руки того же мастера, с ёлочкой — но ведь, железо! Да ладный какой клинок, так и ластился к руке.

— А ведь, смекаю, не просто так тут разбойники объявились — чуть ли не в открытую, — возница оказался соображением не обделён. Скорее всего, не за так позволял полоскать себя всем непогодам и временам года — если не работал напрямую на какую тайную государеву контору, то уж регулярно постукивал туда наверняка. — За такими клинками охота пойдёт нешуточная…

Он осёкся. Под пальцами его попутчика текло в лунном свете серебро — и странно было видеть, как небесное сияние мешалось с мерцанием богатств подземных недр. А всего-то малый брусок серебра, что господин офицер добыл из вещей… вот отщипнутый из отливки комочек принял меж заботливых пальцев форму…

В ладонь старику упала большая, полновесная серебряная монета. Да вот только, глухой вой отшатнувшегося возницы заглох с бульканьем где-то в горле — за такую деньгу королевский монетный двор преследовать не будет. Не фальшивая, не поддельная… да вот только, не бывает в мире таких краёв и таких стран, где подобное могло бы ходить!

На одной стороне в лунном свете сиял профиль их благородия поручика — словно скалился весело, и даже можно было различить так и пляшущих в глазах демонов. А с другой стороны… внимательно и цепко смотрел он сам. Хоть и в полузабытой кавалерийской форме — да только, в генеральской, с витыми погонами и парой больших звёзд на груди.

Впридачу, по мелкозубчатому ободку шла всё та же еловая веточка — светилась и переливалась, текла и словно даже шуршала на весеннем ветру.

— Вон оно что, — возница принюхался к монете в своей руке и улыбнулся. — Надо же — лесом пахнет, свежестью.

Он хотел было вернуть диковину их благородию, но Ларка отрицательно качнул головой. Забросил в мешок чуть похудевший брусок металла и принялся разбирать спутавшиеся вожжи.

Старик заохал, засуетился — да что ж оно деется? Отобрал бразды правления у офицера, шевельнул ими особым образом. И чуть более резвая трусца коней показывала, с каким же удовольствием те оставили это место, так и напоминающее запахом о смерти.

И через несколько минут на огибающей Палец Великана дороге остались лишь изуродованные трупы да неслышно

витающий над ними дух вселенской скорби…

— Ваше величество, если мой опыт и мои умения почитаются лишними, прошу освободить меня от должности, — полковник Блентхейм смотрел твёрдо.

В тронной зале установилась тишина. Такая, что казалось тронь — и рассыплется. Разлетится звенящими осколками, обратится в выкрики вяжущих и тянущих на плаху жертву гвардейцев…

— Полковник, вы — откажете — нам? — взгляд короля лучился кажущимся добродушием.

Полковник не боялся ни бога, ни чёрта, ни паладинов святого воинства — не дрогнул он и в этот миг.

— Ваше величество… хватит распылять силы и заниматься штопкой дыр. Пусть молодые офицеры чуть наберутся опыта, ситуация на границе пока терпит. А сейчас — не дам!

Его величество откинулись на спинку трона, не сводя с дерзкого полковника острого взгляда. Вот уж… первый из Блентхеймов некогда приехал в старое королевство с полуночи, из-за хребта — отказавшись принять единого бога. И с тех пор все они верой и правдой служили медным королям. Но что примечательное, не бывало среди них ни бунтовщиков, ни предателей короны. В герцоги не лезли, но и задних никогда не пасли. Сцепив зубы делали своё дело, потому мнение этого рода частенько стоило иных других…

Туманно-расплывчатое розовое пятно в сторонке дрогнуло — и из него шагнула изящная и красивая волшебница.

— Ваше величество, — как голос Велерины всего в пару слов скользнул от лёгкой укоризны до кокетства, ведомо оказывалось только прародительнице всех женщин. — А давайте и в самом деле, попробуем? Стиснуть зубы, чуть вытерпеть — но зато потом надавать светлым так, чтоб навсегда запомнили.

Двое здоровенных адмиралов, румяных и не совсем уютно себя чувствующих среди этой золочёной роскоши, поинтересовались — а что имеется в виду?

И тут полковник Блентхейм здорово удивил всех. Да так, что его величество ещё долго улыбались в поседевшие усы и смотрели куда-то с мечтательным блеском в глазах…

— Дамы и господа — нападения светлого воинства нам всем уже давно поперёк горла стоят. Да и урон королевству от того немалый… короче. Как только я решу, что сил у нас достаточно — на этот раз перейти хребет самим. Пошарить по *их* приграничью, выжечь *их* города и сёла. Поставить в положение обороняющихся — я уж не говорю о том, сколько железа мы захватим первым же удачным ударом!

Жёлчно-костлявый генерал из генштаба подтвердил — эти планы вполне реальны. Слишком уж полагаются паладины на своё мнимое превосходство. Слишком уж привыкли считать себя безнаказанными — по сведениям лазутчиков, медное королевство для *полуночных* чуть ли уже не превратилось в полигон, где натаскивают молодёжь.

— Да, атаки их сокрушительны — но вот к обороне они не готовы.

Моряки тоже добавили жару — на море нехватка железа не так ощутима, флоты способны биться на равных. А уж забросить в тыл святошам десанты и поддержать их огнём катапульт да волшебников, то дело доброе…

Лёгкое шевеление взглядом — и к одиноко стоящему полковнику Блентхейму бесшумно скользнул старый слуга. Личный, особый, доверенный слуга короля — в те времена, когда молодой его господин в бытность свою принцем командовал полком своего отца, он бессменно пребывал денщиком, слугой и телохранителем… перед полковником возник вычурный, застеленный салфеткой поднос. И вот на эту-то салфетку полковник положил небольшой кругляшок металла, который до этой поры поглаживал в руке.

Вчера к нему обратился бравый ветеран с просьбой принять в Академию. Почти старик, он под ироничным прищуром офицера положил в ладонь того монету. И столь долго размышлял Блентхейм над пахнущей еловой живицей серебрушкой, столь о многом успел он подумать, что лишь кивнул да распорядился вызвать немедля госпожу чародейку…

Лица придворных вельмож да армейских и флотских чинов заметно приподнялись над воротниками и жемчугами в попытках разглядеть — что же оно там такое. Но слуга словно ненароком загородил поднос плечом, бесшумно скользнул к подножию трона и туда, наверх. Уж ему-то дозволялось то, что не дозволено даже фавориткам… личный слуга короля иной раз выше законов или традиций.

Всё же, его величество сумели сохранить бесстрастное лицо. Каковой ценой то далось, знали лишь они сами. Какая буря мыслей и страстей пронеслась за спокойной, сковавшей лицо маской, когда рука его величество зачем-то поднесла монету к носу? А ведь, многозначительные изображения отчеканены на обеих сторонах, ей-богу… древнее пророчество, похоже, начало сбываться…

— Убедительно. Что ж — все, кроме полковника Блентхейма, госпожи Велерины и канцлера, свободны.

Если бы дальнейший разговор возможно оказалось

подслушать или же записать, то немало бы любопытного и даже поучительного там выяснилось. Кто был тот молодой поручик, который по пути к месту службы завернул на государев медный рудник, осмотрел его и дал несколько ценных советов по улучшению работ, гадать даже и не приходилось. Кем на самом деле оказался рыжий ротмистр этого года выпуска, если через него к святым отцам утекали сведения, тоже.

Равно как и решено было не дёргать молодого кузнеца и не заставлять работать в Королевской Горке или арсеналах. Пусть и впрямь, опыта наберётся да придумает чего…

Крепость Марыч оказалась и в самом деле замечательнейшим сооружением. Сооружённая в незапамятные времена на вдающемся в море скалистом мысе для защиты от пиратов, она с тех пор неустанно укреплялась и перестраивалась. Несколько раз меняла хозяев — и тогда глаза пролетающих над ней глупых чаек удивлённо рассматривали иные флаги.

Если смотреть лицом на полночь, в страну святых молитв, по правую руку плескалось море. По левую высился каменный кряж, через который по еле заметным тропкам только особо обученные единицы и могли перебираться. А вперёд и назад тянулась прибрежная дорога, по которой в редкие времена мира сновали посыльные, путешественники или караваны купцов.

По морю тут не шибко наплаваешься — многочисленные рифы и отмели вкупе с часто меняющейся погодой заставляли корабли далеко стороной обходить это место. Седмица кружного пути в открытом море, то даже для бывалых моряков дело серьёзное, а уж торговый люд и вовсе не мог позволить себе такой роскоши. Хотя, особо неприхотливые и пускались вплавь. Если корабль и экипаж хорошие, а груз неспешный, отчего бы и нет?

Но в основном, вся жизнь текла в узкой прибрежной полосе. И вот по этой-то куда более захудалой нежели королевский тракт дороге к крепости и подъезжал молодой поручик на заморенном коньке, держа в поводу заводного с пожитками и посматривая по сторонам жадным взглядом.

Думал ли Ларка, что однажды заберётся в такую даль от родных мест? Уж слишком чужим и неприветливым показалось то и дело мелькающее справа море. Слишком не такое. И даже искупавшись в нём на пробу, он не ощутил привычного единения. Чужая, напрочь чужая стихия…

— Ваш-благородие? — усталые глаза сержанта смотрели требовательно.

Оказалось — Ларка так задумался под мерное покачивание седла, что едва ли не задремал по жаре. Уж поездка если и не вымотала его до предела, то утомила изрядно. И

повстречавшийся на дороге патруль, что затаился в тени на опушке, теперь интересовался бумагами господина проезжающего.

— А, да, пожалуйста, — он вынул из-за обшлага едва уже не пропитавшегося потом офицерского мундира свиток и сунул в ладонь служаки.

— Ого! — перемолвился сержант с загорелым до бронзового цвета усачом. — Только из Академии, а уже поручик… всё в порядке, ваш-благородие — проезжайте. Только, в городе не останавливайтесь у Китича — шельмует и плутует, да кормит плохо.

Заполучив подорожную обратно, Ларка кивнул да откозырял столь же небрежно, как и сержант. Это в столицах пусть дёргаются, вскидывают руку тем самым движением, едва не вывихивающим от рьяности плечо. А тут все свои… чего изгаляться-то?

Дорога уже вилась по обрыву над самим морем. Сыро, очень сыро — и жарко. Хотя, с другой-то стороны, парень посматривал на встреченные по пути деревеньки — богато жили здесь. Море неплохо кормило, да и земелька попадалась добрая. Палку воткни, и вырастет, как заверил словоохотливый старик в недавней корчме.

Приткнувшийся к подножию крепости городишко показался из-за серого бока скалы вдруг. Весь небольшой и пёстрый, он настолько позабавил всмотревшегося Ларку, что он сразу проникся к этой шумной суете смешливой приязнью. Вот она, почти родная бестолковщина… валяющаяся в луже серая от грязи свинья, тревожно гогочущая стайка гусей, что вытянула шеи и недоверчиво пятилась с дороги. Румяная хозяйка на базарчике, что ругалась с дородной торговкой по поводу — вот эта рыба пахнет или воняет?

По мнению Ларки, ещё лучше та рыбина оказалась бы в запечённом или тушёном виде — и как по мановению руки угомонившиеся бабы пришли к согласию. Кстати, судя по нескольким медным монеткам, перешедшим из рук в руки, цены тут были почти как дома — в несколько раз меньше, нежели в столицах… он припомнил большой и бестолковый город, в котором, казалось, нечем дышать и нечем заткнуть уши — и поморщился.

Этот городок оказывался почти точной копией приткнувшегося к баронскому замку Эшле. Маленький и донельзя понятный, он остался позади всего-то за четверть часа — вместе с лавками, несколькими кабаками и весёлым домом с погашенным по дневному времени розовым фонариком над входом…

последнее обстоятельство отчего-то живо напомнило всегда и неизменно обретающуюся в одного цвета платье госпожу Велерину — и парень сам не заметил, как приехал.

Ну вот, наконец…

Разморенный от жары сержант и писарь приняли бумаги не переменив выражения постных физиономий. Чего нужно, отметили, со вспугнувшим сонных мух стуком пришлёпнули печать да посоветовали не медля показаться коменданту фон Браухич — вон по той галерее, а там у дверей их милости часовой для ориентиру стоит.

Ларка счёл совет хорошим. Настолько, что без зазрения совести расстался с парой самых крупных медяков да потопал в указанную сторону. Лишь задержался на галерее, крикнув распрягающим коней солдатам, чтоб холодной воды не давали сразу — пусть остынут малость.

Комендант оказался мало того что комендантшей, но ещё и атлетически сбитой тёткой среднего возраста — зато с майорскими шнурами-аксельбантами. Покосившись вполне уважительно на висящий на спинке кресла золочёный дворянский пояс, парень откозырял на всякий случай почётче, да гаркнул на пробу эдак вполголоса.

— Чего орёшь-то, малахольный? — коротко стриженая по солдатской моде майорша скривилась и обернулась.

Перекосоротило её куда сильнее, когда она приметила специальную отметку, сделанную прилежными полковыми писарями — что данный выпускник Академии обучался в девятом отряде. Физиономию сразу скорчила такую, будто ей после крепкой гулянки наутро похмелиться не дали.

— Вот уж… педиков мне тут только и не хватало… — она повздыхала ещё немного, а потом полезла в ящичек бюро.

Зашуршало перо, и глядя на его пляшущий бело-серый кончик, Ларка насторожился. С одной стороны, надо было полковнику ещё пару раз по сусалам двинуть за сомнительное удовольствие быть причисленным к *девяткам* — но с другой, подобная репутация избавляла от надокучливого порой внимания. Не скрывавшие лёгкого презрения сержанты и офицеры на грани приличия козыряли, а потом у каждого вдруг находились неотложные дела.

— Вот. Увольнительные листы на месяц. И справка на выдачу жалованья, у нас принято выплачивать частями раз в седмицу — чтоб сразу всё не пропивали… — майорша хотела отдать бумаги прибывшему.

Однако, не сдержала брезгливой дрожи и швырнула на столик — словно боялась хоть раз прикоснуться к *этому* и

подхватить неведомую заразу.

— И чтоб в другое время я вас ни в крепости, ни возле гарнизона и близко не видела. Особенно возле офицеров и сержантов мужского полу! Через месяц за следующей порцией придёте…

Прогавкав "так-точно-ваш-превосходительство", Ларка строго по-уставному развернулся да удалился. Ухмылочка его вовсе не выглядела опечаленной под уже почти отросшими усами, кои он решил отпустить ради вящего тщеславия. Да и по сравнению с несколько раз встреченными поручиками он сам выглядел… слишком уж молодым и здоровым, что ли.

— Во всём есть своя прелесть, — он долго смотрел с верхушки углового бастиона.

Море оказалось пугающе большим — и серым. Вовсе не синим или зелёным, как в описаниях или на картинах. На уши давил непривычный гул, отчего парень чувствовал себя полуоглохшим. Но в общем, к этому можно привыкнуть… если захотеть.

Взвалив на плечо тощие сумы со скудными пожитками и весело помахивая булавой, он вышел через ворота обратно в город и задумался. В принципе, можно было снять комнату пока что на постоялом дворе — но куда дешевле оказалось бы сразу договориться с какой хозяйкой, да надолго. И в конце концов, удача улыбнулась ему. Стоило лишь купить у клюющей носом бабули на углу бумажный фунтик вареных с укропом креветок, да на пробу задать пару вопросов, как проснувшаяся старушенция разразилась небывалыми водопадами словоохотливости.

Через четверть часа Ларка знал об этом городке и его обитателях если не всё, то очень к тому близко. Кто с кем грызся, кто с кем любился, где шельмовали, а у кого и вовсе грыжа — в ворохе этих вполне могущих и пригодиться сведений парень выцепил хоть что-то полезное.

Вдовая Бельча сдавала комнаты — да вот, на беду, слишком уж далеко она обреталась в своём домике от берега и крепости. Оттого и не хотели к ней селиться господа офицеры или сержанты, кто в городе жил. Как раз это обстоятельство, насчёт удалённости от моря (вернее, близости к горам) Ларку и прельстило. Да и вдовушка вряд ли заломила бы за жильё так уж много, в отсутствие-то бойкой очереди квартирантов…

Домик оказался вполне даже приличным двухэтажным домом из светлого пиленого ракушечника, весь заплетённый диким виноградом до самого дымаря. И словно бойницы, в зелень проглядывали провалы окон и дверей. Надо же, какая умилительная картина! Вкупе с дремлющей на скамеечке бабулей

да весьма ухоженным садиком, это зрелище весьма понравилось остановившемуся за ветхим заборчиком молодому поручику.

Цена и в самом деле оказалась такой, что он даже не удержался, переспросил — уж не ослышался ли? А потом взял, да в порыве щедрости и занял обе свободные комнаты во втором этаже. Серебрушка в седмицу это сущие пустяки — да и бабке денежка лишней не будет. Ишь как её жизнь скрючила. Опять же, соседей не будет досужих…

— А то, милок, ступай — пооглядеться да обвыкнуться, — кивая прошамкала старая Бельча, сжимая в кулачке заплаченные наперёд монеты.

Уговорившись насчёт когда приходить столоваться да заверив раз наверное в третий, что хмельного не надо — разве что кувшинчик держать в погребе на всякий случай — Ларка оставил сброшенные прямо на пол пожитки и, не заботясь боле ни о чём, вышел обратно под солнце. Бабка обещалась вечером домовёнка прислать, чтоб за господином ахвицером ходил да прислуживал — стало быть, и весь сказ.

Кинжал Ларка на всякий случай перевесил из-за голенища в ножны на пояс — вроде и весу немного, не оттягивает, но и не безоружный в то же время. Не ходить же гулять с бастардом или боевой шипастой булавой? А то ведь, могут и правильно понять…

Он стоял на залитом солнцем перекрёстке, по-хозяйски заложив руки за пояс и чуть расставив сапоги. Чуть прищурившись посматривал по сторонам. После суматошного, даже бешеного ритма жизни в Академии здешняя патриархальная тишина и неторопливость показались сонными да чуть ли не ленивыми. А всё же, это впечатление оказывалось обманчивым — уж по баронскому городишку Ларка помнил то доподлинно.

То и дело кожу словно легчайший мех гладили равнодушные или же любопытные взгляды. Словно задремавший в тенёчке чёрный бесхвостый кобель на самом деле чутко примерялся к чужаку — а настороженно поглядывавший на псину котяра с ветки айвы, на замершего Ларку тоже зыркал без особого пиетита.

За облупленным зелёным забором кто-то рубил дрова — а за вот тем вон, для разнообразия оплетённым вьющимися цветами, стирали. Следы в пыли принадлежали телеге золотаря, уж больно знакомо шибали в нос оставшиеся брызги. Зато пятнистая и грязная до серой неузнаваемости свинья поглядывала из натёкшей у колодца лужи с полным пониманием и даже добродушием.

Ну что ж, место вроде неплохое — сколько Ларка ни прислушивался к своим ощущениям, оснований для тревоги он не

заметил. Не смущал даже видный в проулок туманно-серый кусочек моря.

И он повернулся спиной к этому великолепию, которое только и замечали приезжие — да и местные жители в основном тоже.

Горы… совсем не такие как дома. Там старые, пологие и почти всюду поросшие лесом. А здесь из скудного зелёного пояса ввысь вздымались настоящие каменные великаны — голые, серые и морщинистые как невесть что. И за ними, если приглядеться, в расплавленной синеве чуть выцветшего неба словно парила снеговая макушка совсем уж невообразимой высоты.

— Надо же — а старики говорили, что брехня всё насчёт снега даже летом… — Ларка смахнул выступившие над губой бисеринки пота и решительно потопал в противоположную от моря сторону.

Как оказалось, следующая улочка за его домом и оказалась последней. Дома и домишки на той стороне уже прилепились к боку уходящего ввысь хребта — и оттого казалось, будто произрастали прямо из него. На улицах запросто расли магнолии и лавр — кто б мог подумать? А дома листики лаврушки чуть не на вес серебра, без них ни похлёбку сварить, ни мясо завялить…

И наконец, чуть наклонившийся в сторону моря, будто застывший на ходу лес принял под свои прохладные своды пришлого из далёких краёв.

Ноги словно и не забыли ничего. Сами скользили вперёд и вверх — в тот час, когда солнце уже заметно склонилось и почти прижалось к дальним вершинам, Ларка вышел на макушку намеченной им невысокой горы, ни разу даже не сбившись с пути. Уж чутьё горца, оно в любых горах работает! Ну что ж, посмотрим… и две ладони трепетно легли на нагретый бок скалы.

Меди в здешних горах почти и не оказалось — зато камня навалом. Понятное дело, отчего в таких благодатных местах рудным промыслом не живут. В окрестностях родной некогда Каменки иной раз плюнуть-то некуда. Если не в медную жилу попадёшь, то в целое семейство духов, которые оную жилу заботливо выращивали. Люди потихоньку вынимали из недр их богатства — да только, со временем оно всё в землю и возвращалось. И трудолюбивые подземные жители вновь и вновь воссоздавали прихотливые кладовые с их запасами.

На государевом руднике тоже так — работы по добыче велись в каждом четвёртом забое или штреке. Остальные закрыты, там духи возобновляли медную руду. Неспешная та работа, тяжёлая да сноровки требует — оттого лишь сын нынешнего короля

получит доступ к вновь забитым сине-зелёными рудными припасами кладовым. А нынешние закроют… и так по кругу, как ещё дедами-прадедами заведено. Вот так и жили испокон веков люди и духи — что те шахтёры, что другие — лишь с точностью до наоборот…

О, а вот и они, легки на помине — в руку что-то боязливо потыкалось, и открывший глаза Ларка не удержался от улыбки. Сразу двое земляных пожаловали, уловив присутствие здесь чувствующего. Побаивались малыши, ясное дело — видать, нечасто забредал сюда наделённый таким даром.

— Привет, — и осторожный, ласковый посыл вот этому, совсем уж скособоченному.

Дух расслабился, потёк тенью по камню. И даже заурчал легонько от удовольствия, когда умелые руки принялись разглаживать его яростной и горячей человеческой сущностью. Они молчали, два боязливо подрагивающих бестелесных комочка. Либо забыли за долгие годы, как разговаривать — либо и вовсе не умели. Ну, последнее уж навряд ли. Как слыхал Ларка дома от своих, под землёй иной раз такая трескотня-болтовня идёт, что хоть ухи затыкай!..

— Теперь ты. Да не бойся, глупыш… — обласканный первым запрыгал восторженно, и его товарищ при виде этого тоже позволил к себе прикоснуться.

Потом подвалила целая ватага, до поры присматривавшаяся из-под розового гранитного пласта. А там и водяные духи — всяк получил свою долю внимания. И под конец здорово удивили Ларку сразу пятеро огневиков, которые шипели и плевались искрами, но упрямо лезли под ладони.

— Ну, рассказывайте, — наконец он скинул натруженными руками свой офицерский китель, рубаху, и всей спиной полуулёгся на шершавый бок скалы.

Вниз он ушёл ровно, без так досаждавшего в детстве *всплеска* — ухнул словно медная чушка в болото. А духи уже весело приплясывали со всех сторон, попискивая от возбуждения.

— Ты есть Ларка? — меж двух земляных протолкался текущий и переливающийся серебристой рябью дух воды.

Эти непоседы, часто бывает, что на одном месте долго не живут. Уходят — а вслед за ними пересыхают как по колдовству родники и ключи. И тогда ведьма или колдунья сверху с ног сбиваются, чтобы приманить да причаровать на это место нового…

— Да, это я, — дух в ответ игриво брызнул водой и важно объявил соседям — об этом парне весточка пришла аж из Медных Гор, что далеко на закат. Двое бродячих уводили оттуда

подземную реку, чтоб болото не образовалось — рассказали земляным возле меловых отложений, оттуда опять шастающие всюду водяники словечко замолвили. Так и дошло сюда.

— Чувствующий, настоящий! — если бы эти радостные вопли слышались ушами, то наверняка те бы оглохли.

Но, маленькая подземная буря воспринималась не столько даже телом, сколь душой. А духи не сговариваясь уже выстроили хоровод. Странно было наблюдать за ними и временами не осознавать — то ли маленькие тени водили с древней как горы песней свои танцы, то ли ты их крутишь вокруг себя…

Солнце уже село за дальними горами, когда Ларка наконец распрощался и вынырнул наверх. Эх, хорошо! Давно он не отдыхал так… и в темноте совсем уж хорошо прозвучал вдогонку ему тоненький, дрожащий от радости голосок:

— Ларка, приходить завтра нет?

— Приду, приду — проверить. Да и потом заглядывать буду.

Он даже подошвами привычно ступающих по камням ног чувствовал — какие внизу разгорелись жаркие споры. Хоть и не понимал ничего, для того надо *вливаться* — но усмехнулся в непривычно щекочущиеся усы. Наверняка малыши здорово озадачены, отчего человек не потребовал платы или служения себе? Любая ведьма или волшебник просто так не отпустили бы, заставили принести чего или поработать.

Да вот, Ларка вам не любой…

Как сказала старая Бельча, которая частенько звала постояльца почаёвничать у камина, а потом за разговорами проворно и несуетливо вязала у огня, погоды в конце лета и начале осени здесь всегда такие спокойные. И уже гораздо позже Ларка, оглядываясь на это время, признавался себе, что именно тогда он и был по-настоящему счастлив. Той тихой и спокойной радостью, которой не замечаешь сразу — но которую неизменно вспомнишь и отметишь теплотой где-то в глубине души.

Днём он гулял по окрестностям или лазил по горам, вечерами иногда купался, доводя до полуобмороков местных водяниц в порту. Здешние обитательницы никак не могли уразуметь, что среди человеков бывают чувствующие и даже (представьте!) никакого оброка с них брать не желают. Вот же бестолочь хвостатая…

А ближе к ночи он возвращался в домик почти у самого склона хмурой и словно задремавшей горы. И после ужина рукам находилась работа, а языку байки. Старушка оказалась хоть и любопытной и иногда вовсе не маленько вредной — но против того, чтобы в доме постоянно толклись напрочь незнакомые духи, ничего не имела.

Ещё бы! По наущению Ларки малыши прочистили дымоходы, немного улучшили тягу, чтоб дымом из каминного зева не пыхкало, когда ветер за трубу бывало зацепится. В подвале хоть бы капелька воды снизу выступила — сухо и прохладно, за припасы беспокоиться не надо. Да и вода в колодце на перекрёстке вдруг стала ни с того ни с сего чистой как слеза и вкусной.

Впрочем, люди знающие эти мелкие проделки парня замечали, но виду не подавали. Точно как в родной Каменке — всяк делал своё дело, но и про общину не забывал. А когда сосед менял прогнившие ворота, Ларка ему такие завесы да засовы из красной меди изобразил — даже с тракта люд сворачивал поглазеть. С цветами и узорами диковинными, а с обеих створок навстречу друг дружке парень и девка стремятся. Да только, у парня в руке солнце пылало, даже ночью, чтоб улицу подсвечивать. А у красной девицы хоть и чуть более тусклая луна в ладошке медной — да звезда на челе сияла-переливалась, красы несказанной…

Многие сказы и байки здешних подземных жителей Ларка слыхал впервые — но и они с удовольствием слушали, зачарованно притихнув, сказания из родных парню мест. Особенно им нравились про Хозяйку медной горы. А руки словно сами собою ладили какую-нибудь очередную поделку, благо малыши потихоньку таскали кто во что горазд. Медь-серебро, да камни самоцветные. Двое притащили закаменевший скелет чудной зубастой рыбы, которой ни один старый рыбак в городе признать не сумел — и теперь тот стоял на полке, да с надписью на табличке, точно как в музее редкостей и диковин.

Но особо парня обрадовал и озадачил одновременно кусок руды, что принёс откуда-то с самой глубины один из водяных духов. С виду та же медная… да вот говорили как-то старики меж собой, что бывает на краю земли такая, в коей словно злой дух поселился — хоть как ни бейся, а меди из неё не выплавить. Пр**о**клятая.

И сидя бессонными ночами на крохотном подоконнике, Ларка вертел в ладонях уже почти отполированный прикосновениями камень, прикидывал так и этак. И по-хорошему пробовал, и по-плохому. В самом деле — не выплавляется медь, и хоть ты тресни! Но в то же время, не обманка… уж он-то чуял, что металл там есть.

Даже втихомолку сходил на поклон к одному из святых братьев, что через город посольством проезжали. Да не с пустыми руками сходил, вестимо. Тот своими молитвами так образец руды припечатал, что и самому Ларке словно кто под дых дал. А, всё

равно не вышло — видать, не всесильна благость ихнего единого бога…

Дважды в крепости играли тревогу — и тогда Ларка с мечом на плече мчался туда, чтобы некоторое время со стены или в бойницу пялиться на гарцующий с той стороны отряд святого воинства. Может, смелость свою испытывали, а может, бдительность проверяли — кто ж их, светленьких, разберёт?

С офицерами гарнизона отношения откровенно не сложились. Похоже, комендантша или писаря слушок пустили… но Ларку это устраивало. Не пристают с казённой службой, и ладно. И вернувшись после очередной тревоги, он на всю улицу зычно оповещал, что супостаты напасть не осмелились, убоялись.

Да устраивал то ли маленький праздник, то ли большую гулянку — денег-то всё равно девать некуда. Из каждого дома люди выносили по столу, по два, ставили вдоль улицы — да под скатерти белые. Ну а поверх всего того, чему на хорошем пиру и быть положено. Угощались-потчевались неспешно, без городской торопливости, потому и под стол никто не падал, не позорился.

Двое учеников, что у крепостного мага уроки брали, развешивали на деревьях и домах цветные звёздочки, да не скупясь — Ларка платил по медяку за десяток. Чтоб и светло, и красиво было… и полночи песни потом пели задушевные, а дети хороводы с духами водили.

А сам Ларка хоть и не употреблял зелья, всё ж чувствовал, как по жилам то ли от свежего воздуха, то ли от настроения бежала хмельная волна. Тогда выходил он неспешно на перекрёсток. И здесь, забравшись на каменную обмуровку колодца, пускал в небо магические огни. Всё строго по науке — и красные, и зелёные, и переливчастые.

В крепости по первости испугались до крайности, думали — супостаты в тыл прокрались, сигналы подают. Но в следующие разы лишь улыбались, глядя на россыпи цветных огоньков.

— А, это опять с закатной стороны гуляют… — и уже ничему не удивлялись боле.

Арргх! Ларка чуть согнулся и снова откашлялся — на снегу остались еле заметные розовые брызги. В своё время он немало озаботился, заприметив такое, уж любую хворость он почуял бы сразу. Отправился было даже в крепость к целителю, но усатый сержант у ворот неохотно объяснил — здешний лекарь от всех болячек касторкой лечит. От этой болести одну ложку, от той две… а если уж совсем не повезёт, то и все три.

И по совету старой Бельчи он наведался к такому себе деду Симе, что жил в облупленной хибаре у порта. Дедок оказался щуплым, несуетливым и чуть косоглазым — но дело своё, стоило

признать, знал неплохо.

— С гор? — сразу спросил он, едва выслушав сбивчиво пересказанную господином поручиком неприятность.

И едва вновь прокашлявшийся в платок Ларка подтвердил, дед Сима покивал со вздохом и пояснил — в горах воздух редкий, потому у тамошних лёгкие большие. А тут, у самого моря, наоборот. Густой и влажный.

— Вот лишние лёгкие и выхаркиваешь, — он посопел, повздыхал, теребя жидкую бородёнку и упрямо не глядя в глаза.

А на весьма животрепещущий вопрос только усмехнулся.

— Не, не помрёшь — человек такая скотина, что ко всему привыкает, — он всё же велел на следующий вечер зайти за настоем, да побольше в горах бывать — чтоб тело не отвыкало, значит, и в грудях жаба не хрипела…

Вот и повадился Ларка забираться в горы, да повыше. И даже когда здесь стал снег, то ничуть не стало ему препятствием — знай себе шастал по выступающим камням. Уж болтливые духи заботливо рассказали да высветили каждую тропочку.

Не раз и не два он натыкался на лазутчиков. Ну словно кутята слепые, ей-богу! Им бы чувствующего, или хотя бы елфа. Своих Ларка обходил стороной, зато редких чужих не пропускал… и тогда он далеко заполночь тайком притаскивал на плече мешок окровавленных доспехов да оружия. Баба Бельча тогда охала, держась за грудь, мелко осеняла себя всякими отгоняющими Свет знамениями — а потом до утра, подаренным ей стальным ножичком отпарывала с изуродованной одёжки пришитые железные кольца и полосы, вырезала заклёпки и пряжки.

А остатки трудолюбиво сжигала в камине, где два огненных духа радостно уничтожали эту память о незадачливых святых воинах…

Наутро Ларка неспешно шагал в конуру местного то ли ростовщика, то ли контрабандиста — хотя наверняка тот подрабатывал ещё и в тайной палате — и отдавал тому несколько наспех *вылепленных* брусков железа. Поначалу мужичок присматривался к добыче, всё искал клеймо на отливке или пустоты внутри. Но одна только обронённая Ларкой фраза, что дознатчикам с той стороны путь сюда теперь закрыт, заставила ушлого торгаша надолго задуматься, а потом и кивнуть.

Как парень сам подозревал, при покупке он терял в цене почти вдвое — но деньги ему особо были без надобности. Потому он быстро относил чеки и векселя в банк, невесть какими посулами да подношениями сумевший расположиться внутри крепости. А потом, тщательно вымыв руки, словно добытое таким

необычным образом железо жгло ему руки, уходил из городка гулять.

Кое-что, и весьма неплохо, перепадало и хозяйке — за работу и молчание. Впрочем, та и сама держала рот крепко закрытым. Уж как Ларка упражнялся в своей большей из двух комнат с мечом и чародейством, она видала не раз. Да и на кованую эмблему того или иного отряда святого воинства, всякий раз неизменно обретавшуюся на доспехах, она всегда плевала с нескрываемым удовольствием — её старший сын на войне со светлыми голову как раз и сложил.

Впрочем, по одной каждой Ларка оставлял. Начищал пальцами до сияния, и к середине зимы на каминной полке красовалась целая коллекция. Чаще других попадались В**о**роны и Волки, и парень даже мог предсказать, какой из отрядов нынче стал по ту сторону хребта на дежурство, и какая эмблема попадётся ему в следующий раз.

Однажды он едва не напоролся на магика — тот кропотливо проверял идущие по краю расселины охранные заклятья и ловушки. Спасибо малахиту за пазухой, предупредил вовремя…

— А вообще, терпимо уже, — Ларка вытер губы платком, смекая что ещё седмица и недуг пройдёт совсем. Может, настойка дедова пособила, а может и горный воздух, слаще которого нет в мире, да крепкое отроду здоровье делали своё дело?

Перед ним стелился и уходил в лощину чуть присыпанный снежком след горной козы. Даже чёрные катышки ещё курились на морозе — но парень лишь усмехнулся в ус. Кого провести думали, шельмы! Ни одна животина так глубоко в наст не проваливается. Весу в ней мало, понятно?

А при одном взгляде на послед и вовсе смех разбирал. Уж никак не питающаейся добытым из-под снега мхом или грибами козе оставлять такие жирные и духмяные катышки! Не грызущей с голоду кору животине так роскошествовать — но вот, если зимовать в тёплом хлеве да есть в своё удовольствие, то самое оно у ней сзади и выйдет.

Вот и соображайте… След уводил в лощину почти по прямой. И идущему вдоль него Ларке подумалось, что вот ещё одно. Ни одно животное не ходит так — про то Лёнчик объяснил толково. Дикие звери виляют, принюхиваются и сторожатся. Скидывают петли да посматривают на свой след из укрытия — не крадётся ли кто ненароком?

— А тут прёт прямёхонько как на параде… — он старательно попытался вспомнить, кто же такой Лёнчик? Может, отец? Да нет, уж медью и дымом от него никогда не пахло. Ай, не сейчас!

Убедившись, что до самого выхода из узкой лощины,

постепенно сужающейся до расселины, откуда удобно податься в любую сторону, лазутчику нет никакой нужды сворачивать, он забрал чуть выше — туда, где из-под снега торчали едва обледеневшие, острые скалы. Одна только мысль попытаться пройти по ним и не переломать себе добрую половину костей, показалась бы смехотворной и даже безумной. Однако, Ларка почти пролетел по этим остриям с лёгкостью ветерка — не оставляя следа и даже не особо обращая внимания. Жизнь в горах не такому научит… вернее — кто не сумел, тот пропал.

И уже почти у нужного места он засел за валуном. Ветерок тянул воздух от лазутчика сюда — уж здешний дух вон он, ухмылялся весело за кривой, невесть какими усилиями выросшей здесь сосенкой. И трудолюбиво заворачивал дуновения.

Лишь сейчас из-под добротного, подбитого волчьим мехом плаща появился кинжал. И лёг в ладонь, ластясь к руке вычурной костяной рукояткой. А с пояса Ларка отцепил булаву — почти точную копию той, с которой обучался. Только, теперь железной и до того ловко сидящей рукоятью в правой ладони, что желание обрушить шипастый шар на чью-то дурную голову постепенно становилось почти нестерпимым…

— Хм-м, надо будет попробовать себе меч или шпагу железную соорудить, — хотя парень и не видел в том особой нужды, но он вполне мог себе позволить такую немыслимую для других роскошь.

В расщелине мелькнула тень. И то, заметить её можно было лишь искоса — как поучала ведьма, на краю глаза вроде как самый чуткий взор. Зато цвета не различает… вражеский лазутчик уже не маскировался под козу — едва держащийся на склонах снег осыпался следом за ним, надёжно скрывая под собою пропаханную в сугробе колею. Дышал он уже тяжело — ломиться по пояс в снегу занятие не для слабых телом. Что ж, и это в плюс… Ларка не дал тому дойти до края, чтобы оглядеться из почти неразличимой со стороны щели.

Именно сейчас, когда противник чуть расслабился — он уже уверен в успехе. И всё внимание его обращено туда, наружу… в этот-то момент сверху, с обледенелой скалы, на которую и летом-то не сильно залезешь, спрыгнул поручик его величества Ларка.

Удар по словно нарочно подставленной шее крадущегося человека как раз и пришёлся в намеченное место — тут не спасёт никакой защитный воротник. Но для уверенности и спокойствия последовал ещё один удар. Сзади, кинжалом, под край чуть задравшейся кольчуги — хех, это место никогда бронёй не прикрывают. Незачем, в общем — да и мало ли когда приспичит…

— Ну ты чего к нам полез, дурилка? — не обращая внимания на ещё загребающее руками снег тело, которое вот ещё только что было живым, сильным и весьма опасным человеком, Ларка быстро присыпал того снегом. Особым образом постучал по боку скалы, чтобы белая поверхность чуть улеглась, и вернулся на своё место.

По одному никогда не ходили. Но и сразу вдвоём тоже — уж такая тактика у светлых. Впрочем, у наших лазутчиков тоже. Если первый попался и оплошал, идущий сзади имел неплохие шансы приметить то и вернуться целым… однако, внизу не оставалось никаких следов.

И ещё одна еле заметная тень недоуменно засуетилась, застелилась над кажущимся нетронутым снегом туда-сюда, словно принюхиваясь. Вот напарник первого таки что-то почуял — не иначе как запашок от угретой под одеждой коробочки с козьим помётом.

В этот-то миг ему на спину сапожищами и припечатал снова спрыгнувший сверху Ларка. До хруста ломаемых позвонков и рёбер, а потом ещё и задрать подрагивающую голову и полоснуть клинком снизу по горлу — война это не детские игрушки, тут сопли и милосердие ни к чему.

Несколько мгновений он прислушивался. С той стороны под скалой равнодушно прокрались три самые настоящие козы, в сосне шевельнулись несколько иголок… порядок? Ветерок умиротворённо подластился к щеке, пожаловался — второй всё время святые молитвы под нос бормотал, весь воздух испоганил!

— Так отгони обратно за хребет, да на их же дурные головы и спусти, на ту сторону, — судя по взвившемуся на миг вихрю, совет духу воздуха понравился.

Ледяной и чуть похихикивающий ветерок потянулся куда-то вверх и на полночь. Пусть ту отраву святым братьям вернёт, оно им слаще всего.

Ларка вытер, осмотрел и спрятал оружие — а потом занялся доспехами незадачливых лазутчиков. Обычно, много они на себя не надевали — в железе особо по горам не полазишь. Так… наплечи да тонкие кольчужки, налокотники и наколенники. А вот всяких клинков и прочего оружия вдоволь — уже больше двух месяцев никто обратно не возвращался. И командиры святого воинства наверняка с ума сходили, пытаясь понять, какая же беда с их засланцами приключалась?

Ну-ну… чтоб предположить наличие вот такого парня, который на обледенелом камне спал едва не вольготнее чем на пуховой перине, а духи сразу и даже охотно рассказывали обо всём на добрый десяток лиг в округе, требовалось нечто большее

даже умных голов или святых молитв.

Сегодня оказалось чуть меньше обычного — так, на пуд или около того. Мешок плечо не оттягивал. И полуприкрыв глаза, Ларка чуть постоял, с наслаждением дыша этим воздухом. Надо же, почти как дома… всё же, дома он вспомнить так и не смог. Всё лезла в память какое-то пепелище, да маленькое прозрачное озерцо, что ухоронилось меж скал.

Что ж, пора и вниз… как раз после темноты и поспеет в город — незачем местным или солдатам гарнизона прознать, куда и зачем шастал молодой поручик? Ларка уже на ходу поправил на плече ношу и оглянулся. Что ж, а вполне лисий след — старое бабкино заклятье ни разу ещё сбоя не давало. Даже зайцы от него шарахались. А волки осторожно принюхивались, поджав тощее брюхо и вздыбив загривки — а потом на всякий случай уходили подальше. Поначалу были и такие, что пускались сдуру или с голодухи по лисьему следу — и в доме Бельчи теперь все кресла оказывались укрыты добротными волчьими шкурами.

Даже на роскошный тёплый плащ хватило. Мало ли? Купил! У чернявого проезжего купца — помнится, у него ещё глаза плутоватые были. Вот и ищите его, хоть до позеленения…

По взгляду Бельчи он если и не понял всё, то догадался мгновенно — в доме чужие. Уж больно ворчала бабка на запорошенного снегом и шибающего в нос потом постояльца, слишком уж старательно округляла глаза и ворочала ими в сторону светлицы. А потому Ларка, скинув на руки старушке плащ и похрустывающие обделенелые бахилы, не стал сразу подниматься к себе. Мешок с добычей пока перекочевал с плеча в тёмный закуток под лестницей, зато кинжал с пояса привычно занял своё место в правом сапоге.

— Здравия желаю, ваш-бродие! — кувшин и пара чарок на столе жалобно звякнули, но всё ж устояли перед этим молодецким голосом.

Майорша — а в кресле у камина обреталась именно она — вместо ответа посмотрела эдак долго, оценивающе. И лишь потом, словно делая одолжение, дёрнула щекой.

— Вольно, — голос у неё оказался всё тот же. Если гаркнет в ухо, долго потом оттуда эхо да звон выковыривать пальцем будешь.

Простецкая чаша в её руке вернулась на стол, а госпожа комендант снова принялась рассматривать Ларку с неким хмурым неудовольствием.

— Ну что ж… парней к себе не заманиваешь, это уже вроде обнадёживающе. Вроде исправляться начал, — наконец выдавила она. — Но и другую половину тоже не жалуешь — а в весёлый

дом ни разу не наведывался. Девятый отряд, впрочем…

Что это был за отряд, в голове ровным счётом ничего не обнаружилось. А потому Ларка живо захлопнул рот и навострил уши — вдруг эта мымра ещё чего сболтнёт любопытного? Но гостья уже замолчала и лишь неодобрительно покачала головой.

— Ты мне непонятен, а этого я не люблю, — ну наконец-то прозвучали хоть чего-то стоящие слова!

В доме снова воцарилась тишина. Всё так же посапывал в камине огненный дух, беззаботно положив головёнку на тлеющее полено. Мерно и чуть вызывающе цокали старинные часы в углу — это громоздкое и требующее дважды в день подзавода сооружение Ларка изучил досконально. Несколько раз предлагал Бельче переделать, но та упрямо стояла на своём. Дескать, от покойного мужа досталось, а тому трофеем с фрегата светленьких — благоверный в своё время на королевском флоте до боцмана грот-мачты дослужился.

Точно так же позвякивали спицы в руках самой старухи. Скрючившись в кресле так, словно норовила придвинуть рукоделье к подслеповатым глазам, Бельча вроде и относилась ко всему безучастно — но в то же время напоминала: я здесь, и это мой дом.

Тем временем майорша решилась сломать уже ставшую ощутимой и тягучей паузу. Заметила, что никаких перспектив служебного роста у некого поручика не существует — тот может хоть до посинения торчать здесь. Но ни в вылазки, ни в другие возможности отличиться его и на выстрел из баллисты не подпустят…

— Ну и, кому молчим?

Ларка легонько усмехнулся.

— А ваше превосходительство ничего не спрашивали.

Старшая по званию вроде бы небрежно заложила пальцы обеих рук за свой золочёный дворянский пояс и с вызовом посмотрела в глаза: ты ведь об этом подумывал? Так вот, якобы парень — можешь и не мечтать!

Поскольку даже это не проняло по-прежнему стоящего перед нею молодого человека, майорша опять неодобрительно покачала головой да вновь погрузилась в свои думы.

— Быть может, объявить тебя пособником светлых? Главное, слушок пустить — а уж доказательства подстроить можно.

Вот даже до чего дошло? Ларка сначала встревожился было. И лишь чуть погодя сообразил: да эта выдра просто запоёт от счастья, если он надумает удариться в бега или же схватится за оружие! Вон уже, чуть не мурлыкает в предвкушении…

— Сделайте одолжение, ваше превосходительство — и я с

удовольствием посмотрю на вашу казнь.

Старушка из своего угла блеснула глазами. При желании старая кошёлка за лигу всё зорко могла углядеть, а уж неприятности куда дальше чуяла. Но всё же, промолчала.

— И что же тебе… — майорша не успела договорить.

Рука поручика снимала с каминной полки сияющие значки и один за одним небрежно швыряла на колени комендантши. Иногда те сталкивались, звякали — а на едва сохраняющем бесстрастность лице женщины мелькали сполохи отражений полированного железа.

— Здесь нет Священных Сов… — она рассмотрела все. — Ах ну да, они ж только по весне вернутся, на дежурство заступят.

Взгляд офицерши стал откровенно другим.

— Докладывали мне лазутчики и патрули, что в горах трупы раздетые попадаются… почему железо не сдал в канцелярию как боевой трофей? — голос её быстро обрёл утерянную было сверлящую жёсткость.

Зато глаза Ларки откровенно смеялись и даже издевались.

— Какое железо, ваше-ство? Какой бой? Голова у вас случайно не болит? Ничего такого не было — всё приснилось вам.

Майорша досадливо поджала губы. В самом деле — доказательств никаких… а этот поручик, похоже, нынче так стал богат, что способен купить весь королевский суд вместе с прокурорами и адвокатами. Уж считать и делать выводы она умела.

— Какое оружие вы предпочитаете? — сначала та не поняла, пару раз хлопнула светлыми до невидимости ресницами.

— Парные клинки-братники… средние, — и её ладони словно сами собой изобразили соответствующее движение блок-перевод-выпад.

И всё же, за долю мгновения Ларка увидел за этими руками продолжение. Хищный высверк рассекающей стали. Прекрасную пару коротких прямых мечей, которые он на днях преподнесёт втихомолку этой стерве — в подарок… Он даже сумел углядеть характерную выемку на эфесе, куда эта любила укладывать большие пальцы рук. От кошеля золота или мешочка самоцветных камней эта стерва с негодованием отвернётся… но посмотрим, сучонка, сумеешь ли ты отказаться от такого…

— А, слыхал, — он заставил себя кивнуть и для виду перевёл разговор на другое. — Я больше булавой да бастардом мастак работать.

Взгляд майорши можно было смело вставлять учебным пособием в справочник по физиогномике — столько в нём читалось недоверия и подозрительности. Даже страх можно там

было смело различить.

Ситуацию спасла старая Бельча. С оханьем да причитаниями она подхватилась, принялась суетиться — чугунок-то с травяным отваром остыл совсем. Опять же, крендельки маковые… короче, майорша оказалась вынуждена молча проглотить свои сомнения и довольствоваться угощением.

Усталые ноги уже начали подрагивать — а от обернувшего наконец всё тело тепла стали слипаться глаза. Но отчего-то именно сейчас майорша словно спохватилась.

— Сядь, не маячь там… — и то оказались последние услышанные в этот вечер Ларкой слова.

Едва он погрузился в крытое волчьей шкурой кресло да откинулся на спинку, как тотчас всё мягко и неслышно куда-то отодвинулось. Уплыло мягкое тепло и мерцание камина, растворился в тишине подсвечник с тремя огоньками над ним — и недоумённо глядящие сюда женщины.

Да пропади оно всё… и оно послушно пропало.

Проклятый туман! Впечатление ежедневно и ежечасно оказывалось таким, словно карабкаешься в гору — а следом неумолимо поднимается серая и до ватности неслышная завеса. Как неумолимый весенний разлив, она затапливала низины всё сильнее и сильнее. И всё, что оставалось, это лезть и лезть вверх.

Лишь до ломоты стиснув руками виски и до звона напрягая волю, Ларка ещё мог вспомнить, как он в середине лета приехал сюда. Или то было в конце? Что за напасть… а есть ли там что, наверху? Тоже мне, гора познания! Конечно, есть — да только, там боги живут. И чтоб вскарабкаться туда, на вершину, десяти жизней не хватит…

Отдышавшись, разогнав так и наплывающие перед глазами зелёные пятна, он нашёл в себе силы прислушаться. Оказалось, Бельча ворчала не посто так, а с умыслом. Дескать, их благородие поручик так затёрли и изорвали давеча свой мундир, что штопать или чинить уже нет никакой возможности.

— Ладно, старая, не бухти. Лучше скажи… — старуха с готовностью закивала, и дислокация лавки лучшего (и скорее всего, единственного) в этом городишке портного скороговоркой вползла в ухо.

Пришлось Ларке запрыгнуть в вычищенные домовёнком сапоги да ради спасения от этого ворчанья податься по указанному адресу.

Весна, судя по всему, оказывалась не за горами. Где-то совсем рядом, за углом — что-то уж ярко нынче светило солнце, да как-то особенно резво квиркали с небес чайки. И при разглядывании всего этого благолепия настроение поднялось настолько, что

парень и сам не заметил, как ноги доставили своего хозяина к нужному месту.

Миг-другой он в сомнении разглядывал побелевший, выеденный солью домик с такой облупленной вывеской, что надо было обладать слишком уж буйной фантазией дабы признать в этом недоразумении лавку портного. Впрочем, бабка всё передала верно, да и ноги не заплутали в пяти здешних улицах и дюжине переулков — обнаруженное место оказалось именно тем, куда молодой поручик и стремился.

Хозяин в пару слов уразумел, что от него требуется. Заверив, что у него шьются-обшиваются все господа офицеры и их жёны, тощий как жердь портной проворно снял с парня мерки.

— Поскучайте четверть часа, господин поручик, — Ларка счёл приглашающий к креслу жест ничуть не оскорбительным, потому примерно указанное время и провёл там, листая потрёпанные и засаленные модные журналы на столике — и с куда большим удовольствием потягивая сок из запотевшей чаши.

— Прошу примерить, господин поручик, — хм-м, оказывается, и здесь при нужде умели работать быстро?

Ларка взглядом отодвинул бросившееся было вслед за ним служку. Вот ещё! Не калека и не больной — да и не их благородия изнеженные…

Изображение в большом зеркале качнулось, обозрело парня пристальным и чуть недоверчивым взглядом. Словно примерялось взглядом прежде чем решить — рубануть или стукнуть по темечку?

— Да вполне, — он уже хотел было совсем выйти из примерочной, но по своей привычке проверять всё попытался осмотреть себя сзади.

Ну да, как же — всё-таки в талии он не сгибался и не проворачивался подобно той худущей из труппы бродячих лицедеев… но чтобы он да не нашёл выход из положения? Замучитесь ждать!

Рука чуть приоткрыла дверцу высокого тёмного шифоньера сзади. Во всю высоту там было прикреплено ещё одно зеркало — и вот в отражение-то его отражения в главном зеркале Ларка попытался увидеть себя с тыла.

Мир сначала легонько покачнулся, когда в каком-то особом положении перед глазами возник бесконечный, уходящий в дымку ряд зеркал и дверей — и недоумённо глядящих оттуда поручиков в новеньких серо-алых мундирах. Но самое что непонятное — в голове на тот же краткий миг что-то дёрнулось, обозвалось тупой болью…

Чем бы оно ни было, но в глазах от того на мгновение будто

посветлело.

Рамка обычного, слегка потусклевшего с одного края горела неземным огнём. Так и хотелось коснуться ладонью этого прямоугольника, надавить мягко — и открыть дверь в неведомое…

Пот катился градом. Какой-то мерзкий и ледяной — Ларка смахнул его с лица и упрямо прислушался к колотящемуся сердцу. Что-то такое вещало оно… да за буханьем в висках не разобрать. И тогда он медленно, страшась невесть чего, вновь протянул руку к дверце шифоньера. Ну же, не трясись, душонка! Ещё чуть — в отражении заметались ряды образов, выгнулись дугой. И словно в такт колышащимся и кривляющимся теням, в голове начала разливаться знакомая боль.

— Во хрень какая… — он сам не узнал этот хрип, вырвавшийся вместо голоса из пересохшего горла.

Нет! Стоять на пороге тайны и устрашиться? Это для слабаков — а к таковым парень после некоторых событий решил себя всё же не причислять. Иногда позволительно оказаться слабым. Когда ранен, или превратности судьбы прижмут неодолимым грузом. Не грешно оказаться слабее кого-то или чего-то, но грешно не желать стать сильнее.

Говорят, перед каждым человеком расстилаются тысячи дорог. Незримых, неощутимых — но вряд ли кто задумывался, какой же из них ступать. Как судьба сложится, куда ноги несут, всяк находит своё оправдание.

Но как быть, когда они вдруг высвечиваются перед взором огненными тропами? И вдруг осознаёшь, что тебе нужно выбирать. Лишь одну — здесь и сейчас. А схади подталкивает нетерпеливое время…

Сердце колотилось словно после хорошей тренировки с клинком или булавой. Да и по спине уже стекали капли страха. Или всего лишь тело готовилось к нешуточной драке? Да божечки ж мой, с кем? С отражением самого себя в зеркале? Неужто он страшнее святого рыцаря?

А ведь, страшнее. Чего уж тут лукавить — Ларка хрипло матюгнулся сквозь зубы, ещё так и не решаясь ни на что — паладина ему сейчас было бы одолеть куда проще и легче. А вот попробуй перебори самого себя. Вон он, стоит по ту сторону почти невидимой и невоспринимаемой сознанием поверхности. Сильный, красивый и уверенный в себе поручик. Ещё и нахально ухмыляется в ус, злыдень.

Или то под приподнявшейся губою скалятся волчьи клыки?

Зеркало пошло рябью, задрожало вместе с дверцей — так сильно затряслась придерживающая его рука. И всё же, оно

успокоилось, застыло словно уснувшее под полуднем горное озерцо. Чуть повернулось, ещё… есть! В голову точно ширнули то ли раскалённой спицей, то ли и вовсе кочергой. Да так, что Ларка едва не согнулся и лишь глухо застонал, хватая воздух непослушным ртом. Но всё же, где-то на донышке души он нашёл каплю сил — отвернуть лицо в сторонку и взглянуть вновь — искоса, исподволь.

Вот оно что… недаром говорят, что магия зеркал боится. Находились, правда, сильные волшебники, которые могли зеркало обмануть или перехитрить. Или даже зачаровать. Но вот на такой оборот дела никакой магии не напасёшься — если первое отображение парня в ряду самих себя же ничем таким не отличалось, то на всех последующих вокруг его головы плавали две туманные кляксы. Извивались, мельтешили судорожно — и в такт их суете в мозгах словно прокатывались лавины тупой боли.

Так, это уже серьёзно. Кто-то сильное проклятие наложил — или два. Даже обнаружить вышло скорее всего случайно… Ларка не думая потянулся рукой и цепко ухватил в пятерню задёргавшееся под пальцами пятно. Не сразу, не вдруг, но он приноровился.

Ощущение оказалось такое, словно выдираешь сам себе мозги. И всё же он тянул, медленно и осторожно, пока со слышным лишь ему треском что-то такое удалось от себя оторвать.

Изображения в зеркале дрогнули, затуманились и расплылись. Ах нет, то всего лишь от боли на глаза навернулись слёзы… поискав по сторонам, неподвижный парень таки обнаружил предмет, на который можно было бы временно сбросить добычу. Перевести до поры, как говорят магики — а потом уж и исследовать или уничтожить. Забытая неизвестной дамочкой перчатка, надушенная до такой степени, что едва не ходили селезёнки, скорчилась и зашипела сердитым котёнком, когда на неё обрушилась неизвестная гадость.

Ещё и пальчиками матерчатыми с вышивкой зашевелила…

Со второй кляксой пришлось повозиться дольше. Не раз и не два Ларка останавливался, замирал, уже едва сдерживаясь чтобы то ли взвыть от боли, то ли бросить всё и оставить как есть. И всё же, пришёл момент, когда боль в голове исчезла. Резко, словно погасшая под порывом ветра свеча, она неприятно трепыхнулась в ладони — и оказалась брезгливо стряхнутой на дамскую перчатку.

Прохлада. Ощущение почти такое же, как когда отходишь от пышущего жаром горна и вываливаешься в двери, чтобы разок-другой глотнуть свежего воздуха. В глазах не то чтобы

посветлело… вокруг зеркала обнаружилась простенькая резьба на дверце, на ногте правой руки заусенец, а в ухе нестерпимо засвербело.

Дёрнувшись было почесать зудящее место, Ларка замер. Мир вдруг стал простым и ясным — не тот что вокруг, а тот привычный и уютный мирок внутри себя, в котором *от восхода до заката* обретается родное и привычное Я.

— Ну ничего себе! — откуда-то из пустоты нахлынули воспоминания.

Они легко и послушно скользили словно отполированные чётки меж пальцев. И по мере того, как где-то в душе неуверенно разгорался почти померкший свет, на незримых полках кладовой обнаружилось всё то, что не то чтобы казалось забытым… потерянным навсегда.

Каменка… Милка… Академия, полковник и Велерина… отчего-то всплыло строгое и чуть настороженно поглядывающее лицо Ольчи, а рядом суетливо затарахтел о какой-то ерунде Лёнчик.

Если бы портной сдуру или по глупости заглянул бы в примерочную, то обнаружил бы господина поручика сидящим прямо на полу и тихо содрогающимся с залитым слезами лицом. Однако на своё счастье, мэтр оказался слишком занят с никак не дающимся заказом супруги канонира из крепости, оттого сунуть голову под кулак кузнеца попросту не догадался.

— С-суки… — парень кое-как, пошатываясь, встал.

Кабинка вдруг показалась ему тесной. Настолько, что он едва сдержал почти неодолимое желание рвануть ворот новенького мундира — настолько тот его душил.

И всё же, Ларка вновь приотворил деревянную дверцу шифоньера в нужное положение и ещё раз придирчиво осмотрел господ поручиков. В левом ухе тоненько эдак что-то попискивало — но с такой мелочью можно было уже разобраться и потом.

Едва он помнил, как заказал по той же мерке ещё один мундир, сыпанул не глядя серебрушек. И покачиваясь словно пьяный ринулся вон под недоуменным взглядом изрядно озадаченного портного…

Сколько Ларка себя помнил, за него всегда кто-то решал. Старшие ли в деревне, или староста Хведот, задумчиво почёсывая пегую бородёнку. В особо важных случаях своё веское слово молвил их милость барон. Но вот пришла пора жить своим умом — и вот тут-то уже страшновато. Не ошибиться бы. Или то упрямо шептала своё привычка раба?..

Заготовка чуть остыла и уже отзывалась на удары тугой неподатливостью. Потому он поднёс её ближе к глазам, осмотрел

и сунул в раскалённое нутро горна.

— Немного нагрей, да без глупостей, — буркнул он шурующему внутри огненному духу, и занялся пока второй поковкой.

В тесноватой и закопчёной кузнице, расположенной в самом углу тесного крепостного двора, сегодня наверняка впервые во время работы гулял чистый воздух. Никакого угля — выгнавший взашей не совсем трезвого кузнеца Ларка недолго думая впихнул в горн ничуть не возражавшего огневика. Похоже, тому уже приходилось заниматься подобной работёнкой, потому что жар стелил ровно, умело.

А в бадье вместо грязной воды, в которой обычно остужали или закаливали раскалённые поковки, сегодня болталась водяница. Плескалась игриво, всё подглядывала уважительно и испуганно на озарённого отблесками ненавистного пламени кузнеца, которому и отказать-то невозможно…

— Годится, — Ларка кивнул и вынул заготовку из пасти потешно и важно надувавшего щёки огненного духа.

Инструменты свои разобидевшийся хозяин кузницы трогать запретил — но ими парень работать и побрезговал бы. Бронзовые молоты и молоточки, чеканы и киянки, даже клещи — всё оказалось в, мягко говоря, запущенном состоянии. Давно не пороли… впрочем, кузнец здешний не подневольный, вот и работал кое-как.

Не за страх.

Но с другой стороны, обзавестись хорошим комплектом железных инструментов Ларке мысль как-то доселе не пришла. Уж слишком сильно запудрила мозги госпожа Велерина… при одном только воспоминании о неизменно чистенькой волшебнице в розовом его разобрала злость. Настолько, что он едва не испортил заготовку слишком сильным ударом — отчего-то в нежном сиянии раскалённого железа ему почудилась её ухмылка на красивых губах. Э-э, нет, так нельзя!

В общем, если бы кто догадался заглянуть в кузницу этим вечером, то оказался бы озадачен вовсе не малость. Один только вид крепкого парня, работавшего с раскалённым железом голыми руками, мог бы довести созерцателя сего зрелища до философии или даже меланхолии.

Но если бы чуть позже наблюдатель узрел, как кузнец вместо молота ударял по железу то кулаком, то чуть нежнее — раскрытой ладонью — тогда уж без сомнений в здравости собственного рассудка наверняка бы обойтись не удалось. Ибо поковка покорно воспринимала удары и постепенно принимала ту самую, видную лишь в воображении форму. А парень

подправлял что-то пальцами, примеривался взглядом, и принимался работать опять.

А занятный материал, это железо! Едва только удалось нащупать нужную степень нагрева, чтобы балансировать на грани между *твёрдое* и *жидкое*, как работа пошла…

Так вот, насчёт решать. Не просто ведь так всё случившееся с Ларкой произошло. Госпожа Велерина хоть и баба, да не из тех, у кого семь пятниц на седмице. Да и полковник впечатления недотёпы отнюдь не производил. И что теперь делать, если бежать то куда, обдумать да взвесить следовало хорошенько.

Ведь из всего набора Академии только с ним таковые мытарства и приключились…

Водяница с готовностью захихикала, когда кузнец наконец сунул в её бадью багрово светящийся готовый клинок. На краткий миг она вся озарилась тусклым сиянием. Но против ожидания, не зашипело, не взвился пар. Уж хорошего духа воды просто так не пронять, какой-то железкой раскалённой — водяница поглотила жар железа мгновенно, даже не поперхнувшись.

— Или ещё сильнее остужать? — она небрежно махнула прозрачным хвостом, и в подставленную ладонь Ларки вылетел холодый клинок.

— Нет, не надо, а то хрупкий будет, — тот уже почти освоился с таким диковинным для кузнецов медного королевства железом.

Одна заготовка для пары оказалась готова, следовало браться за вторую. И то сказать, нужно сделать почти такую же — но наоборот. Не просто по форме, но и по характеру. Ведь не просто так подобные клинки назывались братники. Братья. Работа сложная, такую только опытный кузнец и осилит, ведь на самом деле у металла, да и у готового оружия своя душа есть. Сумеешь вдохнуть её в клинки, значит будет дело. И такое парное оружие ценилось куда дороже одиночного, потому как каждый кузнец хоть и делал почти одинаково, да только лишь с виду.

Любой опытный мечник-фехтовальщик сразу брак или недоделку почует. Не так поют, не так рубят — вроде и движения ими правильные делаешь, и силу прикладываешь, а в бою толку чуть…

— Ничего, будет то что надо, — признаться, Ларка делал братники как для себя. Словно для себя, если б он ростом и руками был как госпожа майорша — и никак иначе. И если душа кузнеца во время работы поёт, значит и воин то ощутит… а уж комендантша рожей и фигурой не очень-то вышла, значит чин и дворянский титул выслужила не одним местом, а за реальные заслуги.

Левым клинком водяница с каким-то сипением поперхнулась.

— Что-то не то в нём, — неохотно булькнула она и брезгливо швырнула поковку едва Ларке не в лицо.

Вот уж характерец! Недаром они и форму предпочитают почти женскую, да и все владеющие Силой признавали — что-то такое неистребимо бабье в повадках духов воды есть. Обволочь собою, поглотить в себя… Ларка пристально осмотрел, вчувствовался в поковку и вздохнул. Ну точно, железо в одном месте недоковано. А значит, надо переделывать…

Над крепостью и сонно умолкшим городишкой уже давно высыпали звёзды. Разноцветные и шалые, они перемигивались, болтали меж собою на неслышном и неведомом языке. И вообще, вели себя невообразимо нахально.

Ларка вышел на крыльцо домика, неловко хлопнув дверью. Покорно дожидающийся у бабулиной лавочки дух обрадованно встрепенулся — в руке человека виднелся пакет с тем, вкуснее чего не бывает в целом мире. Красная ртуть!

— На, держи — заслужил, — парень с лёгкой улыбкой на вспотевшем лице смотрел, как сгусток огня с вожделением принюхался к небольшому свёртку, а потом вместе с ним втянулся в щели меж вымостивших двор камней. На радостях даже поблагодарить забыл…

— Я такую дрянь всё равно не ем, — меланхолично отозвалась вольготно разлёгшаяся в ведре водяница, которая с небывалым комфортом и почётом прибыла сюда в руке человека, а потому до сих пребывала в несколько ошарашенном состоянии.

Правда, Ларка ничуть не забыл ту мерцающую туманную гадость, которую так обожали все окрестные Академии духи воды. И глиняная кружка из его ладони ткнулась водянице под нос.

— А ничего… да нет, просто прелесть! — та оценила лакомство вмиг. Заключив остатки светящегося тумана в прозрачные водяные ладони, она тут же превалилась через край ведра и впиталась в землю. — Спасибо, чувствующий!

— Завтра к вечерку пусть ваши старшие подойдут, — вновь облекший свои плечи в мундир поручика Ларка вместе с ним словно надел на себя непрошибаемую солидность, надёжность. — Четверо, по одному каждого.

Вновь краешком выглянувшие из-под земли духи недоумённо переглянулись. Тут же поморщились, словно узрели какую непристойность — уж водяные и огненные никак не дружат — а потом эдак неопределённо кивнули и сгинули окончательно.

Наверное, к лучшему, что лишь ночь и приметила какую-то мягкую, всепрощающую улыбку, мелькнувшую на губах человека. А сам он ещё долго вертел в руках нарочито чуть грубоватые

поковки. Примеривался так и этак, слушал — что шептал его пальцам своенравный металл. И лишь потом мастер решился.

Лопатка из чулана, которой старая Бельча работала в саду, когда её не особо донимал ревматизм, оказалась в руке кузнеца, а сам он прошёл в самую тёмную тень за кустами спящих роз, под растущий в углу двора старый тутовник. И вот здесь-то, повинуясь какому-то внезапному наитию, Ларка и закопал неглубоко оба клинка.

Духи земли, воды и воздуха! Придите сюда, погрызите чуть это непокорное железо!

Озарение пришло неожиданно. Как ни очищай материал, а вдоволь всякой дряни в нём всё равно останется. Но волей мастера примеси — посторонние и магические — вышли в поверхностный, тонкий слой металла. И теперь Ларка собирался сделать то, о чём слыхал однажды, казалось ещё в той, другой жизни.

Коль найдёшь на старом пепелище тронутый ржавчиной топор или клещи — вернее этого инструмента не бывает. Ржа как раз и съедает вместе с железом всякую дрянь. А вот с медью таковые фокусы не проходят…

Духи понятливо закивали. Да что ж тут непонятного — изъесть верхний слой добротных поковок, примерно на толщину древесного листа. И сделать за ночь то, на что в обычных условиях уходили годы. Наутро чувствующему только и останется, что подполировать лезвия да приделать на клинки рукояти.

Последние-то он ещё утром заказал старому оружейнику из крепости. Тот поначалу в лице переменился, когда Ларка на пробу и как образец показал дареную Ольчей рукоять кинжала. Дескать, не настолько хорош я… но обещал тоже сделать неплохие — раз в подарок высокому начальству надо.

И ухмылявшаяся чему-то на небе луна подмигнула. Серебристым лучиком пощекотала сквозь ещё голые ветви тайное место. И словно дожидаясь именно этого сигнала, духи воды, земли и воздуха принялись за почётную, доверенную им работу.

Словно ожили, засновали тени — то целая ватага чуть не лопающихся от важности земляных образовала круг и повела медленный, едва заметный хоровод. Неспешная, томная, вечная как горы песня неслышно потекла над уголком сада. И как только потайное место оказалось накрыто туманом отчуждения, иными чародеями признаваемым за нереальность, в круг скользнули вода и воздух. Словно две сестры, они принялись поглаживать и ласкать два слабо мерцающих в пустоте клинка. А те в ответ стали неохотно покрываться тёмным, чуть рыжеющим налётом.

— Давай сильнее! — шумнула на них водяница, невесть зачем обернувшаяся вокруг услужливо склонившейся ветки дерева и приглядывавшаяся к делам внизу. — Чувствующий ведь не для себя ладил — для женщины человеков.

Земляные духи чуть ускорили своё движение, сделали явнее неслышный человеку несведущему грозный шёпот, от которого по их прихоти или желанию произрастали или же разравнивались горы. Сползались ядовито-туманной дымкой подземные токи, чтобы затем обернуться рудными гнёздами и жилами, россыпями серебра-злата или гроздьями драгоценных каменьев.

— Не берёт, сестра! — водяница на миг прильнула к клинкам и тут же отпрянула. — Чувствующий наш хороший мастер, добротно сделал.

Откуда-то из самой глубины мелькнула быстро приближающаяся яркая точка. То на один лишь зов прибыл задремавший было меж раскалённых пластов камня огненный дух. Хватило одного только взгляда присматривавшей за работами водяницы на дереве, чтобы вызванный на помощь понятливо кивнул, а потом быстро цапнул вдруг раскрывшейся пастью оба клинка. Надкусил, заставив железо просиять гневными сполохами — и тут же на раскалённую поверхность обрушилась вода и воздух.

Только так работу этого чувствующего и можно угрызть…

А наверху домика спокойным сном хорошо поработавшего мастера спал человек. Легонько улыбался чему-то во сне, и специально приставленный дух воздуха легонько обвевал эфирными дуновениями его лицо. Гордился честью охранять покой чувствующего — и оттого старался бережно, нежно. Навевал самые мягкие и приятные сны, водил душу спящего неведомыми тропками. Отворял любые, недоступные иным дверцы и склонялся в услужливом поклоне.

Угодно сюда? Изволь, чувствующий…

Мария фон Браухич с самого утра обреталась в каком-то взбудораженном настроении. Но скорее в приятном — по всему телу так и пробегала сладковатая дрожь непонятного волнения, а на щёки иногда сам собою вымахивал непонятный румянец.

— Бог мой, неужто на меня весна так действует? — едва слышно, сквозь зубы проворчала майорша и комендантша королевской крепости, и изо всех сил попыталась нахмуриться да принять грозный вид.

Получилось, видимо, из рук вон плохо. Солдаты и их командиры, отрабатывавшие учебную тревогу "захвачена угловая башня", ни разу не сбились и даже — уму не постижимо! — полностью уложились в поистину драконовские временные

рамки. Между прочим, ужатые и установленные самой госпожой майоршей.

Усатые солдаты и сержанты весело скалились, потели, гремели медью и вообще носились как угорелые — но с толком. И приглядевшаяся комендантша прославленной в войнах крепости Марыч не нашла даже, к чему придраться. Горжа плотно перекрыта, оба выхода из башни тоже, подкрепление прибыло вовремя. И даже малый платунг арбалетчиков ощетинился тупыми рылами своих орудий с крыши равелина. А особая штурмовая группа рубак и магиков для контратаки уже нацелилась на вход в захваченную башню, чтоб живо вычистить ту от неприятеля.

— Ну что ж — кажется, я таки воспитала из вас неплохих солдат, — снисходительно усмехнулась Мария фон Браухич.

И по гордо выпрямившейся фигуре сигнальщика, поднявшего на мачте флаг *отбой*, за лигу оказывалось видно — командир доволен!

— Поднять второй флаг — *добро*, — госпожа майор отвернулась от изумлённого сигнальщика, чтобы тот не увидал опять заливший щёки бывалой амазонки румянец, а пуще того, некую смущённую улыбку.

Потому солдат прилежно оповестил гарнизон крепости вторым флагом — командование выражает своё удовольствие!

А её превосходительство с дробным топотом сапог сбежало с наблюдательной башенки и едва сдерживаясь, чтобы не пуститься впрыжку, направилось по галерее в свои покои. В свои тридцать два Мария считалась опытным офицером и бывалой рубакой. Но положительно, нынче окружающая природа что-то уж очень такое необычное нашёптывала.

Вслед за стуком в дверь комнаты сунулся денщик. Тут же подхватил нетерпеливо скинутые сапоги хозяйки, взамен поставив на половичок другую пару. А запылённые утащил чистить — командир крепости всегда должна выглядеть опрятно и образчиком для подражания…

Вот так, босая и не успевшая пригладить щёткой растрёпанные на ветру короткие волосы, Мария фон Браухич и встретила медведем вломившегося в двери поручика.

— Что надо? — комендант крепости даже не сочла нужным наорать на этого… впрочем, особо и не за что пока. — Вон, очередные увольнительные и чеки на жалованье на полке лежат.

Однако не успела офицерша продолжить "бери и убирайся", как вошедший эдак непонятно ухмыльнулся и опустил на стол весьма интересно звякнувший полотняный свёрток немаленького размера. Сердце хозяйки комнаты и крепости стукнуло как-то так,

что непонятным науке и здравому смыслу образом оказалось у самого горла. И едва сподобившаяся дышать госпожа майор сама отметила — в каком странном волнении пересохли губы.

— Взятка? — строго поинтересовалась она для начала, уже прикидывая — как бы набраться духу да устроить этому… хорошенький разнос со срыванием шнуров и разжалованием.

Но поручик с самой честной физиономией подтвердил — так точно, ваше превосходительство, мзда и есть.

Верно, верно говорят насчёт того, что как раз любопытство-то кошку и сгубило! Как Мария ни убеждала себя, что прежде чем устраивать выволочку, надо осмотреть свёрток — чтобы в протоколе затем указать характер и точный размер подношения — но обмануть саму себя всё же никак не удавалось. Ладони действовали независимо от воли изумлённо взиравшей на то хозяйки. То есть, развернули ветхое полотно…

Спасибо вам, боги… на глаза просто-таки наворачивались сами собою непрошенные слёзы. Два ладных, блестящей стали клинка-братника лежали в ладонях ловко, надёжно. Ведь не медь и даже не бронза — честное железо. А судя по легчайшей дрожи, самое занятное оказывалось то, что металл этот некогда был добыт да выплавлен светленькими. И теперь наконец пришёл к своему истинному предназначению, стать великолепным оружием против них же.

— Но до чего ж хороши! Как под мою руку сделаны, — только эти слова и выпустила наружу расчувствовавшаяся комендант стратегически важной крепости. — Знатная работа, жаль что клейма мастера не видать.

"Как раз именно что под твою руку и сделаны!" — всё же, проведенный в Академии год таки приучил Ларку, что не все мысли следует озвучивать. Потому вслух он заметил, что клеймо проявится, только когда клинки испробуют хозяйской, человечьей крови.

— Волшебные клинки, и до сих пор ни к кому не причарованы?

Брови майорши полезли на лоб. А в глазах полыхнуло такое неприкрытое изумление, что поручик внутренне поёжился. В самом-то деле, такая неприрученная пара должна стоить целое состояние… ладонь его словно тисками ухватила правую руку майорши и легонько царапнула по той нужным клинком.

Всё, назад хода нет… с едва прикрытым интересом он смотрел, как амазонка медленно, словно в очарованном сне, сделала то же с левым клинком. Затем с тяжёлым звоном скрестила оба, сделала в воздухе словно разрез лязгнувшими ножницами, а потом осторожно, бережно словно величайшую

драгоценность, поцеловала кончики немедля покрывшихся чернотой братников.

От дальнейшего он деликатно полуотвернулся. Вроде и в сторонку смотрел, однако на самом деле следил искоса, колдовским взглядом. Ненавязчиво угукал или хмыкал в нужные моменты, пару раз покашливал неодобрительно-предупреждающе — и госпожа майорша наполовину по наитию, наполовину на подсказках таки преодолела обряд посвящения. Или знакомства — это уж кто как называет. Паладины и вовсе благословением обозвали.

Клинки напитались бархатной, вкрадчивой чернотой. Словно сама госпожа ночь проглядывала из них. Ну, кого тут к себе прибрать надо? Однако, из эфесов на лезвия вымахнула зелёная еловая лапка — с тем чтобы кокетливо виться и переливаться колдовским мерцанием.

Майорша фон Браухич обернулась к подпирающему стену поручику не скрывая своих расстроганных чувств. С опущенных клинков стекала сама тьма — и она же сейчас смотрела по-хозяйски из глаз расчувствавшейся воительницы.

— Хотела бы я знать, во сколько тебе обошлось этакое чудо, — всё же, она справилась с лавиной нахлынувших чувств.

Клинки с еле слышным хохотком до поры прикинувшихся обычным оружием могучих демонов вернулись на стол. Но вместо ответа Ларка добыл из-за пояса собственный кинжал и положил рядом. Братники откровенно прильнули к тому, подластились, и на миг просияли все три еловые лапки.

— Мой бастард хоть и бронзовый, но такой же, — скромно заметил парень и взглянул во вновь распахнувшиеся изумлением глаза…

Клинок вошёл в ничуть не протестующие ножны мягко и в то же время властно. По-хозяйски обосновался в уютном пристанище — с тем, чтобы потом завершить своё дело. Самое пикантное оказывалось то, что запереть изнутри дверь этот смазливый поручик не догадался или не счёл нужным. Но именно последнее обстоятельство, что в любой момент могли постучать или же вломиться иногда забывающий то сделать денщик, именно это так завело женщину, что она до синяков искусала ладонь, дабы не дать вырваться этому гортанному вою рвущегося наружу счастья.

И это ей едва удалось…

Ларка с досады так затянул на женской талии ремень с бронзовой пряжкой, что та протестующе пискнула. Ну никак он не планировал эдакое… даже и не думал. Всё произошло словно само собой. И что теперь?..

Майорша кое-как отдышалась в кресле. И всё же, её

очаровательно заалевшие щёки и особенно тот самый, неповторимый блеск глаз безошибочно подсказывал насчёт недавней оказии.

— Приотворите окно и налейте мне вина, поручик, — кое-как проронила ещё не офицер, но уже и не просто женщина.

Извиняться или оправдываться Ларка счёл ниже своего достоинства. Что сделано, то сделано. Из множества дорожек выбрана одна, и пусть потом горит всё синим пламенем!

— Если ты сейчас намекнёшь насчёт повышения в звании или какой награды — я не смогу отказать… тебе. Сделаю всё, но потом этими вот клинками проткну себе сердце, — глаза Марии вернулись к лежащим на столе братникам.

Словно почуяв взгляд владелицы, те встрепенулись. По лезвиям от эфеса к кончику пробежались шипящие разряды махоньких молний, а сами они словно спрашивали — где вражины, хозяйка? Только возьми нас в руки и укажи цель…

— Ваше превосходительство, не усложняйте, — Ларка плеснул на пару пальцев и себе. — Взрослые люди, никому ничем не обязаны — а насчёт понятий чести у нас с вами разногласий не возникнет.

Почти уже пришедшая в себя женщина вновь отхлебнула вина.

— Что ж, рада слышать то, — а затем негромко хохотнула. — Надо же! Полковник Блентхейм всегда хитёр был — значит, не просто так он спрятал такого мастера среди девяток.

На недоуменный взгляд поручика она пояснила — почти два года тому она под началом полковника командовала тремя сотнями тяжёлой пехоты в стычке у перевала сен-Бернар. Только хитростью военной тогда и удалось разгромить святое воинство. Кровью умылись обе стороны, однако остатки светленьких быстро убрались к себе — за ту битву в майоры тогдашнюю капитаншу и произвели. Да дворянство их величество пожаловали за храбрость.

— Три комплекта оружия изломала об этих поганцев, — пожаловалась Мария фон Браухич. — Под конец едва ногу один паладин не отрубил — хорошо, магики вовремя файрболами того отвлекли.

Ларка кивал, а сам легонько ухмылялся. Надо же — стоит женщину и себя чуть порадовать, как бравая воительница уже и не казалась столь страшненькой. Во всяком случае, фигура неплоха…

— Ладно, господин поручик… — женщина на миг преодолела майоршу. — Подаришь мне одну ночь? Больше мне не надо.

— И без никаких взаимных обязательств, — кивком

подтвердил сразу посерьёзневший парень. Правда, затем предупредил, что скорее всего не эту — на сегодняшний вечер уже назначено свидание.

Взгляд собеседницы на миг стал острым. Но Ларка тут же, шутливо подняв руки в знак капитуляции, заверил — ничего такого, ваше превосходительство. Просто, договорился встретиться да почирикать немного с демонами.

О, это надо было видеть! Примерно подобные глаза обнаруживаются у ребёнка, когда ему вдруг объясняют, что столь вожделенное варенье в больших дозах вредно. Но всё же, майорша и тут нашлась. Да на правах коменданта потребовала — как отвечающая перед королём и своей совестью за всё происходящее в крепости и городе Марыч, она просто-таки обязана знать если не всё и вся, то весьма к тому близко.

— Короче, господин поручик, я присутствую? — но в противовес начальственному тону, глаза её всё же смеялись.

Проклиная мысленно свой некстати развязавшийся язык, Ларка не нашёлся что ответить. Лишь вернул на пояс кинжал, бросил на себя осторожный взгляд в настенное зеркало, да на прощание отсалютовал с эдакой смесью уставной лихости и небрежности, которую он углядел у бравых служак.

Гости наконец отбыли. Грозные, могучие, наводящие дрожь одним лишь своим присутствием — они оставили почти приткнувшийся к горам маленький домик. Огненный демон, неприкрыто плотоядно облизывавшийся на госпожу майоршу, всё же не решился на кощунство в присутствии чувствующего, и в конце концов убыл через приветливо загудевшее ему навстречу жерло камина.

Солидный и неторопливый как старый генерал дух земли, прибывший из таких глубин, о которых ничего не известно было даже учёным, просто провалился сквозь пол. Бесшумно и весьма эффектно. А валявшаяся на софе водяная дева пролилась весенним дождиком за окном — и когда взгляды людей вернулись в комнату, её уже и след простыл.

Зато непоседливый дух воздуха некоторое время покружил в светлице, ероша волосы да вздымая занавески, и исчез, так и не решившись обернуться здесь в своё истинное обличье неукротимого урагана.

— Нет, они не демоны, — упрямо возразила госпожа майорша, отчаявшись привести в порядок неприлично растрёпанную голову.

Да кто б спорил. Кто другой, однако не Ларка. Молча он прибрал посуду из-под угощения гостям (на человеческий лад то попахивало весьма неаппетитно) и вздохнул.

— Да те же духи и есть. Куда более сильные, почти непокорные — но и с ними договориться можно. Однажды довелось… — и упреждая едва не сорвавшийся с губ Марии фон

Браухич вопрос, добавил. — Но вспоминать то не стоит.

Переговоры прошли на удивление быстро. Гости вовсю угощались, легонько шумели, когда их не удавалось в чём-то убедить — но результат Ларку весьма и весьма устроил…

— Кстати, я поняла твою с ними беседу едва на треть, — на пробу напомнила о себе майорша.

Ларка неохотно кивнул. Ну да, всё верно. Он-то больше интересовался всякими секретами по кузнечным делам. И грозные духи из старших хоть и неохотно, но отвечали. Воздушный припомнил, что нечто такое особенное с медью мог проделывать в незапамятные времена Фенрир-маг — и даже согласился поспрашивать братьев, вдруг кто что припомнит.

Водяница и дух земли долго мялись и отнекивались, словно юная служаночка в объятиях удалого драгуна, а потом всё же промямлили:

— Ну да, верно ты рассудил, чувствующий — металл в той руде что вы проклятою называете, есть. Да только, не медь то… — как парень не упал на пол прямо из кресла, осталось неведомо никому. Вот оно как — а значит, и пытаться добыть его тем же способом, что и медь, не удастся?

Но духи заверили, что металл знатный, и умолкли — мол, сказанного достаточно. Зато огневик стрескал целую вазу красной ртути и по причине сего находился в весьма благодушном настроении. Поглядывал на майоршу с несомненно людоедскими настроениями. Но Ларка-то видел — так, пугал по своей привычке да силу испытывал.

— Ладно, чувствующий… коль найдёшь способ моих младших, да и старших братьев от святых молитв уберечь — придём на драку со светлым воинством.

Вот это новость оказалась, так новость! Даже духи воздуха не могли состязаться по боевым качествам с огненными. И стало быть, если удастся придумать нечто этакое… да, с такими союзниками можно уже всерьёз попробовать раскатать в блин сварливых соседушек за полночным хребтом. Значит, если упомянутого способа и нет, то его надо кровь-из-носу придумать. Причём, желательно, чтоб носы оказались светленьких…

— Значит так, госпожа Мария, — негромко заговорил доверительно пригнувшийся над столом парень. — Кузнеца в крепости сменить — старый совсем спился. Если из Королевской Горки сумеете выцарапать, будет лучше всего. Это раз.

Второе прозвучало тоже интересно — а что, если хорошенько поворошить архивы в столичной и королевской библиотеках? Как и чем задобрить воздушных духов, по поводу проклятой руды и магии огня. Отнюдь не страдающая воображением и

соображением майорша с готовностью предложила послать через мага из крепости запрос по хрустальному шару — сиру Блентхейму и стервочке Велерине. А уж те сообразят сразу, кого в верхах и за какие ниточки следует дёргать. Они там все ходы-выходы знать обязаны просто по определению.

А третьей оказалась куда более серьёзная и конкретная идея. Ларка напомнил, что он родом из гор, и здешние почти родные места изучил первым же делом.

— Ну, и духи кой-чего показали… в общем, могу попробовать кружным путём скрытно провести на ту сторону парочку головорезов из самых отчаянных, да одного магика. Где-нибудь в глуши пощипать святош хорошенько. Пока там светлые сообразят, да меры примут — за седмицу мы натаскаем трофейного железа столько, что можно будет перевооружить ударный штурмовой платунг из крепости, да ещё и офицерам оружие хорошее сделать.

Госпожа майорша живо вспомнила о своём долге перед королём и тут же принялась гнуть свою линию — дескать, положено всё добытое или найденное железо сдавать в казну.

— К утру ты переменишь своё мнение, женщина, — Ларка необидно усмехнулся в удивлённо раскрывшиеся глаза, и мягко но убедительно добавил. — От рассвета до заката командует майор и комендант — но вот от заката до рассвета, извини, командую я.

Тут же он указал в сторону и добавил, что вон в той комнатушке духи под надзором домовёнка уже должны были нагреть воды для мытья. Вон там — жест рукой вбок и вверх — спальня. В спальне кровать. И через пять положенных по уставу на помывку минут в кровати Ларку уже ждёт дева, одетая по форме ноль.

Удивительно, однако бравая майорша и крутая головорезка повиновалась не пискнув даже для приличия. Едва сдерживая себя, чтобы не перейти на совсем уж обрадованно резвый и нетерпеливый бег, означенная дева бодро промаршировала в указанную сторону — и через несколько мгновений там заплескалась вода.

Не писаная красавица, конечно — однако и не настолько страшна, чтоб из брезгливости мордаху подушкой закрывать, как говорится. Да ведь, не смазливая внешность в человеке главное. Красота, она в чём-то другом кроется…

Ну что ж — ночь, пожалуй, началась?

— Да шо ж ты, ирод, делаешь? Перевивай слои, сплетай!

Ларка покосился на тщательно ухоженную, свитую в косички бороду стоящего рядом старого мастера и попробовал изобразить со скользящей меж пальцев огненной нитью что-то подобное.

Какими посулами и подарками Его Величество сумел заманить к себе в Королевскую Горку подгорного кузнеца, так и осталось величайшей загадкой. Через пару дней после некой восхитительной ночи к крепости Марыч подлетела на взмыленных лошадях целая процессия непрерывно от самой столицы мчавшихся карет и повозок. Оказалось, что полковник и магичка подняли при королевском дворе такой тарарам, что Его Величество лично приказали… повелели… и в пограничный городок прибыло сразу трое лучших кузнецов да двое магиков, сведущих в разного рода тёмных делах. Вместе с ними прибыл якобы с инспекцией самолично канцлер — и вот этот мастер.

Гном пригляделся внимательнее к работе парня и благожелательно кивнул.

— Не верил я, когда мне сказали, что есть среди вас, человеков, один такой… но всё же, поспорил с их величеством да приехал, — он покачал головой и заправил в уже начинающие деревенеть ладони Ларки кончик нового мотка проволоки. — Придётся признать — проспорил я на тебе, парень.

— Ничё, не обеднеешь, — тот, неведомым ни науке ни себе образом переделывавший наспех выделанную железную проволоку в пружинистую и калёную, пригодную для плетения кольчуг сталь, уже начал выдыхаться.

Шесть ночей он шастал через горы. Упрямо держал вокруг себя так и норовящую расползтись клочьями реальность, но волчья (судя по следам) стая таки пробиралась скрытно на ту сторону укутанного снегами горного хребта. Словно в отару овец, полночной порой врывались они в небольшую сторожевую крепость или пограничный гарнизон светлого воинства — и резали, резали, резали… А уже под утро, хмельные победой и кровью, пошатывающиеся от усталости и тяжести добычи, возвращались кружным путём обратно.

Туда, где в предутреннем морозе их терпеливо дожидались двое саней с сержантами вместо возниц. Да закутанные в волчью доху целитель и Мария… груз отвозили в тайную каморку при арсенале, головорезы и магик отправлялись отдыхать. А Ларка, к тому времени уже едва что-то соображавший от изнеможения, отдавался на волю умелых рук. Что там за волшбу творил и вталкивал в его подрагивающее от усталости тело лекарь, он не осознавал. Смутный, без сновидений сон наваливался сразу.

В себя он приходил лишь ближе к полудню, когда неодобрительно поджавшая губы Бельча притаскивала наверх обед в сопровождении неизменно отчего-то обретавшегося в домике бывалого рубаки с сержантскими шнурами.

— Ещё девять пудов нонча припёрли, — буркнул охранявший

сон добытчика воин, довольно усмехаясь в усы.

А наскоро поевший Ларка кое-как собирал своё разваливающееся на части естество и плёлся в крепостную кузницу.

Дымились от нагрузки свивающие машинки, однако двое кузнецов исправно переделывали трофейное железо в колечки для кольчуг. Магики и духи огня от натуги портили воздух, падали без сил, но упрямо плавили неподатливый металл, изгоняли из него светлый дух. И тогда в упрятанных глубоко под землю арсеналах прибавлялось воронёных доспехов и оружия…

— Будет из тебя толк, парень, — хотя гном едва и доставал Ларке макушкой до плеча, но работу свою знал и умел на совесть.

Парень несколько раз встречал подгорных мастеров в родных горах — но приставать к таким с расспросами или цепляться считалось дурным тоном. Раз бегут куда-то по своим делам, зачит так тому и быть. Подземные жители относились к установленным наверху человеками границам с этаким лёгким наплевательством — и шастали где и когда хотели. Но к обитателям медного королевства относились с куда большим терпением, уж эти не хватают да не допрашивают с пристрастием. И в душу с молитвами не лезут…

— Вся проволока ушла? — он кое-как утёр заливающий глаза пот и огляделся.

Вёдра с заготовленными кольчужными кольцами уже оказались заполнены, и на пару с гномом Ларка принялся выделывать листовое железо для сплошных доспехов и их частей. Потом уж обычные кузнецы закончат, да и оружейник из крепости тоже.

И на остатках сил он вновь принялся за работу…

Сверху по ступеням затопотали чьи-то каблуки.

— Не велено, ваше превосходительство! — рявкнул специально приставленныей к дверям сержант. Уж здешний-то огненный ад не всякий выдержит — да и от магии не продыхнуть. Простому смертному сразу хана…

Мокрый хоть выкручивай Ларка отпустил помогавших в работе огненных да водяных духов и осмотрелся.

— Пропустить! — по его и гнома части работа в основном оказалась закончена, с остальным уже и кузнецы да чародеи справятся.

Медленно, словно нехотя, из тела уходило то особое настроение, то похожее на песню чувство, без которого нипочём хорошую работу не сделать. Нечто такое, тонкое и неощутимое — и всё же совершенно необходимое.

— Спасибо, мастер Трин — для меня было честью работать

вместе с вами, — кое-как, не обращая внимания на протестующе взвывшую поясницу, он поклонился.

Гном в ответ посмотрел эдак оценивающе, с ухмылочкой в бороде, а потом с неожиданным проворством поклонился и сам.

— Настоящий казад прётся только возле наковальни с раздутым горном, — доверительно проворчал он и покосился на ввалившуюся в ещё пышущую жаром кузницу госпожу майоршу. — Ну и, на бабе тоже. Гм-м… с раздутым горном.

Ох и шуточки у этих гномов! Ларка усмехнулся в мокрые усы, но смолчал.

В глазах вместе с током свежего воздуха постепенно прояснялось. Мокрые помощники торопливо уносили в арсенал готовые изделия и заготовки, прибирали — чтобы никакая проверка или инспекция не могли тут ничего такого обнаружить. В кулачищах гнома обнаружилась принесённая сверху весьма интересных размеров кружка пива с белоснежной шапкой пены, а на его бороде закурчавившиеся от жара волоски. И то сказать, ещё только что в кузнице шуровал настоящий огненный шторм…

Мария оказалась несколько озабоченной. Одному сержанту, вместе с Ларкой геройствовавшему этой ночью, таки слишком сильно задело плечо арбалетным болтом. Вдобавок, целитель указал и на застуженное горло второго. Но заменить некем, рубак такого уровня в крепости всего несколько. Так что, к вылазке будет готов только магик — когда проспится да отдохнёт.

— В принципе, ещё разок сходить не помешало бы, — оружейник прикинул по своему списку и озабоченно покачал головой. Работы по его части предстояло ещё куда как много.

Если бы Ларку потом спросили — какой демон тогда дёрнул его за язык, он вряд ли бы сумел ответить. Потому что он оторвался от своей кружки да неожиданно поинтересовался у напряжённо ожидавшей его решения и ответа комендантши:

— На сегодняшнюю вылазку — последнюю — госпожа майор окажет мне честь пойти лично?

Пристальный, изучающий взгляд оказался первым ответом. В тёмных и удивительно серьёзных глазах Марии фон Браухич плескалось изумление. А ещё недоверие — но вот страха там, сколько парень ни приглядывался, он не приметил.

— Что ж, — майорша сморгнула, не выдержала ответного взгляда, и разрушила всё впечатление. — Канцлер интересовался, действительно ли поручик режет святое воинство — не дают ли ему просто на той стороне доспехи, чтоб прослыть здесь своим и героем? Ладно, проверю лично…

Замерший рядом гном как-то странно хрюкнул и едва не поперхнулся пивом. Лишь потом оказалось по его

подпрыгивающей бороде, что он просто смеялся.

— Кхм-м! — для солидности кашлянул он так зычно, что двое людей от неожиданности отшатнулись. — Тогда уж пишите и меня вторым. Молотом я махать горазд не токмо в кузне — и пусть потом наш совет старейшин ворчит хоть до посинения.

Ого! Вот это уже оказывались опять весьма интересные новости! Ларка на днях попробовал устоять против госпожи майорши в учебном поединке… хоть он в общем и был неплохого мнения о своих способностях фехтовальщика — но быстро выяснилось, что без кувалды или файрбола к этой вставшей на дыбы разъярённой медведице не подходи. Да ещё и гном? Уж как те орудуют боевыми молотами да секирами, те два унтера в Академии лишь завистливо вздыхали, когда рассказывали. И хотя формально подгорный народ не лез в *верхние* дела, на практике бородачи втихомолку неизменно поддерживали медное королевство.

— В таком случае, спать-отдыхать, — Ларка деловито кивнул и отвернулся, чтобы скрыть так и лезущую на губы дурацкую улыбку. — К закату подваливайте в мой домик, да Франека с собой прихватите…

— Нет, ну ты точно с дуба упал! Как можно сравнивать светлое пиво с тёмным сусловым? — едва сдерживаемый басище гнома не могла заглушить даже разыгравшаяся к ночи метель.

— Сам ты… упал с берёзы и дал дуба, — старый маг придержал свою так и норовящую растрепаться на ветру седую бороду и завистливо покосился на ухоженную и тщательно завитую поросль гнома. — Я ж в общем говорю.

Держащаяся позади парочка весело и непринуждённо, словно не шла в смертельный бой, обсуждала своё неожиданно обнаружившееся взаимное пристрастие к означенному напитку да знай себе топала вперёд-вверх. А перед ними дорогу прокладывал Ларка. В особо тяжёлых случаях, на обледенелых до предательской стеклянной прозрачности местах он брал упрямо молчавшую майоршу под руку и заботливо вёл рядом. Тех-то, сзади, таким не пронять — Франек уже настропалился шастать по таким местам, где ещё седмицу назад все руки-ноги переломал бы. Ну, а гнома учить ходить по горам и вовсе не надо.

Хотя перед вылазкой все оделись в неприметную тёплую, но лёгкую одежду без знаков различия, паручик особо предупредил, что не приведи боги кто-то вздумает не подчиниться его, командира, приказу или начать спорить. Во время *дела* прежние чины и заслуги роли не играют…

Госпожа майорша с кислой физиономией кивнула, а гном лишь равнодушно пожал своими неимоверной широты

плечищами, крытыми волчьим плащом. Кстати, на эту вылазку оружейник из крепости наконец-то расщедрился и выделил тонкой работы новые кольчуги. Лёгкие, тонкие, их одобрил даже привередливый на этот счёт Трин…

— Да, согласен — то было ошибкой, — наконец признал Ларка.

Мария неопределённо обожгла левую щёку взглядом.

— Да, это верно… хотя, я ни о чём не сожалею. Свои ошибки надо совершить, иначе ничему не научишься, — она поскользнулась на предательски округлом валуне и едва не улетела в завывающую снежными демонами пропасть.

Поручик вовремя придержал женщину за руку и водворил обратно наверх. Протёр мокрое от снега лицо и обернулся.

— Трин! Попробуем рвануть напрямик, под низом? Что-то вьюга нынче разыгралась — боюсь, поверху не успеть.

Прямо перед ним смутно темнело в снеговой круговерти чёрное пятно. Летом в этой пещере обычно укрывались пастухи, гонявшие по горным долинам особой породы стада коз — шерсть с тех ценилась втрое против обычной. Или же останавливались передохнуть сборщики трав…

Гном солидно почесал себя где-то под мокрой бородой.

— А чё, попробовать можно. Если сдюжишь тропочку открыть, направление уж я укажу, — он с любопытством уставился на Ларку из-под кустистых, облепленных снегом бровей.

По правде говоря, даже среди подземного народа можно было по пальцам одной руки перечесть умельцев ходить недоступными всем прочим путями. Но если духи и впрямь наперебой утверждали, что этот чувствующий пределов своей силы не ведает… и гном солидно кивнул.

В пещере оказалось настолько уютно после разгула погоды снаружи, что Ларка не удержался и с несвойственной себе щедростью выделил время отдохнуть. Как пояснил он сам — слишком рано приходить в гости тоже не годится. Пусть тех усталость да сонливость одолеют.

Маг посмотрел куда-то вверх, будто сквозь каменный свод и неистовство метели над ним мог разглядеть Стожары и подтвердил — дескать, ещё и полночь не наступила. Если нынче удастся пройти сквозь камень, то времени и впрямь девать некуда. Потому Франек величаво воздел ладонь над старым кострищем, и в кое-как выложенном круге закопчённых камней сам собою вспыхнул не нуждающийся в топливе огонь.

Мария фон Браухич переполошилась было — ведь столь сильная волшба предупредит всех святых отцов в округе —

однако волшебник покачал головой.

— Нет, госпожа Мария, тут всё по диверсантской науке, — чародей кивнул в пламя.

И точно, из огня тотчас высунулась задиристая физиономия огненного духа, по просьбе старого чародея прикинувшегося обычным костром. Огневик скорчил на отшатнувшуюся майоршу ещё более страшную рожу и снова замаскировался под обычный походный камелёк.

— Это меня поручик надоумил, — Франек сунул едва не в самый жар промокшую бороду и жестом показал гному — не бойся, мол. — Весь день я духа в камине жаром напитывал, горюч-камнем да лучшими берёзовыми дровами кормил. Зато теперь в любом месте он ко мне придёт да половину тепла отдаст…

Ларка замер. Что-то такое почудилось ему в словах беззаботно греющегося и обсыхающего у костра старого мага — однако вертлявая догадка привередливо заплясала на краешке сознания и предательски ускользнула, так и не оформившись в мысль или озарение… Он вздохнул и пошевелился. Ничего, рано или поздно вернётся. Ведь это в точности как с молодухой — если она сказала "нет", на самом деле это означает "не прямо сейчас".

Он и себе подсунул к огню ладони и даже распорядился всем оприходовать по четверти запаса из весьма популярного среди лазутчиков комплекта ССС — спирт, сало, сухари. Гном с магом по вполне понятной причине оживились в предвкушении первого С и на плоском, специально для того обретающемся тут камне принялись суетиться с припасами.

— Нехорошие предчувствия? — негромко поинтересовалась Мария у греющего руки кузнеца, и тот неохотно кивнул.

— Не то, чтобы совсем нехорошие. Но эта вылазка и в самом деле последняя. Хватит судьбу испытывать — вчетвером против целой оравы однажды таки нарвёмся…

Сказанного оказалось достаточно тёртой во всяких передрягах воительнице. В самом деле, с той стороны тоже не дураки. Попадётся вдруг святой брат в сане адепта, которого только прямым попаданием из крепостной баллисты прошибить и можно — такой своими псалмами запросто прямо в могилу загонит.

Щёки, да и лица у всех после метели и выпитого разгорелись у огня, и Ларка обвёл своё маленькое воинство каким-то новым взглядом. Гном с литыми плечами и ведёрными кулачищами, крепкий и надёжный как скала — такой в любой потасовке будет как медведь в стае собак. Передавит всех шавок, не успеешь и *мама* сказать. А волшебник только с виду старый и худущий —

однако, в глазах иной раз такой огонь пылал, что только держись! Не иначе, как со светлыми тоже особые счёты имелись у Франека. Воевал люто, умело. Майорша… Ларка припомнил атаковавшую его бурю, когда наседавших клинков-братников казалась уже не пара, а как бы не полдюжины, и усмехнулся в усы. Такую легче убить, чем победить.

Ну, и он сам. Не вполне воин — так, научили кой-чему. Только на медвежьей силе да собственной смекалке и выезжал до сих пор. Он нащупал ладонью особую выемку в камне, сквозь которую словно через замочную скважину перед ним вдруг распахнулось всё подземное царство, и прислушался к своим ощущениям.

— Сегодня придётся поработать на совесть, показать всё, на что мы способны, — неожиданно объявил он в пристально уставившиеся на него три пары глаз.

— Засада? — Трин озабоченно нахмурился и на всякий случай нашарил взглядом свою пока что отложенную в сторонку кошмарного вида кувалду.

— Не думаю… Да хоть бы и так, — Ларка беззаботно потёр и размял ладони прямо в огне — уж тот скорей погас бы, чем обжёг чувствующего. — Или кто-то из нас струсит? Кстати, Франек, ты придумал что-нибудь?

Волшебник, чья уже высохшая борода пышно закурчавилась, осторожно кивнул. После самой же первой вылазки поручик тихонько отозвал его в сторонку да так отчехвостил! Дескать, если будем действовать строго по правилам да по канонам, светленькие нас схарчат без зазрения совести — уж они прекрасно знают, что и как способны сделать магики медного королевства. И соответствующие защитные молитвы давно заготовлены да испытаны.

— Да, командир — есть тут одна хитрая задумка, но толком проверить не вышло. Не на своих же солдатиках, — пожилой маг пожал плечами. — Да и железо, опять же, не бронза…

На Франека посмотрели со вполне обоснованным любопытством. Уже четверть века бессменно защищавший крепость Марыч маг умениями мог бы потягаться с дюжиной молодых и грозных коллег-беспредельщиков. Хоть и силы он оказывался так, чуть выше среднего — но верно говорят люди знающие, что опыт дело такое. Чем больше, тем лучше. Да и Ларка ему кой-чего по огненной части подсказал… впрочем, взаимно. Потому-то поручик и брал с собой на вылазки этого ветерана. Словно привычное и надёжное оружие, которое любой предпочтёт перспективной, но малоизвестной новинке.

— Пора, вот-вот полночь придёт, — маг снова взглянул вверх,

на закопчённый потолок пещеры.

Парень незаметно толкнул локтем почти задремавшую в тепле и от сытости Марию — а вот нечего свой авторитет ронять! — и со вздохом встал. Несколько шагов привели его к дальней стене, которой и заканчивалась неглубокая, шагов всего дюжину пещера. Две крепкие ладони легли на неровный камень, а где-то подмышкой раздалось сопение и пыхтение подоспевшего полюбопытствовать неугомонного Трина.

Ларка усмехнулся. Что ж, смотри, борода — не одни только гномы могут разговаривать с камнем… и решительно распахнул своё естество. Словно откинул занавеску.

В душу повеяло холодом. Не тем бодрящим морозом, что последний наверное раз бесчинствовал снаружи пещеры — а сырым хладом. Так и хотелось сказать *могильным*… человек прилежно сливался разумом и душой с молчаливой настороженностью каменной горы, пока ладони мягко не разъехались в стороны.

Камень раздался беззвучно, словно две полы одежды — а изнутри высунулся дух этого места, причём не в самом лучшем настроении.

— Вот же неугомонные! — тот сразу осёкся и прекратил ворчать, едва разглядел, кто же это осмелился столь бесцеремонно распахнуть здесь проход. — Ой! Извини, чувствующий! Не изволь сердиться-обижаться, я по глупости да несознательности…

Он ещё долго кланялся бы да униженно извинялся, но Ларка сквозь зубы потребовал прекратить — дескать, он не гневается.

— Не подскажешь путь… — Франек сзади понятливо подсунул карту, и палец человека ткнул в нужное место.

Дух камня скользнул взглядом по пропитанной водооталкивающей и несгораемой магией бумаге, поёжился.

— Подсказать не подскажу, я там ни разу не бывал. Но своим шепну, чтоб не бесчинствовали по дороге, — он извернулся непостижимым образом и поклонился гному. — Вот, мастер-кузнец пусть отведёт… а мы сделаем вид, что вас всех тут и вовсе нету. Токмо, обратно не задерживайтесь — долго тропочку не удержим.

Миг-другой, и дух беззвучно исчез. Остался лишь узкий, чуть косой проход, уводящий в неведомые бездны каменного хребта. Так и мерещился где-то в глубине его то ли отблеск обещанного нам святошами адского пламени, то ли глумливый хохот могучих демонов… Ларка не сразу стряхнул наваждение.

— Франек, присвети — ты прикрываешь сзади. Мы с почтенным гномом впереди, Мария посередине резервом, — он

подхватил поданную майоршей булаву, и шагнул вперёд.

Оглядываться нужды не было — уж маг знал, что к чему, и беспорядка не оставит…

— Вот же ж хрень какая! — ворчливый, как у них водится, подгорный воитель всё никак не мог угомониться. — Кузнец каких мало, чуток магик — да ещё и чувствующий? Да уж, простому гному с таким не тягаться…

Майорша из середины подбавила жару в огонь, заметив — не просто чувствующий этот парень. Недавно приходили поговорить из совсем уж страшных бездн старые духи. Те, которых светлые демонами кличут. Могучие и лютые просто страх, однако в присутствии Ларки вели себя чинно как детишки на уроке у строгого учителя.

Гном как-то нехорошо хрюкнул и проворчал, что надобноть костьми лечь — но заманить такого в Подземные Чертоги. Научить чему тамошних мастеров, да самому кое-какие тонкости постичь. Уж этому человеку мастера всех кланов тайны свои откроют. В обмен на его секреты, естественно.

— Приду, приду — дай только срок, — Ларка шагал как-то неспешно с виду. Неторопливо, однако на самом деле подземные тропочки имеют своё мнение насчёт расстояний… он переступил через выглаженный подземным ручьём валун и выглянул на развилку.

Вправо и чуть вверх тянулся гладкий и даже с виду удобный путь — а в другую сторону и чуть вниз уводила узкая расщелина.

— Мастер гном, куда тут?

Трин пробрался вперёд и некоторое время приценивался. Сопел, пыхтел, ворчал что-то непотребное когда цеплялся бородой за друзы известковых кристаллов, но в конце концов ткнул рукой налево.

— Туда, я что-то сразу не сообразил, — сконфуженно буркнул он и занял своё место за спиной парня.

Налево, так налево! Ларка бочком пролез в расщелину. В несколько движений преодолел узкое место, а дальше снова путь открылся вполне и даже очень ничего. Хорошо всё же иметь знакомства и уважение среди подземных духов — он уже и сам чувствовал, что занявший бы много времени путь поверху уже подходил к концу.

— Приготовить оружие, — шепнул он и как можно тише проделал последние шаги.

Расщелина непостижимым образом вывела в самый обычный подвал. Над плечом вперёд скользнуло едва заметное магическое дуновение, а чуть погодя Франек сзади подтвердил, что его заклинание никого в погребе не обнаружило. Парочка крыс не в

счёт…

Они вывалились прямо сквозь заколыхавшуюся дрожью, выложенную из кое-как подогнанных грубых камней стену бандой вполне вещественных призраков. Мария по ранней договорённости занимала середину — уж с её парными клинками то было самое место. А Трин и Ларка прикрывали её с боков. Соответственно, маг обретался позади, под защитой рубак — ему в ближний бой идти пока не стоило.

— Франек, отметь это место на стене, чтоб в случае чего каждый мог уйти поодиночке, — прислушавшийся Ларка не обнаружил никаких поводов для тревоги.

В глазах привычно посветлело — маг исправно отрабатывал выплачиваемые тому из королевской казны талеры. Кошачьи глаза… простенькое для бывалого чародея заклятье, однако парень лишь завистливо вздохнул. Не давалось оно ему, и хоть ты тресни!

Ноздри аппетитно щекотал запах маринованных с чесночком и укропом солений, копчёных окороков и прочего, что рачительный хозяин на зиму закладывает в погреба. Вдоль левой стены стояли бочки, а всю другую покрывали полки с припасами.

— Кто ж тут такой умелец? — гном беззастенчиво вышиб кулачищем крышку, пошарил в рассоле и одарил всех замечательно захрустевшими на зубах огурчиками.

— Да, не хуже чем моя маменька делала, — согласился Франек, уже шурующий в дальнем углу под лестницей. — Ах, незадача, здесь нынче гарнизон Волков!

Он продемонстрировал щит со свеженамалёванной эмблемой, забытый тут кем-то из незадачливых вояк. Стоило признать, что Волки пользовались уважением не только среди солдат медного королевства, но и у самих святых братьев. Крепкие рубаки и стойкие бойцы, они давно заставили уважать себя армии всех стран и рас.

— Какая хрен разница моему молоту, чьи бошки разваливать? — гном добыл из-под плаща лёгкий шлем, надел его и воинственно встопорщил бороду.

Тяжеленный молот в его крепких ладонях уже порхал влево-вправо, словно в предвкушении доброй потасовки. Однако Ларка несколько охладил его пыл — судя по отсутствию в округе даже самых забубённых и бесшабашных из подземных духов, в этой крепости наверняка обретался если не святой брат высокого ранга, то уж паладин точно.

Мария заметила, что отступить ещё не поздно — лично она не видит ущерба для чести, чтоб уступить такой силе. Поручик погладил свою шипастую булаву и осмотрелся, вчувствовался ещё

раз. Что-то такое шептало ему предчувствие… но вроде, не плохое.

— Работаем! — и майорша послушно, кошкой полезла наверх.

Добротная дубовая лестница хоть и поскрипывала под ногами маленького отряда, но обрушиться и доставить неприятностей хотя бы с этой стороны всё же не решилась. Да и к облегчению Ларки, у дверей в погреба с припасами часового не обнаружилось — похоже, либо здешний комендант не считал нужным охранять подвалы, либо скорее всего просто не догадывался, что через те в крепость могут пожаловать непрошеные гости.

— Туда казармы, а там палаты офицеров, — чёрные как сама ночь клинки воительницы указали в разные стороны. Похоже, устройство крепости поняла вмиг — видать, знакома.

Чародей сзади притих. Пока не вернутся посланные им поисковые заклятья, шум подымать не стоило. И то сказать, удар должно наносить не в пустоту и не наобум. Наконец, Франек встрепенулся и принялся перечислять.

— … и ещё двое на страже наверху, у покоев командиров.

Ларка принял решение быстро. Расположение постов почти стандартное — сначала свернуть головы тем, на развилке у галереи, где лестница и сигнальный гонг. Потом на башнях, а в последнюю очередь и тех, внутри… он шёпотом перечислил порядок. Мария с Франеком отправились в одну сторону, а он сам с Трином занялся ближним пикетом.

Затруднений, как и предвиделось, не возникло. Едва ли на пару шагов что-то видевшие в свете коптящих факелов часовые казались слепыми щенками — а гномы, когда надо, умеют подкрасться бесшумно, чтобы затем с проворством рыси сигануть из темноты да свернуть на пару оборотов голову.

Ларка свесился через парапет горжи и глянул вниз. Мария оттуда изобразила успокаивающий жест — черкнула ладонью по горлу и показала *четыре*. А Франек тем временем проворно подпёр колом массивные двери в помещения солдатни. Дурацкая привычка устраивать те так, чтобы створки отворялись наружу — так они легче противостояли штурму — на самом деле каждый раз играла дурную шутку. Волшебник обеспечил себе спокойствие под прикрытием едва размявшейся головорезки, а потом стал щедро вливать под дверную щель свою зловредную магию.

Всякий раз Ларка не настаивал точно — будут ли то до смерти усыпляющие чары, что-нибудь громыхающее и эффектное или же какая-нибудь другая пакость. Лишь бы работало, уж магу виднее, когда и что применять. Опять же, новинки испытать да опыта поднабраться — в реальном бою экспериментировать

некогда будет…

Полыхнуло неярко, каким-то тусклым, еле видным пламенем. Однако судя по тому, как проворно отскочили от казарм двое внизу, горело на самом деле весьма жарко.

Он крутанул ладонью над головой, затем сжав её в кулак. Все ко мне. И когда уже сбежал вниз по ведущей со стены широкой лестнице, к нему подскочили и довольные Мария с Франеком. От обоих немилосердно тянуло гарью. А ещё едким, ни на что не похожим запахом обугленной человеческой плоти.

— Ну вот, а вы боялись, — буркнул гном, которому досталась всего-то пара часовых у подъёмного механизма ворот.

— Не спеши, почтенный гном, сейчас самое трудное пойдёт, — уже знающий что почём волшебник поудобнее перехватил свой загоревшийся призрачным сиянием посох. — Офицеры куда посильнее нежели простая солдатня…

Из почти незаметно полыхающих в метели казарм перестали доноситься вопли заживо горящих. Скажи кто в другое время Ларке, что он почти не будет обращать внимания на подобные звуки, он не поверил бы — но сейчас лишь угрюмо прислушался и мрачно кивнул.

— Так, не стоит тянуть. Если там святой брат или паладин… Мария и Франек идут по верхней галерее, желательно пока скрытно. А мы с гномом ломимся вперёд как медведи. Когда силы светлых окончательно прояснятся, бейте по командиру, святому брату или паладину — кто там обнаружится.

Трин заправил под край кольчуги бороду и посмурнел. Офицеры светлого воинства это уж куда как серьёзно. Не тёмная и в случае чего норовящая разбежаться солдатня… эти драться умеют и будут железом махать до последнего.

— Готов, — коротко выдохнул он и поиграл в руке запачканной в крови бронзовой кувалдой.

Щёки у всех пылали — то пропитавшие всю небольшую крепость святые молитвы неслышно лизали жаром упрямую плоть. И всё же, каждый раз оказывались вынуждены отпрянуть. Не демоны, не духи и даже не пресловутые елфы. Уж гномы и особенно люди куда как стойкие ко всяким невзгодам.

— Работаем! — коротко бросил Ларка и неслышно припустил вперёд по широкому, тускло освещённому факелами в железных держаках коридору.

Рука уже привычно раскрутила над плечом тяжёлое оружие, уж лучше сделать то заранее. Светлые расположили пост грамотно — незаметно не подкрасться, а заклятье невидимости Франека святым духом смывало в пару мгновений. Пока ты эту пару солдат заломаешь, переполошится всё офицерьё…

Вышло примерно так же, как и в прошлые разы — пока набравшая разгона и куражу пара выбивала пыль из отчаянно отбивавшихся солдат, из дверей и всех щелей повалили здешние. Кто в чём, но большинство успело с весьма не похвальной прытью облачиться — и вскоре пошла уже не потеха, а молотилка на полном серьёзе, без дураков.

И всё же, не сонным и не успевшим размяться-разогреться людям противостоять разгулявшейся парочке! К тому же, весьма неприятным сюрпризом для святого воинства оказались тонкие воронёные кольчужки, обнаружившиеся не бронзовыми, а толково сделанными стальными. Клинки лишь высекали бессильно искры — хотя потом, после каждого пропущенного удара на теле проявится хороший синячище.

— Курва-мать! — хрипло матюгнулся уже осатаневший от ярости мокрый гном.

Его молот с неожиданным проворством изогнул траекторию, и ударил не в с готовностью и умело подставленный щит с оскалившимся волком, а снизу. В то самое место, используемое лишь в постельных схватках. Крепко сбитый лейтенант с хрустом и глухим воем взлетел в воздух и упал под ноги в последних корчах.

Ларка работал скупо и точно. Без внешних эффектов, столь красиво смотрящихся на фехтовальных площадках или ристалищах дворянских турниров. Ну в самом деле — попробуй кто объясни опытному кузнецу, что красота заключается не в результате его работы, а в том, насколько изящно и утончённо он машет и стучит. А уж здесь-то… смерть на самом деле неприглядна, что бы ни утверждали апологеты Силы и Духа. Хоть иногда и приходится забрасывать в её ненасытную пасть тех, кто имел несчастье преградить твой путь или же посягнуть на всё то, что тебе дорого.

Удар не в такт, выбивающийся из ритма боя — и шипастый шар булавы прорвался сквозь выверенную вязь защиты, смял как бумагу неосторожно подставленный наплеч. Вместе с тем, что под ним… добивающий удар кинжалом в левой — с проворотом, в основание шеи.

Ого! Впереди словно выросла неодолимая лязгающая стена. Ларка резким движением стряхнул со лба пот. Перед ним кошмарным видением высился паладин светлого воинства, и его тяжёлый, давящий взгляд заставил ощутимо дрогнуть колени. Т-образная прорезь в куполе глухого шлема светилась изнутри неземным огнём. Вот он, паскуда… но драться умеет, стервец…

Поручик глухо зарычал и навалился цепко, умело. Не раз и не два его исцарапанная булава небрежно отбрасывала куда более

лёгкий меч святого воина и находила себе путь к полированным сияющим доспехам — но каждый раз лишь бессильно, с лязгом высекала искры.

Гном покончил с вертлявым сержантом одним ударом, словно поставил внушительную, глухо хрустнувшую напоследок точку. На миг скинул ободранный шлем, утёр глаза.

— А ну, дай мне попробовать! — тут вам не рыцарский турнир с их правилами, тут бой и правила чести роли не играли. Трин проворно обрушил на паладина свой молот, забухал им часто и мощно.

Пока Ларка несколько мгновений отдыхал в сторонке, давая чуть отойти уже взмолившимся о пощаде плечам, он окинул взглядом поле боя. Впрочем, давно уже обратившееся в побоище. Мария кошкой спрыгнула вниз с той стороны коридора, и теперь врубилась в святое воинство, как истосковавшийся по работе лесоруб в молодую рощу. Два чёрных клинка пели мрачную песню точно и убийственно — а оставшийся на галерее маг бомбардировал сверху небольшими, но точными молниями и огненными шарами.

Святые молитвы хоть и защищали в должной мере бойцов, но всё же магия Франека слепила глаза, толкала некстати под руку. Клинки двигались замедленно и неточно — и домогавшаяся крови Мария фон Браухич получала своё удовольствие сполна.

— Вот же ювелирно работает, — мимовольно восхитился Ларка при виде расходившейся в неистовом женском гневе амазонки.

И когда та в буквальном смысле прорубилась сквозь оставшегося последним хоругвеносца, да обрушила разгорячённые братники на спину сосредоточенно изощряющегосяя с гномом паладина, лишь цепочка ослепительных вспышек пробежала по сияющей броне.

— Осторожнее, у него, похоже, франкские доспехи! — предупредительно крикнул Ларка сорванным голосом.

В самом деле, бронзовый молот гнома в полном противоречии с законами механики и инерции обогнул истерзанный щит паладина и впечатался в грудную пластину. Клацнуло, та сыграла… и ничего. Удар, на месте повалиший бы в лоб деревенского бугая, пропал втуне.

— Да, похоже, — Трин словно плёл паутину вокруг противника, пытаясь найти слабое место — но пока что не преуспевал.

Франкскими доспехами называли чрезвычайно редкую и не очень удобную их разновидность. Каждая часть и фигурная пластина такой брони не опиралась на пододетую толстую

прокладку или тело. Напротив, она словно парила на некотором расстоянии, будучи искусно подвешена на внутренних ремнях и кожаных полосах словно на пружинах. Под любым ударом калёная сталь только лязгала, проседала и отдавала хозяину лишь чувствительный, но уже не опасный толчок.

Майорша тоже попробовала ещё раз, но паладин лишь небрежно отмахнулся массивным щитом от водопада окативших его броню искр, и несколько более лёгкую воительницу просто унесло назад.

— Собаки! — чуть рокочущий бас из-под сияющего изнутри шлема отчего-то так напугал поручика, что тот шарахнулся в сторону.

Святой воин уже размялся, разогрелся — и теперь так насел на подуставшего гнома, что Трин начал отступать. И блистающий клинок всё уверенней и сильнее нет-нет да чиркал по его истерзанной кольчуге.

— Уступи мне дорогу, почтенный гном — тут путь магии, а не стали, — как и когда тощий Франек спустился с галереи, никто и не заметил. Слишком уж вцепились вниманием и оружием в оставшегося одиноким паладина.

Бородач с хриплыми матюгами отпрыгнул назад и в сторону. А всё же, недостаточно ловко — смутно блеснувшее сталью полукружье непостижимым образом загнулось и зацепило Трина по бедру. Ах, какая незадача…

Паладин на миг замер. Он столь явственно заколебался, увидев перед собою лишь худощавого старика с чуть растрёпанной длинной и седой бородой. Волшебник стоял, упираясь перед собой тонким резным посохом, и незримый ветер трепал одежду. И святой воин наверняка задался вопросом — что же тут кроется?

Меч обрушился, как стальная молния, но лишь с тем, чтобы увязнуть в безнадёжном сонме кривляющихся теней. Те окружили своего повелителя, плясали вокруг и образовывали вязкую, глухую стену, в которой увязал любой удар. Да уж, полностью готовый к бою маг это вам не шутка… несколько проронённых паладином слов тоже не оказали видимого воздействия. Святые воины высоких рангов всегда имели наготове несколько святых молитв, недочитанных до конца. С тем, чтобы в нужный момент произнести завершающее обращение к своему богу и обрушить на нечестивца всю праведность гнева всевышнего.

Но лишь ветер сильнее встрепетнул одежду да забросил на плечо белоснежную бороду.

— Шут гороховый, — Франек, от ощутимо давящего и обжигающего взгляда на миг прикрывший глаза тыльной

стороной вытянутой ладони, покачал головой и словно стал чуть ниже. — Я только сейчас это понял — вы все просто фигляры.

Он властно выбросил вперёд руку и неслышно шепнул что-то.

— … Alors! — последнее громко произнесённое слово столь явно едва не вывернуло старого мага наизнанку, что настороженно приглядывающийся Ларка обеспокоенно принял боевую стойку.

Но из всего окружающего мира что-то ощутимо стянулось сюда, на властный призыв великолепного в своём гневе волшебника, с тем чтобы из раскрытой ладони обрушиться на паладина.

Блестящие, едва поцарапанные доспехи вспыхнули нестерпимым светом. Да нет, не просто сиянием — жаром полыхнуло так, что изрезанный в лоскуты Марией длинный плащ на плечах святого воина сразу занялся как политый маслом.

Ох боги, как же он кричал! Как выл и катался по каменному полу неистово полыхающий чадным пламенем клубок! Вот он задёргался в судорогах, изогнулся червяком и после агонии замер на плитах. Доспехи потускнели, потемнели, и изумлённый Ларка осознал, что сталь действительно оказалась раскалена заклятьем Франека добела.

Мария неуверенно кашлянула от затопившего коридор дыма и нестерпимого смрада, а потом закрыла рукавом нос и пригнувшись нырнула к выходу. Ларка взвалил на плечо ручищу прыгающего на одной ноге бледного гнома да тоже устремился наружу — и лишь старый маг остался стоять перед поверженным противником немым укором самому себе. Впившиеся в посох пальцы побелели от напряжения, а со склонившегося то ли от усталости, то ли от чувства вины заострившегося лица упала капелька пота.

— Надо же, сработало… — волшебник встряхнул головой, вдохнул воздуха. Тут же поперхнулся чадом горелого мяса и поспешил вслед за остальными наружу.

— Что и как ты сделал? — Ларка резанул кинжалом пропитавшуюся кровью штанину гнома и обнажил длинный глубокий разруб.

Стоящий над ними Франек мимолётно огляделся и проверил округу магией. Всё же, оказалось, что в крепости они вчетвером остались последними жвыми. И он вздохнул, с наслаждением поймав ртом несколько крупных, мокрых и слипшихся снежинок.

— Да приметил я ещё в первый раз, как ты, поручик, булавой орудовал — и призадумался. Ведь когда прилетает удар… твоё оружие ведь не касается тела врага? Если пристально всмотреться и вдуматься, ломает кости и сминает плоть сама одежда и

доспехи солдата.

Не обращая внимание на грязные пальцы гнома и Марии, сжавшие края раны, сквозь которые толчками пробивалась кровь, Ларка старательно заглаживал плоть. Недавно он призадумался — а нельзя ли обойтись с человеческим телом, словно с тем же металлом? Получалось из рук вон плохо, но всё же получалось. По крайней мере, драгоценная и почти чёрная сейчас жизненная влага уже едва сочилась…

— В принципе, да — доспехи или одежда служат как бы проводником удара. И что дальше?

Маг тихо засмеялся. А затем поведал усталым голосом, что вот и задумался он, а нельзя ли нечто подобное сделать с помощью магии? Сам паладин от неё защищён — но вот от доспехов-то нет?

— Короче, я нашёл способ развернуть святые молитвы наоборот и раскалить сталь. И паладин просто изжарился, как гусь в перегретой духовке…

Но бледный Трин грустным голосом заметил сквозь зубы, что в благодарность за такое знание солдаты всего мира будут охотиться за придумавшим так невежливо обходиться с ними магиком. Бить не просто в противника, но хитрым образом оборачивать против хозяина его же доспех?

— Ведь можно так и оружие разогреть, что сам бросишь? — он слабо поморщился, когда Ларка счёл, что большего ему не достичь — а до целителя гнома дотащить удастся — и принялся перевязывать того оторванной от висящей у стены святой хоругви полосой.

Майорша с тихим топотом спустилась с верха башни.

— Вокруг тихо, но скоро рассвет. Пора уходить, парни?

Да, пожалуй… пока гном кое-как собирался с силами, остальные быстро натаскали груду измятого железа, бессовестно мародёрствуя над трупами поверженных врагов. Ларка самолично притащил кое-как содранный со страшного обгорелого подобия человека ещё горячий паладинский шлем и теперь брезгливо морщился, принюхавшись к ладоням.

— Хватит, — распорядился он. — Ещё Трина тащить на плече, много не унесём.

Гном трепал свою бороду немилосердной пятернёй. Одна только мысль о том, что по его вине придётся оставить столько доброго железа, терзала его столь явственно, что Мария утешающе похлопала его по плечу.

— Не казни себя, почтенный гном — ты нам дороже даже добычи.

Тот нехотя кивнул, а затем со вздохом полез рукой под

оставшиеся от одежды лохмотья. Покопошился там, и вскоре вытащил крохотную бронзовую шкатулочку. Его подрагивающие пальцы кое-как раскрыли ту, и заинтересованно склонившиеся члены отряда заметили, как гном добыл изнутри крохотный тонкий стебелёк и с явным отвращением забросил в рот.

— Разгуляй-трава, — нехотя пояснил усердно жующий Трин. — На самый крайний случай. На час-два даст силы и стойкости — но туманит разум, потому в бою нельзя. А так… потом седмицу буду лежать пластом.

Черты его грубо, словно топором вырубленного лица странно разгладились. Глаза озарились мягким блеском, а потом подземный воитель неожиданно легко поднялся на ноги. Даже попрыгал легонько, и кивнул.

— Вроде как туманом обернуло, боль ушла. А ну, нагружайте, да не скупитесь!..

Гном почти всю дорогу пёр увязанную в узел груду железа едва не тяжелее самого себя. Пошатывался словно пьяный, даже порывался запеть какую-то похабную песенку и вообще вёл себя так, словно готов так топать на край света. Однако на памятной подземной развилке, где уже едва что-то видевший сквозь заливший глаза пот Ларка скомандовал привал, не стал садится наземь. Лишь опёрся спиной о блистающую капельками воды каменную стену и загадочно смотрел куда-то бездонными глазами из-под лохматых бровей.

До пещеры, откуда начался столь диковинный подземный путь, отряд добрался без приключений. Груз железа давил, казалось, всё сильнее с каждым шагом — но Ларка упрямо шагал вперёд и даже тащил за собой уже почти ничего не соображавшую Марию. Выдохлась… вот уж, никакой стойкости в этих мадамах, хоть и изображают из себя…

— Встряхнулись! Остался последний рывок! — один только гном молодецки попытался подпрыгнуть, но остальные лишь угрюмо дёрнули лицами.

Хорошо хоть, дальнейший путь пролегал большей частью вниз по обледенелым склонам. И в такие моменты Трин просто съезжал на своём узле по склону, хрипло рыча что-то непотребное. Франек что-то колдовал себе, отчего глаза его на миг вспыхивали расплавленной медью, и чуть приободрившись устремлялся следом. А Ларка не столько вёл, сколь уже тащил на плече едва передвигавшую ноги воительницу. Как там полушальной от своей травки гном выискивал путь, неведомо было никому — метель под утро ничуть не унялась.

Но уж если гном поставил себе целью добраться до кабака, где его дожидалась в меру прожаренная кабанья ножка и вдоволь

пенного пива — уж будьте покойны, и путь сыщет, и помехи устранит…

И когда сквозь уже сереющую в предутреннем мареве снежную круговерть Ларка различил двое почти занесённых снегом саней, только тогда он и поверил, что они таки дошли. И дело сделали, и потерь не понесли, да и железа вдоволь припёрли.

Гном упал в сани кулём, едва скинул с плеч поклажу, и добудиться его уже не оказалось никакой возможности. Продрогшие до дрожи возницы-сержанты лишь залили в каждого прибывшего по паре глотков перегнанного вина, да закутали в тёплую доху. Мария, правда, всё порывалась вскочить да тащить что-то куда-то, но Ларка на остатке сил просто завернул майоршу в овчину, словно похищенную невесту в ковёр, а для пущего спокойствия ещё и положил сверху руку.

— К целителю, — проронил он эти слова едва не раньше, чем уронил на грудь пьяно качнувшуюся голову.

И дальше всё вокруг улетело в сладкое и бездумное ничто оказавшейся тёплою и мягкой метели…

Леди Майя, урождённая маркиза д'Акс, в это утро отчего-то проснулась чуть ли не с первыми петухами. Нахальный лучик весеннего солнца мягко и поначалу неощутимо пригрел щёку — так нежно, что поневоле проснувшаяся женщина против воли улыбнулась и с блаженным вздохом потянулась навстречу этой ласке. Любовника себе завести, что ли?

Весна уже вступила в свои права полновластно и полностью. Зазеленели леса и трудолюбиво возделанные пейзанами поля, клумбы по обе стороны ведущей к крыльцу дорожки прямо-таки радовали взор дружно, как по заказу распустившимися первыми цветами. И настолько сладко сжало грудь каким-то сладко будоражащим чувством, кое только и бывает в конце весны — когда наступает та блаженная пора, когда уже не холодно но ещё не жарко, что леди Майя с неким смущением призналась сама себе, что в постели таки больше не улежит.

Благоверный уже третий год как сгинул где-то в безбрежном океане вместе со своим фрегатом Богоявление, так отныне что никто сопением и толканием не омрачал женский сон с соседней подушки. Впрочем, леди Майя особо не роптала — а если прислушаться к тихой, поющей в сердце радости, то в глубине души даже и благодарила Творца, что избавил женщину от этого грубого скота с длиннющей родословной. Свой долг перед родом и фамильной честью она выполнила, двух сыновей и дочь выносила под сердцем… но в своё время замуж её отдали против желания.

А если честно сказать, с благословления святой церкви попросту продали грубому и неотёсанному, но богатому мужлану.

Неслышной тенью леди набросила на плечи тёплый халат и выскользнула из спальни. Дремлющую в соседней комнате служанку она будить не стала, зачем… хозяйка немаленького, больше похожего на дворец дома неслышно и привычно направилась в свой путь.

Дочурка спала привычно разметавшись во все стороны, сладко и безмятежно, равно как и молодая девка из деревенских, что посапывала рядом в кресле. Однако, как ни осторожно мать поправила на дочери пёстрое детское одеяльце, служанка тут же встрепенулась и мягко подалась к кроватке… слышит-таки, начеку! И маркиза передумала наказывать девку.

— Пусть спит, ещё не время… — леди острожно убрала с лица дочери прядку, от которой во сне легонько морщился и подрагивал носик. И кивнув успокоительно то ли смутившейся служанке, то ли самой себе, неслышно отправилась дальше.

Братья спали крепко и спокойно, как спят только дети — и люди с чистой совестью. И то сказать — маркиза чуточку горько усмехнулась — вчера молодые отпрыски почтенного рода успели и разучить новый фехтовальный приём, и вдоволь погонять своих коней, и даже до полусмерти напугать некой выходкой горбатую ключницу Авдею. Умаялись… Но дежуривший у двери спальни барчуков старый Федул не спал — чистил свою саблю, полировал её и что-то неслышное ворчал в поседевшие усы. И на появление её милости поднялся да поклонился с эдакой присущей старым солдатам помесью уважения и гордости.

Тут проверять что-то или отдавать дополнительные распоряжения оказывалось излишним — старый отставной сержант словно нёс службу по-прежнему, и к своим обязанностям по воспитанию да обучению парнишек относился рьяно. Потому её милость оделила Федула чуть более милостивым обычного кивком и проследовала дальше.

Мимо спальни служанки, двоюродной свояченицы сестры, она прошла с нарочито ничего не выражающим лицом. Когда три года тому духовный брат оказался замечен в грешной связи с оною девицей, леди Майя блестяще нашла выход из положения.

— Святой брат — если вы не будете выходить за рамки приличий и делать кое-что по-прежнему втихомолку, я из ответной любезности не стану возражать, коль вы не приметесь совать нос куда вам не следует, — стоило признать, молодой священник намёки понимать умел.

В имении он не лютовал и чрезвычайным фанатизмом не отличался — а полновластная хозяйка всему с улыбкой и весьма

благосклонно восприняла известие, что её седьмая вода на киселе благополучно обзавелась дочуркой и останавливаться на том вроде бы не собиралась. Слуги знали, конечно, что святой брат вопреки положенному ему по сану обету безбрачия ночевал в комнатушке девицы. Но, простим малым сим скромные грехи их — глядишь, святой брат потом отпустит нам и куда большие.

Постепенно ноги привели маркизу в раскинувшийся позади дома сад. И здесь она остановилась в ошеломлении — вот оно, то, из-за чего в непонятном томлении так сладко зашлось нынче сердце! И против воли замершая на низком крыльце знатная леди вспомнила прошлую пору, чуть больше года назад…

— Да что ж вы делаете! Разве ж так можно?

Досадливый оклик этот донёсся ранней весной из уныло плетущейся по главной улице поместья колонны оборванных пленных, которую солдаты гнали из предгорий хребта, отделявшего святое королевство от меднолобых еретиков. Маркиза как раз вышла в угол парка, чтобы лично руководить садовником и его помощником, уже принявшимися было корчевать разросшееся здесь непотребство, дабы привести это место в должное соответствие с представлениями хозяйки о порядке. Всего лишь в том году она переехала сюда из помпезно-пышного замка, подавлявшего сумрачным величием и до чирьев доводившего постылыми сквозняками…

Леди Майя на миг замерла, вычленила взглядом уже проворно захлопнувшую рот худощавую девицу, а затем повелительным жестом указала солдатам конвоя — сюда её!

— Объяснись, смердка, — сквозь зубы распорядилась знатная леди.

Светловолосая и какая-то изящная несмотря на лохмотья еретичка присела у нескольких тоненьких и едва выкинувших первые намёки на листики тщедушных прутиков и ласково погладила их.

— Как можно, ваша светлость? Это же майка, самый лучший сорт вишни… — далее полонянка поведала, что дерево это неприхотливое, ни в уходе, ни в особом присмотре не нуждается. — Лишь на пятый год макушку чуть обстричь, чтоб росло не вверх, а вширь — и всё.

Маркиза, как ни странно, заинтересовалась — и полюбопытствовала, а как насчёт вот тех вон, уже взрослых и ровно растущих деревьев?

— Шпанка и войлочная, — презрительно хмыкнула едва бросившая туда взгляд пленница. — Гнусность редкостная, а не вишня. Вроде и много дают, однако невкусные. Зато эта…

Она вновь погладила, казалось, так и ластящиеся к её тонким

пальцам побеги и пояснила — майка даёт меньше ягод. Зато крупные, сладкие, тёмные и просто до неимоверности вкусные. Да и закрывать на зиму лучше её, запечатанные банки и кувшины не бродят и не взрываются. А уж сок из них, особенно свежий — от жизненной силы прямо играет!..

— Что здесь происходит? — из головы остановившейся невесть из-за чего да сбившейся в несуразную кучу колонны подоспели двое.

Плотненький святой брат в грубой, подпоясанной простой верёвкой рясе и с неизменной гладко выбритой тонзурой — и рослый паладин, который даже вдали от границы и в этот весенний день не снимал с головы полированный, больше похожий на округлое ведро шлем.

— Женщина, зачем мешаешь продвижению на марше? — загудел из прорези его голос.

Хозяйка поместья смотрелась такой крохотной и беззащитной по сравнению с нависшей над нею лязгающей железной башней. Глаза маркизы еле заметно прищурились — однако, знавших её один только этот знак довёл бы до холодной дрожи. Маленькая ручка вскинулась в повелительном жесте, и с пальца блеснул неземным светом вычурный старинный перстень.

— Я леди Майя, божией милостью урождённая маркиза д'Акс! — окружающее заметно завибрировало после этого звонкого голоса.

А святой брат отчётливо задрожал и зачем-то цветом лица сравнялся со своею нарочито простой серой рясой. В самом-то деле, хрупкая на вид женщина на поверку оказалась потомком древней девы, с одной лишь святой хоругвью и кое-как сколоченным отрядом избавившей святое королевство от едва не захватившей его армии еретиков из-за моря. И уж если такая неласковым словцом приголубит… паладин тоже рухнул на колени прямо в кучу вывороченной земли и покорно склонил голову.

— Прошу простить, госпожа, — о-о, как же его покорный голос на этот раз отличался от ещё только что пренебрежительно-грубого!

Как ни презренны были почитавшейся почти святою женщине эти двое мужланов, но миг-другой она наслаждалась своим триумфом.

— Встали, и не позориться на глазах у еретиков, — процедила она сквозь зубы. — Воин господа нашего, дол**о**жите потом полковому командиру о своём проступке — и пусть он накажет вас своею властью. А вы, святой брат… трижды прочтёте обращение к святой Деве и обдумайте своё недостойное сана

поведение.

Поскольку такое лёгкое наказание вполне приравнивалось к полному отпущению грехов, оба мужчины поднялись на ноги весьма повеселевшими. Но оказалось всё же, что это ещё не всё — маркиза не отпустила их, а продолжила изумлять.

— Эта девица либо колдунья, либо как говорят у медных еретиков, чувствующая. Но всё же, в её душе достаточно света всемилостивейшего господа нашего, — при этих словах воин и монах осенили себя святым знаком столь одновременно, что леди Майя от удивления едва не сбилась и лишь изумлённо моргнула. — Потому, никаких аутодафе! Применить к ней самые мощные меры переубеждения и воспитания, но сделать одной из нас.

Прямо-таки явственно во всех трёх головах всплыл прошлогодний случай в Сент-Этьен… вернее, в бывшем Сент-Этьен, когда обезумевший от пыток колдун медников сравнял с землёй город и замок. Едва-едва его малый круг подоспевших потом святых братьев уходил до смерти. И прибывшие затем отстраивать разрушенное королевский архитектор и адепт пришли к единодушному мнению — восстанавливать тут по сути дела уже нечего, надо строить всё заново. Потому и понятно, что оба мужчины горячо и искренне поблагодарили святую сестру, что надоумила разоблачить да обезопасить грозную ведьму.

— Не обижайся, голубушка, — маркиза с дрогнувшей душой смотрела, как на закусившую от боли губу ведьмочку набросили священную плащаницу да сноровисто приголубили сверху такой анафемой, что от той едва дым не шёл. — Ещё спасибо скажешь потом. Ведь однажды ты поймёшь, что твоя сила просто прах на ветру пред ликом Всевышнего…

Но вот теперь, маркиза с радостно бьющимся сердцем смотрела с малого крыльца и едва верила глазам — четыре в прошлом году перенесённых сюда саженца нынче принарядились белыми кружевами словно юные невесты в белоснежных венках и фатах. Она не удержалась, подошла ближе и склонилась над деревцами в изумлении. Всем лицом осторожно окунулась в эти ласково щекочущиеся, тонко и будоражаще пахучие соцветия.

— Ну здравствуйте, маленькие майки — а я Майка большая…

Надо же! Солнечный лучик таки сумел пробиться сквозь густую и даже в летнюю жару влажную листву букового леса. Не заплутал в переплетениях ветвей, не поймался ни на одну из так и жаждущих уловить его зелёных ладошек — с тем, чтобы на излёте почти отвесно упасть в воду.

Однако, сидящий на берегу крохотного озерца человек хоть и заметил этот отчаянный подвиг солнечного взгляда и даже

подставил под его тёплую ласку ладонь, всё же не улыбнулся. Маленький водоём, тихо и заботливо баюканый в ладонях задумавшихся о чём-то своём гор, всё так же отражал хмурое молодое лицо с прорезавшей лоб суровой складкой, тронутые зноем и чуть выгоревшие усы. Алый с серым офицерский мундир, с правой стороны груди которого два золочёных шнура-подвески со всей определённостью свидетельствовали: их благородие поручик королевской армии…

Ларка легонько вздохнул и пошевелился. Надо же — так рвался домой и в то же время боялся вновь бросить хоть взгляд на ставшие почти ненавистными родные края. И вот нате, вроде дома и в то же время на чужбине…

Всё так же шумели под беспокойным горным ветерком леса, всё так же дымчатой синевой окутывались дальние вершины. Да вот только, всё оно оказывалось мёртвым. Выжженным беззвучным и неопаляющим пламенем — вплоть до скального грунта глубоко под ногами. Уцелел лишь крохотный дух воды, который забрался к самым корням горы и оттуда гнал наверх вот этот маленький ключ.

Иди ко мне, малыш — не бойся!

За века скромный родник сотворил меж двух скал промоину, потом махонький водоём, и вот теперь уже озерцо едва ли десяток шагов в поперечину. Упрятанное меж скал и гор, оно почти не осознавало, что такое ветер. Да и обступившие его, теснящиеся вокруг деревья надёжно укрывали маленькую запруду от невзгод погодных или житейских…

Тёмное зеркало взволновалось, плеснуло, и в ладонь чувствующему осторожно толкнула водяница. Из озера вымахнул недоверчивый, ощутимый лишь чувствующему взгляд, а потом уж над поверхностью показалась и она сама. Словно ожившая и состоящая из одной лишь кристально-чистой воды… да почему словно? Так оно и обстояло.

— Я последняя здесь? — осторожно осведомилась она.

Задумчивый и угрюмый кивок послужил ей ответом. А Ларка осторожно тянулся к ней, выправлял покрученное, изуродованное естество водяного духа всем своим нерастраченным жаром. Делился нежностью и надёжностью души, забирая себе обжигающую боль и какое-то дымчатое удушье — то одни лишь отголоски святой молитвы едва не развеяли в ничто ухоронившуюся под корнями горы водяницу. И когда та наконец выправилась, расслабилась во всей своей природной красе, на ставшее вдруг ослепительно-красивым и безмятежным лицо упали сверху несколько капель.

— Отчего вы, люди, иногда делаете солёно-горький

дождик? — дева, казалось, уже забыла свою недавнюю боль оскорблённой в лучших чувствах природы.

Она приняла строго предписанную древними правилами форму классической русалки — но, за неимением в горном озерце водорослей для волос ограничилась наверняка подсмотренной у какой-нибудь коротко стриженой воительницы причёской. Глаза зазеленели, блеснули прежней мудрой весёлостью, а под сенью улыбнувшихся маленькому чуду буков разнёсся её неповторимый смех.

— Будто вы, духи, не плачете иногда, — парень необидно отстранил так и лезущую целоваться бесстыжую водяную деву и устало сел на гладкий камень. — Старые легенды, кстати, говорят — родники и ключи это слёзы матери-земли.

— Врут всё, хотя и красиво, — водяница засмеялась и легонько брызнула водой прямо из серебристо-прозрачной ладони, а затем осторожно вытерла щёки чувствующего.

Баронство Эшле перестало существовать. Нет, остались на месте горы и долины, и даже территорию эту сумела отвоевать подоспевшая егерская бригада под командованием графа Рони. Да вот только, святоши успели испоганить со всей основательностью всё, до чего сумели дотянуться жадными лапами.

Баронесса Гражинка отказалась покинуть уже пылающий замок, осталась со своими людьми — и погибла вместе с ними, когда два адепта ударили по древним стенам грозным гневом творца-разрушителя. И когда Ларка взглянул на сейчас слепо глядящее в небо озеро на том месте, сердце едва не выскочило из груди. Нет, такого прощать нельзя… пусть король и его сановники заключают перемирия и договора с соседушками на полуночи, но сотворивших такое на самом деле надо просто уничтожать без всякой жалости — как бешеных псов или волколаков-оборотней.

В старом Кривом Урочище, где тихо и как-то незаметно испокон жила старая ведьма, святые отцы таки сумели продраться сквозь покрученные стёжки-дорожки и прочие болотца, коими себя обязательно окружит толковая чародейка из простых. Но старая, битая жизнью колдунья неожиданно оказалась крепким орешком — двадцать пять раз взгляд шатающегося от горя парня натыкался на выросшую местами чуть более пышную поросль и сочную траву. Двадцать пять солдат светленького воинства забрала бабуля с собой. И всё равно, даже потом не далась святым отцам на поживу — ухнула в землю, оставив здесь бездыханное тело, но забрала души почти половины платунга с собою.

То-то небось выли с горя святые братья! Да уж, скучать на том

свете толковой ведьме с таким приданым не придётся…

Раненный в плечо Лёнчик по приказу баронессы уводил в низины караван женщин и детей. Да вот, не успели далеко уйти по обледенелой дороге. Догнал тех конный отряд… потом прямо там кладбище и устроили. И ох какое немаленькое, вовек не отмолить святым воинам такие грехи!

— Во всяком случае, передо мною не отмолить, — Ларка попытался представить, каково же пришлось потом солдатам королевской армии долбить в промёрзшей каменистой земле братскую могилу, и не смог.

Из глубины души вновь поднялась какая-то обжигающая, могучая волна. Всколыхнулась, взвилась едва не до небес, но всё же ушла обратно, так и не найдя себе выхода гневом или боем. Не время, братья и сёстры мои, не время. Не будет битвы со светлым воинством — их будут просто и безо всякого уважения убивать.

— Но там, где я решу, в то время, которое я выберу — и в тех условиях, которые я сочту нужными.

Он припомнил больные глаза полковника Блентхейма, когда тот две седмицы тому сообщил поручику о беде. Почти полтора года молчали, таили от него! А ведь, едва Лёнчик и Ольча вернулись в ещё ту зиму в родные края, как под самые лютые морозы светленькие и устроили большую вылазку… и сколько потом королевские чиновники ни выспрашивали у немногих успевших уйти под защиту королевских отрядов — по всему выходило, что саму Ольчу таки повязали.

Ларка отогнал вспомнившийся, так и терзающий душу мудрый и в то же время молодой взгляд ведьмы, и вздохнул.

— Чаровницу из старого замка вспомнил? — оказывается, водяница давно уже валялась на бережке рядом и пристально смотрела через глаза на самое донышко человеческой души.

Он краешком взгляда мазнул по искрящейся прозрачной влагой соседке и нехотя кивнул. Приметил, правда, что этот единственный оставшийся на всю округу дух воды стал немного иным. Мудрее, что ли. Сильнее?

— Тебе именем не пора обзаводиться? — осведомился он.

Удивительно — однако смешливая водяница посерьёзнела. Мягко взяла ладонь чувствующего, приложила к своей так странно выглядящей прозрачной щеке и некоторое время недвижно то ли нежилась этим теплом, то ли прислушивалась к чему-то.

— Считаешь, я стала одной из настоящих? Из тех, которых… неназываемые демонами кличут?

Навалившаяся от усталости и боли сонная истома разом упорхнула. Ларка даже почувствовал, как его брови против воли

поползли вверх. Обычному водяному духу только и заботы, что свою работу делать да болтать о всяких беззаботных глупостях. А тут… вот уж правду говорят — что нас не сломает, то сделает сильнее.

— Да, пора. Я в конце зимы разговаривал с … настоящими. Главное-то в них как раз не сила, — он опустил голову, чтобы удивлённо обернувшаяся на эти слова водяница не прочла слишком уж много по его глазам. — Они умеют думать. В них есть мудрость — почти как у нас, людей. И ты уже очень похожа на них, Нель…

Водяница от неожиданности потеряла форму, с плеском утекла в озерцо. Некоторое время по поверхности ходили круги. Мелкая рябь то морщинила тёмное зеркало с видным сквозь него каждым на дне камешком, то вдруг изображала никогда не виданные картины больших городов и парусных кораблей — а вон по прозрачному небу вроде как стая лебедей пролетела.

— Значит, меня отныне зовут Нель… я красивая? — стоило поднять глаза, как на том берегу, едва заметном из-за круто уходящей вверх горы, обнаружилась сидящей на валуне живая хрустальная статуя.

На этот раз уже фигура не русалки со вполне рыбьими пропорциями ниже пояса, а при других условиях весьма бы даже привлекательной и раскованной девицы. И всё же, Ларку разобрал смех — внутри водяницы бестолково метался прихваченный тою из своего озерца головастик. Тыкался в невидимую границу кляксой, мельтешил и старательно изображал маленькую панику.

— Да — но внешность в красоте не главное, — он снова усмехнулся, завидя как водяница спокойно вынула ладонью из себя суетливо мечущегося живчика и отпустила в озеро.

Его рука опустилась на прохладный в тени деревьев камень. Ладонь мягко запульсировала, направляя в самую глубину мощный и в то же время необидный посыл. В такие бездны, откуда вряд ли что хорошее и могло отозваться.

Но всё же, не успело сердце стукнуть десяток раз, как оттуда вымахнули сразу двое. Если против могучего духа земли, наверняка способного плечом поднатужившись и гору подвинуть, Нель особо ничего не имела, то вот второй… когда столб ослепительного пламени вымахнул снизу и заплясал прямо на камнях, водяная дева едва не пролилась испуганным водопадиком обратно, под защиту своего озерца.

— Эй, полегче тут! — шумнул на гостей Ларка и указал рукой на ту сторону озера. — Принимайте новую сестру Нель. Научите чему надо, воспитайте. Впрочем, что я вам рассказываю — сами

всё знаете.

— А, чувствующий… — кивнул земляной. Духи огляделись и немного поумерили пыл. Не без любопытства они обратили внимание на новенькую, а затем переглянулись. — Хех, а что, вполне ничего и очень даже…

Непривычным постороннему образом они словно вывернулись наизнанку — где был примерно зад, там стал перёд — оба пришедших теперь внимательно воззрились на Ларку. Сказать, чтобы он так уж уютно ощущал себя перед этой парочкой, способной одним лишь чихом оставить от него самого мокрое место или щепотку пепла, было бы явным преувеличением. Но это как раз в духе людей, работать с такими силами, кои многократно превышают их собственные.

— Спасибо, — неожиданно глубоким басом отозвался ослепительный пламень. — За нами должок будет… потерпишь пока?

И едва огорошенный парень кивнул, как оба духа с гулким хохотом подхватили осторожно улыбнувшуюся им сестру, завертелись винтом — и без единого звука провалились под землю. Лишь испуганно слетел сверху и упал на поверхность озерца старый, задержавшийся ещё с осени трухлявый листочек.

Бывает же такое… Ларка неприкрыто перевёл дух и даже утёр вспотевшее лицо. Да уж, нелегко быть тёмным! Светлые-то действуют по раз и навсегда затверженным законам да правилам. А тут знай поступай, как подсказывает сердце — а оно иной раз здравого смысла ну просто в упор не замечает… правда, разум тоже слишком уж легко отравить корыстью или затуркать святыми молитвами.

Ладонь снова легла на поверхность камня. Чуткие подземные веяния показали полную, какую-то гулкую пустоту. Не формировали новую медную жилу кропотливые и солидные духи земли, не журчали водяницы, не дышали сонно в глубине огненные — прямо тебе святая земля, мечта светленьких!

И всё же, брови его нахмурились — едва слышное сотрясение исправно доносило, что по дороге из низин сюда кто-то скакал, отчаянно торопя коня. Даже, пожалуй, двое.

— Ну-ну! — он улыбнулся и зачем-то коснулся рукояти кинжала на поясе. Времени ещё оказывалось более чем достаточно.

Пальцы привычно ущипнули гладкий бок валуна, отколов острую до неимоверности кремнистую щепку. Стебелёк мыльнянки покорно растёкся в ладони вместе с несколькими каплями воды, чтобы потом оказаться нанесённым пеной на щёки. Побриться надо, что тут неясного? А то его благородие поручик

за несколько дней зарос щетиной до полного неприличия. Скакали-то скорее всего по Ларкину душу, и негоже встречать наверняка непростых гонцов как бродяга. Хотя, бродяга и есть, чего уж тут греха таить, перед самим собой-то — ни дома, ни кола, ни двора.

Приведя физиономию в примерное соответствие со своими представлениями о порядке, Ларка беззаботно огляделся и отщипнул несколько хвоинок с притаившейся в тени кривой ёлочки. Растёр меж ладоней особым, показанным Ольчей способом… не давая окрепнуть вновь резанувшему по сердцу воспоминанию, он протёр лицо хвойным духом — отчего-то предпочитал его любым другим.

— Ну вот, теперь на человека похож, — критический взгляд в замершее озерцо.

И сполоснув руки, в ожидании всадников Ларка принялся подкрепляться хозяйственно прихваченным ещё из трактира в низине пирогом с грибами и до одури ароматным на свежем воздухе ломтем ветчины. Зачёрпывал иногда пригоршню запить прямо из озерца у своих ног — водяная дева воду наверх пригоняла хорошую, чистую. Спокойно жевал и поглядывал в полумрак под сенью леса с тем настроением, которое только и бывает во время вкусной и сытной трапезы на свежем воздухе.

Мягкий топот копыт замер замер где-то внизу, на размытой и ставшей почти непроезжею лесной дороге. Надо же, всего год лесные и земляные духи не присматривают за проложенным людьми путём, а развезло его и почти укрыло молодой порослью знатно… Ларка пару раз негромко хлопнул особым образом, домиком сложенными ладонями. Гулкие звуки словно лопнувших бумажных пакетов, казалось, тут же увязли и заплутали меж узловатых стволов насторожившихся буков — но челоек знающий вмиг засечёт направление. А что ехали к нему и по его душу, парень уже не сомневался.

Хоть нынче в галерее дворянских родов гербовый щит баронов Эшле и перевёрнут кверху низом да украшен траурной лентой, однако негоже землям без хозяина быть — наверняка его величество пожалует пограничную землицу кому из крепких и решительных фамилий. Но, пока что кроме отрядов егерей да нескольких магов, в округе Ларка никого во время своих скитаний не приметил…

Это оказались полузабытая уже волшебница в неуместном розовом да полковник. Надо же, как ценят!..

— Здравия желаю, — Ларка помог госпоже Велерине спрыгнуть с высоты дамского седла и даже приложился к милостиво предоставленной, благоухающей ароматами ручке.

И придержал стремя полковника Блентхейма — его конь оказался молодым, обученным кое-как. Яснее ясного тот чувствовал недавнее явление тут могучих сил, а потому нервничал, прядал ушами и то и дело норовил со страху встать на дыбы.

— Тише-тише, волчья сыть, травяной мешок, — конь в ответ покосился лиловой чернотой глаза, но когда рука непонятной силы человека наклонила его холку да заставила хлебнуть оказавшейся неимоверно вкусной воды из озерца, сразу присмирел.

Полковник с заметным наслаждением потянулся. Похоже, длинный путь сюда едва не доконал не только его скакуна, но и его самого. Кивком он поблагодарил настороженно озиравшуюся волшебницу, которая одним только взглядом зажгла его трубку (Ларка лишь завистливо вздохнул), и с явным удовольствием окутался дымком первой затяжки.

— И вам поздорову, молодой человек.

Молчание и тишина длились недолго. Парень приценился к недовольному выражению на кукольно-смазливой мордашке госпожи Велерины, и не допускающим возражения жестом указал — в озеро. Волшебница едва только окунула в ледяную воду пальчик, как тут же зябко передёрнулась, и её в ниточку ощипанные изящные бровки умоляюще поползли вверх.

Полковник непонятно хмыкнул, по-прежнему не вынимая изо рта своей трубки, и волшебница с весьма кислым выражением на породистой физиономии не мешкая принялась разоблачаться. Ларка с немалой сноровкой помог ей (спасибо всем богам, хоть в шнурованом корсете эта дамочка не нуждалась), после чего та смущённо уронила ему на руки последний кружевной клочок своего облачения и с придушенным писком прыгнула в озерцо.

— С головой, — едва только Ларка вымолвил это, как замёрзшая до явственно видного даже в этой тени посинения Велерина покорно окунулась совсем. — И насыть воду своей магией… пожалуй, лунной.

Ну да, всё верно — такового неуважения к своему водоёму не стерпит ни одна водяница. Одно дело, когда деревенские соплявки приходят взять пригоршенку-другую воды, чтобы помазать свои прыщи. Или когда парочки приходят, чтобы испить почитаемой целебною воды, чтобы потом немедля удалиться в свой дом да зачать ребёнка. Но такое?

— В чём дело? — казалось, окружающие горы запрыгали от непередаваемой смеси страха и восторга — объявившаяся наверху Нель оказалась в том великолепном гневе, который невольно заставляет любоваться обладательницею оного.

Ларка не мешкая ответил, что вот эта смазливая куколка на самом деле сильнейшая чаровница, которую он знает.

— И светленьких она любит куда меньше, чем ты духов огня.

Стоило признать, что подобная рекомендация из уст чувствующего стоила многих иных других, потому водяная дева сразу сменила гнев на милость и даже поощряюще улыбнулась замёрзшей и слегка перетрусившей волшебнице.

— Согрей её и почирикайте пока — вам найдётся, о чём… — парень повернулся к сидящему рядом с потухшей от удивления трубкой полковнику. — Ну рассказывайте, ваше превосходительство, что там такое приключилось.

Тот довольно быстро опомнился от созерцания могучей и неукротимой водяной девы, а также аппетитной фигурки госпожи Велерины. Вновь раскурил от Ларкиного пальца свою трубку и принялся перечислять новости — стоило признать, те оказались куда как интересными.

— Твоя подсказка насчёт кавалерии на той монете оказалась весьма занятной — не сразу мы разгадали её, — выяснилось, что тот прошлогодний дедок-возница уже с блеском на днях закончил Академию, причём тоже в чине сразу поручика — так впечатлил вояк и инструкторов весьма богатый опыт да интуиция старого рубаки.

Дальше полковник поведал, что за прошедший год удалось потихоньку, скрытно прикупить полсотни табунов хороших коней у степных кочевников, и даже три особой породы лошадей у закатных елфов. Неутомимых, резвых — и теперь в некоем тайном месте уже заканчивают сколачивать и дрессировать полнокровную конную армию.

— Если и впрямь удастся прорубиться сквозь порубежные заставы святого воинства, там дальше равнины…

Ларка понимающе кивнул. Что ж, а весьма занятно выходит — если конница прорвётся на оперативный простор в тылы супостатов, дело тех становится куда как худо. Это вам не медлительная и неповоротливая пехота!

Следующее сообщение оказалось тоже из разряда весьма приятных. Некий знакомый Ларке маг по имени Франек таки сумел сформулировать своё заклятье насчёт раскалять стальные доспехи — причём в канонической форме. И теперь любой сильный волшебник мог привести уравнения в привычный и доступный себе вид заклинания. Так что, сейчас все опытные маги под разными предлогами втихомолку посещают королевскую Академию, после чего уезжают с видом утомлённым, но весьма и весьма довольным.

— За это Франеку присвоили звание волшебника первого

ранга. Весь теперь из себя в тёмно-алом плаще, с белоснежной бородой, импозантный аж по самое не могу, — с того берега озерца громко отозвалась довольная как элефант Велерина.

В самом деле, почесать всласть девичьи язычки с добродушно настроенной могучей водяницей из самых-самых, занятьице оказалось хоть и щекочущим нервы, но скорее приятным. Обменяться кое-какими уменьями, посплетничать насчёт всяких тайностей, почитавшихся в других разговорах запретными — ох, какая ж то прелесть! Волшебница уже не тряслась и не покрывалась пупырышками от озноба — облегающая всё тело серебристая шкурка тёплой воды и грела, и защищала от нескромных мужских взглядов.

Последний факт хоть особо и не радовал — но по крайней мере теперь уже не отвлекал созерцанием. Ларка, в задумчивости теребя ус, выслушал ещё несколько менее значимых новостей — в том числе и ту, что его величество прилюдно отругал одну майоршу в весьма непечатных выражениях. За самоуправство, распущенность и излишний риск, так сказать. А потом, на закрытой аудиенции, одарил воительницу званием секунд-майора да второй деревенькой в подарок — по соседству к её уже имеющейся. Стало быть, до рыцарского звания и полковника один рывок остался? Вот тебе и Мария…

— В предстоящих планах крепости Марыч и её гарнизону уделяется немалое значение, — многозначительно пыхнул дымом полковник, но дальше распространяться на ту тему не стал.

Правда, поинтересовался с неуёмным интересом — отчего это некий поручик так в оном чине и желает остаться? Ведь плох тот вояка, что не мечтает стать генералом.

— А сами-то вы отчего до сих пор в полковничьих регалиях? — не остался в долгу ничуть не обескураженный Ларка. — Хотя на самом деле заслуг, как я смекаю, на двух полновесных генералов хватит.

Ответ оказался весьма занятным. Дескать, в роду Блентхеймов уже было два генерала — и оба из них не дожили до старости, сложили головы раньше срока. Потому полковник хоть и не страдал излишним суеверием, но на всякий случай обсудил с его величеством означенную нехорошую тенденцию да решил с монаршьего одобрения на нынешних чинах и остаться. Бережёного, как известно, и ангел бережёт — а вот небережёного чёрт в аду стережёт.

— Что ж… в молодости мечтал я проехаться в мундире поручика перед кой-чьими окошками в нашей Каменке, шибко мечтал, — Ларка поморщился и развивать ту тему не стал. — Всё же, я не вояка, скорее кузнец и потому в чины не лезу.

Полковник в ответ негромко заметил, что его величество весьма неловко чувствует себя по той причине, что нет у него достойной награды для некоего горных и кузнечных дел мастера. А быть в долгу король ох как не любит!

— Так что, соображай сам, парень, — с намёком закончил он повернулся в торону озерца — там обе так неожиданно спевшиеся проказницы зашлись переливистым хохотом.

— Ладно вам, натарахтелись вдоволь? — Ларке не было нужды искать взглядом прогалину меж листьев, чтобы в родных горах вызнать, который час. Что вечер близился, он и так знал прекрасно. — Госпожа Велерина, *тот* кинжал у вас с собой?

Волшебница с той стороны мгновенно посерьёзнела. До самой шеи укутанная словно в жидкое серебро и оттого больше похожая на только что отлитую и по непонятной причине ожившую прекрасную статую, она осторожно кивнула. Поручик невозмутимо порылся в розовых и кружевных изысках дамской одежды, и в сумерках на его ладони неприветливо блеснул клинок, смущавший ум кузнеца одним фактом своего существования.

— Нель, вызови ещё троих старших… разных, — повинуясь некоему наитию, попросил он.

Водяница кивнула, смерила чувствующего властным и в то же время нежным взглядом. Видимо, что-то прочла в глазах парня, потому что на миг заискрилась, перелилась в чуть другую форму, и теперь с той стороны уже почти казавшегося чёрным озерца сидели две неотличимые друг от дружки Велерины.

— Нет, не то, — та, которая появилась только что, встряхнула причёской и, на миг призадумавшись, плавно перетекла в чуть иную форму.

Ларке на мгновение почудилось, что ему словно дали под дых. В глазах потемнело, однако коварная водяная дева угадала верно — рядом с заинтересованно присматривающейся волшебницей сидела… Ольча? Она и в то же время не она. Глаза видели одно, а всё обострившееся до невообразимости восприятие чувствующего твердило совсем иное. И совсем уж он собрался было сказануть какую-нибудь резкость, но внезапно листва над головами зашумела, взволновалась, и незримо реющий под ветвями дух воздуха оказался здесь первым.

Следом из-под валуна выскользнул крохотный яркий огонёк. Однако, никто не сомневался, что при нужде тот полыхнёт так, что лесной пожар детской шалостью покажется.

И последним, с солидной неторопливостью наверх показался что-то жующий дух земли.

— Ну, какого рожна надо? — недовольно поинтересовался он.

Ларка встал со своего места, жестом показав полковнику — не шевелись — и шагнул на краешек чёрного зеркала. Миг-другой всматривался в его изломавшуюся рябью глубину, а затем показал рукой справа от себя.

— Велерина, к ноге.

Огорошенная волшебница не успела даже возмутиться таким хамством, как уже выпрямилась на указанном ей месте — в руке чувствующего серебристым светом мерцал короткий родовой клинок.

Зато Нель, так и не соизволившая убрать с себя облик ведьмочки, прямо по поверхности озера подошла почти впритирку. Она посмотрела в глаза бездонным взглядом так пристально, что Ларку едва не унесло куда-то в чащу. Зато три других уже что-то начавших соображать духа взвились вихрем, закружились вокруг и тотчас образовали над краем озера неистовый смерч.

— Помогай, — уронил парень волшебнице справа, и принялся неистово засиявшим вдруг кинжалом размашисто рубить на куски водяную деву.

Похоже, на госпожу Велерину сегодня снизошло уж полное потемнение разума или же посетил один из редких приступов чинного благонравия — повиновалась она беспрекословно. Ладони её осветились едва сдерживаемой Силой. Быстро и ловко она подхватывала зверски отрезанные от реальности куски водяной плоти, что-то невидимое перевязывла над ними, словно пуповину — и роняла наземь уже похохатывающих и приплясывающих от восторга маленьких водяных духов.

Стоящая перед ними водяная дева стонала и пошатывалась, но исправно подпитывала своё естество водой из озера. А Ларка рубил и кромсал безжалостно и тупо как мясник или старый кавалерист, и обеим девицам уже приходилось туго — маленькая поляна вокруг озера постепенно заполнялась только что рождёнными на свет маленькими водяными несмышлёнышами.

Остановился он только тогда, когда небольшое озеро показало вдруг дно. Сначала высунулись макушки нескольких камней побольше, потом водная гладь раздробилась на лужицы, в одной из который возмущённо запрыгал давешний знакомый головастик — и только когда последняя капля из заполненной каменной чаши оказалась выпита, только тогда чувствующий прекратил своё истязание. Рука его замерла на замахе, потом медленно опустилась — оставшейся воды едва-едва хватило деве, чтобы принять первоначальную форму.

— Спасибо, Нель, ты хорошая мать, — он неловко поклонился слабо улыбнувшейся, медленно приходившей в себя

водяной деве.

Углубление меж ладоней гор зачем-то накренилось навстречу. А потом в стремительно заполняющем всё вокруг холодном тумане вдруг вздыбилось и ударило мокрой шершавостью в лицо.

— Огненный, задержись, — кое-как прошептали бескровные губы, прежде чем липкое невесомое ничто затопило тщедушный островок сознания…

Люди знающие говорят, что кофе должен быть чёрным как ночь, горячим как огонь и сладким как поцелуй молодой красавицы. Во всяком случае, губы волшебницы обжигали как раскалённая лава — настолько, что от ощущения яркого света Ларка сам почувствовал, как в его сознании распахнулась, сжалась боязливо по углам завладевшая было им тьма.

Парень блаженно вздохнул, медленно и со вкусом облизнул вересковую сладость с губ и решительно раскрыл глаза. Снаружи себя и в самом деле оказалась ночь. На берегу осушённого озерца мирно горел костерок — однако только полный остолоп, к которым Ларка себя отнюдь не причислял, не признал бы в том до поры прикинувшегося паинькой могучего огненного демона. Полковник Блентхейм блеснул во взгляде огоньками пламени, но промолчал и лишь скормил духу обронённую буком ветку.

— Я знала, знала — чем его в чувство привести! — Велерина в неизменно розовом и чистеньком платье сладко улыбнулась, как закогтившая мыша кошка, а затем повелительно указала в сторону рукой.

Походный котелок полковника послушно взмыл в черноту ночного воздуха с тем, чтобы тут же зачерпнуть со дна уже начавшей набираться в озеро воды да непонятным науке образом повиснуть над огнём. Дух миг-другой с философской пытливостью изучал слегка помятое и кое-как отчищенное от копоти донышко этого дива — и вода сразу вскипела.

— Как Нель? — парень хоть ещё и не чувствовал в себе сил подняться, но по крайней мере выяснил, что горло его уже помаленьку слушалось.

Во всём теле обнаружилась противная мутная слабость, окружающее порой вовсе не легонько рябило, но в общем оказалось вполне терпимо.

— А шо ей сделается? Нырнула к самым корням горы за новой водой. Говорит, теперь понимает, каково приходится людям в пустыне, — дух брезгливо отодвинул с себя закипевший котелок и поставил у ног безучастно сидящего полковника.

Тот молча кивнул и не мешкая всыпал в кипяток пригоршню особых травок — под кронами деревьев поплыли такие ароматы,

что заинтересованно принюхался даже огневик.

— Ладно, чувствующий, говори, — не в привычках живого и непоседливого духа огня медлить!

Ларка ронял слова неспешно, не торопя их. Мысль сначала должна в голове созреть, сформулироваться до кристальной ясности — а иначе не стоило и рта раскрывать.

— Да вот, Франек меня как раз и натолкнул на одну безумную идейку… — он рассказал, как ушлый магик напитывал жаром маленького духа огня — с тем, чтобы тот потом часть отдал в подходящий и весьма нужный момент. — А вот наоборот можно? Навесить на огненного заклятье, чтобы выдернуть его в костёр?

Могучий пламень заворочался обеспокоенно — и только сейчас Ларка и сообразил, что на самом деле тот неслышно обволок всё окружающее шагов на полсотни в округе — костерок этот лишь внешнее проявление.

— Ну, допустим, — неохотно признал тот.

И только сейчас Ларка поведал. А что, если на каждого вышедшего биться со светленькими огненного духа навесить специальное заклинание — с тем, чтобы оно чутко улавливало уже готовое прищучить его святое слово и выдёргивало за миг до удара, неповреждённым? Привязкой сделать в тылу небольшой костёр, чтобы дух туда вернулся. Рядом пару магиков, чтобы возобновляли то заклятье — подпитался по ходу дела жаром, и снова в бой.

Велерина и дух огня раскритиковали было одного молодго нахала в пух и прах. Во-первых и во-вторых уже подошли было к в-седьмых, однако, как ни странно, положение спас молчавший до сих пор полковник.

— А вот, не угадали вы оба или обе, — он с явным наслаждением отхлебнул из кружки отвара и некоторое время с блаженством лишь щурился в огонь, вроде бы не обращая никакого внимания на три направленных на него даже не взгляда — потока внимания. И вроде бы и вовсе не замечая того напрочь.

Лишь затем он сжалился и пояснил — мало кто помнит, что светлые молитвы, если их часто повторять, теряют свою силу. Потому-то ни паладины, ни святые отцы более чем дважды подряд один и тот же псалм нипочём не прочтут. Толку от того не будет, одна лишь вонь пойдёт.

— Раз-второй духи огня так через костёр в тылу нашего войска прокрутятся — а молитовка-то по пустому месту и хлопнет. Но вот потом прищучить огневика уже будет попросту нечем, — он только сейчас поднял оказавшийся смеющимся взгляд из пламени. — А если новую молитву начать читать, за это

время святошу можно не то что зарубить или сжечь — нашинковать тонкими ломтиками и хорошо каждый прожарить.

Странно было наблюдать, как огненные брови нахмурились в раздумье на огненном лице — однако, через несколько мгновений дух улыбнулся, а потом гулко захохотал. Ему серебристым колокольчиком вторила зашедшаяся от смеха волшебница, и даже полковник отчего-то едва не расплескал свой чай.

— Тише, пусть чувствующий спит, — в темноте что-то хлюпнуло, а затем в круг света ступила водяница.

Как-то изящно она даже не села — а просто перетекла из одного положения в другое — и оказалась уже сидящей на берегу. Отблески огня странно переливались и отражались в этом живом и драгоценном хрустале… полковник на пробу предложил Нель кружку отвара — и оный напиток оказался принят девой с несомненной благосклонностью.

Та поведала, что теперь в округе простых, обычных духов воды даже вдвое побольше, чем было раньше. Можно будет расселить в другие места и даже направить на полдень, в полупустынные края. А полковник со вздохом ответствовал — когда он осознал, что присутствует прямо так сказать при рождении, от умиления даже на слезу прошибло.

— И это меня, старого вояку! — он хмыкнул и вновь полез в кисет набивать свою трубку.

Дух огня от волнения с хрустом сжевал прогоревшую ветку и язычком пламени цапнул из тощей кучи наспех собранного хвороста следующую.

— Не знаю, Нель… — он поколебался и пожал огненными плечами. — Наш долг чувствующему взлетел просто на неоплатную высоту.

Водяная дева со странно смотрящимся на её лице смущением нехотя кивнула. Зато ответила Велерина — но так, что присутствующие надолго о чём-то задумались, глядя на её разрумянившиеся от ночной прохлады и близкого огня щёчки.

— Он скорее умрёт, чем станет требовать плату. И пусть я вернусь работать на спине в бордель, из которого меня когда-то вытащили, если этот парень просто чувствующий…

Конец второй части

Камень, камень, камень… одетый в его серые холодные пласты казематов давил на восприятие так ощутимо, что за несколько минут уже надоел своей стылой сыростью хуже осеннего дождя.

По внутренним ступеням старого форта, прикрывавшего с мыса узкую горловину входа в бухту и к порту, в погреба спускались двое. Если первый, багроволицый и тучный, прихрамывавший на правую ногу здоровяк своим мундиром вовсе не вызывал сомнений в своей ипостаси флотского адмирала, то вот второй… сухощавый, если не сказать тощий и даже костлявый штатский. Весь в чёрном, и лишь краешек белоснежного шейного платка под подбородком кое-как скрашивал мрачную черноту его одежды.

Сопровождавший их сержант неловко поскользнулся на осклизлом камне, стукнул фонарём о стену и чертыхнулся — сквозь зубы, понятно, чтоб не смущать слух их благородий флотскими загибами.

На нижнем ярусе адмирал остановился на несколько мгновений. Перевести дух, ясное дело — но для виду утёр раскрасневшееся лицо большим клетчатым платком.

— Душно здесь, после моря-то, — сопровождавший штатский нехотя кивнул, а сержант стражи всем видом и движением фигуры выразил согласие высокому начальству.

Да в самом деле, воздух здесь вечно какой-то спёртый. Да ещё и неистребимый тюремный дух, опять же — по обе стороны каменного коридора через равные промежутки виднелись тяжёлые, окованные медью двери. А уж за ними… вот к одной такой двери начальник смены лично и сопроводил пару высокого полёта гостей, втихомолку злорадствуя по поводу мающегося в этой камере недавно пойманного контрабандиста.

До чего ж ловок оказался, бестия! Сколько лет безвозбранно таскал туда-сюда по морю всякие не облагаемые королевскими чиновниками товары. И никак сыскные да коронные чины не могли его прищучить, уж слишком ушлый. Даже испытанный способ — награда за поимку — не помог. По слухам, целая эскадра флота за ним гонялась, и всё без толку. Лишь тогда удалось изловить мошенника, когда кто-то из своих же подельников сдал — где жила полюбовница того. Ну, там уж ясное дело, коронные из засады навалились всем скопом,

повязали…

Сержант загремел ключами-засовами и с поклоном распахнул перед начальством тяжёлую неподатливость двери.

— Постой пока у лестницы, — адмирал отобрал у того фонарь в частом переплёте и махнул рукой подальше.

На вошедших с любопытством поднял голову отменно сложенный человек средних лет, который сгорбившись сидел на топчане и невесть зачем полировал до блеска прикованный к ноге массивной цепью медный шар.

— Каналья, — беззлобно проронил в его сторону штатский, едва убедился, что сержант и в самом деле отошёл подальше, к лестнице наверх.

А адмирал небрежно согнал узника с топчана, и с блаженным вздохом опустил на краешек своё грузное тело. Некоторое время он сопел, пыхтел, отдыхивался да обмахивался платком — уж спуск на дно этой норы едва не доконал прославленного, трижды едва не получившего своё в битвах флотоводца. Подумав, он всё же не решился зачадить трубку да окончательно отравить здешний воздух клубами ядрёного крепчайшего кэпстена.

— Свободу хочешь получить? — неожиданно обратился он к настороженно поблёскивающему глазами из угла заключённому.

Тому, хоть и отсидевшему в здешних подвалах не так уж и много, этакие места столь явно пришлись не по вкусу, что он немедля, хоть и осторожно кивнул, не сводя со столь важных и непонятных гостей настороженного взгляда. С лица узника ещё не сошёл загар опытного морского бродяги, а из-под упавших на лоб волос блеснули затравленные глаза.

— А вот объясни мне, адмиралу королевского флота Его Величества фон Триеру — что оно такое есть, свобода? — благодушно прищурился тот. — Своими словами, как понимаешь.

Странные речи вели эти господа… хотя справедливости ради стоило признать, что штатский по-прежнему стоял у двери, чуть брезгливо поджав тонкие губы. И хотя он оказывался заключённому решительно незнакомым, да и не проронил до сих пор почти ни единого слова — но контрабандист невесть каким чутьём сразу признал в том важного коронного. Если не магистра ордена сыскарей, то уж королевского судью точно.

— Ну, это когда можно идти куда хочешь и делать что в голову взбредёт… — осторожно ответил узник, стараясь не особо шуметь гремевшей от малейшего движения цепью.

— Так-так… выходит, свобода это полная вседозволенность? — адмирал пренебрежительно усмехнулся в седой ус и покачав головой пожаловался своему спутнику. — Странно, а ведь в бумагах вроде написано, что из дворян — думал

я, что человек образованный да соображающий.

Выпрямившийся в углу контрабандист в задумчивости чуть склонил голову и даже повернул её влево, что отнюдь не укрылось от внимания вроде бы беззаботно и вольготно расположившихся в камере гостей.

— Ну хорошо… свобода принимать решения, возможность выбора.

Адмирал переглянулся с штатским, и оба еле заметно усмехнулись.

— Что ж, уже теплее, — чуть скрипучим голосом отозвался коронный. — А если ещё чуть подумать? Только прямо — отличать чистосердечие от лукавства я умею.

Заключённый бросил на того быстрый взгляд исподлобья. Хотел ответить что-то резкое — но всё же сдержался, промолчал. Мгновения утекали за мгновениями, хоть и имели здесь совсем иную цену, нежели на поверхности. Неслышно цеплялись зубчиками друг за друга шестерёнки размышлений в голове заключённого, и от того в камере поднимался неслышный шелест.

— Свобода это осознанная необходимость при выборе пути.

Некоторое время пришлые с интересом прислушивались к неумолкающему эху беззвучно метавшейся в сыром каменном мешке мысли. Пробовали её словно на вкус, испытывали так и эдак на растяжение, прежде чем старый адмирал задумчиво покивал.

— Что ж, неплохо. Но если вернуться к вашей первоначальной версии, молодой человек — кем тогда оказываются те, кто… э-э, как там вы сказали… бредут куда хотят и чудят что взбредёт?

Заключённый хмыкнул, покачал головой, отчего качнулись лохмами его длинные волосы, и вздохнул.

— Подневольные. Рабы своих страстей и желаний.

Странно! Адмирал откинулся назад и некоторое время смотрел куда-то в такую даль за каменной стеной, что обоих присутствовавших на миг охватило тягостное чувство. Такова оказывалась сила мысли, что едва не утянуло их в безбрежные просторы над весело плещущимися волнами…

— Так вы свободный человек — или раб? — наконец поинтересовался флотоводец у обретавшегося в камере узника.

Тот сначала глянул на сияющие алой медью массивные оковы и горько усмехнулся. Потом призадумался и тряхнул головой.

— Свободный, — твёрдо ответил он. — Невзирая даже на это.

И легонько загремел цепями.

— Помните о том — всегда, — негромко посоветовал заслуженный адмирал.

А потом призадумался надолго о чём-то и затем вполголоса, с эдакой задушевностью поинтересовался — правду ли говорил штурман с бывшей шхуны контрабандистов, чей труп одному магику в чёрном плаще всё-таки удалось кое-как допросить — правда ли, что некий капитан знает секретный фарватер сквозь отмели и рифы напротив крепости Марыч? Вроде бы не седмицу тащиться кружным путём, а чуть ли не за два дня напрямик проскочить можно.

Коль скоро адмирал королевского флота уж никак не та птица, дабы интересоваться подобными тонкостями из праздного любопытства, узник тут уже задумался надолго. Выдать коронным лоцманам секретную тропочку, практически случайно найденную ещё дедом на своей вертлявой шхуне? Немыслимо… и всё же, свобода — вот уже она, почти рядом, стоило только руку протянуть. Вернее, сказать *да*. И всё же, сын, внук и правнук мелких островных лордов, веками промышлявших торговлишкой всяким-разным да при случае не брезговавших взять на абордаж отбившуюся от каравана купеческую лоханку, отчего-то медлил.

Прикидывал так и этак, тоже смотрел куда-то сквозь постылый хладный камень — и когда перед его глазами с квирком пролетела белокрылая чайка, взор отчего-то захлестнуло горько-солёной волной. Только, не океанской… слёзы отчаяния и стыда брызнули на щёки, когда заключённый опустил голову и еле слышно прошептал.

— Да… да, да — будьте вы прокляты!

Но моряк даже не почесался после произнесённого от всей души проклятия — уж адмиралы королевского флота, да и старшие чины на совесть были защищены от подобных пакостей. Зря, что ли, в Адмиралтействе получала жалованье старая морская ведьма? Мало того, поганая старушка добросовестно зачаровывала солёным словцом каждый вновь построенный или прошедший ремонт корабль — и моряки не чаяли в старой плесени души. Уж эскадры и флотилии святош королевскуму флоту и в подмётки не годились. Равно как и командиры их.

А уж судейским проклятия в их сторону столь привычны, что без них у тех неизменно начиналась нервная почесуха, а у некоторых даже и лёгкая сыпь…

Потому адмирал брезгливо отряхнулся как кот, на которого ненароком попало несколько брызг, и посоветовал кое-кому держать язык за зубами. А затем поинтересовался — возможно ли в час икс скрытно от полуночных святош провести тем фарватером эскадру ударных фрегатов да столько же тяжёлых транспортов с морским десантом?

Заключённый поднял голову и всмотрелся в бывалого

служаку с побледневшим лицом.

— Хотите святош пощипать? Что ж, ради такого не грех…

Адмирал грузно встал и снова зачем-то выглянул наружу, в коридор.

— Нет, малыш — не просто пощипать. Подвинуть их сортиры на полночь как можно дальше. Раз и навсегда. Если ты сделаешь то, насчёт чего я интересовался, выйдет тебе полное отпущение грехов… прошлых грехов. А там уж именно та свобода, о которой мы недавно толковали.

Узник то ли размышлял вслух, то ли медленно говорил. Ну допустим — а дальше? После того как? Невесть кто, без имени и средств…

— Прежний остров в ленное владение, подтверждение титула лорда и соответствующих прав да привилегий. Что там ещё? — слова эти из уст адмирала звучали сладчайшей музыкой.

— Моя… — губы заключённого от волнения так свело судорогой, что он не договорил.

Однако, адмирал понял. Он покивал и негромко произнёс, что подруга одного молодого нахала — равно как и родившийся на днях сын — сейчас находятся в одном из королевских охотничьих домиков. На отдыхе, а не в заключении — особо подчеркнул он. Мало того, если означенный дворянин с честью сложит в бою голову, леди и её отпрыск получат по наследству все означенные титулы и привилегии.

— Сын… наследник дел и чаяний моих… надо же — столько ждал, а вот лишь в темнице дождался, — заключённый блеснул глазами и с грохотом цепей решительно шагнул вперёд. — Что ж, за это стоит побороться! Какие вы дадите гарантии?

Моряк испытующе посмотрел на него, а потом заметил, что если мало заверений одного из знаменитейших адмиралов, то вот… и только сейчас отозвался всё так же стоявший у двери штатский.

— Я первый королевский прокурор, мэтр Жоффре. В своих действиях отчитываюсь лишь перед Его Величеством да своей совестью. Моего слова достаточно? — голос его опасно зазвенел, и тут уже стало понятно, что большего нипочём добиться невозможно.

— Когда этот ваш час икс? — со вздохом кивнул заключённый. Но когда ссылающийся на секретность адмирал заартачился, пояснил — по тому фарватеру можно провести тяжёлые корабли только в прилив. — Да и то, раз в луну…

Он назвал ближайшую точную дату, и адмирал одобрительно кивнул. Всего на двое суток позже первоначально намеченного срока — в общем, вполне терпимо. Он переглянулся с

королевским прокурором и встал, на этот раз уже насовсем.

— Ну что ж, пойдёмте отсюда, молодой лорд — раз уж вы свободный человек…

Вызванный кузнец довольно быстро избавил узника от оков. Но уже наверху, когда тот полон чувств пошатнулся, впервые за долгое время вдохнув морского бриза, комендант форта и заодно темницы протянул своему бывшему заключённому сияющий медный шар с отлитым на боку ушком. Тот самый.

— На память, такова здешняя традиция. Ведь из моих подвалов почти всегда выходят либо на кладбище, либо к подножию виселицы.

Адмирал задумчиво кивнул, глядя куда-то в морские дали.

— Берите-берите, лорд Хок. И помните, где именно вы стали по-настоящему свободным человеком. Ну и гордитесь — благодаря вам появится в вашем родовом замке новая семейная реликвия…

О, эта странная, воистину непостижимая способность женщин часами замирать в почти неестественной, без особых упражнений недоступной нормальному человеку позе! Причём без малейшего дискомфорта и даже вне желания продемонстрировать возможному наблюдателю свою сверхъестественную гибкость… с воистину кошачьей грацией и подобно им же они способны часами находиться в полузавязанном на узел виде и почти не шевелясь всё смотреть, смотреть загадочно куда-то в бесконечность подобно древним, гигантским каменным изваяниям острова Лок. С той еле заметной, полупрозрачною даже не улыбкой — одной лишь тенью её на устах — они с мягкой настойчивостью смущают и бередят умы уже не одно поколение живописцев и скульпторов.

А ещё, точно так же бессильных изобразить это словом виршеплётов.

Но потом где-то на том краю мироздания падает последняя невесть кем отмеренная песчинка. И вдруг происходит мягкий, неожиданный и уже почти желанный поворот головы — распахнувшимися словно в изумлении при виде тебя карими глазами из них смотрит сама вечность…

— Почему в комнате темно? Ну что за нелепость, право, — а вот голос у обретавшейся на софе у окна леди Оуверрон оказался резким, так и хотелось сказать "неприятным".

Мало того, он выяснился настолько контрастирующим с уже ставшим почти привычным романтическим образом-впечатлением, что Ларка вздрогнул и едва не испортил свою работу.

Крохотный замок Оуверрон, приютившийся над стремниной с

трёх сторон огибавшей его реки, оказался слишком уж хорошим местом, чтобы пренебречь им для отдыха. Перевал Поднебесный, с которого завтра на ту сторону пойдут вторая и седьмая ударные бригады, оказывался всего лишь в пяти лигах к полуночи. Уже почти два века удобный переход через хребет прикрывала от светлого воинства выстроенная там мощная крепость — вот в тени-то этой угрозы да призрачной защиты и тянулась нелёгкая жизнь маленького лордства.

Днём леди Оуверрон с возмущением подняла на смех майора Мориса, когда тот предложил миледи хотя бы на время перебраться дальше от границы. На всякий случай, так сказать…

— Вы в своём уме, господин офицер? Чтобы я, знатная дама и хозяйка этих земель, выказала неуверенность на глазах своих людей или местных духов? Не бывать тому!

Поскольку у командующего расположившимся вдоль реки королевским отрядом попросту не хватило присутствия духа силой отправить хозяйку небольшого ветхого замка в тыл, то по крайней мере достало соображения напроситься всем штабом на ночлег. В этих горах если и ночевать, то уж лучше не на камнях.

Летний вечер догорал медленно, неохотно. Небо над алой медью горящим в закате изъязвлённым пиком потемнело. Сначала напиталось всеми красками вечера — а потом незаметно приобрело ту изумительную глубину, которую только и можно наблюдать в горах. Майор сотоварищи уже отправился на покой, сославшись на необходимость завтра вставать рано. А поручика Ларку, давно замеченного в некой привычке к здешним суровым местам, оставили с почётной и чертовски скучной обязанностью — развлекать хозяйку.

"Интересно, сколько ей лет?" — означенный поручик искоса, краем глаза поглядывал на женщину. С одной стороны, платье под полупрозрачной летней накидкой обрисовывало стройную и без видимых изъянов фигуру истинной леди, да и несомненная привычка вести себя раскованно в присутствии господ офицеров, опять же… а с другой, одного лишь взгляда в глаза хватило Ларке, чтобы отчего-то вспомнить Ольчу. Та же непонятная, непостижимая и чуть полынно-горьковатая мудрость. Так что, с равным успехом миледи могло быть и сто лет, и тысяча, и много больше. Ведьма, тут даже и проверять соответствующим заклятьем лень было…

— Мариэла, внеси огня! — распорядилась было леди Оуверрон, но тут же с непостижимой лёгкостию переменила своё мнение.

Небрежным жестом она отослала прочь сунувшуюся уже в двери растрёпанную служанку (ах, этот сержант-усач весьма мил

— но настолько неловок!), и на излёте того же властного движения руки с ладони её слетел ярко просиявший белый шар.

— Феноменально! — хладнокровно заметила леди, едва поглядев на стол. — Видала я, чтоб мыши грызли свечи — но чтобы подсвечники?

В самом деле, на столешнице остались только изломанные и покрошённые свечи — а вот два дрянных, старой бронзы настольных канделябра исчезли бесследно.

По правде говоря, Ларка не раскаивался ничуть. Мало того, ему даже самому интересно было, какую же работу сами собою проделали под прикрытием стола его ладони. Ну да, да — пока леди вдумчиво смотрела не столько в узкое, больше похоже на бойницу окно, сколь куда-то чуть ли не вглубь веков, парень без зазрения совести утянул оба осветительных прибора. И теперь задумчиво и особо не отдавая себе отчёт *лепил* что-то из податливо, даже как-то нежно струившегося под пальцами металла.

Не глядя туда.

— Прошу прощения, мэм, — он наконец поднял с колен свою работу.

И с лёгким стуком поставил ту на столешницу, по-прежнему не опуская на неё взор. Зачем? Глаза миледи всё скажут куда вернее… они раскрывались медленно, всё шире и шире, пока в них отчётливо не заплескалось что-то весьма похожее на неприличное для знатной дамы удивление. Потом, словно щепотка соли и душистых приправ в перемешиваемом походном кулеше, мягко прорезалось радостно-детское изумление — и в конце концов мощно полыхнуло таким неистовым восторгом, что Ларка сразу и безоговорочно всё понял…

Третью седмицу он снова и снова истязал себя в невыносимой и в то же время сладостной работе. Доверенный ему большой платунг, три сотни загорелых и горластых головорезов лишь вчера оказались одеты вместо стандартной пехотной брони в хоть какое-то подобие хороших доспехов. Да и вооружены куда как лучше. Да, да — каждый день Ларка изощрялся, вот этими руками превращая оловянистый медный сплав в чёрную, звонкую и мало уступающую железу прочностью бронзу. Завидев такое дело и получив приказ строго-настрого о том молчать, солдаты и сержанты тренировались с удвоенным рвением.

Три опытных ротмистра гоняли каждый свою сотню почти как пресловутых эльфовых коз. Причём не в шагистике — а во всяких предусмотренных или не очень боевым наставлением упражнениях. Но что особо понравилось платунгу… полковник Блентхейм едва не наорал на их поручика, когда тот отказался

надеть настойчиво предложенную и даже настоятельно рекомендованную стальную кольчугу (собственной работы, кстати — весьма одобренной гномом). А облёкся в точно таким же манером, как и остальные, переделанную из стандартного офицерского комплекта бронзовую броню.

В общем, солдаты поглядывали теперь на командира и своё оснащение с плохо скрытой радостью, а соседние платунги со столь же тщётно маскируемой завистью. Но лично майор Морис посмотрел на всё это дело благожелательно, хоть и заметил по окончании инспекции — если его отныне лучший второй платунг не порвёт все какие ни попадутся грёбаные и ахнутые паладинские задницы аки тузик тряпку, то он будет крепко разочарован и даже оскорблён в лучших чувствах.

И вот теперь, отоспавшийся, отдохнувший и даже чуть заскучавший после вчерашнего Ларка, в полном соответствии со всеми предостережениями о вреде праздности, утворил шалость. Даже можно сказать — дерзость, хотя бронза и осталась во владении хозяйки.

— Oh, my god… she's just me… — удивительно, куда только и исчез резкий, повелительный голос знатной дамы, обратившись в расстроганное и нежное воркование. От изумления та даже сбилась на имевшее некоторое хождение в здешних горах наречие эльфов.

Ларка встал, предупредил потянувшуюся было ближе леди Оуверрон, что голыми руками лучше не трогать, и услужливо подал ей салфетку. Только сейчас он и опустил глаза к своей мягко светящейся в сумраке работе.

Небольшая статуэтка и в самом деле изображала задумавшуюся о своём хозяйку замка — но боги! Каким образом она оказалась едва ли не лучше оригинала, как в ней чувствовалась живая, трепетная и в то же время непостижимая душа… а эта полупрозрачная накидка? Как может грубая бронза быть таковой, не знал и утворивший это маленькое чудо мастер, однако именно так оно и обстояло на самом деле.

Леди осторожно протёрла глаза. А потом набросила на ладони салфетку горного льна и осторожно, едва дыша взяла *это* в руки словно величайшую драгоценность.

Статуэтка вблизи оригинала ярко просияла неземным блеском — а по комнате неслышно и в то же время ощутимо пронеслось чьё-то небесное присутствие. Несколько мгновений оно реяло незримым memento mori, прежде чем нехотя вернуться в бронзу.

— Никто и никогда не убедит меня, что это сделали вы. Такое не умели даже древние. Разве что Феанор, и то… Но за

кражу двух подсвечников с вас, господин офицер, причитается! — стоило признать, леди Оуверрон оказалась ещё той, старой закалки — и в себя пришла довольно быстро.

Улыбнувшийся Ларка на глазок прикинул стоимость тех двух дрянных светильников. Высыпал на стол несколько серебрушек из обретавшегося на поясе кошеля. Подумав, он добавил ещё парочку и решительно отодвинул горсть монет от себя.

Леди со снисходительной усмешкой осмотрела женственный, соблазнительный изгиб талии своей маленькой копии и покачала головой.

— Вы чуть польстили, молодой человек, заметив во мне кроме чародейки и знатной леди ещё и женщину, — а всё же, карие глаза её смеялись под пристальным и, казалось, от этих слов чуть нахмурившимся взором статуэтки. — Однако и впрямь, развлечь меня вам удалось вполне…

Глаза её мягко и влажно мерцали, то оказалось заметно даже при ярком свете волшебного шара.

— Фири, негодник, а ну иди сюда, — негромко шепнули губы леди Оуверрон после того, как она осторожно вернула тяжеловатую для неё статуэтку на стол.

Почти сразу сквозь вязаный половичок снизу просочился земляной дух. Несколько удивлённая и уязвлённая тем обстоятельством, что какому-то офицеришке тот поклонился первому — а уж только потом и ей — леди поинтересовалась у своего слуги, из чего сделано вот это маленькое чудо?

Дух смешно икнул, подпрыгнул на месте и поспешно спрятал за спину протянувшиеся было вперёд бестелесные лапки.

— Ух ты! Бронза, ваша милость… а, ну да, как раз те два ратагайских подсвечника, что ещё от старого лорда остались.

Поджав губы в деланной сердитости, леди Оуверрон жестом отослала прочь откровенно держащегося подальше от стола духа и вздохнула.

— Даю голову на отсечение, это не магия. Я бы почувствовала за пару лиг малейшие трепыхания, уж учена жизнью и умудрена весьма…

Из-за окна уже чуть ли не явственно доносилась слышная лишь чувствующему вкрадчивая походка чародейки-ночи, а леди всё никак не могла ни на что решиться. Её взгляд вновь и вновь ласкал статуэтку, и лишь голос поручика оторвал хозяйку от зачарованного созерцания.

— Кстати, леди — гляньте пристально, не сыщется ли где клейма мастера? — отчего-то Ларке не хотелось брать в ладони свою уже законченную работу. С рук долой — из сердца вон.

Леди пристально осмотрела со всех сторон статуэтку, а потом

левая бровь её в таком возмущении поползла вверх, что в другое время чуть уставший и вовсе не чуть довольный парень даже и позабавился бы. Женщина легко повернулась в талии почти наоборот и осторожно взглянула на свою… гм-м, пятую точку.

— Право, словно тавро на кобыле, — неделикатно фыркнув, заметила она и продемонстрировала господину офицеру — если смотреть снизу на то место, на котором в странной позе сидела статуэтка, там обнаруживалась крохотная, ярко мерцающая весной еловая лапка.

Хмыкнув (породистая кобылка ты и есть, не жеребец же), Ларка добыл из ножен кинжал да положил перед леди на столешницу. Та поставила статуэтку рядом — но едва сбросила с ладоней салфетку, как клинок словно зачарованная стрелка на океанском корабле повернулся, теперь указывая строго на маленькую задумчивую женщину рядом.

— Ах, то же клеймо. И сбалансирован отменно… — леди Оуверрон, как оказалось, знала толк в оружии — по крайней мере в кинжалах.

Клинок мелькнул ласточкой в её ладони, кувыркнулся серебристой рыбкой в перехвате — и разочарованно вжикнул, отскочив хищным остриём от груди хозяина.

— Всё верно, — леди удовлетворённо кивнула как ни в чём ни бывало. Ведь хорошего мастера им же созданное оружие не тронет. — А почему лезвие чуть жжётся?

Её глаза широко распахнулись в удивлении, а потом и понимании, когда Ларка пояснил — железо не покупное. Трофейное, от светленьких. Да и крови их же этот клинок уже попил вволю. А поскольку сделан отнюдь не простым деревенским, косоруким кузнецом, только и годным клепать медные плуги да топоры, то постепенно в нём что-то такое и обозначается… но, пока что рано говорить.

Леди Оуверрон задумчиво и еле заметно покивала, завернувшись чуть плотнее в свою накидку — в окно вместе с ночью настырно так и лилась прохлада.

— Ладно, молодой человек — штраф за кражу подсвечников вы внесли, потому шум подымать я не стану. Развлекли вы меня, стоит признать, весьма необычно… и скучать мне ещё долго не придётся — разбираясь, на что же маленькая я способна на самом деле.

Карий взор женщины поднялся на поручика с еле заметной весёлостью, словно спрашивая — ну, претензии какие-нибудь есть? Или я в тебе ошиблась?

Тот откозырял и даже лихо прищёлкнул каблуками по новомодной столичной моде, после чего пожелал леди спокойной

и приятной ночи (хотя втихомолку наслал этой мегере в сон сразу пару жутко развратных эльфов. Ну, вы знаете, как то делается — левой втихомолку сделать за спиной *козу* да мысленно прочитать наоборот знаменитое *брекс, пекс, фекс*…) А потом с лёгкой и приятной усталостью направился вслед за бесшумно плывущим и показывающим путь впереди призраком. Ну да, в маленьком горном замке Оуверрон с незапамятных пор обретался один такой. Спокойный, правда — ночами не завывал и народ не пугал, хозяйка даже поручилась за него перед полковым магиком.

Крохотный чулан под лестницей с брошенным на топчан душистым сенником кому-то другому показался бы оскорблением. Однако, Ларка лишь беззлобно потеребил и приласкал доверчиво прильнувшее к нему привидение да завалился спать.

Причём, верите ли — с абсолютно чистой совестью.

Домовёнок-денщик разбудил своего господина с рассветом. Правда, оказалось что полковой командир вместе со своим начальником штаба уже убыл на рекогносцировку и совещание у главного — но Ларка на сей счёт не роптал. Наскоро смыл с себя сонную одурь в бочке с водой, поел с другими офицерами за длинным столом под пристальным надзором скучавших вдоль стен старинных статуй и кое-как чищенных доспехов. Так и представлялась здесь куда более горластая и буйная компания во главе с сорвиголовой и задирой бароном — а то как же, вон и старые трофейные стяги видны…

И уже когда Ларка разобрал поданные поводья да собрался запрыгнуть в седло, возле него непостижимым образом неслышно объявилась хозяйка замка.

— Должна заметить — вы редкостный нахал, молодой человек…

Глаза её мягко светились тем особым блеском, который безошибочно… впрочем, к чему слова? При этом лёгком румянце, который невозможно оказывалось списать даже на утреннюю свежесть. Да и в голосе всё равно прорезалась тщетно скрываемая мягкость.

Ларка бестрепетно и не моргнув встретил взгляд леди. Ты знаешь, и я знаю… что ты знаешь что я знаю — и так до той самой бесконечности, неизменно приводившей в отчаяние каждое поколение философов и логиков. Но ведь, слова и рассуждения в самом деле не нужны двум прекрасно понявшим друг друга?

— Честь имею, леди Оуверрон — возможно, когда и свидимся, — Ларка и даже полунамёком не показал ничего-такого-боже-упаси.

Лишь оторвал пальцы от околыша кивера, приложился к

дамской ручке да забрался в седло. Жестом показал ординарцу — за мной слева — и не оборачиваясь, обретаясь в седле прямо как свеча выехал из ворот. Да погнал жеребца вдогонку за чуть уже опередившими его остальными офицерами.

Жаль, наверное, что на кое-как вымощенной горной дороге не поднималась пыль — ещё долго Ларка ощущал в спине этакий изучающий и чуть смущённый женский взгляд. Ну да, всё верно — такую леди-ведьму какой-то паршивой святой молитвой не проймёшь. Железная… хотя в умелых руках и железо помягче растопленного воска будет?

Платунг оказался уже на ногах и даже надевающим доспехи. Приняв рапорты от сотников, продегустировав и одобрив содержимое солдатских котлов, Ларка распорядился всё к чьей-то матери вылить да строиться — а сам отправился к майору.

Тот уже вернулся от командующего армией, но обретался по сему поводу не в лучшем расположении духа. Майор Морис обвёл взглядом своих четверых командиров платунгов и жёлчно поинтересовался — за какие же грехи его полку выпала сомнительная честь оказаться самыми крайними на правом фланге, да ещё и с приказом атаковать невзирая ни на что?

— Подкрепление дали хоть, ваше превосходительство? — полюбопытствовал Ларка с самой неприкаянной физиономией.

Тот кисло кивнул и ответил — аж двух магиков впридачу к штатному полковому, да ещё и зачем-то десяток огненных духов…

— Куда вы так пристально смотрите, поручик?

В самом деле — Ларка отвернулся от полночной стороны, к которой каждый в ожидании сражения уже норовил обретаться лицом.

— Господа, а вы заметили — впереди перед нами чисто, зато сзади всё будто залито молоком? — в самом деле, этот новенький углядел верно — позади королевского войска всё скрывал густой туман.

Надпоручик из четвёртого платунга пробормотал ещё, что ему вроде с той стороны пару раз конским навозом пахнуло…

— Вот и разгадка, похоже, — Ларка обратился к хмурому майору. — А что, если в том тумане спрятана конница?

Офицеры сразу стали с жаром доказывать и пояснять на карте — если делать прорыв и вводить в бой кавалерию, то лучше всего вот тут, в центре. Но поручик лишь задумчиво покачал головой.

— А если там конницы втрое-вчетверо больше, чем надо для битвы? Если наша задача всего лишь *завернуть* край сражения и расчистить путь?

Офицеры потрясённо замолчали. Что эта догадка означала,

озвучил сам майор Морис.

— Если столь большая масса конницы не станет участвовать в свалке, а просто пойдёт на глубокий прорыв в тылы светлых… — он обвёл подчинённых прояснившимся взглядом. — Тогда нынче у нас не просто сражение, дамы и господа — это война!

Молчаливо обретавшиеся чуть сбоку волшебники обычно не вмешивались в обсуждение военными своих тактических планов и уловок — они чаще всего придавались тем вроде вспомогательной ударной (и защитной) силы. Но сейчас одна из замаскированных туманной хмарью фигур шагнула вперёд.

— Тише, господа офицеры! Вы обо всём догадались верно. Нам не обязательно даже побеждать — достаточно расчистить путь… а уж в тылу святош потом такой хаос поднимется, что сами разбегутся, — хоть Ларка и узнал голос госпожи Велерины да вовсе не малость обрадовался поддержке одной из сильнейших волшебниц медного королевства, всё же у него хватило сообразительности по мере возможности не показывать своего ликования.

— Мало того, сегодня на святом воинстве в полном масштабе будет испытана некая весьма интересная новинка с огненными духами. Каждый, каждый полк получил их… однако, не станем загадывать?

Ого! Тут уже офицеры и их майор оказались в весьма заинтригованном и повеселевшем расположении духа. Даже капитанша из первого платунга не сыпала матюгами как обычно, а лишь просияла взором и с чувством врезала кулаком майору по плечу.

— А что, командир? Что-то шепчет мне, что и впрямь мы сегодня порвём светленьких — даже без той конницы!

Майор ещё раз поглядел на расстеленную на плаще карту и задумчиво покивал. Но всё-таки каждый заметил скользнувшую по губам лёгкую улыбку.

— Что ж, если так — тогда давайте заранее обговорим и применим вот этот способ…

Платунг расположился в тщедушном лесочке, уже выросшем у подножия крепости с тех пор, как всю поросль вырубили для пущего спокойствия. Хоть солдаты и ворчали, что кишки с голодухи марш играют — но одно только замечание вернувшегося поручика, что перед серьёзной *работой* нельзя, заставило тех разом подобраться да переменить настроение. В самом деле, в бой надо идти натощак. А вон и светленькие в низине показались — то ли чуют что, то ли разведка поставлена толково…

— Да хреновый план, — хмурый Ларка не стал скрывать

своей озабоченности, когда вызванные им сотники да сержанты поинтересовались доставшимся нынче платунгу раскладом. — Нашему полку доверено сделать главную работу — а майор взвалил то на нас.

Поскольку опыта больших сражений у него не было, то вполне естественным оказалось, чтобы вон тот седой вислоусый ротмистр оставил себе в сотне замену, а сам обретался возле командира.

— Послушай… я из офицеров, прошедших особую подготовку, могу на равных потягаться даже с паладином. Потому, как только хорошо в драке увязнем, сразу давай мне знак. Организуем за мной клык из двух опытных десятков — и на прорыв.

Седой нетерпеливо и понятливо кивнул. Да что ж тут не понять? Один только вид бронзового бастарда поручика, уже мерцавшего в предвкушении свежей крови, человеку знающему подсказал много. К тому же, обретающаяся рядом магичка скромно заметила, что она волшебница первого ранга (ого!) и поддержит клык всею силою.

Некое лихорадочное возбуждение уже охватило сотников и сержантов. Неведомым науке образом то передалось и солдатам. Ларка по глазам видел — словно хмельные, однако не подведут. А вот и сигнал…

— Крови! — больше похожий на волчий вой голос вырвался из-под забрала изрубленного лёгкого шлема.

Его обладатель почти сразу покрылся кровью поверженных солдат. Зря, что ли, столько раз переделывал старый бастард — раз за разом подбирая и меняя что-то неуловимое, пока тот не стал уродоваться даже о массивные валуны? Лишь тупился да высекал обжигающую лицо колючую гранитную крошку… Ларка рубился им как двуручником — в тесноте и сутолоке свалки, в которую разом обратился бой, не до ювелирной работы одвуручь, мечом и кинжалом. А щит не для идущего на прорыв, тут надо всё на атаку.

— Огня! — азартно поддержал его за спиной смутно знакомый женский голос.

Гулко захлопали выдёргиваемые в разожжённый в тылу костёр духи огня. Всё реже и реже… пока впереди не поднялось глухое басовитое ворчание. И остервенело прорубающий себе путь поручик даже не увидал, а приглушённым в этом аду естеством почувствовал, как всё смелее и смелее в гуще святого воинства развернули плечи духи огня.

Вот лопнуло что-то неуловимое, словно спала с глаз тонкая пелена — то неистовые огненные демоны добрались до

прикрывавших своё воинство молитвами святых отцов. Меч сразу принялся как-то легче рубить неподатливое железо, а удары о свою броню стали неощутимее.

— Га-а-а… — хрипло и страшно проорали что-то сияющие бронзой солдаты, разом почуяв слабину.

И покатилось. Поначалу медленно и едва заметно. Но едва не дышащая в затылок Велерина что-то там подправила, сыпанула вперёд-в-стороны щедрым облаком прожигающих насквозь искр — и лишённое защиты святое воинство дрогнуло.

— Держать ряды, курва-мать! — ротмистр сзади орал и надсаживался.

Но в принципе, прав седой… Ларка потемневшим от натуги взглядом оценил положение. В самом деле, хребет у светленьких уже затрещал, чего каждый раз с клыком пупок рвать. По его жесту солдаты неохотно подравнялись и под задаваемый барабаном сержанта ритм принялись слаженно орудовать копьями.

Залатать пробитую брешь светлое воинство так и не успело — майор наконец-то ввёл в бой четвёртый платунг, до сих пор нетерпеливо прохлаждавшийся за спинами и оставшийся полнокровным. И его солдаты ударили с такою силой, что оборона светлого воинства, и без того истерзанная в клочья, лопнула перезрелой тыквой…

Если бы терпеливо парящий над предгорьями канюк мог говорить, то он захлёбывающимся от восторга голосом поведал бы — как в туче поднятой пыли и мельтешении огненных вспышек правый край сражения словно неохотно стал продвигаться на полуночь. Завидя успех соседей, гвардейский полк под стягом с рваным алым сапогом на чёрном фоне тоже поднажал — и постепенно тут стало твориться форменное светопреставление. Два не таких уж и многочисленных отряда потихоньку загибали кипящую огнём и смертями линию, медленно но неудержимо заходя в тыл блестящего серой сталью воинства.

А потом где-то далеко, словно на краю света, хрипло протрубили в рог… и канюк обречённо полетел подальше отсюда — туман за перевалом словно лопнул. Через распахнутые настежь ворота горной крепости на полночь хлынула такаааая река…

— Мать-перемать! — Ларка от восторга обнимал визжащую примерно по той же причине волшебницу.

Хоть целитель и пытался наскоро залатать проткнутое бедро поручика — в горячке боя даже и боль какой-то несерьёзной показалась — но седой зорко углядел то и распорядился вывести командира из первых рядов.

Но главное оказалось не это. Через заваленное трупами пространство за спиной отряда ликующего Мориса на полночь уже скакал не полк, не бригада. Полновесная конная армия постепенно набирала разгон, словно намеревалась так и мчаться днём и ночью до никогда не виданной столицы светлого королевства. Земля гудела и дрожала так, что святое воинство уже почти совсем пало духом и отступало всё сильнее.

А закованная в добротную бронзу река текла и текла, и от осознания — какая же это силища — хотелось плакать и смеяться одновременно…

— Всё, они готовы! — грязная и истерзанная капитанша из первого платунга с перевязанным после арбалетного залпа плечом (правое, а то хрен бы я вышла из боя!) взъерошила мокрые волосы Ларки. — Сукин ты сын! Если ты из девяток на самом деле, то я девчонка сопливая!

В самом деле — командующий битвой сменил уже едва ворочающий оружием полк на краю правого фланга, ввёл в дело свежие силы. Да и оказалось, что засадный отряд расположили удачно — левый фланг светлых, откуда те сняли и перебросили сюда все резервы, тот изрубил как хорошая хозяйка капусту. И уже почти окружённое святое воинство дрогнуло, всколыхнулось словно потревоженное болото. Потекло на полночь, а дальше, дамы и господа, всё оказалось классически по учебнику тактики — преследование и рубка бегущих…

— Солдаты! До сегодняшнего дня я гордился тем, что служу королю, — усиленный магией голос генерала раскатился по полю, и вечернее солнце с любопытством присматривалось к происходящему за перевалом действу. — Но сегодня я горд тем, что мне выпала честь командовать вами!..

Молодой поручик хоть и стоял опираясь на плечо своего ординарца и временами морщился от боли в неловко потревоженной ноге, но и его переполняла тихая радостная уверенность. Нынче и впрямь вышла не просто победа. Пожалуй, первый в истории достоверный и неоспоримый случай, когда *медные* в крупном сражении не просто разгромили светлое воинство — но почти полностью уничтожили его. Пусть не элитные части, но всё же.

Стоило признать, что генерал оказался не настолько уж заскорузлым. Каким путём он сумел выцарапать у короля ещё пару полков конницы, так и осталось неизвестным. Но когда из упрямо скачущей на полночь лавины развернулись два немалых отряда и азартно ударили по удирающим святошам почти сзади… не хотел бы Ларка видеть то вблизи. Пленные никому сегодня оказались не нужны. Грязная, кровавая мясорубка полностью

дезорганизованной толпы, многие из которой в попытках быстрее бежать побросали доспехи и оружие, закончилась неожиданно быстро.

А теперь что ж? Конница хоть и не в состоянии взять крепости и крупные города, однако не готовую к такому мелочёвку подметёт быстро. Что означает перерезать пути и коммуникации, лишить снабжения и возможности маневра, дезорганизовать не готовые к войне глубинные районы, никому объяснять не нужно?

Лёгкий ветерок пробежал по рядам утомлённой армии вместе с полученным по хрустальному шару магиков известием, что на крайнем восходе, под крепостью Марыч, светлым тоже надавали по зубам крепко. Посланец небесных высей пролетел и довольным умчался по своим неведомым делам, оставив взамен чувство уверенности — теперь всё будет хорошо…

— Чем вы недовольны, полковник? — в голосе Его Величество сквозила усталость.

Казалось бы, оставалось лишь радоваться — все хлопоты и заботы, вся подготовка к предстоящей войне увенчались полным и безоговорочным успехом. С Поднебесной крепости вонзившийся словно в мягкое брюхо клин конницы растёкся едва не на половину не готового к такому светлого королевства. С налёту даже оказался захвачен промышленный район Рурре — вместе с его шахтами, железоделательными заводами да мастерами. И теперь в медное королевство потянулись длинные, тяжело нагруженные караваны с трофеями.

На морском побережье операция тоже прошла блестяще. Удар из крепости Марыч, поддержанный скрытно высаженным в тыл святой армии десантом и кораблями флота, оказался для светлого воинства роковым. Даже крепость-зеркало, как называли весьма похожее на Марыч укрепление, отстоявшее на пять лиг полуночнее, но развёрнутое наоборот, взяли без особого труда. Тамошняя секунд-майорша предложила дерзкий, безумный план — и он удался.

Ударный штурмовой платунг, лодками и рыбачьими баркасами переправленный ночью на ту сторону, святоши впотьмах приняли за свой, присланный в подкрепление отряд — уж одет-то он был весь в железо. Ну, а что делать банде головорезов, оказавшейся внутри крепости, учить не потребовалось… И спустя всего час окровавленная, но торжествующая Мария фон Браухич подняла над главным бастионом королевский стяг…

— Потери, ваше величество, потери! — тоже присутствовавший в золочёной тронной зале адмирал фон Триер

скривился так, словно прожевал целый лимон. — Корабли хрен с ним, отстроим — но экипажи переполовинены, а среди моих офицеров почти треть безвозвратных потерь!

В сухопутной армии дела обстояли столь же неважнецки. Что такое выучить и дать набраться опыта офицеру, платунгу солдат или корабельному экипажу, королевская казна ощущала сполна. Но главное — люди, люди…

— Сейчас все части спешно переоблачаются в железо вместо медных и бронзовых доспехов, оружие тоже переделывают и подгоняют, — словно придавленный горем полковник поведал дальше, что кузнецы и оружейники работают не покладая рук, днём и ночью. Падают от усталости прямо где работали, чтобы забыться коротким тяжёлым сном. Им давали отдохнуть четыре-пять часов, затем кое-как отливали водой — и снова работать.

Стоявший чуть сбоку канцлер в строгом камзоле чёрного с вышивкой бархата поднял голову. И его угрюмый голос резко контрастировал с пышным великолепием королевского дворца.

— Только сейчас обнаружился наш просчёт, ваше величество. Мы можем захватить светлое королевство или по крайней мере нанести ему невосполнимый ущерб — но вот удержать не в состоянии. Тамошнее население и пейзанство, лишённое направляющей поддержки святых братьев, оказалось полностью неуправляемо, бесполезно. А местами даже впало в безумие. Эти люди не могут и не будут работать на королевство.

Дальше он добавил, что в арсеналы и Королевскую Горку уже начало прибывать захваченное железо — причём в таких количествах, что управляющие схватились за голову. Гильдия купцов предложила свои услуги по доставке — и ухитрилась организовать эффективную перевозку слитков на речных баржах. Так что, если что и прибавляло уверенности, то лишь этот факт. Железа скоро будет вдосталь — на годы вперёд…

Как странно оказалось то видеть — сидящий на троне король смеялся. Почти беззвучно хохотал совсем по-мальчишечьи — точно как в тот день когда юным ещё и безответственным принцем устроил шутку графу Сейдел. Его величество от восторга даже смахнул с августейшей щеки слезинку.

— Да, всё как мы и предполагали… оборотная сторона принципа "каждый знает лишь то, что ему необходимо" — король спрятал обратно в рукав кружевной платочек и откинулся на спинку древнего трона.

Некоторое время он с лёгкой улыбкой смотрел на своих полководцев и царедворцев, а потом не выдержал, прыснул опять.

— Надо же — а ведь, волшебница предупреждала… кстати, вот и она сама, — как бы в подтверждение слов монарха, в

тишину тронной залы откуда-то снаружи ворвался цокот копыт.

Спутать мелодичный перезвон чародейских подков, сделанных неким чудо-кузнецом и приделанных затем на копыта самого резвого скакуна эльфийской породы, оказывалось решительно невозможно. В самом деле, судя по звуку, стрелой летящий конь осадил лишь у крыльца, где спрыгнувшая из седла магичка звонко и сердито ругнула слишком нерасторопно подскочивших лакеев.

Ещё несколько томительных мгновений, и церемонимейстер у дверей залы встрепенулся. Начал было пышно, с чинным достоинством велеречиво перечислять титулы и прочие достоинства некой леди, однако натолкнулся взглядом на нетерпеливый жест ладони своего сюзерена. По той причине неслышно поперхнулся, скомкал свою речь и тут же закончил:

— Волшебница первого ранга, госпожа Велерина!

Высокие золочёные двери раскрылись со строго предписанной этикетом величавой неспешностью, и меж створок тотчас возникло само розовое очарование в неизменном наряде. Хотя, наверняка, тех платьев имелся полный гардероб, и шил их целый платунг модисток да портних…

Чуть покачивая бёдрами с той соблазнительной небрежностью, с которой красивая и прекрасно отдающая себе в том отчёт женщина продирается сквозь восхищённые и одобряющие взгляды, волшебница со звонким цокотом каблучков гордо прошествовала к подножию трона и уже тут порадовала взоры военных и вельмож — а пуще своего короля — безукоризненным реверансом.

— Рада видеть ваше величество в добром здравии, — она встряхнула сегодня мерцающими белым золотом локонами и улыбнулась.

Ответная и какая-то тёплая улыбка с вершины трона весьма приободрила прибывшую из невесть какого далека волшебницу. Да, ходили слухи — что если бы то оказалось возможным по части постельных утех и продолжения рода, Его Величество немедля посадил бы леди в розовом рядом с собою на малый трон. Пустовавший с тех пор, как прежняя королева умерла после бала… ох уж, это пресловутое если бы…

— Не томите, леди Велерина — какие новости вы принесли нашему величеству?

Голубые глаза невесть куда с той поры исчезнувшей после битвы на перевале волшебницы смеялись.

— Да — и да, — просто и в то же время загадочно разнёс по тронной зале её чарующий голосок.

Напряжённо прислушивавшийся сбоку канцлер с таким

облегчением перевёл дух и явно расслабился, что тут уже и гадать не было никакой нужды — известия самые что ни на есть благоприятные. Однако, как ни странно, негромким голосом озвучил их сам король.

— Нам не удалось склонить поддержать нашу доблестную армию ни августейшего монарха закатных эльфов, ни гномий совет старейшин. Однако, завидя наши несомненные успехи, лесные воители согласились взять под присмотр дубравы и сосновые леса на полночь от их владений.

Что это означало, трудно даже переоценить — добрая четверть светлого королевства, доселе исправно снабжавшая его строевым и деловым лесом, нынче отошла к перворождённым. А уж те умели защищать то, что считали своим…

— Мало того, по договорённости с нами сейчас три крепких клана подгорных рудокопов и воителей спешным маршем двигаются в район Рурре — с тем, чтобы основать там новое поселение гномьего народа.

Вот это уже новость оказалась, так новость! Если гномы укрепятся в богатейших железом горах, оттуда их не выковыряют никакие святоши — в прошлом не раз им обломали руки бородатые воины и мастера, с фанатичной жестокостью защищавшие свои пещеры и залы.

И коль скоро соседи получили в свои владения столь лакомые и желанные их сердцам куски — поневоле возникал вопрос, чем же это они так ублажили Его Величество? Но тот хоть и обвёл смеющимся взглядом загудевшее шёпотом сборище сановников и вояк, слишком долго томить их не стал.

— Наш августейший собрат, король эльфов, и большой круг гномьих старейшин решили отныне отказаться от политики изоляционизма в отношении нашего медного королевства. Полная открытость, прозрачность границ, простор для торговли и обмена знаниями. Впрочем, подробности узнаете из нашего указа…

— Значит, союзники, ваше величество? — полковник Блентхейм поднял склонённую в раздумьях голову.

Однако, король покачал головой. В личном послании увенчанный вечнозелёной лиственной короной правитель эльфов особо подчеркнул — не союзники, а друзья. Первые могут продать или предать, когда им будет выгодно, но вот вторые… кстати, гномы тоже предложили послать в и на все условности да восстановить те доверительные отношения, кои были в сейчас уже казавшиеся просто красивой сказкой времена Второго Королевства.

— Присматривались к нам, выходит? — адмирал флота

молча прикинул — если так и дальше пойдёт, скоро на материке и воевать-то не с кем будет. Кроме орков…

— Совершенно верно, дамы и господа, — подтвердил канцлер. — И гномы и эльфы традиционно поклоняются Свету — но оказалось, что по духу и философии мы им куда ближе, нежели фанатики на полуночи.

— Прямо тебе отпущение грехов по всей форме, — проворчал кивнувший адмирал. Он почесал в затылке и с флотской прямолинейностью бравого вояки осведомился в пространство тронной залы, да сколько ж можно порядочному моряку сушить горло? — Ваше величество, ну хоть по кружке пива на рыло — в честь такого оно не грех…

Если бы седмицу назад оный флотоводец в битве при островах Мидроад не устроил образцово-показательный разгром кораблям святого флота, всё могло бы обернуться совсем иначе. Но адмирал фон Триер нынче обретался в почёте при дворе — причём, по единодушному мнению, вполне заслуженно. Потому и естественно, что Его Величество понимающе усмехнулся шалости своего фаворита да шевельнул рукой в сторону церемонимейстера.

У боковой стены бесшумно летающие лакеи мгновенно устроили столы — со всем, чему на них быть и полагалось. Да и королю слуга принёс на подносе бокал лично проверенного на предмет ядов лёгкого вина.

Единственными, кто остались легонько недовольными насчёт "рыла", оказались несколько занимавших высокие посты придворных леди и лично волшебница в розовом. Пригубив напитков да устроив налёт на вазы с фруктами, дамы пошушукались, и тут уж понятными стали их смешливые взгляды в сторону флотских — явно намечалась некая каверза со стороны прекрасной половины королевства. Возможно, приметивший то фон Триер и проникся. Но возможно, и нет — в случае чего, мостик фрегата или корвета всегда ждал его.

А уж в море ни одна баба не достанет моряка своими капризами…

Он пришёл один. С полуденного заката, где на холмах за ручьём встала лагерем ненавистная и в то же время оказавшаяся непобедимой армия медного королевства.

Один, в длинном тёмно-алом балахоне, с такою же островерхой шляпой колдуна на голове. И что ни обрушивали на величавого старика цепь арбалетчиков или лихорадочно бормочущий молитвы святой брат, всё оно отскакивало от окутанного прозрачной жемчужной дымкой магика.

— Проклятый еретик! — в бессилии сломавший о того свой

трижды освящённый меч паладин в бессильной ярости, с лязгом ударил латной рукавицей в бедро.

Даже самые грозные и тайные слова лишь чуть всколыхнули длинную белоснежную бороду и заставили чуть ярче разгореться в навершии посоха алый огонёк. Святые молитвы отскакивали от ненавистного магика словно мячики. Развалив несколько городских зданий, хозяйка города и дома за плечами угомонилась — вся тщетность усилий и потуг оказывалась очевидной.

Вот так, гордо выпрямившаяся и неприлично растерянная, леди у порога и встретила неспешно идущего по улочке волшебника. Откуда в нём такая сила? Отчего веками выверенные и проверенные молитвы вдруг потеряли свою силу? — эти вопросы бились в виски с пульсом заходящегося от натуги сердца.

— Леди Майя, урождённая маркиза д'Акс? — поинтересовался тот ненавязчиво, словно выспрашивал дорогу.

А получив гордо и вызывающе процеженное с высоты крыльца подтверждение, задумчиво покивал головой. Магик медного королевства посмотрел по сторонам, улыбнулся клумбам с цветами да молодым фруктовым деревьям, и только сейчас представился.

— Волшебник первого ранга Франек, — хотя загораживавшие знатную леди солдаты едва ли поняли смысл этих слов, та сообразила мгновенно.

Один из самых-самых…

— В общем, так, — ненавистный колдун говорил негромко, словно сам с собою, и унижение от того, что ей приходилось прислушиваться, вымахнуло на щёки предательским румянцем. — Командир полка королевской армии поручил мне передать следующее.

Дальше последовало нечто, весьма похожее если не на оскорбление, то на ультиматум. Всех святых братьев и паладинов ждёт виселица… если они прилюдно и чистосердечно не откажутся от своей гнусной и людоедской веры.

— Не бывать тому! — побелевший от ненависти святой брат подскочил ближе, размашисто ударил колдуна раскрученным над головой словно боевой цеп кадилом… чтобы тут же с лёгким звоном осыпаться странной мерцающей пылью.

— Дурачок, — снисходительно обронил не шелохнувшийся магик. — Видите ли, когда умрёт последний посвящённый, ваша вера тоже умрёт. Сама собой — и мы будем стремиться к тому неустанно.

— Тогда к чему слова? Отчего вы просто не убьёте всех нас? — судя по сузившимся глазам леди, та уже находилась в

крайней и весьма опасной степени готовности ко всему.

Лёгкий смешок оказался ей поначалу ответом. Волшебник улыбнулся в сторонку, приветливо кивнул уже не утреннему, но ещё и не полуденному солнышку и только потом вернул свой взор на крыльцо.

— Простым солдатам и офицерам, не запятнавшим себя якобы святыми делами, гарантируется жизнь и достойное военнопленных обращение. Мирным жителям — свобода жить и спокойно работать дальше, — глаза магика вычленили леди и вдруг впились в неё с непонятною силой. — Если вы действительно маркиза этих людей и этих солдат, то примете вовсе не то решение, как этот глупец.

Этот непонятный Франек брезгливо ногой растёр на камнях горстку блестящей пыли — всё, что осталось от незадачливого монаха. Но женщина процедила в ответ, что она и сама является святой сестрой и одной из носительниц божественной Силы.

— Ну что ж, леди, у вас есть шанс пересмотреть и изменить наиболее мерзкие и кровожадные постулаты вашей веры. И кто знает — возможно, его величество король даже оставит вас при титулах и милостиво выдаст замуж за кого-то из своих подданных…

Как с ясного неба не грянула молния и не развеяла мерзавца в прах, осталось ведомо только небесам — с такою силою и ненавистью леди обрушила на того свой страх и отчаяние. А всё же… ничего. Кроме равнодушного пения жаворонка где-то в небесной лазури, ничего.

— Не шалите, леди — мне не очень-то хочется торчать здесь и уговаривать вас, да ещё на жаре. Соблазн быстренько уничтожить в этом городишке и окрестностях всё живое, а потом просто доложить полковнику, что чокнутые фанатики предпочли умереть, слишком велик для старого человека.

"Старого… Этот ещё и меня переживёт" — если бы магик мог прочесть эту угрюмую мысль леди Майи, то он наверняка позабавился бы. Но он только вздохнул и пожал плечами.

— Ну, как хотите. Вы уже надоели мне своим упрямством. А мне хочется поскорее вернуться в тень да выпить прохладной воды, — и покрепче, с явно мерзкими намерениями принялся засучивать рукава своего балахона.

Стук алебарды и лязг железа подтвердили, что кому-то из солдат сделалось дурно. И всё же, они не дрогнули и не взбунтовались против упорствующей на краю смерти госпожи.

— Сколько у нас времени на раздумья? — собственный голос показался леди каким-то чужим и отчего-то постыдным.

Паладин сбоку покачал головой и проворчал, что

предпочитает умереть в битве. Но магик опечаленно развёл руками — дескать, битвы не будет, уж извини. Тебя просто сожгут издали заклинанием, и всё.

— Да уж… выбор у нас невелик. Только попомните мои слова, господин магик — война ещё не закончена, — паладин горделиво хватанул ладонью пустое место на перевязи, где ещё недавно висел верный клинок, и печально покачал запылённым шлемом.

Однако проклятый и ненавистный еретик вдруг что-то вспомнил. Он укоризненно сам себе поцокал языком и заметил негромко, что есть тут один к леди Майе приватный разговор. И едва та сделала несколько шагов вглубь уже почти не дававшего тени сада, как колдун негромко поинтересовался — не припомнит ли почтенная леди одну ведьмочку *из наших*?

— В прошлом году она здесь проходила… вон и следок завернул на край двора… — глаза этого Франека смотрели как-то особенно проникновенно, и почтенная леди не стала скрывать.

— Да, было такое, помню. Но скорее всего, её направили на перевоспитание… а там умеют обламывать и не таких еретичек, колдун. Так что, наверняка она сейчас одна из наших преданных святых сестёр…

Она говорила ещё что-то, цедила через брезгливо выпяченную губку, бубнила в навалившейся вдруг ватной тишине. Нелепо разевала ротик и даже объясняюще повела в жарком мареве ладонью. Но Франек уже едва слушал её. Какие же мерзавцы, право… и зачем только он обещал полковнику сделать всё, чтобы уговорить этих святош да постараться спасти?

— Я понял, леди Майя. Знаете, то что вы с нею сделали — это хуже смерти. Насильно промыть мозги, затуманив здравый смысл особыми окуриваниями да вашими молитвами, — взгляд его полыхнул такой брезгливостью, что знатная леди поперхнулась на полуслове в попытке возразить. — Будь моя воля, я бы вас нынче не пощадил за содеянное. Как собак бешеных передавил бы тут…

Волшебник отвернулся и с тихим рычанием, которого леди никак от него не ожидала, некоторое время смотрел печально на опустевшую дорогу и настороженно поглядывавшие в окна лица. И лишь потом он справился с собой и уже громко, на весь двор спросил:

— Так что мне передать господину полковнику королевской армии?

Дорога, доселе вившаяся по полям, наконец-то нырнула в перелесок. Долгожданная тень сразу обернула прохладой и сделала продвижение почти даже и приятным.

Если посмотреть дальше, то выбежав из широкой заросшей лощины, путь взбирался на пологий пригорок, а там… да кто знает, что там? Известно лишь, что где-то вдали, далеко на полуночи, армия медного королевства уже нащупывала подходы к столице ненавистного государства святош. Сходились в боях полки, ярко и гневно полыхала боевая магия, или же тихо и незаметно косили людей проклятия и ведьминские наговоры.

А здесь, по покрытой мягкой плью просёлочной дороге, с упорством и неутомимостью муравьёв в ту сторону упрямо шагали двое молодых парней. Поручик королевской армии, при виде которого мамаши с неожиданной прытью прятали по домам и избам своих дочерей да от греха подальше прикрывали лица сами. И круглолицый, плотно сбитый сержант с хозяйственно набитым вещмешком за плечами. Дорога вела примерно на полночь и в общем устраивала направлением этих двоих — потому они и шагали с неспешной настойчивостью солдатского роду-племени. Ну и чесали языки, понятное дало…

Из-за поворота дороги, стволами деревьев и кустарником закрывавшим видимость, почти бесшумно выехал пикет — двое солдат при сияющем кирасой усатом ротмистре.

— Патруль двенадцатого кавалергардского полка. Предъявите документы, господа… — ротмистр смотрел остро, цепко. Да и солдаты привычно охватили пеших в полукольцо, с надеждой поигрывали копьями — ну, дёрнитесь кто-нибудь!

Сержант прекратил рассказывать поручику байку из бесконечного цикла про ротмистра Хохоталкина и леди Натали, кивнул. Улыбка постепенно стекла с обоих лиц.

— Без проблем, — он устало повёл плечами, скинул со спины вещмешок и принялся в нём ковыряться. — Мы из госпиталя, в седьмую ударную возвращаемся.

Поручик хоть и поморщил ус при виде разъезжающих в седле и не бьющих ноги кавалеристов, но добыл свои бумаги быстрее, потому и подал первым. Ротмистр не слезая с сдела принялся разбирать их, придираясь к каждой буковке и каждой запятой.

— Так… после ранения у Поднебесной? А отчего так долго, господин поручик — за седмицу целители даже покойника подымут да в строй поставят.

Ларка вздохнул и дёрнул чуть вспотевшей от жары щекой.

— Да там святым клинком какой-то нерв задело. Стала нога отниматься — пришлось целителям повторно резать да чего-то там исправлять.

— Бывает, — неожиданно покладисто отозвался ротмистр, чтобы тут же придраться — почему печать в подорожной смазана?

Терпеливо и мягко, как только и говорят с детьми да

выжившими из ума стариками, Ларка пояснил — в комендатуру как раз в тот момент какой-то высокий чин из штаба зашёл, вот писарь и подпрыгнул в стойку.

— Да, точно они, крысы тыловые, всё тянутся перед начальством, — ротмистр кивнул, наконец потерял к Ларке всякий интерес и занялся сержантом.

— Тэ-экс… ого! — полусонный разморенный взгляд его полыхнул интересом. — А как же вы это, господин сержант, получили ранение в ягодичную мышцу? Уж не оттого ли в задней части лишняя дырка, что драпали с поля боя?

Сержант побагровел и откровенно разобиделся.

— Ты за языком следи, ротмистр — скажешь тоже, драпал… я артиллерист, из обслуги, — он ткнул в нашивку на плече. — Ну вот, во время осады крепости Нотеберг три дня тому, отвернулся я как раз от лотка, нагнулся за очередным зарядом для баллисты — а с той стороны прилетел шальной арбалетный болт. Ну, это… как раз *туда* и пришёлся подарок от светленьких.

Ротмистр усмехнулся и восхищённо покрутил головой.

— Бывает же такая хохма!

Кулачищи сержанта сжались так, что побелели костяшки пальцев.

— Тебе-то, может, и хохма. А мне? Вот закончится война, приду я к девушке свататься, а она и спросит: о, ты ранен был? А куда? — он с неожиданной злостью сплюнул в придорожную пыль. — И что я ей отвечу? В жопу, мол?

Оба кавалериста по сторонам неприкрыто ржали и весело скалили зубы, уже покачиваясь в сёдлах и едва не роняя копья. Ларка тоже ухмылялся от неимоверности ситуации, и даже тронутые сединой усы ротмистра как-то странно подпрыгивали на загорелом лице. И всё же, молодой поручик нашёл в себе силы утешающе хлопнуть разобиженного артиллериста по плечу.

— Не горячись, сержант. Вот так, как нам сейчас, объяснишь — и деликатно пальцем укажешь, в какое место. Если любит — поймёт.

Сержант дёрнулся в раздражении, зыркнул люто, но всё же смолчал. Ротмистр тоже расслабился и кивнул своим на конях — наши, не дезертиры и не лазутчики светленьких. На прощание он даже посоветовал зайти к интендантам на перекрёстке. Дескать, куда они в седьмую провиант и фураж направляют, туда и путь держать. Но Ларка мягонько придержал того за стремя.

— Как там, на фронте? Давим паразитов, или огрызаются?

Тот усмехнулся в седой ус и заговорщически подмигнул.

— Прошёл слушок, вроде бы разведка доложила: из двенадцати паладинов Круглой Залы нынче только семь осталось.

Под Карлсбургом их передовую армию позавчера неплохо в мешок зажали. Потом вырвались-таки, паскуды, но кровью умылись по самое немогу и город сдали.

Ларка в ответ кивнул с одобрительным жестом и небрежно-уважительно откозырял.

— Удачи, ребята!

Кавалеристы своими копьями отсалютовали столь же по-свойски, и вскоре скрылись за поворотом дороги. А та принялась опять неспешно ластиться под ноги.

Сержант угрюмо молчал и думал о чём-то своём. Временами он то ускорял неспешный шаг, то замедлял — смотря какие мысли носились под его квадратной фуражкой артиллериста. Один раз даже вздохнул глубоко, остановился. Очнувшись от своих раздумий, он оглядел окрестности и вытер рукавом вспотевшее круглое лицо. С вершины пологого холма открывалась привольная, чуть тронутая зноем степь с редкими купами зелени в низинах.

— Если любит — поймёт… спасибо, поручик. Очень верные слова, — рукопожатие его оказалось неожиданно крепким.

Расстроганный Ларка пожал плечами. Ну как тут ответишь? А пёс его знает! Впрочем… во фляжке после вчерашнего ещё осталось немного того зелья, что уважают настоящие мужчины. Но так, без чрезмерности, и сейчас по глотку пришлось как раз кстати.

— В сугубо целительских, лекарских целях, — строго, но с отчего-то смеющимися глазами предупредил он. — Настойка на семи очень хороших травках.

Сержант понятливо кивнул.

— Для после ранения, — и вновь холмы да перелески принялись неспешно утекать назад с утомительной монотонностью…

В небольшом исправном селе на перекрёстке всяких армейских и тыловых чинов оказалось как бы не больше, чем мало-помалу отходящего от первоначального шока населения. За весьма малое время Ларка и сержант успели основательно подзаправиться у полевой кухни, вдоволь подрать глотки в битком набитой комендатуре, и даже в своё удовольствие пособачиться со снабженцами. А всё же, нет худа без добра — перемигнувшись с пухленькой смешливой писарихой в углу, сержант вмиг что-то там выяснил, и выкатился на крыльцо изрядно повеселевший.

— Во! — он помахал в полуденном зное какой-то бумагой. — Через полчаса в нашу сторону пойдёт конный обоз с харчами, а мы при ём вроде как дополнительной охраной будем.

— Ноги не бить, да и быстрее в часть доберёмся, — улыбнувшийся Ларка сообразил маленькую военную хитрость сразу.

В самом деле, быстро договорившись с тощим сержантом-возницей второго срока службы, оба молодых парня забрались в добротную крытую фуру. Некоторое время повозились, удобнее устраиваясь на мешках с тёплым и ещё ароматно щекочущим обоняние хлебом. Выдохнули с блаженством, улыбнулись друг другу счастливо.

А потом заскучали.

Серый полотняный навес мерно покачивался и подрагивал над головами, возница что-то монотонно напевал под нос и временами безо всякой надежды на успех подгонял своих сонных меринов. Сзади виднелись ещё пяток фур, влекомых унылыми и пыльными клячами, и постепенно скука одолела обоих парней до чрезвычайности. Сержант зевнул так, что едва не вывихнул челюсть, и заворочался на тюках.

— Эй, служивый! Ты хоть другую песню знаешь? — он скривился и передразнил. — Дорога на Саларкан, дорога на Саларкан…

Ларка уже придремал, удобно устроившись на мешках с фуражным зерном. Под полог иногда залетал освежающий ветерок, отгоняющее мух заклинание давешнего знакомого магика ещё не выветрилось — а намахавшиеся за вчера и сегодня ноги приятно гудели.

Возница хмуро зыркнул через плечо, неопределённо что-то умгукнул. Однако через буквально дюжину стуков копыт до одуревающих в фуре двоих снова донеслось протяжно-заунывное пение.

Ой-тей-йот, Саларкан!
Семь тысяч до неба,
Семь тысяч до моря,
Семь тысяч до дома.
Омма!
Камни и лед.
Милая ждет.
Карз т-бак тей Йот!
Омма! Омма!

(импровизация Скади)

Они переглянулись и заржали с той заразительной весёлостию, что только и бывает от безделья. Впрочем, закат, а с ним и ночлег неумолимо приближались, а там и положенное по уставу время для сна…

С мерзким визгом в фуру залетел первый вечерний комар и тут же устремился к соседу.

— Ах ты, мерзавец, пособник святого воинства! — ругнулся вкрай одуревший сержант и смачной оплеухой раздавил на своей щеке наглого летучего кровопийцу.

Ларка очнулся от полудрёмы и перекатился ближе к передку. Что-то талисман за пазухой слегка нагрелся…

— А ну зажди, деда, придержи своих рысаков, — он вроде бы небрежно, краем глаза пригляделся к чернеющему впереди лесу.

Судя по легчайшей серебристой дымке, что уже витала впереди над самой землёй, водичка там имелась определённо. Если не ручей или речушка. Однако, как парень ни всматривался и ни прислушивался, что-то никак ему не хотелось отпускать плечо возницы.

— Что там? — между мешков с проворством крота наружу высунулся сержант, и его распаренная от жары физиономия зашептала в ухо. — Засада?

— Пёс его знает, — честно признался Ларка и вздохнул. — Не нравится мне что-то там… но вот, никак не разберу. Деда, а ну, шумни своим незаметно, чтоб на всякий случай оружие приготовили.

Возница с извечной пейзанской терпеливостью пожал плечами и как-то по-особенному цокнул назад языком. На покорно остановившихся сзади повозках зашевелились, что-то звякнуло, а сам старый вояка неохотно добыл из-под своей седушки позеленевшую от древности саблю, наверняка помнившую ещё первое пришествие демонов.

Сержант тоже озаботился своим коротким и широким артиллерийским тесаком да проверил — удобно ли ему будет выскочить из-за мешков и громко устроить возможным супостатам Бу!

— Потихоньку трогай, — наконец смилостивился Ларка и безо всякой надежды, повинуясь скорее наитию, поинтересовался. — Деда, а случайно арбалета не найдётся?

Тот испуганно вжал голову в плечи, но судя по воровато забегавшим глазам, что-то такое у хитрована определённо в заначке имелось. Поручик кивнул напарнику, тот немедля принялся вытрясать дедка со всей своей основательностью. И в конце концов стал обладателем музейной редкости арбалета с ободранным ложем.

— Мать моя женщина! — ругнулся сквозь зубы сержант при виде этой несуразицы. — Да если б я свою баллисту в таком же порядке содержал, мы б и в небо не попали — не то что в крепостные ворота.

Он ещё что-то ворчал, бухтел и возмущался под нос, однако руки его проворно натянули козьей ножкой скрипучую тетиву и вложили в разболтанный лоток кривоватый бронзовый болт.

— М-да! Может, и помрёт кто — со смеху, — со вздохом признал он.

Но всё же, артиллерия имелась и не подведёт, отчего-то успокоенно подумалось Ларке. А уж честной клинок и подавно —

он виновато положил ладонь на рукоять, вчера-то с этой пьянкой и подзабыл почистить бастард…

Они скользили по сторонам, пять уверенных в себе до наглости мерцающих теней. Бесшумно, умело — уж явно не перепуганная солдатня, ухоронившаяся в кустах после разгрома какой-нибудь части и невыловленная потом патрулями. Либо егеря, либо лазутчики светлого воинства.

— Приготовься, сейчас вон из-за того куста старшой их выйдет. Подпусти поближе, чтоб наверняка этой кривулькой — да хоть зацепить, — шёпот Ларки заставил едва видную в уже сгустившихся сумерках голову сержанта осторожно кивнуть. — А остальных как-нибудь завалим.

В самом деле — возле большого, чуть выступающего на дорогу куста и в самом деле из темноты соткалась чуть звякнувшая фигура. Она шагнула навстречу и вскинула руку в повелительном жесте.

— Проверка документов!

Сержант и Ларка скептически переглянулись. На таких вот мелочах и сыплются, дурачки. Да будь ты хоть кто — но если пытаешься остановить армейских, обязан первым представиться сам. Иначе уж не взыщи, коль за разбойников или супостатов примут да приголубят всем чем по уставу положено… поручик огляделся. А ладное место для засады выбрали, стервецы! На узкой лесной дороге караван не развернуть, да и задом вгору кони тяжело гружёные фуры не протолкают.

Он громко и с дудящими нотками закашлялся, захрипел, подражая некогда запомнившемуся голосу застудившего грудь старосты Хведота.

— Ась? Чичас, начальник, дай портки взуть! Сержант, ставай тута — чо, не слышишь их блаародие?.. — прижав двумя пальцами горло для пущей сиплости, громко запричитал он.

Его ладонь бесшумно показала сжимающему арбалет сержанту — отставить! Два вон там и там слева, и вооон там два справа, а офицера надо бы живьём взять.

Тот кивнул в левую сторону и ловко уполз к задней части фуры. Вроде, не должен подвести… одного завалит арбалетом, другого вместе с возницами тесаком. Стало быть, пара с другой стороны на Ларке, а потом уж и с офицером светленьких побеседовать чинно?..

Арбалет щёлкнул с каким-то дребезжащим звуком, однако донёсшийся из темноты надсадный вопль подтвердил — артиллерия, пусть и такого древнего и несолидного размера, не промахнулась. А Ларка уже расстегнул откидной клапан в середине тента и выскользнул на дорогу там, где его никак не

ожидали.

Не рядовым противостоять хорошо обученному офицеру! На миг поручику стало даже стыдно — уж он-то видел своих противников яснее ясного… небрежно он увернулся от пущенного наугад рубящего удара и коротким тычком бастарда поддых обеспечил солдату долгую и мучительную смерть — от такого сразу не умирают. А вот пусть помучается, паскуда… второй заметался в потёмках, однако обрушившийся в основание шеи клинок разом прервал эту нечестивую жизнь.

— Вот теперь и поговорим, господин офицер светлого воинства. Представьтесь по всей форме поручику королевской армии, — Ларка краем глаза следил, как сержант и толстый коротышка с третьей фуры уже вязали вожжами последнего, раненного в плечо нападавшего…

Ах, проказница луна… как же любят небожители вмешиваться в кровавые игры смертных да подкидывать им всякие — приятные и не очень сюрпризы! Холод обдал парня словно ушат ледяной воды. Потому что некстати вглянувшее из-за еловой макушки ночное солнце мягким светом посеребрило стоявшую недвижно перед ним фигуру.

Не алой, яро начищенной медью блеснул доспех — и даже не жёлтой бронзой. Как и ожидалось, лунный отблеск безжалостно высветил белое мерцание с особым рвением начищенного железа. Да только не от того Ларка мгновенно подобрался и вскинул в глухую защитную стойку упрямо что-то трепыхавшийся в ладони клинок. Фигура перед ним не замерцала дробящейся сеточкой кольчуги или поцарапанными наплечами обычного рубаки — нет, гладкие сполохи полного пластинчатого доспеха заиграли под лунным светом. А под полированным глухим шлемом уже разгоралось в Т-образной прорези потустороннее золотисто-оранжевое сияние.

— Курвой буду, паладин! — бросившийся было сюда напарник шарахнулся обратно так же резво, что чуть не упал от неожиданности.

— Сержант! Собрать трупы и раненых, уводи караван. Я постараюсь задержать этого мерзавца хоть на пять минут. Это приказ, — как голос Ларки не задрожал от отчаяния. — БЕГОМ!

Гневный окрик поручика заставил того вздрогнуть и прийти в себя от оцепенения. Паладин… встреча с ним почиталась верной смертью, если у тебя за плечами не стояла пара-тройка магиков или готовая к бою полусотня ко всему готовых опытных рубак.

Сержант повиновался мгновенно. Трупы и глухо стонущего раненого словно волшебным, наколдованным чародеем ветром занесло в фуры, и через мгновение с передней раздался окрик:

— Трогай, да ходу, прострел вам всем в поясницу! — старый возница так торопился удрать подальше, что буквально едва не рванувшие в галоп кони тут же обрадованно рванули вперёд.

Последняя фура наконец миновала замершую на обочине пару, погромыхивая болтающимся на задке помятым ведром, и с плеском загрохотала по камням невидимого ручья. Но это всё сжавшийся словно в тугую, звенящую от ярости арбалетную пружину Ларка отметил так, краем сознания. А сам он лихорадочно искал шанс — пусть крохотный. Эх, будь на нём хотя бы бронзовая кольчужка с потёртыми наплечами! Да булава в руке… можно было бы устроить пляски. Правда, и паладин тот комплекцией не блистал — тощий какой-то, чуть ли не заморыш.

— Кормят вас там плохо, что ли?.. — он усмехнулся, обнажив в волчьем оскале кривую улыбку. А что, может и впрямь попробовать просто загонять этого задохлика, пока тот не упадёт? В таком железе не сильно побегаешь-пофехтуешь…

— Сдаться не хочешь? Я ведь не просто офицер, — отозвался тот. Даже и голос из-под шлема какой-то тонкий, несолидный!

Ларка демонстративно сплюнул от брезгливости.

— Я ведь тоже не просто поручик. Видишь у меня напротив сердца два крестика наградами приделаны? Из вашего, паладинского железа, между прочим — двоих таких, как ты, завалил уже, — разумеется, он не стал распространяться, что одного предварительно Велерина чуть в дымные клочья не разорвала своим огненным туманом. Из щелей доспехов уже дымок вился… А второго сбросило с коня после прямого попадания из малой катапульты, и тот еле успел подняться на дрожащие ноги, когда на него насел Ларка с поддержкой за плечами двух десятков крепко сбитого пехотного строя.

Беззвучный вихрь ударил в лицо, выгнал из прищуренных от ненависти глаз слезу. Однако, смотрящий точно в горящую прорезь шлема бастард не дрогнул — малахитовая пластинка за пазухой предупреждающе встрепенулась, и её обладатель который раз помянул добрым словом чародейку Ольчу. Спасибо, девонька! Он поддерживал клинок свободной пока левой рукой, в любой миг готовой перехватить меч. Ударить или же уйти в сторону…

— Что это было? — с любопытством спросил паладин, а его уже до половины обнажившая клинок ладонь разжалась.

Меч святого воина с разочарованием вжикнул обратно в ножны, а сам он всё так же стоял на месте. Зато Ларка сделал короткий, еле заметный шажок вперёд, ни на миг не расслабляясь — эти-то парни шустрые, и воевать и святыми молитвами громыхать горазды.

— Смерть твоя, — процедил не понявший сути вопроса Ларка. И обливаясь потом, сделал ещё одно продвижение вперёд — ох, боги! Как же тяжко то далось.

Ближние деревья и кусты уже светились, словно облитые феерическим резким светом. Настолько ломал волю взгляд из-под глухого шлема, что парень бросал в ответ щедро черпаемые из глубины силы, старательно балансируя в тени клинка. Уж сделан и многажды переделан тот был на совесть, в том числе в расчёте и на такие вот случаи.

— Ну нет, взять меня измором в размахивании клинками тебе не удастся, вон какие плечищи раскормленные, — коротко засмеялся противник и неожиданно представился. — Леди Хельга, милостью божией миледи Тэйл.

Ах ты, незадача! Ларка, уже костеривий мысленно всех святых отцов, что задуривали головы и гнали на фронт вот таких подростков, мысленно загнул в совсем уж не к ночи будь помянутых. А ведь, мог бы и догадаться… что ж, в этом имелись свои минусы, коль святая сестра. Но имелись и плюсы, как же без того — у девиц мозги обычно набекрень, а раз в луну и вовсе соображение отшибает. Всё на крике да слезах… однако, нет, лунная тень ничего такого в этой святой деве не показывала — не окутывалась жемчужными разводами, не двоилась-троилась маслянисто-радужными отражениями… и он сделал ещё один шаг вперёд.

— А я поручик королевской армии. И тебе того должно быть достаточно… — хрипло выдавили уже подрагивающие от напряжения губы.

Как он ни стерёгся, но всё же проморгал. Узкая женская рука проворной змейкой выскользнула из латной рукавицы и открытой ладонью припечатала с трёх шагов чем-то так приложившим словно жеребец копытом, что окружающий мир чудным образом несколько раз перекувыркнулся…

Он катался во влажной от росы траве, не в силах вдохнуть хоть немного воздуха от обжигавшей всё тело боли. И всё же, искоса, ведьмачьим взглядом он зорко посматривал за приближением ненавистной железной башней. И в резком броске так отчаянно лягнул ту в колено, что миледи как-там-её с лязгом отлетела назад и даже проехалась задн… ой, негоже так о блаародных ледях… соответствующем местом по обочине.

Как ни странно, сразу стало легче.

— Чтоб ты издохла, рабыня божья! — от всей души пожелал он сорванным голосом, в то же время наслаждаясь этим чудесным, сладким до дрожи в душе воздухом. Он вдыхал и выдыхал его, всё никак не насладясь этим прохладным ночным

чудом.

— Я и не рассчитываю жить вечно… телом, — та вскочила на ноги проворно, словно плечи не оттягивали пуда этак три добротной стали. — Но зато душа моя будет спасена…

— Не разводи тут демагогию, всё равно не проймёт, — Ларка осторожно утёр тыльной стороной ладони сочившуюся из носа тёплую струйку. Переменил было стойку, но передумал.

Чёрной бронзы клинок на прощание моргнул еловой лапкой, вонзившись в землю — а хозяин в тот же миг прыгнул вперёд со всею возможной силой. Напрасно, что ли, отвлекал паладиншу пляшущим остриём, от близости и брезгливости к светлой силе уже плевавшимся огненными искрами? А сам втихомолку елозил подошвами, зарывался чуть глубже в мягкую лесную подстилку, искал опору понадёжней…

Доспехи у этой стервы и в самом деле оказались, как Ларка и предположил, франкскими. Та гордо выпрямилась, готовая встретить и отразить любой удар в сияющую кирасу с двумя заметными выпуклостями в нужных местах. С её ладони даже сорвался после шёпота пучок чего-то весьма неприятного… уже в полёте парень с непостижимой даже себе ловкостью крутанулся вокруг себя, приняв на спину крапивой ожёгшую всё тело божественную силу.

"Как пить дать, шкура сгорела до самых потрохов" — ещё успел подумать он в каком-то неестественно замедлившемся движении. Однако его выброшенная вперёд рука вовсе не обрушила на доспехи святой воительницы страшный удар, хотя Ларка лично видал умельцев разбивать голым кулаком кирпичи или приличной толщины доски, и даже себе подумывал выучиться безоружному бою… нет, его ладонь со змеиной ловкостью ушла в сторону.

Слишком поздно спохватилась отшатнувшаяся паладинша! Удар грудь-в-грудь оказался страшен. Словно ударом огненного молота он сотряс обоих и швырнул наземь… да только, Ларка тотчас ухватил лютую вражину в свои медвежьи объятия. Вот он я, и трепещи теперь, паразитка!

— Ох, как же от тебя несёт святой дрянью… — он стискивал всё сильнее и сильнее жалобно заскрипевшую под ним сталь.

Сначала с хрумканьем лопнули ремни под наплечем, и тот жалобно звеня отвалился. Затем начала ощутимо подаваться кираса… ворочающаяся в его отнюдь не любовных объятиях паладинша ещё попыталась прошептать какую-то молитву, чтобы развеять в пыль наглого еретика. Но поручик из последних сил так стиснул ту, что с резким Ы-ых! из лёгких той улетели остатки воздуха, и видные в прорезь ворочающегося под шлемом губы

лишь бессильно раскрылись. Вот они побледнели, и обжигающее сияние божественной благодати нехотя стало меркнуть.

Ларка наконец-то судорожно вздохнул — а вот придавленная его весом и сжатая руками-ногами святая воительница таковой возможности оказалась лишена. Она ещё потрепыхалась немного, затихла на миг, а затем со страшной силой по всему закованному в изуродованную сталь телу прокатилась судорога…

И всё же, он чуть-чуть, самую малость расслабил руки. С бухающей в виски багровой пеленой Ларка кое-как прохрипел в прорезь лежащего прямо под лицом сияющего шлема:

— Леди как-вас-там… признайте себя побеждённой… и моей пленницей… — ох, до чего же тяжёлая, мерзкая вблизи оказалась эта едва не выворачивающая наизнанку светлая аура…

Поверженная и почти бесславно побеждённая нервно и со всхлипом пару раз вдохнула, а потом в ночной тишине поручик различил упрямое *ad libitum*… вот же упрямая порода, это гнусносветлое воинство! И он снова сжал капкан своих объятий. С громким и едва не рассмешившим иканьем из девицы опять вылетели остатки воздуха, и та слабо задёргалась — ну не сравнивать же какую-то полагавшуюся больше на молитвы да божью благодать девицу с крепким парнем!

Чуть отпустив, поручик вновь пристально всмотрелся в сейчас уже потемневшие губы и заметил:

— Ночь впереди длинная, миледи… а я могу долго ваше блаародие так мурыжить. Как играющий кот мышку — то придушит, то снова чуть приотпустит. Приходилось видать такое?

И всё же, ещё дважды она попыталась, и это едва ей это не удалось. Но Ларка всё же успевал в последний миг, хотя эти танцы на краю могилы уже начали ему надоедать. Но зачем он просто не раздавил эту дрянь как орех в железной скорлупе, или просто не лишил ту столь желанного глотка воздуха в нужный момент — не знал пока ещё и сам. Что-то там предупреждающе встрепенулся талисман с еловой в малахит-камне лапкой, и насторожившийся поручик вновь покрепче ухватился за свою жертву.

— … погоди-и-ых! — снова, недоверчиво прищурившись заливаемыми потом глазами, он чуть ослабил хватку.

— Будь ты… неладен! — она всё же не осмелилась сказать "проклят" — чтобы проклятие успело подействовать, нужно хоть сколько-то времени, зато вот эти живые тиски готовы были раздавить в тот же миг. — Да, я признаю себя побеждённой и… и…

— И пленницей, — прежде чем разрыдаться от бессилия, успела даже не сказать, а простонать ещё только что могучая и

почти неодолимая святая дева.

Ларка кое-как поднялся на трясущиеся ноги и с наслаждением, всей грудью вздохнул. С понятиями чести у этих воителей всё же был порядок. Раз сдалась, то всё. Тем не менее, он первым делом избавил девицу от лёгкого и тонкого, больше похожего на шпагу меча. Рукоять своенравно задёргалась было в ладони, но признав руку недюжинной силы кузнеца, обречённо затихла. Осмотрев прекрасную, хоть и слегка испоганенную святыми молитвами работу, новый владелец одобрительно кивнул.

— Теперь это *мой*, трофейный клинок. А вы, миледи, соизвольте снять с себя *мои* доспехи, — с нажимом заметил поручик.

Впрочем, снять слегка помятые и заскрежетавшие пластины той оказалось непросто — особенно после недавних кувырканий да то и дело сотрясающих всё тело лежащей воительницы всхлипываний.

— Всю жизнь только и мечтала работать на спине, — она кое-как приподнялась с изрытой обочины, а Ларка понимающе оскалился.

С немногими захваченными живьём паладинами и святыми братьями, не решившимися прилюдно отречься, не церемонились — по законам военного времени быстро и незатейливо вешали. Но вот со святыми сёстрами и воительницами всё же обходились с эдаким извращённым милосердием. На макушку жертве клали сложенную в несколько раз тряпицу — а кто-нибудь дюжий из целителей аккуратно тюкал в нужное место на темечке поленцем. Что характерно — святая придурь вылетала мгновенно, а мозги большей частью оставались на месте.

Правда, означенные потом что-то уж часто улыбались невпопад да хихикали невесть с чего. Но ох, какое же оказывалось наслаждение за бесценок — всего за одну медную монету — продать такую в один из неизменно следовавших за любой армией походных борделей! И судя по оживлённо бурлившим среди солдат и младших офицеров слухам, бывшие святые сёстры пользовались у клиентов бешеной, просто-таки неприличной популярностью…

С лязгом отвалилась и упала в грязь поцарапанная кираса. Сиротливо оставшийся наплеч и нарукавники оказались сняты раньше, и теперь девица со стонами и сдавленными проклятиями принялась избавляться от нижней части доспехов — пресловутых железных штанов, осмеянных в неизбывно циркулировавших о паладинах анекдотах. Хотя, справедливости ради стоило отметить, что седалищная часть всё же оказалась обычной,

кожаной.

Ларка отдыхал, взглядом не столько изучая оказавшуюся весьма интересной конструкцию доспехов, сколько прицениваясь к паладинше. А ничего — стройненькая, словно рябинка… чёрт же её на войну потянул! Вернее, бог… вынырнув из искусно окованных сочленёнными пластинками стали сапожек, босая девица поёжилась от ночной сырости, и с глухим вздохом ухватилась за ремешки оставленного напоследок шлема…

Светлый меч с глухим лязгом выпал из ладони — однако Ларка едва отметил то самым краешком сознания. Он смотрел в это пыльное, с грязными дорожками от слёз лицо и всё холодел, холодел, словно пытался окончательно выстудить ночную прохладу.

— Ольча… Ольча, ты ли это? — однако девица с горьким недоумением лишь посмотрела на него.

— Я должна тебя знать, еретик? — она! Только она умела говорить так, с еле заметной очаровательной неправильностью уроженки гор!

Будьте вы прокляты, боги! Особенно ты, отныне вдвойне ненавистный творец, спаситель или как там тебя. Нет вам ни оправдания, ни прощения, если вы позволили такое…

Однако, не отвечали уснувшие деревья вокруг, на чёрных и молчаливо враждебных кустах не шелохнулся ни один листик. А крепкий парень в извозюканном мундире сидел на истерзанной, залитой лунным серебром дороге и зачем-то ронял на ту горькие, блистающие капли.

— Ты была моим лучшим другом… в иное время я не колеблясь перегрыз бы за тебя глотку любому осмелившемуся обидеть… и теперь враги… как же это?..

Ещё чуть озарённое отблесками небесной благодати — а может, то и луна пыталась утешить — девичье лицо чуть нахмурилось.

— Скажи мне, только правду — я была… ведьмой в прежней жизни?

И едва парень кивнул, как ныне знатная леди горько разрыдалась.

— Значит, я и правда пила кровь невинноубиенных младенцев? — всё же, Ларка не удержался и сквозь собственные слёзы захохотал.

До боли в щеках, до судорог в животе.

— Дурында ты, Ольча… да любой крестьянин из деревни или солдат гарнизона не колеблясь отдал бы за тебя свою жизнь. Какие младенцы? Вот же глупости! Старая ведьма с Кривого Урочища признавала, что ты станешь даже лучшей

целительницей, чем она — даже чем королевские лекари с патентом.

Он перекатился на колени и достал из-за пазухи тонкую каменную пластинку.

— У тебя была власть над живым и неживым — это вот ты сделала своими руками и подарила мне, когда я уезжал учиться на офицера…

Тёмный в ночи малахит лежал на крепкой ладони парня, и ёлочка кокетливо помахивала из него зелёной лапкой. Вот она испуганно дрогнула, неуверенно моргнула — пальцы Ларки отцепили амулет с кожаного шнурка и осторожно вложили в тонкие и отчего-то ледяные пальчики. И словно призрачный огонь охватил своим сияние маленькую безделку — то малахит признал свою создательницу.

— Как странно… в нём чувствуются смутные, тёмные силы — но в нём нет зла…

Вновь Ларка напомнил — да ведь и в прежней Ольче никогда не было зла! Жёсткость да, но иначе в Медных горах и не выжить. Разгулявшиеся по весне огромные медведи с ворчанием уступали дорогу, а вожак волчьей стаи тоскливым воем и ищущим взглядом испрашивал разрешения даже просто перебежать следок лесной ведьмы.

— Вспомни, как мы вели из сторожки на Шалун-горе заболевшего охотника, Ольча! Ты напоила его своим отваром, и он в полубреду вспоминал такие забавные старые песни — а мы по очереди тащили его на плече в деревню. Ещё и поспорили даже, кто по дороге насчитает больше упавших звёзд на небе.

Ещё долго он вспоминал всякие подробности, смешные или грустные, иногда не очень деликатные — однако угрюмо и внимательно прислушивавшаяся святая сестра лишь недоверчиво фыркала.

— Ладно… — Ларка наконец встал. Голова вдруг прояснилась, и в ней холодным мотыльком всколыхнулась одна-единственная мысль. Рука парня неуверенно пошарила — и швырнул под ноги скорчившись сидевшей девицы её меч. Бестрепетно он встретил её удивлённый и задумчивый взгляд, и с еле сдерживаемыми рыданиями выдохнул. — Уходи, и лучше бы нам никогда больше не встретиться. Я не признаю тебя своей пленницей, возвращаю твои слова.

Он отвернулся было да шагнул к своему так сиротливо и торчавшему в сторонке бастарду, но спохватился.

— Амулет отдай только — в память о настоящей Ольче. Ты не она, всего лишь похожа на неё, мерзкая святая сестра.

Светлая, выгоревшая под солнцем бровь поползла вверх, а с

грязных девичьих губ упали в ночь горькие и нелепые слова.

— И хотела бы… но, слово произнесено. Честь дороже жизни, уж ты-то это должен понимать. Всё же, поручик, я — твоя — пленница.

Задумавшиеся о чём-то своём под полуденным солнцем кусты роз словно взорвались. С треском раздираемой ткани, теряя лоскуты юбок сквозь них вылетела мокрая насквозь гувернантка. С ошалелым видом и прыгающими губами нянька августейшего отпрыска ещё миг-другой раздумывала — не упасть ли без чувств… да хотя бы в с готовностью распахнувшиеся объятья вон того гвардейского усача — а потом подобрав хлюпающие оборки резво припустила к спрятавшимся за зеленью королевского парка службам.

— Понятно теперь, молодой человек, что такое шалость?

Стоявший на берегу ещё колыхающегося декоративного пруда выряженный в атлас и шелка парнишка внимательно посмотрел на своего провожатого. Усмотрев всё же глубоко спрятанную хитринку, он прыснул. Здорово! Никаких тебе "как можно, ваше высочество" и прочих занудствований.

— Весело и сравнительно безобидно?

Офицер кивнул, безуспешно пряча в усы улыбку. Ну и что с того, что принц? Мальчишка как мальчишка…

— А вот что такое — висит груша, нельзя скушать? — стоило признать, августейший хулиган с прищуром, одним так и светящимся лукавством глазом посмотрел на задавшего такую лёгкую загадку полковника.

— Всё равно груша, — с ангельским выражением на румяной мордашке ответил он.

Полковник Блентхейм, в отсутствие всяческих нянечек-горничных решившийся на такое кощунство, как закурить в королевском саду, да ещё и в присутствии принца крови, от неожиданности едва не заехал себе кресалом по пальцу. С чего бы это?

— Хм-м… а почему нельзя скушать? — он пыхнул старательно вверх первой, самой сладостной затяжкой.

— Ядовитая, наверное, — в глазах мальчугана бесенята не просто пританцовывали, они уже отплясывали с лихостью дорвавшихся до барышень и танцев удалых конногвардейцев.

Полковник от восторга захохотал и оказался вынужден даже опуститься на вычурную скамеечку под замершей в полудне сиренью.

— Мне нравится ход твоих мыслей, парень, — он восхищённо покрутил головой и некстати припомнил прошлогоднее неудавшееся покушение на короля. Обнаруживший хитроумный

яд в королевском бокале старый слуга потом седмицу лежал пластом да животом маялся.

— А почему на "ты" к наследному принцу? — мальчишка повертел во все стороны головой, и лишь когда убедился в отсутствии кого-бы то ни было кроме столь же болтливых как статуи охранников, негромко поинтересовался этакой страшной тайной.

Полковник доверительно наклонился и столь же грозным шёпотом ответствовал — если сумеешь сделать для королевства хотя бы половину того, что уже сделал сейчас руководящий с высоты трона августейший папенька — вот тогда, малыш, и будет тебе почёт да уважение. Не за должность и не за королевский род, а за дела.

Тринадцатилетний принц нехотя кивнул, восхищённо взирая на причудливо вылетающие с клубочками дыма слова, и полковник с неким едва уловимым холодком где-то в животе отметил, что мальчишка светлыми волосами и серо-голубыми глазами что-то уж подозрительно ему кое-кого напоминал. Разумеется, не прежнюю королеву, дай боги бедняжке посмертия полегче. А вот если предположить, что одна волшебница в розовом всё же сумела сохранить в полной тайне такую сомнительную славу, как побывать королевской фавориткой… думать дальше полковник Блентхейм себе просто запретил…

— Так что, парень, старайся. Каждый сын должен пойти хоть на шаг дальше отца — и тогда мы почтём за честь вести в бой полки под твоим королевским стягом.

Мальчишка краем глаза уже заметил мчавшийся сюда платунг горничных-нянек с прочими камеристками, и жёлчно заметил:

— У-у, ворчалки… и послать нельзя, и оттрахать ещё рано, — полковник едва не подавился своею трубкой на столь циничные в устах мальчишки слова.

Лишь заметил негромко, что и тут надо меру знать.

— Даже твой окаянный отросток, и тот принадлежит не тебе, но королевству. Всякие девятимесячные последствия… а потом такие междоусобицы начнут проистекать, что впору хватать фамильный меч подмышку да удирать подальше — не воевать же с бабами и младенцами!

Парнишка окинул взглядом уже вовсе не обрисовывающиеся заманчиво мокрым платьем формы молоденькой фрейлины и тотчас погасил особый блеск в глазах. Зато полковник жестом остановил азартно да с оханьями ринувшихся было к августейшему чаду придворных дамочек и как бы между прочим заметил, что тут идут мужские разговоры. А несогласных с его

словами…

— У меня хватит власти отправить таковых на королевскую конюшню да вразумить вожжами. Коль головы не соображают, будут страдать… гм-м, другие части тела.

А потом вновь обратился к восторженно-ошалело обретающемуся рядом принцу.

— Короче, парень, эти мои слова передашь потом отцу. Хватит тебе с бабьём общаться. Пусть король соберёт тебе компанию дворянских отпрысков обоего пола, примерно одногодков — и отдаст вам на растерзание один из своих замков…

Дальше последовало ничуть не менне интересное. А в замок помимо прочих пару-тройку крутых головорезов да магиков из проверенных, учёных и опытных — а то некто в шелках-бархатах с ложкой управляется проворнее нежели со шпагой.

— Госпожу Велерину туда же, и отныне никаких фронтов с вылазками в тылы. Надо учить и воспитывать смену — мы же не вечные? А через пару-тройку лет всю ораву милости прошу ко мне в Академию. И никаких поблажек на древность рода не будет, учти…

Судя по благодарно полыхнувшему радостью взгляду, маленький принц только о чём-то подобном и мечтал — вырваться наконец из чинной духоты условностей и дворцовых этикетов. Потому, неожиданно протянутую в знак дружбы ладонь полковник пожал встав и с изумившей даже самого себя серьёзностью.

— Нам нужен король — такой же сильный как нынешний, а вовсе не бездельник и жуир на троне. Не подведи уж старого солдата, парень…

— Браво, — как и когда на том берегу замершего тёмным зеркалом прудика оказался король с задумчивым сверх обычного канцлером, не заметил никто. Вернее, охрана как раз скорее всего и приметила — но те парни и девицы традиционно на такие темы помалкивали.

Король неслышно приложил несколько раз ладони одна к одной в знак одобрения, а затем словно мимоходом заметил, что тут кроме четверых мужчин на самом деле никого нет. Минут на десять-пятнадцать.

Стоило бы полюбоваться цветным вихрем придворных дам, прилежно улепётывающих во все стороны — однако означенные мужчины уделили сему зрелищу ровно столько внимания, сколько оно и заслуживало. То есть, мимолётный взгляд вослед. Правда, король внимательно выслушал тотчас переданные принцем слова полковника. И что самое интересное, после

некоторого обдумывания, одобрил.

— Послушай, сын наш, — присев, он заглянул в лицо мальчугана и ласково взъерошил мягкие волосы. — Прости, но с этими государственными делами на тебя у нас просто не остаётся ни времени, ни нежности. Наверное, мы лучший король нежели отец.

Напоследок пошутив, что через полгода он лично проверит, как один августейший хулиган проделывает шпагой *терц*, Его Величество наконец отпустил парня к уроку этикета — как ни крути, а всю эту тягомотину тоже знать и уметь надо.

— Да, многие забывают, что король не земное воплощение божества, а всего лишь первый из дворян. А это много чего подразумевает, — он неожиданно грустным взглядом проводил вприпрыжку умчавшегося по посыпанной гравием дорожке парня и вздохнул. — Ладно, господа, вернёмся к нашим баранам…

А бараны оказались, мягко говоря, просто сногсшибательными. Выяснилось — только что по хрустальному шару передали известие: в расположение полка секунд-майора Мориса вот-вот прибудет верхом на коне некая паладинша — вся при всём, но без оружия. А под уздцы жеребца вёл хорошо известный господам мастер-кузнец в полюбившемся тому чине поручика. И по мнению командира полка, если он потребует у своего подчинённого соответственного с пленницей обращения, неминуемо выйдет изрядный конфуз.

— По словам Мориса, поручик скорее вернёт паладинше меч и станет с нею спина к спине против всего полка, нежели допустит чтоб ту обидели, — угрюмо закончил канцлер и поёжился. — Как меня удар не хватил, не знаю. Я так разволновался, что немедля выдернул его величество из аудиенции с гильдией купцов…

Единственным признаком того, что полковник оказался несказанно удивлён, оказалась чуть воспарившая бровь. Ну, а такую мелочь, как вопреки собственным принципам закуренная раньше часа после предыдущей трубка, уж и вспоминать грешно. Блентхейм некоторое время неспешно повозился с набивкой-раскуриванием, но его и не торопили. Летний полдень и приятная прохлада в сени королевского парка сами по себе настраивали на приятное, неспешное раздумывание, а тут ещё такое…

— А давайте пройдёмся, господа, разомнёмся-прогуляемся, — неожиданно предложил немилосердно чадящий как печь для выжига медной руды полковник, и медленно направился со своими спутниками в обход озерца.

Направлением по солнышку, естественно — иные въевшиеся

в кровь армейские привычки просто неистребимы. Троица описала уже полный круг, с наслаждением разминая ноги после торчания в тронной зале или заваленного срочными бумагами кабинете, прежде чем полковник задумчиво хмыкнул.

— М-да! А вот скажите мне, господа — каждый ли может гордиться, что у него есть такие друзья, которые ради него пойдут даже против короля? На верную и позорную смерть…

Его Величество посмотрел так, словно ему кто-то здесь сотню золотых задолжал.

— Должен заметить — нам не нравятся таковые слова и мысли. Но… мы поняли. Что вы предлагаете, полковник?

Блентхейм, в своё время с немалым скандалом и уже почти неминуемым разжалованием некогда отвоевававший себе право в неофициальных беседах говорить что думает — причём с присущей военным прямотой — чуть улыбнулся при воспоминании о той буре за закрытыми дверями королевской приёмной. А всё же, его величество хоть и не раз громогласно и со стонами раскаивались в том разрешении, но потом неизменно признавали правоту неуступчивого колонеля и благодарно одаривали крепким рукопожатием.

Ну и прочие, куда более материальные и дорогие знаки августейшей приязни, само собой…

— Если я верно помню, наша армия сейчас упёрлась в Норреброгеде — город-крепость, прикрывающий выход в просторную долину реки под стенами столицы светлых, и полк Мориса один из готовящихся к штурму? — едкий саркастический смешок оказался первым ему ответом — уж если член Генерального Штаба неверно помнил таковые тонкости, то всё остальное вообще просто бред. А дважды два и вовсе невесть сколько.

Впрочем, полковник легонько раскланялся на подтверждение верно понятой шутки. Зато король небрежно оборвал привявший листик с ветки сирени (похоже, королевский садовник нынче получит горяченьких!), размял его в ладони и с лёгкой мечтательной улыбкой принюхался. И только затем величественно кивнул.

— Хорошо, согласен — если завтра крепость падёт и наша армия вопреки надеждам светлых опять выйдет на оперативный простор, пусть оный поручик делает что хочет со своей пленницей. А потом будет ему одно хитрое задание. Хотя, признаться, нам и странны такие их взаимоотношения…

Под сень королевского парка между тенистыми и остриженными в полном соответствии с предписанными канонами величавыми тисами влетел ветерок. Раздробилось и

пошло рябью тёмное зеркало воды, а всполошившаяся охрана немедля потребовала у Его Величества перейти в более защищённое место. Короля и его спутников немедля окружили несколько словно из-под земли вынырнувших людей с оружием и боевой магией — и взгляды тех что-то не лучились добродушием.

А могучий и чуть подрагивающий от еле сдерживаемой мощи дух огня принялся неспешно нарезать круги снаружи — в полной готовности устроить тут маленький вулкан кому бы то ни было.

К вящему облегчению начальника охраны, это оказался всего лишь ветерок. Обычный, если таковое понятно любителям и умельцам проделывать под прикрытием таких мелочей всякие шутливые или не очень проделки. Неслышно похихикивая, шалун покружил над прудом, неприлично взлохматил сирень и удалился по своим неведомым, однако несомненно важным ветреным делам. Вот он взлетел над столицей, позабавился с поникшим над ратушей королевским стягом — расправил его, заставил туго и радостно забиться под неестественно-голубыми небесами.

А потом и сам улетел в горние выси — с тем, чтобы непостижимым человеку непосвящённому образом одним махом одолеть две тысячи лиг да приласкать светлые, с еле заметной курчавой рыжинкой волосы…

Леди Хельга досадливо смахнула упавшую на нос свенравную прядь и снова, исподлобья осмотрела вроде бы беззаботно околачивавшуюся вокруг солдатню. Находиться в середине лагеря королевского полка, и не мочь даже слова святого сказать — о-о, что же это за пытка! Тем более, что полагаться можно было лишь на непонятное расположение к себе вот этого неприлично здорового и красивого поручика означенной армии. В дороге она чуть заалевшись отвернулась от расположившегося в тылах борделя, с порога которого пышнотелая мадам с трудом наводила порядок в немалой очереди армейский нижних чинов, жаждущих гм-м… познакомиться с ещё двумя недавно пополнившими контингент святыми сёстрами.

Мало того, сразу сообразившая чего бы надо особенного мужчинам мадам распорядилась оставить новеньким их рясы, робы и клобуки — задрать такое да со всем прилежанием… похотливые мужланы почитали за особое удовольствие.

— Скажи, поручик, — она упрямо не называла своего… хозяина?.. по имени. — Если я действительно не была твоей женщиной — почему ты за меня готов вцепиться в глотку всему королевскому войску?

Ларка раздражённо дёрнул щекой. Скажи ему ещё вчера, что таковое случится, он безо вского почтения повертел бы пальцем у

виска. Столько мечтал надеть офицерский мундир, надавать светленьким так, чтоб не раз кровавой юшкой умылись… Ну, сбылось. А теперь что?

Стоило признать, что дежурившая нынче по полку капитанша из первого платунга сообразила ситуацию с нескольких слов. И с переменившимся лицом немедля умчалась в штабную палатку. А сам он остался торчать на солнцепёке… лишь он и недвусмысленно обретающийся в правой руке бастард и удерживали однополчан, чтобы мгновенно не растерзать ненавистную паладиншу в клочья.

— А потому, — он хмуро посмотрел на вызывающе околачивавшихся подле пластунов из полковой разведки, и те нехотя, всем видом изображая какое же сделали одолжение, отошли подальше.

Тоже почти у каждого по одному-два стальных паладинских значка на груди… правда, те в основном из засад или сонными святое воинство резали — но тоже дело нужное. Война это не бирюльки.

Что-то из просторной, алой командирской палатки долгонько никаких известий… но, если предположить, что полковой магик со своим хрустальным шаром даль-связи обретался там же… Ларка искоса взглянул на видневшиеся невдалеке высокие каменные стены. Как-то неубедительно выглядела здесь королевская армия. Вся эта масса загорелых и потных людей, усталых лошадей и брезгливо жмущихся к старательно очищенным от святых молитв пятачкам местности духов. Поверх пирамид с оружием, палаток и навесов ввысь вздымались могучие стены. И уж святыми молитвами те пропитаны до каждой глыбы.

Впрчем, терпеливость часто приводит к успеху — в полном соответствии с древней эльфийской поговоркой, что если долго сидеть на берегу реки времени, то мимо тебя рано или поздно проплывёт труп твоего врага. Ну, перворождённым проще, они же вроде живут немеряно… полковой командир выглянул из-под полога палатки самолично.

Правда, следом объявилась и капитанша с весьма независимой физиономией. Ну, тут всё понятно — недурственно сложенная воительница имела весьма неплохие шансы после войны не метаться судорожно и не искать что-то хоть чуть подходящее на безрыбье (мужчин-то страшная нехватка обнаружится), а заполучить в законные и благоверные обладателя золотого дворянского пояса. Да пусть их кувыркаются… может и впрямь, неплохая пара выйдет…

Секунд-майор, чей шнур нового звания ещё не обтрепался на груди и по той причине чуть выделялся среди остальных, с одного

взгляда рассмотрел обстановку и ситуацию. Нехотя он кивнул своей спутнице в согласие неких высказанных тою ранее слов, а затем подошёл.

— Здравия желаю, ваше превосходительство, — Ларка всего на миг изобразил фигурой и лицом уставную стойку, тем временем зорко присматриваясь к окружению и по-прежнему не выпуская из вспотевшей ладони бастард — а другою держа пока что безнадёжно затихший в своих ножнах светлый клинок.

Стоило признать, что командир в ответ кивнул с непонятным выражением лица, а сам куда больше уделил внимания по-прежнему обретавшейся в жарком и опостылевшем седле леди.

— Расслабьтесь, — неожиданно объявил он. — Его величество разрешили судьбу пленницы оставить только на ваше усмотрение, поручик… если завтра крепость Норреброгеде падёт. Вечером, после ужина — какие будут идеи или потребуется помощь, я готов выслушать. Возможно, чем даже и помочь. Леди, надеюсь, неприятных сюрпризов с вашей стороны не будет? Честь имею.

И приложив два пальца к околышу ничуть не обретавшегося на командирской голове кивера, секунд-майор кивнул на прощание и убыл в свою палатку — просто так торчать на этаком полуденном солнцепёке рекомендовалось только больным на голову или же исполняющим какой-нибудь приказ. Зато его спутница осталась здесь и даже шагнула ближе.

— На тебя уже делают ставки — правда, всё больше против. Лишь один сержант из платунга баллист… ну, и я поставила десять золотых крон, — капитанша сердечно обняла вспотевшего от жары и таких новостей поручика, и шепнула на ухо. — А Морис прилюдно пообещал, что если ты утворишь нечто этакое и крепость падёт — он сделает мне официальное предложение. Ларка, не подведи, а? Если потребуется какая помощь, только намекни… костьми лягу!

Спрыгнувшая с коня леди Хельга всё-таки услышала последние слова. Потому выражение лица паладинши и миледи оказалось таким интересным, что в друге время и при других обстоятельствах над тем стоило бы и позабавиться. А обладательница серо-алого королевского мундира поверх спортивной фигуры непонятным взглядом осмотрела ту и лишь покачала головой.

— Для сердешной подруги пойдёт. А для других дел… худовата, да и святого духу в ней слишком уж… попечёшь себе одно место, — она усмехнулась своей шутке и с вызовом посмотрела в полыхнувшие навстречу гневом серые глаза.

Хм-м, странно — а утром были почти голубые. Впрочем, у

ещё той Ольчи цвет взгляда тоже всё менялся. В зависимости от погоды, времени суток и особенно настроения — а уж то у девиц прыгает куда там козе Маньке! Ларка незаметно, как ему казалось, осмотрелся и откровенно перевёл дух. Как оказалось, разморенно притихший полк уже не обращал на диковинную гостью почти никакого внимания. Лениво курились дымки под походными котлами, потели часовые и патрули, а солдаты в тенёчке кто дремал, кто возился с доспехами.

— Ладно, не ворчите уж, леди — а славьте своего бога, что попались Ларке. А не, скажем, мне, — капитанша словно ненароком коснулась двух паладинской стали крестиков на весьма аппетитной, сейчас не стеснённой доспехами груди. — Вы ещё сами не осознали, насколько вам повезло.

Небрежно откозыряв леди, но отчего-то с тем выражением лица, с коим только и показывают язык, командир первого платунга отправилась к своим солдатам. Пораскинув кое-как ворочающимися и разомлевшими по жаре мозгами, Ларка прикинул, что надо бы и себе отправиться в свой второй…

— Ладно. Коль драки не будет, снимай своё железо и не парься, — поручик уже принял сполна порцию крепких и потных дружеских объятий. Он поручил свою… хм-м, а кого? — вниманию и присмотру одной унтерши из третьей сотни. — А пахнешь ты по-прежнему. Знакомо, хоть от святого духа и едва нюх не отшибает.

Он демонстративно и с самой гнусной ухмылкой зажал нос, да под испепеляющим взглядом леди отправился принимать дела. Оказалось, что остававшийся за него седой справлялся неплохо, да и полковые кузнецы неплохо поработали, по готовой мерке подогнанных и уже не раз испытанных в деле доспехов переоснастив платунг в добротное железо. Правда, поручик посоветовал не увлекаться разрезами на рукавах для вящей свободы движений — а вот это и это место даже прикрыть нашитой накладкой.

Седоусый сержант с неприкрытым облегчением перевалил обратно на вернувшегося из госпиталя командира все эти казавшиеся неподъёмными хлопоты да вернулся в свою сотню. С другой стороны, чего ж тут непомерного? Если просто нести службу, а не шустрить да подсиживать кого в намерениях выслужиться, то не так уж оно и тяжко… но в голове раскалённым радужным мотыльком билась одна и та же мысль: ну и задачки же подкидывает его величество! Чтоб ему чирей на неудобном месте вылез — как на трон садиться, так непременно ойкать.

Если не матюгаться сквозь августейшие зубы…

Замечали ли вы вдруг на себе взгляд кота, сидящего с неподвижностью статуэтки и смотрящего на вас с этаким непонятным спокойствием? Какой-то слегка чужой, исполненный непонятной мудрости и выжидательного лёгкого презрения. Так и мерещится, что известно усатому-полосатому нечто этакое, недоступное нам… люди знающие говорили — на самом деле это не мы им хозяева. А коты почитают людей живущими подле себя, но по непонятной причине относятся с чуть брезгливым терпением. Ради детишек, что ли…

Во всяком случае, кое-как поплескавшаяся в ручье и по той причине ощутившая себя несказанно легче леди Хельга невесть с чего припомнила то ощущение. В самом деле, её новый господин (у-у, какой же стыд!) недвижно сидел скрестив под собою ноги — и казалось, что потусторонний взгляд его вовсе даже не приметил вернувшейся от ручья и севшей напротив ещё вчерашней непримиримой противницы. Нет, наверняка заметил — выражение чуть сузившихся глаз определённо стало чуточку иным.

— Надеюсь, ты не станешь экономить на мне те деньги, что относишь в полковой бордель? — осторожно и с затаённой надеждой высказанные леди слова на самом деле означали… да понятно что.

— Что ж, надейтесь, миледи — этого я вам запретить не в состоянии, — следовало заметить, что означенная знатная дама досадливо закусила губку — ответ оказался столь же непрост и двусмыслен, как и вопрос.

А всё же, стоило признать, что ситуация сложилась просто идиотская (ох, прости мя за словцо, пресвятая дева) — и в классическое понимание уже давно известных и возможных отношений он-она ну просто никак не лезла. "Хоть бы тебя наши угрохали, мерзавец!" — впрочем, Хельга вовремя спохватилась — тогда её участь сразу же могла бы из незавидной стать вообще ужасной. Даже и думать о том не хотелось.

Но тогда… просить небесного покровителя о жизни и успехе для этого непонятного офицеришки? Против своих друзей и учителей… ох Спаситель, как же всё это гнусно и запутано!

— Ну и что вы там, леди, видали за краешком вечности? — и миледи снова призналась себе, что этот вопрос застал её врасплох. Много чего видела. Впрочем, это всё слишком интимно. В смысле, личное — даже мягкие и доброжелательные святые сёстры-братья слишком глубоко в душу не лезли.

Дальше последовало ожидаемое и всё же оказавшееся неожиданным. Оказалось, сидящий неподвижно поручик в своё время изучал в их Академии святое писание (противника и образ

его мышления надо знать!) В кратком объёме и урезанном виде, естественно — потому-то красивейшая Песнь Песней или откровения Ефросиаста и не оказали на ум еретика своего обычного воздействия…

— Я обещала, что не стану разводить тут, как кое-кто выразился, поповской пропаганды, — невесть с чего леди Хельга обиделась и замолчала. Лишь потом она сообразила, что только этого якобы старый друг и добивался. Тишины и спокойствия своим неведомым, однако несомненно кровожадным и языческим мыслям.

Давно прошедший полдень с его обедом, кое-как затолканным в протестующе ворочавшийся по этой жаре и духоте желудок, уже почти склонился к закату. Но пока что, облегчения то не принесло — зной и почти недвижный воздух всё так же кипятили потихоньку в голове лениво, кое-как по сему поводу ворочавшиеся там мысли. Ларка сидел и смотрел не столько на нахально обозначившуюся перед взором пленницу, сколько куда-то очень далеко.

Справедливости ради следовало признать, что вот в этой миледи и приснопамятной, оставшейся за перевалом леди Оуверрон оказывалось чертовски много общего. Обе худощавые, с лёгкой сумасшедшинкой где-то в глубине взора, если не сказать "со своими тараканами в головах". И точно так же многое понимавшие с одного взгляда.

Воспоминание о маленьком горном замке и утворённой там неким вечером шалости сами собою выгнали под вспотевшие на жаре усы лёгкую улыбку. Хотя прилежно молчаливая собеседница напротив и не поняла её смысла и причины и по сему поводу откровенно запаниковала, Ларка всё же мысленно поставил себе "зачёт".

Вот оно, то самое!..

Секунд-майор уже отужинал, да и поручик его тоже щедро проверил, чем же кашевары потчевали нынешним вечером его платунг — потому разговор вышел на свежем воздухе. По другую сторону от командира обреталась неразлучная капитанша первого платунга, и прогулка по пятачку пустого пространства в ожившем к вечеру лагере оказывалась скорее приятной.

— Значит, предлагаете наслать на святош такие ночные кошмары, что завтра они будут трястись от страха и портить с перепугу воздух? — всё же, Морису идея весьма понравилась. Пусть не каждого проймёт до глубины души — но что такое вещие знамения, коим святое воинство и жрецы придавали столь преувеличенное значение, недооценивать, знаете ли, не стоило.

Затем он ненавязчиво поинтересовался, а возможно ли?.. На

что Ларка со сконфуженной физиономией ответствовал, что к магии оно никоим боком и образом, потому выучить королевских магиков не получится.

— Это по колдовской части, меня как-то старая ведьма из Кривого Урочища научила по доброте душевной — а потом и оказалось, что я тоже могу сны навевать, — парень сконфуженно добавил, что однажды за кое-какие проделки от старосты подзатыльника он получил, с тех пор и не баловал.

Морис потому и дослужился весьма быстро до секунд-майора, что умел мыслить не только быстро, но глубоко и даже широко. Тут же он распорядился капитанше найти того писаря из штаба, которому вечно под каждым вечерним кустом мнились всякие страхолюдства. Да подключить барда из третьей сотни, слагавшего печальные, обладавшие странной и некой мрачноватой притягательностью баллады — и придумать нечто этакое…

— Что-то особо страшное. Чтоб цепляло и пронимало до самого донышка. Как в детстве, помнишь?

Капитанша уже хихикала неприлично, подрагивая грудью и от восторга неприметно колотя командира в плечо. Отдышавшись, она поведала, что помнит несколько весьма впечатляющих ночных кошмаров из последних гм-м… лунных своих дней. То ли жара настолько доняла, то ли вместе с усталостью и одиночеством такое привиделось.

— В общем, Ларка, мы пошли сочинять тебе сценарий. Уж такую-то гадость придумаем быстро и с особым извратом — это если что хорошее, попыхтеть приходится долгонько, — она демонстративно-небрежно откозыряла ему, откровенно чмокнула в щёку командира и тут же направилась к штабным палаткам.

А секунд-майор задушевным тоном поведал — осмелевшие после битвы у Поднебесной духи огня вовсю шастают в округе, и контрразведка светлого воинства ничего с тем поделать нынче не могла. Так что, лично он знал или в любой миг мог узнать о крепости и её защитниках всё что ему заблагорассудится. Выяснилось попутно, что имеется и старый подземный ход…

— Правда, на этой стороне он под водой. Затоплен, да и на всякий случай в нескольких местах решётками перегорожен. Но я думаю — бравому поручику то нипочём? — взгляд его в сумерках блеснул сдерживаемой весёлостью — задумка вместе с масштабностью постепенно приобретала всё более реальные черты. — Куда тебе лучше пробраться? План-маршрут и раскладку по времени набросаем тебе по всем канонам воинской науки.

Ларка, не без некоторого смущения представлявший себя в

роли лазутчика в могучую и битком набитую святым воинством крепость, поёжился.

— В середину… чтоб сразу весь город и башни накрыло, — осторожно предположил он.

Секунд-майор кивнул. С неясной задумчивостью он смотрел некоторое время на своего поручика, а потом свойски похлопал по плечу.

— Ладно, давай иди покемарь часиков несколько — а я всё подготовлю и проверю-перепроверю лично…

Лишь одинокая луна взирала с неба сиротливо. Когда бы знала лишь она, то не было бы так тоскливо. И всё же, всё же — отчего хмельною рябью полно тело? Вроде и сладко как вино, но и терзаться тож не дело. Решил, так бей. Пошёл — иди, и пусть потом досужие язы**ы**ки… Ларка не без труда выбросил из головы рифмованный некстати бред и огляделся.

На берегу реки оказалось всего несколько человек. Естественно, среди оных и он сам в облегающей, наспех подогнанной лучшим полковым портным чёрной одежде. Верный кинжал в рукаве — но лучше бы до него дело не дошло. Равно как и наспех зазубренного заклинания из новых. Как заверил с сожалением волшебник, убить никого не убъёт — но вот ослепит хорошо.

— Главное, успейте вовремя, поручик, глаза зажмурить…

Голова легонько не то чтобы болела. Гудела. В самом деле, каково же приходилось полковым лазутчикам, коим с помощью полузабытого обучения во сне впихивали туда нужные сведения перед самой вылазкой? А тут — Ларка сейчас в полной темноте смог бы найти путь в любом месте немаленького города. Словно табачком трубку, мозги бесцеремонно напичкали и даже набили разнообразными сведениями — а уж полуобвалившийся подземный лаз горел поверх этого всего огненной изломанной линией.

— Ну, удачи, поручик, — наблюдавший за последними приготовлениями секунд-майор сердечно обнял своего подчинённого. Затем словно засмущавшись своего порыва, отстранился и погрозил кулаком. — Сделай им чучу — за всех наших. Чтоб до конца жизни в подрясники гадили…

В сонную черноту реки уходила крепкая верёвка с завязанными через равные промежутки узлами — то один из унтеров, плававший почти как рыба в воде, уже протянул путеводную нить к находящемуся под водой отверстию подземного лаза.

После тёплого воздуха вода едва не обожгла своим ленивым холодом. Однако Ларка упрямо перебирал руками по скользкой

шершавости верёвки, иногда попадая ладонями на узлы и оттого чуть пугаясь. Из-за пазухи с неприличным щекотанием выскочили ещё несколько пузырьков и с упрямым дрожанием настойчиво пробежали вдоль всего тела. Однако не вырвались наружу, а застряли где-то в сапоге.

Плывущий рядом невидимый унтер дёрнул нетерпеливо за рукав — давай, чего замер? И поручик продолжил упрямо своё продвижение в этой бочке с чернилами. В голову неожиданно что-то резко стукнуло, а макушка и одно ухо неожиданно оказались над водой.

— Тише ты! — шикнул на него неслышно объявившийся рядом напарник.

Оказалось, что они уже вплыли в тоннель и теперь упирались головами в узкий как волчья нора промежуток меж верхним сводом и перегораживающей путь массивной решёткой. Тут оставалось чуть места дабы подышать заменявшей воздух затхлостью подземелья, и некоторое время Ларка посвятил, приводя в порядок умолявшее о глотке свободы дыхание.

А почти сведённые от холода ладони уже ощупывали преграду, приценивались к покрытому рыхлой коркой металлу. Пилить эти прутья или жечь волшебным огнём было бы просто бессмысленно. Переполошатся все на пару лиг в округе.

— Подожди… — шепнул он невидимому унтеру. — Тут доброе железо… не поскупились святые братья, поставили решётки не хуже чем на паладинские доспехи. И охранные молитвы имеются, как же без того…

Но всё же, он сумел приспособиться. Ржавая корка озадаченно хрустнула, когда надёжное железо под нею вдруг податливо заструилось под ладонями кузнеца. Потекло со стыдливой покорностью, на прощание помахав ручкой испарившимися с этого места святым благословениям.

— Держи теперь вот здесь. Попробуй потом привязать к верёвке да вытащить к нам — наделаю хороших клинков, не хуже паладинских, — от бесшумного бултыхания в холодной воде Ларку уже начала пробивать дрожь.

Не раз и не два ему приходилось нырять. Но в противовес ожиданиям, железо послушно подавалось и под водой. Чуть теплело, словно принимая в себя жар человеческой души — и покорно соглашалось сменить форму.

— С железом всё. Теперь вот тут пережми — чувствуешь, святая молитва дрожит как флаг на ветру? Сейчас я её завяжу… вот так, теперь отодвигай.

Унтер плеснул чуть громче обычного, сдвинув с места чуть ли не всю массивную решётку и отодвинув ту к стене. Некоторое

время они оба настороженно прислушивались. Однако, в темноте впереди ничего такого не проистекало. Иногда звонко со свода капала вода, где-то шебуршали вездесущие крысы. А обретавшийся на берегу реки полковой магик прислушивался своими методами — и уже в случае чего поднял бы такоооой тарарам…

Кошачьи глаза пока не работали. Заклинание, словно унаследовав от усато-хвостатых их исконную неприязнь к воде, разгоралось плохо — перед взглядом лишь плавали неясные тени. Однако, стоило пошатывающемуся и трясущемуся поручику в сопровождении озаботившегося двумя кинжалами унтера чуть пройти вперёд, как в глазах постепенно прояснилось.

"Порядок" — жестом показал тот, и прислушавшийся всеми заклятьями и органами чувств Ларка осторожно кивнул.

Они стояли по колено в воде. Вперёд у чуть вверх уходил круглый тоннель с местами выкрошившейся, а кое-где откровенно даже обвалившейся кирпичной кладкой. На стенах обнаружилась такая великолепная коллекция то ли мха, то ли плесени, что парень улыбнулся — старая ведьма с Кривого Урочища наверняка пришла бы в восторг.

Унтер тем временем спрятал оружие и отцепил со своего пояса маленькую серебряную фляжку. Подобранная на поле боя у какого-то офицера светлого воинства, она содержала весьма неплохую церковную настоечку. Впрочем, сейчас для сугрева самое оно… выдохнув, Ларка утёр губы рукавом и выдохнул в него же. Ох и крепка, зараза!

Осторожно они уже вышли на сухое. Вернее, на относительно сухое — называть таким словом месиво из жидкой грязи и остатков кирпича под ногами Ларка не решился бы. Тощий унтер не мешкая отцепил со спины пухлый вещмешок. В самом деле, заклятье полкового магика не подвело — на четверть часа его хватило — вытащенная наружу одежда оказалась сухой и ох! восхитительно тёплой.

Оба лазутчика не мешкая переоделись — Ларке вовсе ни к чему было появляться в осаждённом городе в мокром. Да и унтер, коему по плану надлежало дожидаться того здесь, тоже нуждался в тепле.

— Удачи, — они на расставание легонько стукнулись кулаками в извечном мужском жесте…

Второй поворот налево, третий направо… вторая решётка оказалась чуть тоньше или же просто чуть сильнее изъедена ржавчиной — её Ларка преодолел просто играючи. С последней, из-за которой уже веяло тёплым сухим воздухом и даже доносилось пение и редкие голоса, он и вовсе не церемонился.

Дужка пудового замка покорно развалилась пополам, а заботливо смазанные здесь массивные петли даже не вздумали заскрипеть или завизжать, когда объявившаяся из глубины тоннеля тень прильнула к ним.

На всё про всё отводился час. Смехотворно мало — однако, если вдуматься, даже с избытком. Подземный ход некогда вёл в замок здешнего барона, однако укрепление того за некие уже забытые за давностью грехи разровняли. И теперь над Ларкой басовито и звонко гудел вечерней службой кафедральный собор.

Скучавший на перекрёстке подземных галерей тощий святой брат так и не понял, отчего его настороженно зыркавшая из стороны в сторону голова вдруг склонилась на грудь и даже принялась сладко похрапывать. Уж не слабенькому послушнику пятого ранга противостоять передающимся из поколение в поколение секретам — когда-то давно, сейчас уже почти вечность назад, старая ведьма или Ольча таким ведьминским наговором запросто погружали в глубокий, больше похожий на беспамятство сон болезного человека или скотину. И уж только потом принимались в том вдумчиво ковыряться…

Да и пара плотных крепышей у входа в подвал, на коих рясы смотрелись как на корове седло, озадаченно перглянулись, когда из потёмок на них бесшумно вышел плечистый святой брат с пылающей косым крестом нашивкой внутренней службы на плече. Особенно когда оный брат задушевно поинтересовался — не проходила ли тут недавно сестра Джеремия?

— Что-то её видели одновременно в двух местах… не кроется ли тут ересь? — при этих словах оба здоровяка с крепкими дубинами не сговариваясь переглянулись. Да со смятенными лицами осенили себя святым знаком. Шутка ли — в веками освящённом месте непонятки обнаружились!

Напоследок строго-настрого предупредив да чуток постращав посеревших ликами охраняльщиков, Ларка демонстративно уточнил их имена и ранги по некоему свитку и с сожалением кивнул — означенные в грехах сверх допустимого не замечены.

— Ладно, я с вами потом поговорю. И не здесь. Но за сестрой Джеремией незаметно посматривайте. Если уж их сразу две… — многозначительно процедил святой брат из внутренней безопасности на прощание, а потом направился куда-то во внутренние службы.

Внутренне он посмеивался — парни даже на вид соображением не блистали. И теперь, потея от усердия, в случае чего только и припомнят означенный феномен с раздвоением заведовавшей дарохранительницею послушницы.

Пронырливый дух огня даже верно посчитал ступени. И через

минуту Ларка накинул на плечи позаимствованную из ниши чью-то просторную мешковатую рясу да незаметно пристроился к процесии святых братьев и сестёр, следовавших к хорам. Вот уж повезло — святые монаси оказались настолько впечатлены и подавлены видом ставшей в виду стен грозной королевской армии, за седмицу затопившей половину светлого королевства, что переговаривались с видом откровенно ошарашенным и едва ли что-то замечали по сторонам.

Мощное песнопение хора ударило в грудь невидимой мягкой лапой. Ларка огляделся, чувствуя как благодать здешнего небожителя с дрожью пронизывала всё тело. По правде говоря, в таких масштабных соборах ему пришлось побывать впервые. А уж во время всенощной-то и подавно… а ничего. В подавлявшей сумраком темноте мягкими точками светились огоньки, грозди и целые россыпи свечей. Густой бас архидьякона или кто он там (кадет вызубрил все эти церковные звания, сдал и сразу же старательно забыл) бубнил что-то. То спрашивал, то сам себе будто спохватившись отвечал — и тогда крепкий, зычный голос его тотчас подхватывался хором да торжественно взмывал вверх, в темноту под сводами.

И тогда казалось, что в ответ на плечи мягко обрушивалось если не само небо, то взгляд всевышнего уж точно — собор обладал великолепным звучанием. Даже, пожалуй, получше нежели королевская опера, куда Ларку однажды затащили выбравшиеся в столицу на увольнение кадеты-девятки.

В ответ на удивлённый взгляд тщедушного святого брата, который задумавшись о вечном семенил себе куда-то в боковой притвор и которого Ларка едва не сшиб на ходу крепкой грудью, он показал пальцами знак тайной внутренней службы и глазами поинтересовался — ничего такого?

Тот подавился вопросом и столь же молча показал — всё в порядке. Впрочем, тут даже орать оказывалось бесполезно, уж хор из как бы не сотни душ старался и надрывался вовсю. Взаимно осенив себя святым знаком (Ларка другою рукой за спиной скрестил пальцы), они расстались и поспешили по своим делам. Доходяга в свою келью или как тут оно называлось — а дерзкий лазутчик к своей цели.

Прихватив из стопки на столе в углу потрёпанный том, поручик старательно напустил на себя крайне умный и одухотворённый вид. И вроде как погружённый самые что ни на есть благочестивые раздумья, кружным путём направился к хору. Пронзительные и страшные лики со стен и искусно устроенных алтарей словно обжигали кожу, однако ничего поделать не могли. Вопрошали, давили и всматривались грозно. Но пока

помалкивали, и ладно.

А всё же, волшебница в розовом как-то подчеркнула, что в этаких культовых сооружениях на самом деле бога нет. Не нужны ему эти domus dei, и все дела…

— Ну вот представьте себя творцом всего сущего. Создателем, спасителем и иже с ними. Представили, господа кадеты? Так вот, что вы подумаете, глядя с небес на то, как ваши дети и ученики вместо того чтобы заниматься делом, строят в вашу честь молельни, расшибают лбы в поклонах и до хрипоты рвут глотки в славословиях?

Больше всего ему понравился ответ той пухленькой кадетки с блестящими задатками полковой магички — стыд. Если б я была богиней, мне бы стало стыдно…

Скраю в третьем ряду как раз освободилось место. Две тощие святые сестры с золотушными и постными лицами очень кстати убрались, освободив пространство для плечистого святого брата. Медленно, как во сне или под водой, Ларка проделал последние шаги и вышел к точке главного удара.

Посеревшие страницы с засаленными краями перелистывались неспешно, словно бережно — прибывший с усердием искал нужный псалом, что ж тут такого? Странное оцепенение охватило тело, а отогревшиеся наконец руки обрели прежнюю послушность. Ларка хоть и глядел в страницы, однако не видал ни единой буковки — краем взгляда он охватывал и цепко оценивал всё окружение. Зря, что ли, учили? Слева проход и отполированная плечами стена… чисто. Позади (озабоченно поправить край невовремя завернувшейся рясы) святая сестра так погрузилась в благочестие… тут разве что если каменюка на голову прилетит… чисто. Справа соседи тоже погружены, распевают чинно и сосредоточенно — ишь морды какие, аж вспотели от усердия. Или то слёзы просветления? Ладно, чисто.

Впереди могучая спина святого брата с просто-таки гномьей ширины литыми плечищами почти полностью загораживала обзор — но уж Ларка-то по сему поводу отнюдь не роптал. Чисто.

Спеть иной раз он и сам любил. Грустное или озорно-весёлое — смотря чего душа просит. Да и на ухо медведь вовсе не наступил. Это ж надо иметь особый слух и воображение, чтоб изготовить на тройку коней колокольцы. Причём разные для коренного и обоих пристяжных. А когда по снегу целый караван таких? Вот и смекайте — пол-королевства зимою знало, что вон то едут из баронства Эшле. Уж по особому звуку на совесть подобранных и словно перекликающихся, сплетающих дивную мелодию колокольчиков спутать процессию ни с какой другой оказывалось решительно невозможно. Особенно радовался тому и

ухмылялся в ус старый барон…

Некоторое время Ларка прислушивался к песнопениям, легко вычленяя разные лады и голоса с подпевками. Ай, да и пёс с ними всеми! И он, улучив момент, ловко подстроился под сочные и красиво вибрирующие в пространстве собора баритоны с их симпатичным оканьем:

— Обмани-ближнего-своего-однако-не-позабудь-и-дальнего-иначе-ближний-и-дальний-объединятся-да-обманут-тебя — иииии возрадуются!

Тоже мне, вельми понеже… Пальцы под прикрытием подставки с требником и полутьмы показывали сразу две щедро растопыренные *козы*, а сценарий кошмара, переведенный для пущего злодейского эффекта на эльфийскую мову и спешно зазубренный, разматывался в голове гладко как клубок бабкиной пряжи. Если честно, душа уходила в пятки от одного только соображения, какого же масштаба кощунство тут творилось. Но Ларка с самой одухотворённой физиономией драл глотку (благо тут расслышать его богохульство вряд ли смог бы и сам всевышний) и щедро разливал вокруг старый ведьминский наговор.

Специально отлитая полковыми умельцами вполне церковно-приходского облика свечечка с добавлением нужными травок сама собою занялась крохотным огоньком, как ей и было положено — сосед справа лишь завистливо покосился и тут же отвернул нарочито постную физиономию.

Смех смехом, а надувательство немеряное, как ни крути. Однако, то ли столь почитаемый святошами Спаситель и в самом деле редко заглядывал в сию обитель, то ли чокнутые и в самом деле всё крепко перепутали — но пока всё катилось как по маслицу. Ощутимо реявшая в пространстве огромного собора вязь молитв сыграла с парнем хорошую шутку. Вдохновила, что ли… одним взглядом он сейчас мог определить любой металл в пределах видимости. И даже усмехнулся краем рта, приметив что уж сильно много лигатуры в массивных золотых изделиях.

В застёжках-оковах священных книг обреталась фальшь. И ажурное обрамление вокруг свщенных досок с намалёванными на тех ликами, золотым оказалось едва наполовину. Священная чаша в центре, правда, оказалась из чистого металла — право, да могла ли быть такая у сына простого плотника? Курам на смех, и цыплятам их тоже. А вот меч рядом… ах, позорники — пустотелый! Да уж, куда тут святым братьям без тренировки поднять настоящий, полновесный…

Святая молитва напиталась ведьминским ядом — и разом выскользнула во все стороны, словно каменные стены и в частом

свинцовом переплёте витражи вдруг оказались наподобие сита. Ярче разгорелись огоньки свечей, разрумянились почувствовали снисхождение небесной благодати лица. А незримая но столь ощутимая сила реяла над городом свободною птицей, своенравно ломилась в окна и двери, и каждый заслышавший её жадно, всею сущностью приникал к этому источнику дабы причаститься и наполнить душу.

Пейте, пейте — жалко нам, что ли…

Свечка почти догорела. Прихватив ту в пригоршню и скорчив по сему поводу самую скорбную физиономию, Ларка неспешно направился обратно. Изображать из себя уставшего даже нужды не было — пот лил градом, да и пошатывало вовсе не на шутку. Да уж, та ведьма могла бы гордиться молодым кузнецом, коему она иной раз показывала старые умения да тайности.

"Представляю, что бы тут утворила та, прежняя Ольча с её силой!" — как ни странно, мысль эта Ларку приободрила. Настолько, что он даже не стал особо стращать двух давешних лоботрясов, радостно сообщивших насчёт того, что сестра Джеремия вот только что проследовала в кладовую — наполнить паникадило елеем. Правда, всего одна, никак не две их.

Смеха ради Ларка заглянул в кладовую. Означенная сестра выяснилась бабищей весьма крепкой комплекции, заставившей бы озадаченно почесать в затылке любого надумавшего бы на такую взгромоздиться мужика. Но мысль эта ему так понравилась, что тётка мгновенно *растворилась*, едва её вопросительно вскинутый взгляд встретился с глазами маячившего в дверях поручика.

Сейчас он мог бы потягаться на равных с полковым магом или даже Велериной. А уж паладина скрутил бы как ославленного в здешней религии кроткого агнца. Всё вокруг виднелось неестественно чётким и понятным, а любое препятствие оказывалось легко преодолимым и простым.

— Идите вот сюда, — давешний тощий святоша с перекрёстка нижнего уровня вскинулся мгновенно, будто до этого и не спал стоя.

Замок на пустой пока кладовой, не заполненной до осени всякими вкусностями, открылся после мимолётного только прикосновения. Внутри оказалось полутемно и прохладно, даже весьма уютно — в уголке Ларка приметил аккуратно сложенную стопку пустых мешков. Хм-м, очень кстати!

— Не смущайтесь. Вы одни, настоятель не узнает — а вы давно мечтали согрешить. Потом отмолите, и *он* простит, — ухмыляющийся шутник едва успел выйти и прикрыть за собою дверь, как тщедушный мужичок и вдвое более тяжёлая святая сестра уже сплелись в объятиях, а количество одежды на них

обоих стало стремительно убывать.

Вот и ладушки, займитесь хоть раз полезным делом… Ларка представил наутро, когда наваждение пройдёт, озадаченные физиономии этой парочки — и устало засмеялся. Ладони его проворно открыли да вновь заперли за собой первую с этой стороны решётку, да ещё и щедро насыпали сверху пыли. Вовсе незачем наводить святых братьев на нежелательные подозрения и раздумья.

Дальнейший путь оказался не столько долгим или утомительным… то ли содеянное старое чародейство, то ли святые в соборе молитвы оказывались тому причиной, но кошачьи глаза едва дышали. Стены всё время тонули в холодном и липком тумане безразличия. А вот вам, господин поручик, благость всевышнего! Хотя скорее всего, просто обыкновенная усталость. Выложился хорошо, как говорится, на всю.

Один раз он обнаружил себя стоявшим перед кирпичной кладкой и недоумённо её рассматривавшим. Даже запаниковал на миг — в какую же сторону идти? Но доносившийся слева даже сюда мощный хор недвусмысленно гнал прочь. И уже остывший, пошатывавшийся от утомления парень едва добрёл до того места, где при его появлении буквально из стены пресловутым чёртиком из коробочки выскочила фигура в чёрном.

— Порядок… но я уже всё… выложился…

Наверное, тощий унтер всё же был не абы каким докой в своём водоплавающем деле. Ларка чуть пришёл в себя от показавшейся одновременно тёплой и обжигающе-ледяной реки. Затрепыхался, задёргался в попытках судорожно глотнуть немного воздуха — вернее, воды. Но провожатый как-то интересно обвил всем телом, а рот и нос заткнул цепко, умело. Так что, на руки двух словно вынырнувших из темноты теней поручик упал хоть и жадно дышащим, но живым.

Оказывается, здесь уже наступила ночь. Надоедливая луна очень кстати скрылась за плотными облаками (ах, мечта ночного лазутчика и татя), так что теперь оставалось лишь ждать. В полночь-то старое ведьминское колдовство и разгорится в полную силу — да так, что следовало нынче держаться от стен Норреброгеде подальше.

А то и впрямь штанишки отстирывать замаешься… Ларка словно в тумане приметил упрямо высовывающееся оттуда лицо секунд-майора. Высказав тому всё, что о том думал, поручик всё же смилостивился и сообщил — всё прошло отменно и даже лучше чем планировалось.

Зато наутро… наутро все ворота, калитки и даже форточки города-крепости оказались распахнуты. Народ удирал оттуда

словно тараканы из горящего дома. Побросав пожитки и оружие, святые книги и рясы, плотные толпы горожан и солдат с рыданием умоляли королевское воинство принять их под свою защиту.

Смурневший с каждою минутой всё сильнее секунд-майор Морис в конце концов схватился за голову. Одно дело управляться с полком или бригадой — а совсем другое с этакой оравой народу, причём не совсем как бы и в крепком душевном здравии. Люди исходили слезами и соплями, умоляли его на коленях принять под своё медно крыло, а в сторону недавнего дома и пристанища косились с посеревшими лицами и плохо скрываемым ужасом.

Многое дал бы кое-как разбуженный позавтракать Ларка, чтобы узнать, какие же мысли скрывались за задумчивым в его сторону взглядом командира. Но проглотив показавшуюся безвкусной пищу, он снова уснул под полыхающим при виде него одновременно радостью и ненавистью взором Ольчи.

Вернее, святой миледи Хельги…

Конец третьей части

Вообще, таковые шутки проходят один только раз. Возможно, мир слишком уж сильно нуждался в чём-то похожем на встряску, потому и поддержал прокравшегося в святой собор парня всеми силами. А возможно просто, что столь почитаемый святошами боженька оказался тоже не лишён чувства юмора и решил по случаю легонько подшутить на своими не в меру ретивыми поклонниками.

Как бы то ни было, отголоски простой и мощной ведьминской волшбы прокатились по всему материку. Не задело никого, но переполошились прочувствовавшие то все обученные обращаться с Силами. Вон, и бородатые гномы забегали-зашныряли по всем щелям как ошпаренные — уж не предвидится ли тут землетрус вселенского масштаба? Флотские, правда, упрямо гнули своё, причём с точностью до наоборот. Дескать, это на нашем окияне шторм-буря грядут такие, что и русалок до морской болести укачает! И даже из неведомой страны елфов прилетело зловещее: смотрите, хомо, однажды таки доколдуетесь…

Возможны, конечно, и другие объяснения. Леди Хельга, например, порыла над святыми книгами своим носиком с проявившимися от интересной бледности веснушками, и нехотя объявила — подобное положение звёзд да планет бывает раз в невесть сколько тысяч лет. И вообще и в частности, да на всё воля божия. Её, конечно, выслушали с интересом, а полковой магик даже направил по сему поводу запросы королевским звездочётам и в Академию.

Разумеется, допущенные в тайну допытывались и у самого Ларки — как же оно так, мать его итить, вышло? Луна полночи отплясывала на небе краковяк, звёзды стаями носились и чуть ли строем не маршировали, паразитки — а в тылу благополучно разродилась тройней баба, на которую уже и лекаря рукой махнули да втихомолку от той посоветовали могилку рыть. Не бывало такого в истории — только пришли под стены крепости-неберучки, а на следующий день та возьми и сдайся!

Но поручик на пару со своей-не-своей ледью с неописуемым удовольствием трескал всё самое сытное и вкусное, что только и могли найти для него в округе, да с невозмутимым видом ответствовал — я, мол, честно исполнял свой долг. А что там с означенными и не очень феноменами вышло, то уж не моё дело. Вон, у старой ведьмы с того света поспрашивайте. Не иначе как

пособила оттуда втихомолку, кошёлка…

— Ладно, поручик, — секунд-майор Морис (по слухам, уже почти подполковник) на прощание крепко пожал руку. — В другое время я бы не отдал такого командира платунга никому и ни за что. Горло перегрыз бы. Но раз уж лично король просил одолжить попользоваться, куда деваться? Удачи!

Леди Хельга в это время обреталась чуть поодаль и с самым восхищённым видом взирала на питомцев королевской грифонятни. За неким окаянным поручиком сюда прислали сразу пару — на одном в столицу медного королевства надлежало отправиться ей с Ларкой, а на втором сердито щёлкающем в её сторону клювом птахе расположились аж трое не самых хилых боевых магиков.

Миледи с опаской приценилась к этим огромным полуорлам-полульвам и против воли прониклась к ним уважением. Вот же ж утворил боженька этакое страхолюдство! И никакого тебе покоя, в любую погоду днём и ночью развози на себе всяких-разных… впрочем, пока свободная и чуть меньшего размера птаха оказалась самочкой.

Ноги подкашивались и предательски тряслись — однако миледи с гордо вскинутой головой заперла в душе все чувства на амбарный замок. И словно на деревянных, то и дело подгибающихся ходулях сделала несколько шагов поближе.

Либо долбанёт своим клювом так, что сразу напополам — либо и впрямь ведьма… грифоняшка скептически покосилась огромным, чёрным и блестящим глазом с нежно-оранжевым ободком да предостерегающе нахохлилась. Тем не менее, на глазах от изумления разинувших рты наблюдателей, гигантская зверюга позволила себя погладить и даже почесать где-то на затылке.

Хельгу осыпало вдоль спины жаром. Значит — и в самом деле… между нею и здоровенной уродливой птахой словно протянулась вдруг тоненькая, неощутимая пока ниточка доверительности. Некая странная, обоюдная болезненная симпатия искрой проскочила от одной-к-другой и обратно.

— Хорошая, славная ты моя… — она словно чувствовала, что у птахи легонько зудело именно вот в этом месте, и запустила туда всю пятерню. Под большими и жёсткими грифоньими перьями обнаружился нежный, восхитительно тёплый пух — и как странно было осознавать, что вот этот лёгкий клёкот неописуемого блаженства адресован ей, благородной леди Хельге и святой сестре-под-запретом.

— Ох и рисковая девка, — стоявшие пока в сторонке оба погонщика этих редкостных птиц переглянулись, и постепенно

цвет их лиц стал возвращаться от меловой бледности к более естественному. Да уж, эти-то не раз видали, что оставалось от неосторожных или чересчур самонадеянных. В закрытых гробах хоронили останки. А эта безо всякой магии или угощения подошла…

Поручик с секунд-майором хоть и замолчали, но взирали на таковую сцену скорее выжидательно, нежели со страхом. Раз уж сказано ведьма — между прочим, у животных на сей счёт разумение да соображение имелось как бы не получше нежели у самих людей. Во всяком случае, аутодафе не устраивали.

— Жаль, я никогда на таких не катался, — их превосходительство то ли с сожалением, то ли с облегчением вздохнул. И на прощание легонько хлопнув поручика по плечу, сбежал по лестнице с вершины мощной башни. Не столько оттого, что так уж звали к себе обязанности коменданта Норреброгеде — скорее, просто не любил таких вот сцен расставания. Впрочем, оно всё ж получше, нежели прощаться с павшими в бою сослуживцами…

А смурной Ларка, облокотясь на зубец, миг-другой ещё смотрел в овитый утренним туманом словно фатой город. Затем вздохнул и себе подошёл к чуть ли не любовно воркующим леди и грифонице.

— Привет, птаха диковинная! — признаться, таких он доселе даже и не видел.

Вблизи впечатление оказалось ещё более удручающим — до холодного урчания в животе. Но птица мимолётно зыркнула на подошедшего большим глазом и, отвернувшись к новой любимице, вновь смежила его в неге. Вот уж эти бабы! То лаются так, что хоть *карауул* кричи, то вдруг лучшими подругами оказываются… На трусливо прижавшегося к ноге хозяина домовёнка та и вовсе внимания не обратила. Этого малыша ей даже на завтрак мало будет… Погонщики кстати напомнили, что его величество ждать исполнения своих приказов страсть как не любит.

Сидеть на спине грифона оказалось скорее неудобно нежели забавно. Ещё и меч в своих ножнах то и дело чувствительно пихал в бок да напоминал о себе. Про тяжеленные узлы с барахлом и напоминать нечего, одна морока только, когда и обрасти-то имуществом успел? Но погонщики и себе оказались не чуждыми чарам — обоих пассажиров и груз заботливо, плотно обернули заклятья… а потом вдруг мир встал косо.

Хорошо подобранная магия не только мягко, но убедительно прижимала седоков к мягкой спине грифона и защищала от наверняка бешеного ветра. Как ни петляли в воздушных потоках

обе птицы (соседняя даже кувыркнулась от избытка хорошего настроения), но все эти крены и качки совершенно не ощущались. Ларка присмотрелся — на летящем справа могучем грифоне тёмно-красный балахон при белой бороде показался чересчур уж знакомым.

Он окликнул того — оказалось, что переговариваться можно свободно — и тот волшебник в самом деле оказался Франеком. За разговорами и восторженными *а помнишь?* путешествие прошло почти незаметно. Стремительно улетающая назад земля в неестественной дымке, вся эта гонка со временем слабо запомнились Ларке. Да в самом-то деле — ну поглазел, ну повосторгался — ну и что?

Пусть вон леди Хельга взвизгивает восторженно, как загнавший крысу резвый щенок фокстерьера — уж феминам-то всё можно.

Или почти всё…

И вот теперь, за ожидающую высочайшей аудиенции парочку взялись сразу трое. Если с церемонимейстером особых хлопот не возникло — леди Хельга этикету поучила бы и его самого, а с армейских дуболомов и вовсе какой спрос? — то вот двое других… Командир нёсшего сейчас дежурство гвардейского платунга доверчив оказался примерно как почуявший волчий вой сторожевой пёс. А уж обретавшийся при нём тихарь в неприметном цивильном платье и вовсе извертелся словно попавший живьём на сковороду рыб, и едва не выл от смеси досады и неуверенности.

— Хорошо. Приставьте к леди пару опытных стрелков с направленными ей в виски арбалетами, — смилостивился над ними Ларка в новеньком и чуть ли не сиявшем мундире — да уж, королевский придворный портной не зря получал генеральское жалованье!

Он посмотрел на обрадованно принявшихся обсуждать этакую идею мужчин и добавил — но если стрелки всполошатся по пустякам да загробят леди просто так, из-за ничего — то он, поручик Ларка, примется быстро снабжать новыми постояльцами столичное кладбище. Причём, начнёт для разминки лично с них.

— Я из действующей армии, воевать обучен и доказал это… — оба дворцовых прихлебателя сразу немного поубавили спеси. Уж на что способен хлебнувший крови и магии бравый фронтовик, эти знали или по крайней мере догадывались.

Уж полковник так точно — по указу ещё старого короля звание гвардейских присвивалось лишь особо надёжным, отличившихся в крутых передрягах частям. Но вот, оброс жирком в тылу, обабился…

— Это будет уж слишком, — он всем холёным лицом изобразил лёгонькое недовольство. — Но вы, поручик, гарантируете?..

Ларка с лёгким сердцем пообещал — если леди вдруг шепнёт хоть что-то похожее на святую молитву или псалм, то подзатыльника получит отменного. Такого, что вся святая блажь сразу из головы вылетит. В качестве демонстрации он завязал узлом одолженный у обалдевшего от такой наглости часового стальной палаш и протянул обоим весьма впечатлившимся таким зрелищем мужчинам.

— Уважаю, — удовлетворённо кивнул гвардейский полковник, и сотруднику тайной службы ничего не оставалось делать, как с кислой физиономией пробормотать нечто, при должной фантазии могущее быть принятым за согласие.

Золочёный роскошный дворец затих. Часовые и тихари в штатском замерли на своих постах и стали мало отличимы от стоявших тут и там статуй или старинных доспехов. Куда-то словно растворились в тишине лакеи, скользившие плавным и не отвлекающим даже взгляда особым шагом. А сердце стукнуло громко и тревожно, когда церемонимейстер встрепенулся и посмотрел особым, означающим только одно взором…

— Что ж — если проделанная шалость не по магической, а по ведьминской части… — задумавшийся о чём-то король чуть приподнял голову и среди немногих допущенных вычленил взглядом фон Триера. — Адмирал, пусть та ведьма с наших верфей пообщается с поручиком насчёт некоего наговора. Даже если шанс повторить шутку и ничтожен, но владеть подобными знаниями один человек не может.

— Не должен, ваше величество, — адмирал кивнул в знак подтверждения — приказ понят, осмыслен и в ближайшее же время непременно будет исполнен.

А взгляд его величества непонятно скользнул по леди в платье, нарочито свойственном покроем двору куда более полуночного светлого монарха. Странно — взгляд короля то ли потеплел, то ли в нём и в самом деле мелькнуло что-то похожее на строго противопоказанное августейшим особам сочувствие.

— Что ж, леди Хельга — лучше всего было бы и впрямь применить известные методы поленом по голове… и многие проблемы раз и навсегда исчезли бы, — его величество пошевелились на троне и пригубили из обрамлённого искусной резьбой бокала на высокой ножке. А дальше то ли размышляли вслух, то ли разговаривали сам с собою. — Возможно, то было бы лучше для вас — по крайней мере, не терзаться и вполне быть по-своему счастливой…

Ларка осторожно подхватил под локоток пошатнувшуюся бывшую ведьму, которая побледнела настолько, что стала больше похожа на изваяние из слоновой кости. А король хоть и приметил этот жест несомненно дружеской поддержки, но и бровью не повёл на столь вопиющее, пусть и мелкое нарушение этикета — в конце концов, всё-таки леди.

— Но мы понимаем, что так просто иные дела не решаются. Хорошо… здесь и сейчас, в присутствии множества людей, славных не одною лишь древностью рода, но своими делами — дадите ли вы слово, что наше величество не пожалеет о своём милосердии?

Поручику пришлось вовсе не легонько на миг стиснуть отчего-то ставшую ледяною хрупкую ладонь. По телу леди пробежала дрожь, и только она сама да внимающий её молитвам небожитель и знали — каких сил стоило в этот момент её *даю слово*.

А король легонько играл старым вином в бокале, словно то была багровая до черноты кровь — и казалось, забавлялся с высоты трона.

— Слово леди — или же слово ведьмы? Признаться, мы с куда большим доверием относимся ко второму, — его величество в ожидании ответа заинтересованно подались вперёд.

— Пока что, ваше величество, только леди, — её благородие Хельга пришла в себя довольно быстро, и в знак благодарности вовсе не легонько, строптиво вонзила в поддерживавшую её ладонь коготки. — Но, если мне помогут… попробую вспомнить себя и ведьмой.

А король, словно вдруг потерял к какой-то худосочной девице у своего подножия всякий интерес, откинулся обратно на спинку великолепной работы трона. И некоторое время весьма небезуспешно изображал, будто благородное вино в бокале занимает его сейчас больше всего на свете. Взгляд августейших глаз оказался устремлён поверх края бокала куда-то вдаль, за подёрнутое кисейной дымкой окно тронной залы.

— Волшебники забирают у мира силу, чтобы затем распорядиться ею. Святые же братья уповают на дарованную им милость всевышнего. И лишь ведьмы да колдуны живут с окружением в согласии. Они не требуют — но и не клянчат. Мир сам слушает своих детей и даёт им всё… говорят, и перворождённые такие же, — король вернулся вниманием к почтительно внимающей столь редким приступам августейшего красноречия аудитории. — Что ж, леди Хельга, миледи Тэйл — если вы со временем изменитесь, двери нашего дворца, да и многих других домов тоже, с радостью раскроются перед вами. Но

пока ступайте, отдохните.

После исполненного искренней благодарности великолепного реверанса леди еле заметно и с облегчением вздохнула. А по жесту Ларки один из доселе казавшихся статуей гвардейцев у стены мгновенно ожил. Тот подал даме руку и вежливо, с почётом сопроводил леди к приоткрывшейся навстречу высокой двери и дальше — туда, где на сваленной в неприметном уголке груде провонявшейся грифонами поклажи гордо восседал в гордом одиночестве домовёнок да втихомолку забавлялся тем, что корчил большому зеркалу в стене страшненькие и уморительно потешные одновременно рожицы…

— Ладно, поручик — вы хоть и неожиданным образом, но таки решили некоторые из моих проблем, — заметил оживившийся, едва за леди закрылась дверь, король. — А мы в отместку, вроде бы неплохо решили одну из ваших.

Его величество встали и легко сбежали вниз по ступеням.

— Шпагу нам, — и поощрительно улыбнувшийся адмирал немедля снял со стены старинный клинок с вычурной гардой.

Ларка не верил своим глазам — ещё только что скучавший и маявшийся на троне величественный король оказался великолепен и дерзок. С той весёлостью на грани бесшабашности, которая только и отличает людей истинно великих. Лет уже почти пятидесяти, с благородными сединами, вблизи он оказался совсем не страшным и даже как-то понятным.

— Эй, волшебники, где вы там? — после этих слов короля эдакая лёгонькая неправильность, так и мерещившаяся глазу в подозрительно пустом углу тронной залы, разлетелась клочьями.

Ах, невидимость… в том месте обнаружились сразу трое — и что характерно, все вовсе не понаслышке знакомые личности. Франек в неизменном тёмно-алом; Велерина и разумеется, в розовом — да полковник Блентхейм с полностью изготовленным к стрельбе двухзарядным арбалетом в руках.

— Его величество меня до апоплексического удара однажды доведёт своими выходками, — как бы в сторону и всё же слышно пожаловался полковник да передал оружие гвардейцу.

Но самое удивительное оказалось иное — сбоку к королю подошёл с особо торжественной физиономией его старый слуга, и со знаменитого на пол-королевства подноса свешивался край золочёного пояса.

— На колено, поручик! — загремел под высокими сводами голос его величества, а клинок старинной шпаги пребольно врезал молодого человека по нужному плечу.

В короткой речи король заметил, что хоть по служебной лестнице один офицер подняться и не стремится, но с другой

стороны, это к лучшему — куда приятнее иметь дело не с карьеристом, а со знающим себе и делам цену человеком. Да и хочется подкинуть историкам с летописцами знатный оксюморон…

— По закону, дворянский пояс положен лишь без скидок выслужившим майорский чин — но мы выше всяких традиций и уложений, — король затем мимолётно поинтересовался в сторону — заслужил ли некий молодой нахал посвящение за всё содеянное им скопом?

Единственным, кто воздержался от восторженных эпитетов и восклицаний, оказался адмирал фон Триер. Бравый флотоводец посетовал, что в своих плаваниях маленько отстал от дел, а потому попросил его величество хотя бы в нескольких словах, так сказать, просветить… вкратце, правда не совсем получилось — мало того, Ларка с изумлением вдруг узнал, что его боевое крещение бок-о-бок с неким гномом оказалось чертовски высоко оценено старейшинами подгорного народа. А уж таковая заслуга в улучшении отношений с бородачами стоила куда как много!

— Ого! — здоровенный, как один из его любимых ударных фрегатов, адмирал показал молодому человеку одобрительный жест. — Если кое-кто не дослужится до барона или хотя бы до рыцаря, мы все здесь будем крепко разочарованы…

Оказалось, что его величество, вопреки всем настойчиво убеждавшим в противном слухам, и сами весьма сильный чародей — одни только слова его швыряли человеческую душу как щепку в бурном весеннем ручье… и когда вовсе не чуть взмокший новоявленный дворянин поднялся на ноги, сам король покровительственно похлопал его по плечу.

— Титул не столько в награду, сколь в разрешение при нужде бить морды лентяям и дуракам, — августейший повелитель назидательно погрозил Ларке пальцем. — Но в меру.

Ухмыляющийся поручик (волшебница в розовом уже шепнула на ушко, что среди своих, да находясь в фаворе — можно вести себя чуть по-свойски) некстати поинтересовался — а сапогом в харю казнокраду или мздоимцу заехать при случае разрешается?

— Хм-м, интересный вопрос, — его величество задумались с весьма интересным выражением на августейшем челе.

Давно и прекрасно знающий вкусы да привычки своего монарха слуга мгновенно распорядился насчёт освежить горло. А сам, уже отведав белого и чуть терпкого вина да убедившись в его безвредности, самолично поднёс королю бокал оного благородного напитка.

Собравшиеся дворяне, полководцы и блестящие дамы тут же пустились в бурное обсуждение, но после достойных пера

борзописцев прений и порадовавших бы философа тезисов общее мнение оказалось — нет.

— Вот когда хотя бы в маркизы выбьетесь, — госпожа Велерина послала поручику извиняющуюся улыбку. При белого золота причёске — творении гения придворного парикмахера — и глубоко-синих глазах волшебница в смотрелась просто неотразимо.

Угу, знаем мы этих безобидных пчёлок в розовом бутоне — если ширнёт такая своим шильцем, мало не покажется…

Через некоторое время король переглянулся с канцлером, тот с волшебницей, и хмельному не столько от бокала тут же вышедшего с испариной вина, сколь от волнения Ларке тут же поручили новое задание. Впрочем, не стоит пока забегать вперёд и разглашать — нынче даже у стен и дымоходов имелись жадно прислушивающиеся уши…

— Увы, на отдых времени нет, поручик — потому завтра же грифоном и отправляйтесь, — король на прощание с бледной улыбкой, бокалом отсалютовал своему верному солдату и кузнецу.

— Да, срочно аж пищит, — канцлер подхватил Ларку под локоть и уже на полпути к выходу доверительно понизил голос. — Пойдёмте, я вкратце введу вас в курс дела. Тут чертовски деликатно сработать надо…

Третий за второй, а первый за третий… как бы не сбиться тут! Оказалось, что пальцы, стоило их ненадолго оставить без внимания, тут же нашли себе работу. И теперь в ладонях Ларки наговорные бронзовые спицы проворно сплетались во что-то весьма диковинное.

Наблюдавшие за этим делом двое приказчиков скобяной лавки всё же сумели захлопнуть свои неприлично отвисшие челюсти. Глаза их из круглых, правда, уже и вовсе стали квадратными, но жестом один показал — продолжайте, ваше благородие!

Леди Хельга всего в пару слов живо вынула душу да вымотала жилы из купца да его старшего приказчика — и теперь развлекалась тем, что вгоняла почтенных торговцев в пот. Каких-то там женских финтифлюшек, которых кровь-из-носу возжаждалось знатной даме, на прилавке не нашлось. Но хозяин оказался намерен перевернуть в своих запасах всё вверх дном, но этой леди угодить — и теперь в кладовых бушевал вихрь, ураган да погром одновременно.

Наконец, торжествующая миледи вышла из задней части лавки, с сияющим личиком неся себя в вычурном пышном платье с турнюром. Следом купец с весьма запаренной физиономией

торжественно волок что-то в небольшой коробке с бантиком. Ну, а морда следующего в хвосте процессии потного приказчика куда больше походила уже и вовсе на простую харю…

— Укусила мушка собачку — за больное место, за ср… ох! — Ларка подпрыгнул от неожиданности, когда крепкий кулачок неприметно, однако весьма чувствительно сунулся под рёбра.

Тем более, что с другой стороны примерно в такое же место пришлась бела рученька ради конспирации переодевшейся в нечто селадоново-воздушное госпожи Велерины.

— При леди этаких словечек не напевать! — с весьма ядовитой улыбочкой обе вроде мельком осмотрели друг дружку. Как только и не зашипели, кобриолетки…

Ларка легонько скривился и классически огрызнулся в том смысле, что порядочным леди и словечек-то таких знать не положено. А сам с весьма озадаченной миной разглядывал — что же это за диковина такая в его руках вышла? Прочные и упругие спицы нагартованной бронзы, коробку с коими он в ожидании почти переполовинил, образовали нечто такое… этакое. Больше всего оно теперь напоминало венок, который деревенские девчонки затаив дыхание с пением надевали приглянувшемуся им в хороводе парню. Ну точно — вот василёк, следом одуванчик, а потом горный тёрен и ещё не упомнится доподлинно что. Правда, всё хоть и бронзовое, но уж не признать цветы оказывалось решительно невозможным.

Единственно смущали обнаружившиеся внутри весьма острые и крепкие шипы.

— Да это же диких роз венец мук Спасителя! — ахнула приглядевшаяся леди Хельга.

Э-э, да в самом деле — Ларка смутно припомнил что-то подобное на истерзанном челе той здоровенной статуи в соборе. Он совсем уж было собрался скомкать в ладонях это непотребство да заплатить честному купцу за порчу да потраву. Однако, тот с переменившимся лицом неожиданно заверил, что должен за такую тонкую работу ещё и весьма крепко приплатить — сию красивую диковину он продаст за хорошие деньжищи местным любителям самоистязать себя (а то как же, господин поручик, в нашем городе и таковые имеются — не хуже других мы, чай, не деревенщина бескультурная)

Сконфуженный парень пробормотал что-то весьма похожее в более привычных выражениях на *да пошёл ты…* и подхватив обеих девиц под ручки, быстренько ретировался на улицу.

Раскалённый полдень незримой горой упал на плечи. Залитый беспощадным солнцем квартал самых дорогих и роскошных лавок сразу показался местом весьма неуютным. Тут в

армейском мундире несладко — а каково же приходилось леди в их шелках-кринолинах с кружевами, страшно даже и подумать. Впрочем, обе при виде друг дружки мгновенно взвинтили себя до такой степени, что тут впору оказалось всерьёз озаботиться — не выйдет ли какой некрасивой сцены с битием друг дружки зонтиками и молниями.

— Передай этой столичной штучке, что я ей уши на ходу поджарю! — дерзкий шепоток Велерины, сладко улыбнувшейся попавшемуся навстречу министру с дочерьми, ввинтился в левое ухо.

Но лишь с тем, чтобы леди Хельга, не забывшая на ходу стрельнуть глазками в сбившегося от такового залпа с шага адмирала, тут же парировала в правое:

— Скажи той расфуфыренной выдре, что я всерьёз намерена сплясать тур вальса на её могилке!

Ларка переставлял свои сапоги посередине и с самой серьёзной физиономией, философски раздумывал о самочувствии попавшейся меж молотом да наковальней поковки. Да ведь с чего бы, спрашивалось, сцепились? Если бы из-за него, тогда было бы хоть что-то понятно — однако, обе откровенно не претендовали… но всё же единственным, кому безразличны остались становившиеся всё острее шпильки девиц, оставался гордо несущий покупки следом неразлучный домовёнок.

— Нашпигую молниями, изжарю — а прах развею на всех четырёх ветрах… — эх, таким бы мечтательным голосом Велерине стоило слова любви шептать!

Стоило ли и упоминать, что леди Хельга голосом записной пай-девочки сладко мурлыкнула:

— Специально куплю себе самого низкого пошиба притон, и одна выскочка в розовом не успеет и пискнуть, как окажется там и как раз на своём месте!

Взгляд безмятежных голубых глаз потемнел.

— А вот это ты зря сказала, змеючка — никто ещё не смел попрекать меня прошлым! Вот теперь тебе пришёл полный и безоговорочный пи… — однако, Ларка не стал дожидаться развития ситуации и дальнейших эпитетов с неминуемым продолжением.

Помилуйте, дамы и господа! Позволить, дабы в самом сердце медного королевства, посреди столицы и сошлись в драке две могучие силы? А уж если учесть, что на острие атак Света и Тьмы оказались две напрочь безбашенные, как у них водится, девицы? Никак не можно…

Вертлявый служка на террасе летнего кафе, откуда из благословенной тени каштанов открывался великолепный вид на

площадь Старого Короля, поперхнулся вопросом и мгновенно исчез, едва сюда из Купеческого квартала вывернула перевитая неистовыми сполохами грозы троица.

Ларка тащил строптивых девиц откровенно силой, хотя со стороны и могло бы показаться, что бравый красавец-офицер просто прогуливался с двумя очаровательными леди. И едва он убедился, что единственным свидетелем осталась благосклонно взирающая с середины фонтана позеленевшая бронзовая статуя прежнего правителя, как тут же сгрузил обеих разъярённых фурий за столик.

— А ну-ка, обе, быстренько захлопнули ротики — пока туда не залетело что-нибудь на редкость непотребное, — он горой навис над обеими уже откровенно готовившимися к поединку негодницами.

— Например? — строптиво поинтересовалась леди Хельга, чьё пышное платье уже блистало неистовым светом божественного благословения.

Поручик королевской армии вроде бы игриво и доверительно полуобнял обеих своих блестящих спутниц, хотя на самом деле пальцы его под прикрытием кружев вовсе не легонько ухватили-прижали обеих за горлышко.

— Да хотя бы моё мужское достоинство — я вас быстро заставлю примолкнуть да вспомнить своё настоящее предназначение, — Ларка не забывал нежно и чуть ли не обольстительно улыбаться, хотя грозный шёпот его слов обрушил на разгорячённых девиц холодный душ.

— Хам и самец, — процедила через презрительно оттопыренную губку леди Хельга с вовсе не чуть переменившимся лицом.

Правда, Велерина победно усмехнулась и проворчала в том смысле, что она-то в своё время и не таких сомнительных лакомств отведала, а потому согласна — лишь бы той святоше тоже умолкнуть пришлось. И поскольку перебранка под прикрытием сладких до приторности улыбочек мгновенно возобновилась вновь, то Ларке ничего не оставалось, как чуть сильнее сжать пальцы и некоторое время посвятить философским раздумьям о злокозненности рода людского вообще и женского в частности.

Ну вот допустим, среди мужчин часто бывает — встретились, повздорили. Ну, начистили друг другу физиономии, а потом одышались-поогляделись — и глядишь, за бутылочкой зелья уже и позабыли с чего дурь-то в головы ударила. Как же без того, вон старый король не считал зазорным после битвы потчевать в своём шатре генералов проигравшей стороны. Учителями называл,

здравицы и тосты в их честь провозглашал — о том не в одной летописи сказано… всё же, Ларка опомнился вовремя и легонько приотпустил пальцы.

Обе воинственные девицы хоть и метали прекрасными глазами беззвучные молнии, но уже не в сторону друг дружки, а по адресу горой нависшего над ними парня. Что ж, уже прогресс…

— Не знаю, леди, в какие игры играет король — то его дело. Но вот в какие игры вздумали за моею спиной играть вы обе, узнать очень хочется, — и едва обе успели по паре раз глотнуть свежего воздуха, как он снова сжал пальцы.

— Скотина! — беззвучно прошевелила уже синеющими губами волшебница, а носок острой туфельки бывшей ведьмы пребольно врезал в щиколотку.

Конечно, проявлять над феминами насилие Ларке очень не хотелось. Как шепнул секунд-майор Морис по поводу обнаружившихся после той ночи в Норреброгеде полсотни скорбных главою, "ни женщин, ни детей среди них нет — спасибо, дружище". Как оно так вышло, парень сам не очень-то и задумывался, не до того было. Наверное, ведьминское чародейство всё же уловило подспудные наклонности хозяина, оттого и сработало с означенными слегка щадяще.

Но с другой стороны, ни на миг он не купился на искренность и добродушие в королевском дворце. Знаем, нахлебались такого досыта… никогда эти кичливые дворяне даже и мысли не допустят насчёт всяких там глупостей. Одна лишь капелька родовитой крови в их глазах решительно перевешивала любые достоинства и заслуги. Вон, старый барон Эшле уж на что с пониманием был — а и то, для него люди всё равно оказывались всего лишь одушевлённой вещью. Ценной, забавной, полезной — однако, вещью. Быдлом. А выбившийся в дворяне бывший крепостной это полнейший оксюморон и непристойность вроде деревенского быка в кружевном дамском чепце…

Заметив, что обе пленницы уже начали судорожно подрагивать с синюшными физиономиями — ни одна не собиралась сдаваться прежде соперницы — он снова чуть разжал пальцы. Вот же противная порода — что та, что та… соображают, однако не уступают даже силе.

— Ну что, красавицы, просветления достигли? *Од мани падме хум* петь станете?

Судя по выражению потемневших от ненависти голубых глаз волшебницы, умирать Ларке предстояло очень и очень долго. Причём в таких муках, что королевские палачи в пытошных подвалах от зависти просто удавятся. Впрочем, то будет потом…

сейчас же Велерина жадно хватала воздух и очень чётко осознавала, что шея её в руке вчерашнего кузнеца может хрустнуть в любой миг. И куда легче нежели орех, только дёрнись тут с магией…

По бледным щекам леди Хельги сбежали две еле заметные капельки. И всё же, личико её улыбалось с тою безмятежностью, словно она раздавала подарки в сиротском приюте. Лишь дышала чуть чаще.

— Хорошо, госпожа Велерина — предлагаю перемирие. Даже больше… объединиться и со временем учинить этому мерзавцу что-нибудь не описанное даже в "Справочнике профессионального палача", — надо признать, эти слова бывшей ведьмы пришлись волшебнице весьма по вкусу.

— Отлично, милочка — только, чур не сразу отправлять подонка по Тропе Теней, — Велерина ещё и ещё дышала этим сладким до невозможности воздухом, прежде чем продолжить. — А потом нам и ссориться-то будет не из-за чего.

Что одна коза, что другая — строптивые, бодливые и до жути зловредные… Ларка подумал и всё же решил дело до крайности не доводить. А потому отпустил девиц и сделал в сторону кафе жест с эдакой несомненной подоплёкой.

Прямо из тени каштанов с непостижимой ловкостью материализовался слуга. Ларка с ленивой задумчивостью разглядывал, как над столиком с двумя чинно шепчущимися леди взметнулась белейшая как горный ледник скатерть, а на ней тут же стало появляться всё то, что в летнюю жару столь жаланно исстрадавшемуся организму.

— А как это вышло, что в кабаке дух воздуха прислуживает? — вполголоса поинтересовался он у сноровисто орудующего слуги.

Тот столь же негромко ответствовал, что с хозяином заведения они некогда сражались бок-о-бок в Солончаках, что по ту сторону орочьего хребта. Надавали тогда клыкастым знатно. Ну и, боевое братство не забывается, то да сё — а когда отставному сержанту королевской армии предложили открыть своё дело, то оба побратима решили вложить туда не только деньги, но и руки…

Обе девицы на миг примолкли и выслушали исповедь духа с блестящими глазами и несомненным интересом.

— Без доспехов всё равно чувствую себя как голая, — со вздохом пожаловалась леди Хельга, когда воздушный ловко поклонился напоследок да пока что услужливо принялся работать лёгким ветерком, столь приятно охлаждавшим разгорячённые лица.

Велерина оторвалась от соломинки, через которую с сомнением отведала нечто из запотевшего бокала.

— Да бросьте, голубушка — у ведьмы всё равно невидимая броня куда лучше.

Ларка хоть и нехотя, но всё же получил от обеих разрешение присоединиться за столик. Потому он с видом знатока кивнул и добавил, что ведьминская защита и сейчас есть на леди Хельге. Только, та забыла, как ею пользоваться. Вон, в прежнюю Ольчу бесполезно было из арбалета или лука стрелять. Даже мухи не кусали. Признавали вроде как за часть природы, что ли — им таковое просто и в голову не приходило.

— А вот если бы неправильная муха попалась? — один глаз волшебница закрыла от кокетливого блаженства, зато другой лучился игривым весельем. — Предположим, сумасшедшая?

Разумеется, тут же разгорелся спор — возможно ли мухе сойти с ума, или же насекомое это по определению настолько бестолково, что там и сходить-то не с чего?

Ларка выпал из разговора мгновенно, вместе с покрывшей всё тело холодной испариной. Только сейчас он и начал что-то соображать. Нет, Ольча потомственная ведьма демон знает в каком поколении, тут спору нет — между прочим, в табели о рангах таковая вполне приравнивается к патентованной волшебнице и стоит всего лишь на ступень ниже маркиза. Но с другой стороны… а ведь, прежний барон Эшле чаровницу привечал да отличал от других. Со старой ведьмой из Кривого Урочища даже и не сравнить-то.

А ведь, наверняка имелась в той капелька дворянской крови… то-то насчёт отца молодой ведьмы никто ни сном, ни духом — догадывались лишь, что старая ведьма той приходилась вроде как прабабкой, что ли. Значит, Ольча покойной Гражинке сестрицей приходилась? А что, сходство с бароном есть, и несомненное — вон, такие же светлые глаза и какая-то несуетливая солидность в суждениях. Да и привитые повадки знатной леди пришлись ей впору, как толково пошитая по мерке одежда…

С другой стороны, Велерина как раз из наших, из простых. Хоть и поговаривали злые языки насчёт борделя — но уж очень сомнительно! Очень даже могло быть, что распустили ту баечку специально, дабы направить возможные поиски злопыхателей по ложному следу. Во всяком случае, Ларка таковую тактическую хитрость вполне допускал.

Подкинуть окружающим о себе нечто якобы порочащее — и пусть они грызут тебя за это, наивно полагая что делают больно. А ты знай себе посмеивайся втихомолку над этими недотёпами,

терзающими принятую за истину нелепицу. Люди-то ох как любят почитать себя хоть в чём-то лучше других…

— О чём задумался, поручик? — как-то так сразу сложилось, что Ларка обращался к дамочкам на *вы* да чуть перед ними на задних лапках не ходил — а те взамен беззастенчиво помыкали им, как хотели. Ничего, нас то не задевает, пусть тешат свою злокозненность.

— Да вот, подумалось мне — вон, на той стороне площади Дворянское Собрание вроде бы? Надо бы леди Хельгу подвести к гербовому щиту баронов Эшле, да чтоб с соответствующими словами ладошкой припечатала. Сдаётся мне, что рановато его перевернули…

Выражение лица самой леди в этот момент надо было просто видеть — описанию эта смесь задумчивости и удивления просто не поддавалась. Ещё там имелась капелька досады, остатки злости на так непочтительно обошедшегося с хозяйкою нахала и даже истома по случаю полуденной жары.

— А если вдруг сработает? — спустя некоторое время поинтересовалась она.

Ларка беззаботно поинтересовался — тогда новоявленная госпожа баронесса ему отпустит все грехи? И тут же, решительно взмыл из-за столика.

— Мы на минутку отлучимся, — заметил он крутящемуся над головами духу воздуха и гостеприимно подставил локти обеим леди.

Путь через залитую солнцем площадь показался маленькой пыткой — против воли парень даже посочувствовал статуе короля. Торчи тут как дурак у всех на виду, в любую погоду. Да ещё и голуби…

В галерее славы дворянского собрания оказалось тихо, прохладно и сумрачно. Со стен и простенков взирали хмурые или же весёлые лица, красовались или печально зияли траурной ленточкой оборвавшиеся династии и роды.

— Вот сюда прошу ваши милости, — бесшумно ступающий смотритель в сюртуке с достоинством поклонился и указал в нужную сторону.

Волшебница, утопающая в пене белоснежных кружев и бледно-зелёного пышного наряда, шёпотом подсказала заметно волнующейся спутнице нужные слова. И когда так идущее леди Хельге тёмно-синее платье окуталось нежно светящейся дымкой, а с кокетливо прилепленного над… над турнюром, скажем так — банта слетело несколько искорок, чиновник переменился в лице. Только сейчас до болезного и дошло.

Но сама шалунья с мятущимся личиком уже приподнялась на

цыпочки.

— … эст веритас эччеленца! — громко почти выкрикнув эти последние слова, леди Хельга с размаху припечатала ладонью о середину грустно перевёрнутого щита баронов Эшле.

По всему величественному, притихшему в ожидании неминуемого зданию прошёл неслышный звон. Заплясали в отблесках знойного полудня из окон редкие пылинки, встали дыбом усы у чучела большой полосатой кошки в углу — а зубчатый ободок графский короны на стоявшей в нише статуи в полном доспехе подпрыгнул и с дребезжанием ухарски съехал набекрень.

Щит просиял нежной весенней зеленью, а повязанная поперёк чёрная лента, словно признавая своё поражение, сама собою развязалась и неслышно стекла к ногам нарушительницы спокойствия.

Ларка демонстративно поковырялся в ухе — ещё звенит или уже нет? А потом покосился на набирающую обороты суету вокруг и лишь обречённо вздохнул…

— Ваша милость, вам придётся либо принять на себя титул, равно как все прилагающиеся к нему права и обязанности — либо на расширенном дворянском собрании да непременно в присутствии Его Величества отречься от оного, — канцлер оказался неуступчивым до жёсткости.

Ещё бы! Не так уж часто в истории бывало, чтобы древний род с его печально поникшим и тихо догнивающим щитом вдруг обретал вторую жизнь. Последний пример, это хм-м… да вон, в соседней галерее, герцоги Сеймуры ещё в прошлом веке.

Что ни говори, а знатная оказия вышла — Ларка втихомолку проклинал себя за догадливость, но ещё крепился. На шум, поднятый преисполнившимся от волнения важности смотрителем, тотчас сбежалась немалая толпа всякого титулованого сброда, солдатни да магиков. И когда смутившаяся леди Хельга повторила своё действие, то все доподлинно приметили — пятиугольний церемониальный щит потом сам собою перевернулся на стене правильной стороной кверху. Тут уж, как говорится, шутки прочь. Баронский титул не то дело, чтоб с ним обращаться легкомысленно. А ведь, хоть как ни посмотри, последняя представительница рода…

Ларка незаметно выглянул в окно. Полдень уже старательно перетекал в вечер. И хотя жара только начала спадать, улицы большого города потихоньку обретали свою прежнюю кипучую жизнь. Оживились разносчики воды и фруктов, не такими потными казались физиономии у двух стоявших на посту усачей в драгунской форме, да и — ах, незадача!

— Мы ж за столик не расплатились, — с надеждой шепнул он озабоченному канцлеру, и указал взглядом на ту сторону площади.

Тот с заморенной физиономией досадливо отмахнулся, и получивший хотя бы на время отпущение грехов парень поспешно ретировался из гудящей от магии и голосов залы Дворянского Собрания.

— Ой, да оставьте вы, господин поручик, — добродушно проворчал дух воздуха после того, как за соседним столиком оделил девчушку в розовом капоре вазочкой с мороженым. — Я грешным делом прокрался следом поглазеть — а там такой спектакль бесплатный получился! Прямо тебе цирк на проволоке…

Всё же, Ларка чуть ли не силой всучил тому несколько серебрушек. Дух побренчал монетками и с усмешкой испарился. Как эти существа умели обретаться одновременно в астральном и материальном плане, а по желанию и вовсе целиком уходить в *неощутимость*, до сих пор оставалось великой загадкой. Те особо не скрывались, и даже вроде помогали учёным мужам и магикам в исследованиях — да толку чуть. Как сказал тот надпоручик из Академии, за века уже исписали бумаги хоть бы и на хорошую библиотеку. Однако по поводу, как же всё оно на самом деле обстояло, научная братия до сих пор пребывала в тягостном недоумении…

— На королевскую грифонятню, да чтоб с ветерком! — устало обронил он извозчику.

И едва домовёнок со слипшейся от жары влажной шёрсткой забрался следом в пролётку, как возница с лихостью щёлкнул кнутом, и ошалевшие от жары кони рванули с места вскачь. Да уж, не зря в столичную гильдию извозчиков и ломовиков брали только самых отчаянных — по разморенной от зноя улице полетели с лихостью.

Стены прежних городских укреплений, давно уже оказавшихся внутри разросшейся с той поры столицы, пришлось огибать почти на противоположную сторону. То ли из ностальгических соображений старое оборонительное сооружение поддерживали, то ли ради вящей безопасности — хотя, лично Ларка предполагал, поглядывая на мелькавшую справа добротную кладку, что просто поскупились на разборку. Уж такое, сложенное не столько на известковом растворе сколько на магии, просто так не разваляешь. Сто потов сойдёт.

Расплатившись, поручик со свойственной солдатам решительностью нырнул в первый попавшийся проулок. За медяк босоногий мальчишка тут же отвёл господина офицера к такой

себе старушенции, и та с лёгким сердцем да полученною серебрушкой в ладони приютила на ночь пару постояльцев. А за вторую монетку даже накормила сытным ужином.

— Что, малыш, не пожалел ещё что у меня служишь? — кое-как сдерживая зевоту, Ларка стянул с себя сапоги. — Нескоро мы с тобой своим собственным домом обзаведёмся…

И с лёгким сердцем собрался спать — день выдался куда как хлопотным. Ещё утром парень прощался с секунд-майором почти в самой середине светлого королевства. Негадано-нежданно вылетел во дворяне, зато в качестве компенсации обрёл двух куда более опасных нежели гремучая змея врагов. Или врагинь? Ай, ладно — Ольче вроде теперь и несолидно с высоты баронского трона мстить так мелочно. А Велеринка… он вспомнил тихо пылающие ненавистью глаза волшебницы и не без вздоха признал, что рано или поздно всё одно поцапались бы. Просто суждено.

Шустрый как и весь их род домовёнок уже справился с мелкой вечерней работой. А теперь, переминаясь с лапки на лапку на половичке у порога, смиренно поинтересовался — будет ли ему разрешено до утра отлучиться? Тут, кузен говорил, на соседней улице знатный кабак имеется… ну просто грех побывать в столице и не учинить драку или ещё какое непотребство!

Правда, уже засыпающий Ларка больше полагал, что его денщик скорее всего завалится под бочок к какой домовёнке.

— Как ты их только отличаешь-то? По мне, все вы одинаковые, такие же маленькие и лохматые… ладно, за час до рассвета ты уже здесь.

Малыш на прощание старательно поклонился и добродушно проворчал — дескать, по запаху отличает. После чего исчез так бесшумно, что впору было бы заподозрить, что на самом деле то один из духов.

— По запаху? — Ларка мимовольно припомнил, как же порою уютно и привлекательно пахнут фемины. Не их парфюмы и прочие изыски — а они сами. И со вздохом перевернулся с боку на бок. Так, отставить, поручик!

А потом, старательно отогнав все эти так и лезущие сладко в голову грешные мысли да побуждения, он обнял подушку и с лёгким сердцем уснул.

— И как же вы это меня нашли, ваше превосходительство? — Ларка напоследок душераздирающе зевнул. Хоть он вчера и лёг спать пораньше, но зато и проснулся в тот час, когда на восходе лишь начала разгораться утренняя зорька.

Посреди комнаты по-хозяйски расположился собственною персоной канцлер в его неизменно чёрном элегантном камзоле с

кружевами. А подавший ему кресло домовёнок на всякий случай забился затем под стол и теперь настороженно зыркал оттуда на манер большого лохматого кота.

Канцлер пренебрежительно усмехнулся и как бы в сторонку снисходительно заметил, что в столице любая консьержка или дворник почитают за честь постукивать в тайную службу. Не из одного лишь патриотизма — за звонкую монету и послабление в податях, само собою…

— Да и зная ваш прагматизм, поручик, стоило лишь чуть поискать вокруг королевской грифонятни — дескать, чтобы с утра не нестись сломя голову через пол-города… вот и всё.

Последнее обстоятельство настолько не понравилось парню, что он снова приоткрыл так и норовящий вновь смежиться глаз. Это что же, полностью предсказуем стал? Непорядок… потому он решительно выпрыгнул из постели и принялся споро облачаться.

— Ну что, малыш, кабацкую драку организовал? — уже запрыгивая в сияющие сапоги, подмигнул он домовёнку. А, чёрт — чуть этот дурацкий золотой пояс не забыл…

Два чёрных глаза смущённо моргнули в ответ. Зато канцлер хохотнул и непринуждённо заметил — у порога дома уже мается владелец сгоревшего питейного заведения на пару с околоточным надзирателем. Оба с видом несчастным и слегка помятым.

— А ещё две весьма интересных и высокопоставленных дамы — и пусть я буду проклят, если от них вам удастся отделаться столь же легко.

Что ж, иные намёки следовало понимать со всей тщательностью. А потому Ларка не стал затягивать с завтраком. Коль канцлер со всею определённостью заявил, что обе проказницы отправляются с ним, тут уже стоило отнестись к иным предупреждениям со всею надлежащей серьёзностью. Наскоро перекусив и даже залив сверху стаканчик лёгкого вина, он озаботился на поясе верным бастардом. И почтительно пропустив высокопоставленного гостя вперёд, следом за ним сбежал по ступеням вниз.

— Сколько? — почтенный содержатель кабака да служивый стражник не сразу поняли сущность вопроса и даже переглянулись.

Впрочем, почти сразу на их физиономиях разлилась эдакая смесь задумчивости и предвкушения. Многомудрый канцлер понимающе усмехнулся и очень кстати сделал вид, что отвернулся и занят увлекательнейшей беседой с дамами в золочёной карете. А поручик не мешкая выписал поручительный вексель в банк — на вполне интересную даже по столичным меркам сумму — и отправил изрядно повеселевшую парочку

пострадавших подальше. Коль скоро, по дворянскому уложению, за проделки слуги отвечает господин, то и отдувайтесь теперь, ваше превосходительство.

— Без холодных хоть обошлось? — Ларка скосил глаза на доверчиво прижимающееся к ноге мохнатое тепло и ласково потрепал малыша по лохматой макушке.

Домовёнок старательно и с самой сияющей мордашкой закивал, а парень некстати подумал — маются ли те похмельем? Один учёный муж из Академии как-то обмолвился, что собакам, к примеру, таковой недуг неведом. Не так устроены, что ли.

Он распахнул золочёную дверцу кареты — и едва не упал обратно, в ещё клубящийся по улочке утренний туман. Не столько от отшибающего нюх и соображение убойного аромата дамских парфюмов (между прочим, вполне могущего быть приравненным к особо опасным заклинаниям массового поражения, запрещённым международной Эльвенхеймской конвенцией)…

На всякий случай Ларка втихомолку протёр глаза. Куда только и подевались вчерашние чопорные, больше похожие на притягательные и в то же время опасные игрушки знатные леди?

На опешившего поручика уставились две пары блестящих любопытством глаз. Вместо давешней волшебницы на бархатных подушках кареты теперь восседал смазливый корнет от инфантерии, и при одном только взгляде на эти достойные гоночной яхты или песочных часов изящные обводы так и хотелось дать волю рукам да своими ладонями хорошенько потрогать это чудо в мундире. И лишь знакомый голубой взор всё так же пытливо сиял из-под ныне каштановой чёлки.

Зато миледи вырядилась в лучшие изделия столичных портных (и когда успели-то?) и теперь поражала взгляд буйством красок и фантазии. Вообще ничего, со вкусом. Вполне себе изящная длинноногая… как там сказала вчера Велерина? Столичная штучка! Но при одном только взгляде на ярко-розовые штанишки немыслимого фасона у Ларки сразу засвербело в носу и отчего-то припомнился ему давешний сладенький молочный коктейль. Он нерешительно улыбнулся.

— Готов, — насмешливо процедила леди Хельга и растеклась на вишнёвом бархате ещё непринуждённее.

— Господин канцлер, — осторожно процедил в сторонку сглотнувший комок Ларка. — Не окажете ли мне честь познакомить меня и представить этим… гм-м, леди?

За это "гм-м" его тут же едва не прибили и не испепелили на месте, однако канцлер вовремя пришёл офицеру королевской армии на выручку. Судя по его роняемым с еле заметной

усмешкой словам, вот этот оксюморон (между прочим, в пехоте не существовало кавалерийского чина корнета) утверждён лично по представлению полковника Блентхейма и закреплён августейшим указом. Человека знающего насторожит и заставит призадуматься вмиг, а простофилю… да пусть над могилкой потом иные плачут.

— А насчёт высокого, полагающегося по праву рождения титула миледи обещала крепко подумать. Леди Хельга, миледи Тэйл, урождённая баронесса Эшле — а что, звучит! — он подмигнул означенной расфуфыренной в пух и прах леди.

Ларка хоть ещё и не совсем разогнал в голове утренний туман сонной одури, но сообразил быстро. Вытребовав у стоящей в стойке на крыльце старушенции перо и бумагу, он вмиг изобразил честь честью оформленное поручительство — даже канцлер, озадаченно крякнув, черкнул внизу свою завитушку. И теперь к баронскому титулу (ежели такой милостиво согласятся на себя возложить) прилагалось чертовски вкусное количество крон в королевском банке.

— У-у, ради такой суммы я бы даже и на графскую корону согласилась, — волшебница не была бы самой собой, если бы не полюбопытствовала документом. Она откинулась обратно на подушки и с шутливой досадой вздохнула. — Да вот, что-то никто не предлагает…

Бровки самой миледи восхищённо воспарили при виде суммы с шестью нулями и прилагающейся к оным единичкой впереди. Справедливости ради стоило отметить, что леди Хельга ещё посомневалась немного — ведь это означало, что некий мот и расточитель остаётся без гроша? Но канцлер с присущей ему решительностью (не иначе как в своё время тоже хлебнул армейской службы) пресёк таковые поползновения на корню.

— Я бы ни за что не решился назвать одного поручика нищим, даже стоя посреди подвала с золотым запасом всего королевства.

Ларка не дрогнув выдержал этот лучащийся показным добродушием взгляд. Ну да, ещё бы! Недавно железо стоило куда там золоту — а нынче ненамногим дороже бронзы. И каких потрясений экономике медного королевства то стоило, оставалось лишь догадываться, поглядывая на озабоченные физиономии министра финансов да гуськом семенящих за ним банкиров и гильдейских купцов. Так что, если некий кузнец учудит ещё хоть что-то подобное, означенные денежные воротилы дружно и всем скопом повесятся с тоски.

— Так что, соглашайтесь, миледи Ольча, — волшебница не преминула и себе показать умение упаковывать слова и понятия в

лихо закрученные фразочки с двойным смыслом и даже потайным дном.

В свою очередь, означенная леди, уже находившаяся в шаге от головокружительных высот, тоже не отказала себе в удовольствии покрутить в сомнении носиком с опять выступившими от интересной бледности веснушками. Взгляд серых глаз бесстрастно скользнул по банковскому поручительству с условием, на миг задержался на обоих едва не затаив дыхания ожидавших решения мужчинах. Леди Хельга беззаботно откинулась на подушки вишнёвого бархата (между прочем, карета из конюшен Его Величества!) и, ханжески задрав взгляд вверх, обречённо вздохнула.

— Ладно, я… подумаю.

Ах ты, коза вередливая! Ларка едва не высказал опрометчиво вслух дальнейшее то, о чём и думать-то следовало с оглядкой. Потому он подсадил в карету домовёнка, заметив тому чтоб охранял дамочек, а сам в сопровождении величественного канцлера направил стопы в сторону королевской грифонятни.

Башня эта своими выдающимися размерами и шириною как раз подходила под означенное назначение. Некогда могучий бастион обороны, нынче она служила своею верхней площадкой под эдакую летучую почтовую станцию.

Одолев нарочито впереди обеих дам невесть сколько витков идущей внутри лестницы, мужчины забрались наверх. Правда, от стражи да тихарей в штатском на всём пути оказалось просто не продыхнуть, но канцлер одним взглядом уладил все только могущие возникнуть сомнения. А Ларка… что ж, ко всему можно привыкнуть — потому он вполне великосветски проигнорировал все эти недоразумения. Проводив взглядом королевского курьера с полной сумкой приказов, отбывшего на грифоне в передовые части, он повернулся к своему знатному спутнику.

— Что ж, поручик — устройте там… нечто, — напутствие канцлера оказалось весьма кратким.

Обе дамы уже расположились на спине грифона с редкостным среди тех бронзового оттенка оперением. Причём настолько естественно и непринуждённо, будто им каждый день приходилось с плохо скрываемой скукой только этим и заниматься. Ларка не мешкая забрался следом.

И в тот миг, когда выглянувшее с восхода светило высекло золотые искры из глаза грифона, тот с гневным клёкотом приподнялся и сиганул через зубцы башни.

Булыжная мостовая приближалась с неумолимостью урагана, и от этого весьма, стоило бы заметить, жутковатого ощущения обе леди завизжали со всей возможной в их положении резвостью.

Ларка и сам струхнул, глядя вперёд и зачем-то вцепившись в жёсткие перья. Но в самый последний миг грифон величаво, словно нехотя развернул орлиные крылья — и невидимая сила тотчас зашвырнула летунов в пылающую на пол-неба утреннюю зарю.

Погонщик обернулся и весело оскалил зубы. Совсем ещё мальчишка, он неминуемо получил бы по шее и куда ниже… если бы потом оказалось возможным лететь без него. Потому Ларка, успевший сообразить, что эдакая манера взлетать у грифона вроде особого шика или клейма мастера, сердито показал магику кулак да этим и ограничился.

— Не извольте гневаться или сомневаться — Игл один из самых опытных грифонов. С характером, правда… — тот ласково потрепал подопечного по шее и неожиданно добавил, что нынешние седоки грифону, похоже, весьма понравились.

Поколебавшись, но так и не решив — последние слова профессиональная лесть или же доверительно поведанная истина — Ларка решил не заморачиваться. Одного взгляда вниз оказалось достаточно, дабы убедиться — огромный город давно уже провалился в туманную дымку и куда-то назад. Стоило признать, что слова беззаботно восседающего на грифоньей шее хулигана оказались правдой хотя бы отчасти.

Могучий Игл нёсся так, словно за ним с глумливым хохотом гнались все демоны ада. Мало того, грифон всё ещё набирал высоту, будто лететь предстояло не через пол-материка, а прямиком на небо, в обитель богов, повелителя ветра или по крайней мере духов воздуха.

Он даже успел вспомнить, как ещё в его сопливом детстве кто-то из дедов поведал разинувшей от почтения рты стайке ребятни, что гром он не просто так! В общем, тучи друг об дружку стукаются на небе, вот оно с искрами да грохотом и пугает наши дурные головы… он даже зажмурился, когда бешено мчащийся грифон вовсе даже не подумал свернуть, когда на его пути оказалось пушисто-воздушное облако.

Но, в полном соответствии со словами учёной дамочки из Академии, никакого грохота и небесного огня тут не приключилось. Игл пронизал оказавшееся весьма немалым облако даже не заметив. На несколько мгновений стало сумрачно, и в окружившей воздухоплавателей белесой мути отчего-то так и хотелось вздохнуть полной грудью.

Во всяком случае, обе леди тоже постарались в этом отношении — вон, от усердия у миледи даже верхняя пуговка на шёлковой блузке выпрыгнула. А ничего смотрятся эти кружавчики, и даже весьма…

— Что, никогда не приходилось так высоко забираться? — с улыбкой отвернувшийся Ларка нехотя кивнул вопросу погонщика, осторожно изучая взглядом оказавшиеся сверху столь белоснежными барашки редких облаков.

Тут оказывалось даже повыше, чем когда он однажды сдуру забрался на Орлиный Пик в поисках понадобившихся старой ведьме цветов с мохнатой шубкой. Для какого-то жутко головокружительной сложности зелья — и представьте, нашёл-таки! Трое суток лазил там словно неприкаянный, однако неожиданно потеплевший взгляд ведьмы по возвращении того стоил.

— А зачем так высоко забираться? — обе леди переглянулись с тем ещё хитрым видом, как умеют только они, а затем неожиданно занялись эльфийской медитацией. То есть, уселись даже не скрестив а вообще едва не завязав узлом ноги. Руки на колени, большими пальцами и мизинчиками изображать колечки, а блаженно щурящимися мордашками неописуемое блаженство.

Погонщик изрядно развеселился при виде этакого дива (благо леди глаза прикрыли) но ответствовал в том духе, что на высоте воздух не такой сгущённый как у земли. И можно, соответственно, лететь быстрее.

Прикинув мысленно по услужливо развёрнутой воображением карте, Ларка внутренне согласился — тут предстояло одолеть разика эдак в три побольше, чем в прошлый раз от Норреброгеде. А следовательно, ни малейшей нужды тащиться так потихоньку не возникало.

Мальчишка-магик наклонился к шее своего грифона и о чём-то с тем пошептался. Из его дальнейших слов следовало, что Игл может забраться вообще ввысь — там есть попутный шторм, и можно ещё сократить время.

— Но он поставил условие, чтобы уважаемые седоки… — он помялся чуть, но продолжил. — В общем, чтобы никто от страха не испачкал ему спину.

Леди Хельга выразила всю глубину своего презрения одним лишь чуть приоткрытым глазом — но оба парня вздрогнули от просиявшего изнутри неистового полыхания расплавленного золота. Вот уж… сейчас такая просветлённая платунг тяжёлой конницы одним жестом разметает — и не заметит.

Неприлично смазливый корнет лишь пренебрежительно фыркнул и дёрнул носиком. И погонщику ничего не оставалось, как пожать тощими плечами да вернуться вниманием к своему обожаемому грифону.

Мощные, мерно рассекающие воздух удары крыльев стали немного чаще. А позади, насколько успел понять оглянувшийся

Ларка, и вовсе оставался тонкий длинный туманный следок возмущённого и истерзанного воздуха. Словно седая ниточка тумана, он тянулся вдаль за дерзкой полуптицей и её седоками. А впереди… впереди и чуть справа над дрожащим от натуги маревом восходило солнце, и более величественного зрелища, не смягчённого толщей воздуха, парню давно уже не приходилось видеть.

Небо потемнело. Нет, откровенно налилось фиолетовой чернотой, и из него на забравшуюся в такие горние выси процессию удивлённо моргали звёзды. Яркие, колючие до остроты, они зябко поёживались от одной только мысли, что кто-то подсматривал за ними днём.

Орлиные голова и крылья постепенно озарились нежно-золотистым, медленно стекавшим к хвосту сиянием — то лучи утреннего светила нежно приласкали своего сына. Правду, наверное, говорят, когда при упоминании о грифонах добавляют ещё два слова — золото и солнце.

Но поручик уже спал. Положив вместо подушки под ухо мохнатого и уютно-тёплого домовёнка, он с воистину солдатским умением прихватывать сна везде где только уместно, уже оказался далеко от еле заметно вздымающейся и опадающей спины грифона. Там, куда одна лишь только мысль может забраться дерзко и быстро…

— И как это прикажете понимать? — Ларка озадаченно пощупал свой лоб при виде этакого дива — но жара у него вроде бы не наблюдалось.

Согласитесь, когда твой личный домовёнок, за последние пару лет ставший уже чем-то привычным вроде собственной ладони, вместо спутанного клубка мохнатой шерсти вдруг предстал в вычищенном заклинанием до лохматой пушистости виде, неприлично чинным и с выжидательно хлопающим глазищами — тут впору и озаботиться. Окончательно поручика доконал кокетливо повязанный на левое ухо розовый бантик.

Госпожа Велерина философски вздохнула, и с обречённостью в голубых глазах передала леди Хельге золотую монету в десять крон.

— Что ж милочка, вы выиграли спор — не догадался…

Поручик ещё некоторое время обречённо хлопал глазами на этих сумасбродок, поспоривших на монету, за которую в некоторых местах поглуше могли ночью и прирезать спокойно.

— О, я тоже так умею, и даже лучше, — волшебница беззастенчиво послала ему *особый* взгляд, сделала губки бантиком и так захлопала ресницами чуть склонив голову набок, что на ум сами собою полезли байки насчёт длинноногих

блондинок с голубыми глазами и соображением куклы. Правда, Ларке отчего-то подумалось — натуральные блондинки таковыми являются и *там*, в интересном месте, тоже? Как-то ему раньше не попадались… Но он старательно отогнал таковые грешные мысли подальше и скорчил в ответ самую постную физиономию.

А всё же, если леди ожидали его вопросов или хотя бы демонстративной капитуляциии неглупого мужчины перед капризами пресловутой женской логики, то они крупно ошиблись. Хотя, нет — обе переглянулись и одобрительно кивнули в ответ на некие соображения. Впрочем, тут Ларка догадался. Все трое поняли сам собою витавший в воздухе намёк насчёт "если женщина хочет чего сказать — то непременно скажет".

— Не дурак. Я ведь кому ни попадя в плен не сдалась бы, — с намёком подчеркнула леди Хельга с одною лишь бледной тенью улыбки на устах, и волшебница неохотно кивнула.

Всё выяснилось и объяснилось до идиотизма просто. Разумеется, Ларке никогда и в голову не приходило поднять своего слугу за нижние лапки, подуть в мех да придирчиво рассмотреть, чего же там природой-матушкой предусмотрено… короче, домовёнок оказался домовёнкой.

— О-о, а заалелся! Запунцовел эдак пикантно! — обе леди неделикатно отняли ладони хозяина от его щёк и с весёлым хохотом принялись разглядывать смутившегося донельзя поручика королевской армии. Представляете этакую хохмочку и зрелище?

…! …! …! (вырезано цензурой) а он ведь не стеснялся при слуге в *растудыть* загнуть, колыхнуть тайком воздух или присесть под кустиком по большой нужде. Ох, стыдоба-то какая…

— Малышка, прости — честное слово, не знал, — он присел на корточки перед удивлённо разглядывающей его домовяшкой и осторожно взял ту за мохнатую лапку.

— А за что вам просить прощения у слуги, ваша милость? За то, что за два года ни разу сапогом не пнули? Или за то, что всегда делились со мной последним куском? Вместе недоедать и мёрзнуть приходилось, наверное вам даже чаще… — благоухающая парфюмами служка доверительно обняла оказавшегося почти одного с нею роста Ларку и возбуждённо зашептала в ухо. — Да мне почти все наши тааак завидуют… только, на людях больше не можно так престиж ронять да с простолюдинами панибратствовать.

И мягкая лапка с намёком коснулась сияющего золотой вышивкой дворянского пояса.

Очуметь можно, господин поручик… да уж, подумать есть

над чем. Как это возможно — обидеть того кто слабее, или в твоём дурном настроении даже если и виноват? Неужели разделить с преданным слугой скудную и для одного трапезу — это достойный легенд подвиг?..

Грифон давно растаял в полуденном мареве, порадовав напоследок глаз отблесками благородной бронзы. Десяток пудов дамской поклажи Ларка с него скинул вместе со своим тощим сидором и мечом — однако, по-настоящему проснулся только сейчас. Такой слуга это почти друг… но есть слова, которых не произносят. Парень лишь легонько подул в шёрстку, а затем незаметно чмокнул в обнаружившийся там розовый, совсем кошачий нос.

— Мы с тобой друг друга понимаем, малышка? И это главное, — когда расстроганно моргающие чёрные глазищи напротив подозрительно заблестели, он мягко улыбнулся напоследок и встал, ласково взъерошив макушку доверчиво прижавшегося к ноге существа.

Отчего иногда так сладко щемит сердце?.. Размякли вы, господин поручик, вот что — надо срочно срубить головы паре-тройке до зубов вооружённых святош. Да только вот, на плоской, удивительно ровно срезанной прихотью природы или заклинанием некоего магика макушке горы таковых супостатов что-то не обнаруживалось. На торчащей посреди океана большой скале только и обретался поручик королевской армии в окружении романтически взволнованных фемин. Да от кое-как прислонившегося внизу к островку кораблика по тропинке спешил сюда некто, свойственной бывалым морякам походкой вразвалочку.

Это чтоб при качке не упасть, что ли? Профессиональное?

— Рад приветствовать ваши милости! — подоспевший снизу с достоинством поклонился, придерживая на боку шпагу, и оказался рослым капитаном средних лет с весьма довольной жизнью загорелой физиономией. Он представился. — Лорд Хок — и один из лучших моряков. Причём, официально не состоящий на службе короля.

Последние слова не заставили бы насторожиться разве только тупицу. Но таковых тут не было — вон, даже спрятавшаяся за ноги хозяина домовёнка одобрительно оскалила зубки. Дамы снисходительно позволили лорду облобызать свои ручки, поручик без лишних велеречий обменялся с тем рукопожатием, а прибывший последним Хок и вовсе не стал изощряться в этикетах.

— Так что там удумали эти умники в столицах? — поинтересовался он без обиняков и пояснил — за простой

надобностью опытного потомственного морехода не гонят на край света.

Ларка достал карту и ткнул пальцем в одно лежащее ещё дальше на полночь и чуть закат место на побережье святого королевства, куда лететь грифоном было невозможно. Далеко и чересчур опасно. А в ответ на чуть недоумённый взгляд и лёгкое пожатие плеч он пояснил — два дня сроку отведено, и чтоб посторонние о таком рейсе не проведали.

Лорд Хок словно в сомнении посмотрел вниз, на покачивавшийся в свинцовых волнах словно игрушечный кораблик. Достал трубку, прикурил её от одного только взгляда смазливого корнета, и крепко задумался.

— Знаете, это больше смахивает на вызов моей репутации. Но, если ветер благоприятный будет… можно попробовать.

Госпожа Велерина еле заметно качнула из стороны в сторону своей каштановой чёлкой. Ну, тут понятно — боевой магичке проще ураган или смерч вызвать, нежели устойчивый попутный ветер. И тогда взгляды сошлись на скромно помалкивающей пока леди Хельге.

— Мне придётся для того вознести святую молитву, хотя бы краткую, — нехотя признала она.

Поручик и капитан после обмена мнениями сошлись на том, что таковое дело ещё и прикрытием отменным послужит — уж святоши если и почуют близкие трепыхания Сил, то пакость нипочём не распознают. Это ж не магия, и не ведьминское чародейство? То-то и оно… дамы еле успели прикрыть ладонями ушки и старательно поморщиться, когда лорд Хок с высоты скалы так гаркнул вниз, что испуганные чайки с возмущёнными воплями взмыли изо всех щелей горы.

Если опустить посылы и отсылы ко всем морским чертям, рогатым русалам да прочей пакости, капитан всего лишь вытребовал сюда пяток матросов перетащить багаж. Леди Хельга доверила вести себя вниз под ручку бравому моряку — зато женственный корнет с вызовом посмотрел на Ларку. И таким ожиданием полыхнули голубые глаза, что тому ничего не оставалось делать, как под неодобрительным взглядом шкипера свернуть руку-локоть бубликом да предложить этому… гм-м, юному нахалу.

— Колись, Ларка — что мне ещё надо, чтоб безо всякой моей магии любой признавал во мне парня, а не напялившую мундир женщину? — признаться, после такового вопросика от игриво прижавшейся волшебницы поручик споткнулся и едва не загремел вниз — прямо на спины спускавшейся впереди паре и нескольким матросам с поклажей ещё ниже.

— Грудь замаскировать само собой… Запах, — подумав, добавил он. — Никаких парфюмов. Чуть-чуть пота — но не застарелой кислятины, а здоровый такой запах, хороший. Можно вином или табаком приправить. Надеюсь, вам знакомы такие ароматы?

Какую мордашку скорчила волшебница, это надо было видеть. Именно что скуксилась. Но всё же, спустя несколько шагов она нехотя кивнула.

— Чуть ниже голос — и более спокойную манеру говорить? — неизвестно, у каких лицедеев волшебница выучилась такому искусству, но сейчас она произносила слова точно, как мог бы её, допустим, брат. Вроде и похоже на сестру, но чуть-чуть.

— Но главное, манера себя вести… даже образ мышления и действий, — Ларка уже начал догадываться, что тут за бал-машкерад затеян.

Похоже, знаменитая во всём медном королевстве и далеко за его пределами волшебница-в-розовом вознамерилась пробраться *туда* неузнанной. А что, хороший сюрприз супостатам выйдет в случае чего? Если верить кое-каким обмолвкам полковника Блентхейма, в одних местах этой леди ставили памятники и слагали о ней легенды. Зато в других пугали ею детей, а голова оценивалась в весьма кругленькую сумму.

Госпожа Велерина на этот раз думала уже куда дольше. Спускавшиеся уже обогнули бок горы, где наверняка просто вырубленная в камне тропинка углубилась в скалу на пару шагов. И когда Ларка уже начал надеяться, что так оно тихо и пройдёт до самого корабля, волшебница всё-таки отозвалась.

— Манера вести себя, менее агрессивная словами — но больше делом? И чуть ли не демонстративная этакая готовность самца беззастенчиво и в любой миг задрать подол какой-нибудь прелестнице? Да по малейшему поводу за клинок хвататься?

Поручик покивал и усмехнулся в усы.

— А если ненароком выйдет наоборот — какая-нибудь святая сестра, любительница юнцов, сластолюбиво полезет в чьи-то корнетские штаны?

Острый взгляд ожёг левую щёку словно пощёчина. Ну, что эта дамочка к *девяткам* не имела и не имеет никакого отношения, Ларка мог бы догадаться и сам. Но что это вызовет такой всплеск брезгливости?

— Ладно, я придумаю что-нибудь, — госпожа Велерина успокоилась так же быстро, как перед тем и вспыхнула.

Корабль вблизи оказался весьма немаленькой двухмачтовой посудиной, довольно соразмерной на вид. Впрочем, Ларка лишь в

своих кузнечных делах разбирался хорошо — а в морских примерно как в дамских фасонах. То есть, никак. Прищурившись, он поглядел в вышину с пугающе тонкими мачтами и верёвками, куда проворно полезли муравьями матросы в своих шапочках с помпонами и привязанными к поясам раскладными ножами.

Капитан Хок заметно приободрился на палубе своего любимца. Кстати, корабль именно так и назывался — "Любимец ветра", как прочёл перегнувшийся через перила на заду поручик. Правда, знак порта приписки трудно было разобрать под таким углом, да ещё и вверх тормашками… и Ларка махнул на эти любознательные потуги рукой.

А корабль уже, как оказалось, снялся с места и отошёл от одинокой скалы на приличное расстояние. Как пояснил пробегавший мимо матрос, "якорь не отдавали, ваш-милость! Реи обрасопили да на швартовых балансировали с-под ветру". Что означала эта, по глубокому убеждению поручика, полная ахинея — ему оказывалось решительно невдомёк. Но кивнул он с самой умной физиономией и жестом отпустил приплясывавшего от нетерпения моряка. Но по крайней мере, зад корабля оказался на самом деле кормой, и то хорошо.

Физиономия капитана, когда тот над картой советовался с леди Хельгой по поводу каких-то там узлов и бакштагов, слабо поддавалась описанию. Недоверчивость, брезгливость так чудно перемешались с весёлым удивлением… Но в конце концов миледи осторожно согласилась с каким-то зубодробительным азимутом, и каблучки её застукотели по палубе в опасной близости от затаившегося возле кормового флага Ларки.

— Брысь, — равнодушно уронила та особым тоном, когда-то специально оговоренным и ныне означавшим "безоговорочно, я тут разбираюсь куда лучше".

И вдохнула воздуха.

Ларка не заставил себя упрашивать или ждать. Если святая сестра намерена маленько поколдовать с ветрами или течениями, пусть её! Он быстренько сбежал по широкой лестнице с кормового возвышения на основную палубу. Послонялся там меж каких-то странных верёвок и непонятного назначения устройств. Пару раз едва не получил в лоб и поддых от носившихся матросов — те буркнули на бегу "виноват-ваш-милость", но уж слишком похожим на проклятия тоном.

А то будто не слыхал он, как матюгается перебравшая или же недобравшая рома матросня… Над головой бесцельно полоскались огромные серые полотнища парусов, матросы все куда-то подевались, а поручик забился в узкую щель между зачем-то поднятой сюда лодкой и каким-то ящиком и теперь тоскливо

смотрел в море.

Самое главное он едва не пропустил. С кормы, почти не видной отсюда, вымахнул яркий, так непохожий на солнечный, свет. Не желтовато-золотистый, а снежно-белый, резкий и беспощадный.

— Надеюсь, Ольча, ты не решила утопить нас тут сразу всех, как крыс, — по спине от близких святых дел пробежали знакомые мураши, а виски сразу вспотели.

Да только, это оказалось лишь приправой перед основным блюдом. И вот тут только началось такое, что Ларка потом ничуть не удивился бы, если б оказалось, что его офицерские брюки немного промокли в известном месте.

Горизонт со стороны восхода вдруг как-то странно приблизился и стал подниматься. Исполинская волна, пришедшая по воле вытянувшейся в струнку и сияющей неземным светом святой сестры, уже поднялась наверняка выше самого корабля. И всё ещё продолжала расти, как сообразил вспотевший Ларка. Вся его сущность ощетинилась, съёжилась и даже окрысилась в преддверии столь грозной опасности, а уже просвечивавшая зеленью волна только сейчас игриво колыхнула верхней частью… и опрокинулась на крохотную по сравнению с нею двухмачтовую скорлупку.

Вжав голову в плечи и зажмурив глаза, бравый поручик изо всех сил вцепился во что-то, словно не понимая всю тщетность этого занятия. Втихомолку он уже прикидывал, в каких выражениях примется на том свете высказывать Ольче всё своё, мягко говоря, недовольство… а тем не менее, был всё ещё жив.

Волей-неволей пришлось открыть глаза и осторожно оглядеться. Вокруг странным образом потемнело. Впрочем, ничего странного, если учесть, что волна причудливым образом обернулась вокруг корабля, из-за чего он оказался словно заключён в исполинскую бутылку наподобие виданной в кунсткамере модели. Вон, и солнце дробится да просвечивает через бутылочную зелень водяной толщи.

Спереди и сзади оказалось чисто. Почти круглое пространство, и даже горизонт виден сквозь носившиеся в воздухе брызги и пену. И вот в одну сторону леди Хельга и махнула повелительно своею сияющей ручкой.

Только сейчас Ларка и сообразил, что уши у него давно заложило от бешеного воя. То управляемый ураган тысячей демонов завывал и свистел в корабельных снастях, словно неистовый конь дожидаясь — когда же его пристегнут к какой-нибудь упряжке. Матросы снова проворно забегали словно тараканы в горящей избе, однако на этот раз из их суеты почти

сразу обнаружился толк.

Гулко и туго грохочущие паруса поползли по реям и снастям, сразу забирая ветер и вздуваясь надменно выпяченными полотнищами. Словно мягкая лапа невидимого зверя упёрлась кораблю в задн… ах да, в корму — и палуба под ногами дрогнула. Сразу пришло ощущение движения.

Оказалось, что если перегнуться через фальшборт (это слово Ларка запомнил почему-то быстро), то корабль уже мчался в этой исполинской водяной трубе, сквозь которую с недовольным рёвом протискивался ветер. От носа разбегались пенные буруны, и судя по тому, с какой скоростью уносились назад крутящиеся на воде воронки, даже скакун эльфийской породы тут отстал бы.

— Хорошо идём! — обнаружилось, что капитан Хок с развевающимися волосами и лучащейся удовольствием физиономией оказался уже здесь. Ну что ж, непонятно, что ли — хозяин всюду должен глазом своим посмотреть. А тот и в самом деле, пригляделся вверх и приказал выбрать какой-то там трам-тарарам-шкот.

Матросы отозвались небольшой беготнёй, чего-то там подтянули, и на том успокоились. А рёв урагана не то чтобы слабел — он словно уходил куда-то, за пределы этого мира. Вот уже стало слышно неистовое хлюпанье и шипение разрезаемой носом воды, дребезг и скрип снастей, и даже голос боцмана, который плёл какие-то бензеля и рассказывал помогавшим матросам не совсем уж чтобы приличную байку. Вполне молитвенная тишина накрыла всю палубу…

По лестнице с кормы устало спустилась леди Хельга, придерживаясь рукой за (как же оно называется?) перила, в общем. Лицо её оказалось чуть бледнее обычного, но она деловито-небрежно стряхнула с себя остатки небесного света. Скомкала это сияющее воздушное нечто в ладонях, а потом под десятками настороженных и удивлённых взглядов просто уронила за борт.

— На сутки силы святой молитвы хватит, капитан — а потом придётся снова что-нибудь придумывать, — голос её звучал спокойно. — Повторно одно и то же сразу не получится.

И тем не менее, лорд Хок тотчас рассыпался перед дамой в тысяче любезностей, благодарностей и смущённых похвал. Право, словно кто с размаху рассадил о скалу бутылку калёного стекла — каждое слово искрилось своим блеском неповторимого велеречия. Капитан предложил леди руку и лично, с горделиво расправленными плечами проводил ту в каюты.

"Ну да" — подумалось одиноко оставшемуся в своём закутке и всё время молчавшему как неотёсанный дундук поручику. —

"Ну да, профессионализму почёт и уважение, невзирая на политические и прочие взгляды"

Ночь прошла кое-как. То есть, обе леди безмятежно проспали в каюте, которую капитан непонятным для себя образом сам же и предложил освободить — разумеется, от себя самого. Экипаж занимался своими делами, стоял вахты или спал в подвесных гамаках. Но Ларка с несчастной домовёнкой околачивались на палубе, стараясь далеко не отходить от борта — и при первых же позывах желудка на пару стремглав бросались туда. Отчего-то именно их двоих, как личностей насквозь сухопутных и донельзя приземлённых, укачивало даже это еле заметное колыхание мчащегося в ночи корабля.

К утру Ларка уже и сам не рад был, что родился на свет. И судя по страдальческой мордашке лохматой подружки по несчастью, оказывался в этой еретической мысли не одинок. Матросы посматривали скорее сочувственно, чем с презрением, а капитан снизошёл даже до того, что приказал коку напоить страдальцев соком свежевыжатого лимона.

При одном только виде обычного повара, откликавшегося на столь мудрёную кличку, а пуще того от одной лишь тени промелькнувшей в двух головах мысли о еде обоих снова замутило. Да с такой силой, что они вновь дружно повисли на проклятом раз наверное сотню фальшборте — свесившись наружу с немалым риском улететь совсем. Впрочем, мысль о том уже не вызывала у Ларки прежнего отвращения.

— О-ох, убейте меня, хомо… — домовёнка даже попыталась слабо сопротивляться, когда плечистый как гном боцман таки поймал ту за заднюю лапку во время совсем уж отчаянной попытки удрать за борт, и водворил обратно на палубу.

Моряк оказался вполне осведомлённым насчёт исцеления таких недугов. Ловкий подзатыльник — и едва мохнатая страдалица возмущённо открыла рот, как повар тут же ловко залил в малышку полсклянки смешанного с забористым ромом сока. Ларка сам почувствовал, как позеленел от одного только созерцания приёма чего-то внутрь — тем более что на палубе показалась госпожа Велерина, беззаботно лузгающая семечки. Однако, почти тут же что-то врезало по затылку ему самому, и обжигающе-кислая смесь словно сама собою влетела в рот.

Два пальца волшебницы зажали ему нос, и не ожидавшему столь изощрённого коварства поручику ничего не оставалось, как судорожно глотнуть.

— Вот и всё, щас малехо попустит, — с авторитетным видом пробасил боцман. И добродушно прислонив едва стоявшего на ватных ногах Ларку к чему-то надёжному, потопал по своим

делам.

Парень тотчас ухватился за опору, другой рукой крепко удерживая за ухо слабо трепыхающуюся домовёнку. Лохматая служка сначала рвалась незатейливо утопиться. Даже робко отважилась сказать хозяину "тысяча морских чертей!" А потом вдруг смешно и тоненько икнула — нижние лапки её мягко подкосились да ослабли. Дошло! У Ларки и самого натощак всё поплыло перед глазами — а потому он осторожно, стараясь не давать кораблю раскачиваться чересчур уж сильно (а вдруг он ему поломает чего), перебрался с малышкой в укромный уголок. И тут, полуулёгшись спиной на бухту каната и положив на колени мохнатое и мурлыкающее песенку тепло, на пробу зажмурил глаза.

Вроде бы, ничего — с соблазном путешествия за борт уже можно было бороться весьма успешно…

Отчего полковник Морис на пару со смазливым корнетом отплясывал орочью мазурку, Ларке удивиться даже не пришло в голову. Сам он сидел, пришав к себе зачем-то урчащую подушку и любовался тем, как его величество король самолично стучал чего-то там молотком. То ли клёпки на здоровенную бочку набивал, то ли вовсе даже наоборот. В каком ухе тихонько так звенело и жужжало, он так и не понял. Лишь улыбнулся вылезшему из бочки здоровому мужику в смешной шапочке с детским помпоном.

Но мужик зачем-то подкрался к Ларке и принялся немилосердно его трясти. Причём не поддавался на мягкие отговорки и даже витиеватую пехотную ругань. Пришлось поручику изловчиться да пнуть оказавшегося мореманом мужика в щиколотку. Тот зашипел как пролитое на раскалённую сковороду масло, отскочил. Некоторое время потрал лодыжку, а потом неожиданно ловко подскочил ближе и так засветил в лоб, что в глазах отчего-то посветлело…

— Вашмилость! Проснитесь — капитан до себя кличет! — обнаружилось, что Ларка вовсю дрых разлёгшись на канатах, на нём нескромно обнимая лапками посапывала домовёнка, а рябой дюжий матрос осторожно тряс поручика за плечо.

— Иду… — парень на пробу попытался встать. В голове немного гудело — но так, без чрезмерности, пчёл всего с полдюжины. Зато лохматая малышка проснуться не соизволила, лишь скрутилась в клубочек и ещё более сладко замурчала во сне.

Палуба уже норовила удрать из-под ног без прежней резвости, а взгляд за борт и вовсе не вызывал прежнего помутнения во всём организме. От вчерашнего дива не осталось и следа, и теперь корабль бесцельно покачивался среди океана

наподобие клочка мусора.

— Приснится же такое! — втихомолку проворчал поручик и принялся осторожно переставлять сапоги вперёд.

Правда, оказалось, что "иттить надобно вон туды", и Ларка без особых возражений развернулся и пошёл к возвышению на корме.

Здесь оказалось хоть и просторнее, но как-то неуютно. У колеса штурвала (надо же, запомнил-таки!) маялся от безделья бородатый матрос, на подвешенных к какому-то бревну подобии качелей колыхался давешний корнет, а капитан с самой озабоченной физиономией о чём-то шептался с леди в белой шёлковой блузке и таких отчаянно-розовых штанишках, что Ларка слабо поморщился и даже взмахом свободной от домовёнки руки попытался отогнать это неуместное тут видение.

Получилось не очень уж, чтобы — вернее, совсем не получилось. Потому поручик, на ходу прикинув что четь отдавать капитану наверняка не стоит, храбро отклеился от перил и на удивление самому себе бодро пересёк пустое пространство.

— Доброго дня, поручик, — капитан не стал скрывать своей досады. Оказалось, что большую часть пути они уже одолели — но здесь выяснилось полное безветрие. А повторно бормотать ту же молитву дважды подряд, святая сестра вовсе не горит желанием. — Говорят, вы вроде бы со всякими духами накоротке?

Пришлось для разнообразия поинтересоваться, где корабль нынче? Полюбовавшись на залитое ровным синим цветом пустое место посреди карты, Ларка неопределённо умгукнул, а потом передал смешно дёрнувшую лапкой во сне малышку боцману.

— Обидишь — пришибу, — тот в ответ снисходительно смерил взглядом ширину плеч этого сухопутного офицеришки, однако волшебница из своей качели негромко подтвердила — этот может.

А Ларка быстро осмотрелся, стараясь не обращать внимания на гул в голове, и ткнул пальцем в какую-то болтавшуюся над головой верёвку.

— Мне надо за бортом рукой воды коснуться, — капитан понятливо кивнул, распорядился завести какие-то тали, и через несколько мгновений Ларка обнаружил себя уже сидящим на подвесной деревянной скамеечке, и даже опускающимся за борт.

— Хватит! — буркнул он, когда шалая волна игриво хлюпнула, и лишь чудом не забралась в сапог.

Некоторое время парень просто болтал в прохладной океанской водице ладонью, без особого восторга озирая ровный и такой непривычно-унылый горизонт, и лишь потом легонько *позвал*.

Уже потом ему смущённо рассказали, что в тот момент дружно присматривавшаяся сверху толпа так шарахнулась от борта, что кое-кого и о противоположный приложило. Лёгкая зыбь повсюду словно вскипела — как оказалось, тут вокруг околачивалась такая толпа духов воды, что уже едва не завывающие от любопытства они отозвались мгновенно.

На даже проснувшегося от столь неожиданного эффекта парня с восторгом смотрели прозрачные и вызывающе-женственные русалки всех размеров, форм и даже оттенков.

— А ну расступись, мелюзга! — смолёный борт возвышающегося рядом корабля даже покачнулся, когда из глубины прилетела так хорошо ощущаемая им могучая сила.

И всё же, он улыбнулся.

— Ну здравствуй, Нель…

Хозяйка вод смотрела на него чуть приподняв текучую бровку с такой смесью пренебрежения и брезгливости… и всё же, не выдержала марку, расхохоталась. Вытребовала холодными мокрыми губами законный поцелуй русалки, и тут же беззаботно помахала рукой вверх.

— Привет, Велька! — улыбка на прозрачных губах увяла, и только прень слышал, как Нель еле слышно закончила. — И тебе, та что когда-то была Ольчей, тоже привет…

О чём думала несколько мгновений чуть склонившая голову русалка, так и осталось неизвестным. Однако Нель быстро спохватилась.

Немного подсобить с ветрами она отсоветовала — дескать, нынче не положено. Но подтолкнуть немного это корыто, как пренебрежительно она отозвалась о корабле, согласилась сразу. И что особенно удивило парня, безо всякой оплаты. И глядя на её прозрачное с еле заметной морской прозеленью тело, Ларка впервые в жизни позавидовал. Свобода… никаких тебе над душой королей и генералов с их заумными уставами и дурацкими войнами…

— Ты чего, Ларка, не сбрендил часом? — ядовито осведомилась Нель. — У нас тут примерно то же самое — двор, склоки, интриги. К примеру, если я нынешнюю подружку морского царя потесню, то в фаворитки выбьюсь.

Парень на пробу изложил ей на ушко пару идеек на сей счёт, и русалка звонко расхохоталась, от восторга забрызгав парня морской водой. А затем посмотрела прямо и пристально своими неповторимыми глазами — и без единого всплеска ушла вниз.

Но когда поручика втянули наверх и поставили на палубу, "Любимец ветра" тотчас повёл по горизонту носом, словно выискивающий цель лучник — а потом плавно устремился

вперёд. И сколько ни вглядывались моряки за борт, это стремительное движение не тревожило поверхности воды. Не разлетались буруны от форштевня (ага, будем знать), не вскипала пенная дорожка за кормой. Правда, руля корабль тоже не слушался — капитан залихватски крутанул штурвал туда-сюда, но без малейшего результата.

Сам Ларка больше помалкивал. Осторожно поел, с ложечки накормил всё ещё не оклемавшуюся домовёнку и даже вывел её *проветриться* в диковинный флотский сортир. А потом поглазел в изучающий серый взгляд леди Хельги, но состязаться в гляделки с нею не стал — с Ольчей в том соревноваться не могла бы и та древняя статуя каменной бабы с перевала. Он состроил еле заметную торжествующую рожицу задумчивым голубым глазам смазливого корнета, и с лохматой малышкой на плече (спускаться на палубу та боялась до дрожи) отправился спать.

Разумеется, уснул он не сразу. Действие лекарства давно прошло — и хотя организм явно принялся резво приспосабливаться (а куда ж ему деться, болезному), но временами парня подташнивало по-прежнему. В принципе, у этой козы Велерины наверняка нашлось бы заклинание против укачивания — но если она не снизошла до того, чтобы помочь… змеюка.

Под боком с лёгким страдальческим вздохом заворочалась домовёнка. Вот малышку жаль — но заклинания от укачивания для таких насквозь сухопутных существ навряд ли и существовали в природе. И теперь служка терзалась мало того что качкой, так ещё и чувством невыполненного долга. Ноги-то не держат, куда уж тут за хозяином прислуживать!

И не заметив сам, Ларка в уголке палубы вновь соскользнул в сон. Под позвякивание что-то тренькающего на виолине боцмана, под хохоток смеющихся над очередой байкой матросов и бубнение о чём-то шушукавшихся капитана и обеих дам.

Сон наконец пришёл, мягкий и вкрадчивый. И такой же тихий, как этот летний вечер над океаном. Правда, совсем незапомнившийся…

Наверное, вид корабля, летящего над волнами с убранными парусами, здорово озадачил встречавших. А возможно, и нет — однако, хмуро всматривавшийся в высокий обрывистый берег Ларка нимало тем не озаботился.

За мысом обнаружился вход в небольшую бухту. Но духи воды наверняка знали малейшие очертания побережья куда лучше, чем все здешние лоцманы и адмиралы вместе взятые. Корабль незаметно повернул, и постепенно сбрасывая скорость, ворвался в небольшой порт. У позеленевшего от сырости

каменного причала уже виднелась шеренга закованных в железо солдат, несколько встречающих, и даже плотненькая фигура святого отца — отчего-то в столь явно отличавшейся от обыденной чёрной рясе.

Корабль мягко, еле слышно прижался к стенке. Забегали матросы, забросили на берег оказавшиеся обычными канатами швартовы.

Всё, первая часть путешествия закончена, и трое с половиной путешественников прибыли в королевство света. Пусть в небольшой городок, затерявшийся на восходном его побережье… поручик, тупо глядя себе под ноги, никак не мог заставить себя сделать несколько шагов по этой широкой доске со ступенями и оказаться в почти полной власти врагов. Пусть он и облечён дипломатическими полномочиями (как он ни размышлял, но так и не смог понять решение доверить миссию кузнецу), пусть Велерина и в состоянии развалить этот городишко просто играючись — но само ощущеньице оказалось весьма жутковатым…

Сегодня утром, взобравшись на кормовую надстройку ради вящего обзора, Ларка едва не столкнулся с каким-то мальчишкой из нижних чинов. Тот извинился, откозырял и вытянулся в уставной стойке.

— Вольно, — уронил в его сторону задумавшийся о необычности королевского поручения Ларка и только отмахнулся неким подобием отдачи чести.

И лишь через несколько шагов до него дошло. Да так, что мысли разлетелись из головы наподобие листьев под порывом ветра. Круто развернувшись, парень недоверчиво посмотрел на заморыша, которого едва не толкнул всем своим весом. Перед ним стоял… всё тот же смазливый корнет! Но о боги — как ни шарил по нём пристальный взгляд, глаза решительно отказывались признавать в том роскошную госпожу Велерину. Единственно, голубые глаза… так и есть! Нахальный юнец что-то прошептал неслышное, и взгляд его немедленно преобразился к слегка выцветшему.

— Здравия желаю вашему превосходительству! — корнет смотрел одновременно и уважительно, и настороженно — чего ещё удумается этому офицеру, да ещё и золотопояснику? Но поедать глазами начальство откровенно не торопился — знал себе цену, шельмец!

Ларка обошёл вокруг того, вдумчиво приглядываясь. М-да! Если предположить, что женская грудь чуть прижата чем-то вроде бандажа, а оставшееся замаскировано форменным кружевным воротником, то иное объяснение что-то в голову никак не лезло. Винцом карродельским попахивало — но так, в меру, больше для куражу.

— Ремень чуть распусти — ни один опытный младший чин так не носит, — посоветовал он, подёргав затянутую до визга медную пряжку. — А складки сгони назад… вот так. Документы?

Молодецки выдернув из-за обшлага свиток, корнет молодецки подал его вопросившему. Мстительно Ларка заставил того повторить — медленнее и с достоинством. Бумаги оказались в порядке, и даже чуть потёртыми в нужных местах. А ведь, как бы не самые настоящие!

— Ну что ж, корнет Велерин, — он меланхолично покачался на каблуках сапог, как по привычке то проделывал полковник Блентхейм, измышляя наказание провинившемуся кадету. — Что у нас насчёт знания уставов и знаков различия? Фехтования? Физической подготовки?..

И так далее, и тому подобное. Оказалось не так уж и плохо — во всяком случае, для обычного раздолбая из гарнизона провинциального городка вполне сойдёт. И даже пару-тройку приёмов короткой шпагой этот юнец изобразил вполне недурственно. Правда, грела поручика одна мыслишка, и он мысленно похихикивал — денщики-то положены только офицерам! А вот корнет чином не вышел… от одной лишь мысли, как вот эти белые изящные ладони попытаются вычистить мундир или наярить ваксой сапоги, у него даже немного поднялось настроение.

— Ладно, — он тяжело вздохнул, всем видом изображая — какое же делает одолжение — и продолжил. — Разрешаю пользоваться моим денщиком в качестве обслуги.

Ресницы над блекло-синими глазами раз-другой озадаченно хлопнули, а затем восхищённая мальчишеская улыбка подтвердила догадку Ларки — до таких тонкостей штабные чины, разрабатывавшие легенду для корнета, не додумались.

— Спасибо, ваш-бродие, — корнет смотрел преданно и чуть ли не влюблённо. — То очень кстати будет.

Ошивавшаяся у грот-мачты домовёнка восприняла это известие без особого энтузиазма, но и не разнылась. Подумаешь, хлопот и раньше не сильно было — хозяин мебель спьяну не рубал и девиц низкопробных не водил! Корнет воспринял это ворчание с интересом и еле проявившейся улыбкой, и лишь кивок ресниц подтвердил — принято.

— Ладно… — Ларка пригляделся ещё раз и решился. — Вроде похоже, не могут же они знать доподлинно, как ведут себя все молодые нахалы. А мелочи можно списать на тяжёлое детство и недавнее ранение — в бумагах отмечено, и даже номер полевого госпиталя такой существует. Годится — работаем так, корнет.

И тут произошло то, что что буквально и без малейшего преувеличения обдало молодого офицера жаром. Юный корнет шагнул ближе, приподнялся на цыпочки, и неожиданно обнял своего командира за шею. А потом урвал с губ поручика такой нежный поцелуй…

Летел этот нахал долго и красиво кувыркаясь в воздухе. Неизвестно, сколько бы ещё продолжалось это неприродное для человека порхание над палубой, но грот-мачта милостиво прервала этакое непотребство столкновением с собою.

— Браво! — обнаружившаяся у нактоуза леди Хельга с восторгом захлопала в ладоши. — Вот теперь можно считать, что преображение в парня состоялось полное.

Разгневанный Ларка остановился на полушаге, уже доставая из ножен бастард. Досадливо выдохнув, он уронил клинок обратно в ножны и всей фигурой грозно навис над кое-как шевелящимся юнцом. Вдвоём с подоспевшим капитаном они подняли того на подрагивающие ноги.

— Вот тебе и проверка, максимально приближённая к боевой, — корнет осторожно ощупал стремительно наливающийся под левым глазом синяк и принялся его сводить мелкими толиками магии.

И только сейчас поручик насторожился. Конечно, что-то царапало предупреждающе, нечто этакое нашёптывала интуиция

— и только сейчас парень припомнил, что в бумагах у этого юного педика тоже стоит спец-отметка насчёт девятого отряда. Ну, знаете!

"А чего это я так завёлся?" — всё же, стоило признать, преображение вышло полное. Хоть уголок памяти и вопил, что на самом деле это и есть никто иная как красотка Велерина, но все органы чувств и восприятие упрямо твердили, что нет — этот неприлично смазливый корнет на самом деле хоть и извращенец мерзкий, но мужского полу. Всё вздыбившееся сейчас существо настойчиво воспринимало сидящего у мачты как парня… Ларка украдкой вытер губы и сплюнул.

— Да уж, нелегка королевская служба. Признаться, я тоже не верил, что выйдет настолько достоверно, — капитан Хок глянул на юнца и с переменившимся лицом брезгливо передёрнулся. — Э-э нет, на мне чур не проверять! Но маскировка, стоит признать, вышла самая что ни на есть отменная…

И вот сейчас бравый поручик, посланец медного королевства стоял перед сходнями и отчего-то никак не мог себя пересилить. Медленно, тяжело, словно сапог оказался облеплен пудовыми ошметьями грязи, он всё же поднял ставшую непослушной ногу и поставил на отделявший от неизвестности мостик… дальше, как и ожидалось, пошло легче.

На каменном, добротном причале его ощутимо качнуло — настолько, что Ларка оказался вынужден присесть на надёжный грибок кнехта. "Ишь, даже это у них чугунное…" — поручик смахнул холодный пот платочком из рукава и выдохнул в перекосившиеся отчего-то лица:

— Прошу прощения, господа… я человек сугубо сухопутный. Только приспособился к этой шаткой палубе — а тут уже берег не приемлет меня.

На физиономиях встречающих отобразилось хоть какое-то живое чувство, в данном случае сочувствие. Да уж, море оно такое. Если кого невзлюбит, то это надолго — если не навсегда… всё же, в глазах постепенно прояснилось, а игривое покачивание каменной тверди под ногами мало-помалу улеглось. Ибо озабоченный капитан Хок сбежал вслед за своим пассажиром на причал вместе с полсклянкой рома, в пару "да растудыть вас" вытребовал из святош свежий лимон и напоил поручика этой адской смесью.

Справедливости ради следует отметить, что леди и корнета пришлось попользовать сим диковинным соедством тоже. Единственная, кто крепко держалась на лапках, оказалась с пыхтением волокшая пожитки домовёнка — но судя по весело поблёскивающим её глазам, Ларка ни за что не побожился бы, что

пронырливая малышка уже не причастилась на камбузе у привечавшего её сердобольного кока…

Он попытался встать. С заботливой поддержкой капитана и серанта из встречавшего почётного караула это ему всё-таки удалось. Так что, церемония прошла хоть и довольно скомканно, однако обе стороны всё поняли правильно.

Двое клириков из Священного Синода (вернее, он и она) смотрели волками. Но верительные грамоты от короля таки сыграли своё дело — парламентёров встретили добром. Как отнеслась громыхающая железом башня сопровождавшего их паладина святой церкви, поначалу было неясно. Однако Ларка, у которого уже почти совсем посветлело в глазах, заметил — рубать тут никого не придётся.

— А в мирном исходе переговоров вы заинтересованы куда больше чем я или мой король… — ого! Надо было видеть физиономии святош и сопровождающих лиц.

Леди Хельга цветом лица уже несколько отличалась от позеленевших мхом камней причала. И хотя она откровенно разрывалась от двусмысленности своего положения, от неё просто-таки веяло облегчением — наконец-то среди своих!

— Святые братья и сёстры… господин поручик победил меня в честном бою — и я признала себя его пленницей. И коль скоро в вере меня он не принуждал, равно как и к иным гнусностям, — взгляд её как-то непонятно скользнул по Ларке. — То я вынуждена рекомендовать этого дворянина и офицера с самой положительной стороны.

Паладин чуть глухим из-за шлема голосом посетовал — разведка рассказывала о вот этом висящем на поясе клинке-бастарде чуть ли не чудеса. Калёную и трижды освящённую сталь резал как масло, и всё такое. Но поручик быстро нашёл выход из положения. Поскольку он офицер на действующей службе, то без оружия совсем появляться не положено. Но!

— Если я заменю меч на парадный кинжал — думаю, мой полковник сильно гневаться не станет? — паладин после этих слов неуверенно кивнул.

Не без облегчения Ларка отстегнул с пояса тяжесть верного клинка, а сообразительная мохнатая малышка уже тащила от груды поклажи ножны с кинжалом. Совершив этот сомнительной равноценности обмен, поручик приладил в карабинчики-защёлки куда более лёгкое и скромное оружие, и с вызовом посмотрел на паладина.

Однако тут выяснилась очередная пакость весьма гораздых на оные святых отцов — шлем у воина на всякий случай оказался наглухо приклёпанным к шейному вырезу кирасы.

— Это не беда. Ну-ка, наклонитесь чуть, — железная башня недоверчиво приблизилась, и Ларка в два счёта свернул тому голову с плеч в самом что ни на есть буквальном смысле.

Железные заклёпки вылезли из своих норок куда стремительнее, нежели червяки из заливаемой дождём земли. Раз-два — они с постукиванием посыпались в стороны, и поручик снял шлем со святого воина.

Тот еле слышно с облегчением вздохнул — жара донимала даже без доспехов, а уж в железе-то… оказался он здоровенным дядечкой с неприлично растрёпанными рыжими усами-щёточками. Серые глаза его смотрели беспомощно, пока какой-то поручик сдирал с него освящённые доспехи куда легче, нежели проворная хозяйка ощипывала на кухне курицу. Отрекомендовался он как сир Андреас, воин святой матери-церкви и без пяти минут кандидат в паладины Круглой Залы.

Над железными штанами рыцаря Ларка призадумался. Стоило признать, весьма диковинную конструкцию выдумали оружейники светлого короля! Мало того, в соответствующих местах даже обнаружились на случай нужды откидные крышечки, завинченные сейчас накидными гайками. Парень совсем уж хотел было рассмеяться втихомолку — однако мысль, насколько же гибкими и подвижными должны быть сочленения в сплошняком закрывающей воина стали, очень ему не понравилась. Чтобы в глухих железных штанах присесть под кустом? Определённо, надо будет подобные штанишки забросить спецам из Королевской Горки — пусть полюбопытствуют… и не мудрствуя лукаво, парень под ошеломлёнными взглядами просто разодрал нижнюю часть доспехов в лохмотья.

М-да, как же от святого воина шибало в нос не совсем благородным солдатским запашком! Леди Хельга аристократически поморщила носик и безапелляционным жестом указала пальчиком — в море! И сир Андреас, разомлевший на жаре и с закружившейся от свежего воздуха головой ничего не успел толком понять, как двое дюжих послушников проворно подхватили его да окунули в лениво хлюпавшие мелкие волны.

— Сир Андреас — не заставляйте меня писать в отчёте моему королю, что паладины грязнули! — проводил его напутствием похихикивающий в усы Ларка.

Домовёнка тут же спряталась за ноги хозяина, когда над извлечённым из воды святым воином двое клириков и леди Хельга прочли краткую, но весьма энергичную молитву. Грохнуло, полыхнуло, от паладина повалил пар — но спустя пару мгновений он оказался высохшим, вполне опрятным и даже причёсанным. А его камзола не постеснялись бы и придворные

щёголи.

Призадумавшись над мыслью — а стал бы он сам надевать под броню парадно-выходной костюм — Ларка ступил ближе и этак доверительно шепнул жадно прислушивавшимся представителям Синода с нависшей над головами тенью в виде сира Андреаса:

— Вкратце о моей миссии — если столкуемся, у вашего королевства есть шанс уцелеть… хоть и в весьма урезанном виде. Но тут дело деликатное, потому-то переговоры для начала неофициальные.

Пока те переглядывались с весьма озадаченным и в то же время заинтересованным видом, поручик отрекомендовал своих спутников. Если леди Хельгу тут некоторые даже знали лично и в особых представлениях она не нуждалась, то насчёт смазливого корнета Ларка эдак легонько помялся и со строго отмеренной ноткой смущения шепнул:

— Знаете, господа, кто такие туристы? На любую важную поездку всегда найдутся несколько таких… толку ноль, но в личном деле потом будет расписано так, словно они и взаправду тут первая скрипка… — встречающие покивали с важным видом — небось, в здешних краях подобные прецеденты весьма знакомы и даже привычны.

По поводу домовёнка Ларка заметил, что за пару лет у него не было к слуге ни единой претензии — и согласно дворянского уложения он не имел права того от себя прогнать.

— На уговоры, посулы или горсть золота тоже не позарился, — пожаловался Ларка и пожал плечами. — Что посоветуете, господа? Вроде и не дело тащить домового в страну вашей веры — но как можно прогнать или обидеть столь верного слугу?

Двое святош и паладин, польщённые тем, что у них испросили совета, откровенно призадумались. Наконец, пухленький и румяный святой отец, которого тоже наверняка не очень прельщала перспектива потеть тут на жаре, решился.

— Что ж, верность господину во все времена ценилась высоко… — на вопрос, гарантирует ли поручик всякое-такое, тот пожал плечами.

— Да что ж, ваше преосвященство… великими заклятьями малышка не владеет — чисто их домовячьими, бытовыми, когда надо быстренько мундир от грязи почистить, или посуду не замочив лапок вымыть. В общем, я за неё ручаюсь.

Воистину, что-то уж очень сильно пошатнулись устои святой веры, коль посовещавшиеся святоши согласились прочесть над этим лохматым отродьем очищающую молитву — и если не

сгорит в огне праведном, тем и ограничиться.

Малышка, надо отдать ей должное, гореть или хотя бы дымиться даже и не подумала. Лишь звонко чихнула и пригладила вставшую дыбом от отвращения шоколадно-серую шёрстку. А с любопытством приглядывавшиеся люди пожали плечами и отмахнулись. Вот ещё — на слуг внимание тратить! Тем более что Ларка дипломатично предложил немного отдохнуть где-нибудь в прохладном месте — дескать, пошатывало ещё маленько — а уж вечером и переговорить вновь.

Святая сестра из Синода заметила сквозь неодобрительно поджатые губы, что то было бы очень кстати. Пока гости (чтоб их демоны в аду миловали!) будут освежаться, она успеет переговорить со столицей и получить дальнейшие инструкции. Поскольку способ, коими святоши общались на дальние расстояния, доселе так и оставался неведом королевской разведке, Ларка навострил уши. Но понял лишь, что тут опять всё круто замешано на святости — если адепт высокого ранга особым образом помолится, то в нужном месте у послушника сразу приключалось святое откровение…

На том и порешили. К основанию причала тотчас подали мягкую карету на больших и непривычно тонких колёсах. Туда и загрузили леди Хельгу вместе с ещё подозрительно зеленоватым корнетом. Домовёнке тоже пришлось отправиться с ними — под предлогом, что у миледи пока нет служанки. С ними отправилась и высочайшая святая сестра. А сам поручик согласился пройтись пешком, чтобы размяться и не ронять мужского престижа. Пухленький святой отец замялся было, но коварный Ларка заметил, что кому-то надо отправиться вперёд и распорядиться насчёт отдыха гостям — а он прибудет под присмотром святого воина.

Паладин, приняв освежающее омовение и избавившись от доспехов, чувствовал себя если и не в обещанном святым писанием раю, то уж на пороге так точно. Потому кивнул и пообещал присмотреть за еретиком. Святой отец хоть хоть и морщился, но удивительно ловко запрыгнул в седло гнедого жеребца и с искрами из-под копыт унёсся куда-то в город. И едва Ларка убедился, что в поданные следом повозки ломовых извозчиков погрузили весь багаж, а комендант порта третий раз побожился, что моряков с "Любимца ветра" пустят отдохнуть в единственный здешний кабак и даже не станут обижать, соизволил направить свои стопы по добротно вымощенной булыжной дороге.

Пустота. Мрачная, холодная и словно метёлкой дотошной служанки вычищенная пустота. Душная, мерзкая и до звона

гулкая, она выталкивала дерзнувшего сунуться в неё чувствующего, как вода поплавок. И всё же, Ларка таки пролез в неё. Ладони его ощущали тепло камня, а душа упрямо развернулась в недрах давно и напрочь пересохшего фонтана…

Двое суток бешеной скачки в столицу светлого королевства промелькнули как один долгий, непрекращающийся кошмар. Хотя, справедливости ради стоило заметить, что леди Хельга как уткнулась в свои долгожданные святые книги, так и просидела в карете, вряд ли заметив бы даже обещанный нам конец света. На её открытые наряды, пёстрые, яркие и жизнерадостные, уместные посреди всеобщей нарочитой скромности и даже серости как золотая монета в куче медяков, поначалу косились. Но всё же, под конец путешествия Ларка приметил в глазах сопровождавшей её святой сестры что-то уж больно подозрительно похожее на зависть.

Корнет дрых себе на подушках, как обожравшийся сметаны кот. И если иногда слезал оттуда, то лишь для того, чтобы сыграть на троих с паладином и домовёнкой в кости или проинспектировать во время краткой остановки кустики.

А сам Ларка большей частью потягивал винцо из монастырских подвалов да глазел в окно кареты. Речь святого отца напротив журчала и текла плавно, словно звук колёс. И как тот ни изощрялся, самые просветлённые и душераздирающие молитвы да места из святого писания оставляли поручика медного королевства равнодушным. Под конец у его преосвященства глаза стали как у бешеной белки — прочитанного с лихвой хватило бы, чтоб заставить биться в корчах дюжину самых закоренелых еретиков в пытошной, или же вспыхнуть ярким факелом привязанную к столбу ведьму на площади Всех Святых.

— Да как же такое может быть? — недоуменно возопил он, задрав очи горе.

Поручик лишь пожал плечами да с заветным *чпок* откупорил новую бутылку.

— Да кто его знает, святой отец. Я отметил это ещё когда для общего развития изучал ваши священные книги в Академии — не трогали они меня.

Вкрадчиво тот поинтересовался — а можно ли попробовать средства, так сказать, более тяжёлые?

— Это как? — Ларка недоверчиво заломил бровь. — Осиновый кол меж лопаток или раскалённые щипцы на известное место?

Святой отец досадливо поморщился. Не далее как полчаса назад, когда в придорожной кузне меняли слетевшую подкову

пристяжному жеребцу, этот непонятный поручик запросто достал светящуюся поковку из горна и держал её голыми пальцами, пока потный кузнец с круглыми от изумления глазами хватался за сердце да усердно осенял себя крестным знамением.

— Не думаю, что калёное железо окажет на вас своё обыкновенное воздействие, — нехотя признал святейший брат. — Обычно святые молитвы оказывались куда действеннее даже пыток…

И вот сейчас, когда вокруг высились серые каменные громады столицы, поручик согласился на непреклонную просьбу плотно окруживших его святых отцов показать свою Силу. От псалмов и молитв в воздухе на площади было не продыхнуть. Налились неистовым светом требники, бросая на изнурённые аскезой и постами лица потусторонние синюшные сполохи, в вечере запахло грозой.

Как ни изощрялись королевские мастера, как ни освящали это место молебнами — а не шла сюда вода. Не журчала в резном каменном фонтане, не искрилась вожделенной влагой. И статуя паладина с весьма уважительного размера двуручным махальником в руке, казалось, стонала из-под сурово опущенного забрала — воды!

Правда, Ларка прежде вытребовал со святых отцов обещание не громыхать без разбору проклятиями да анафемой. Дескать, дела подземные это не совсем то же, что над поверхностью — там свой подходец нужен…

В гулкой, отдающейся пустоте послышалось весёлое сопение. Как леди Хельга умудрилась протиснуться сюда восприятием, Ларке оставалось решительно непонятно. По идее, от святой сестры с негодованием должен был бы отвернуться любой, даже самый забубённый дух — а уж тем более, куда той в запредельность прошмыгнуть? Впрочем, бывшая ведьма, возможно просто, что мать-земля отнеслась к сией заблудшей козе со снисхождением… или просто по оставленному самим парнем следочку прошмыгнула?

Откуда-то из самой глубины сюда скользнула синяя, яркая до неимоверности искорка. Она возмущённо шарахнулась от сущности неуверенно принюхивавшейся святой сестры и совсем уж было полыхнула аметистовой возмущённой яростью — но утихла, едва Ларка улыбнулся навстречу.

— О, привет, чувствующий! — дух земли, примчавшийся полюбопытствовать, кто же оказался столь дерзок или безрассуден, чтобы открыть проход среди изгаженной навеки земли, сразу полез обниматься.

Мало того, он даже согласился, чтобы эта мерзкая святоша

тоже прикоснулась к нему. Ко всеобщему удивлению, не полыхнуло и даже не загрохотало — благость Спасителя, применённая с лаской вместо ненависти, даже подпитала огонёк сущности подземного жителя.

— Слушай, тут такое дело… — Ларка быстро объяснил суть.

Дух некоторое время кружил взволнованно, прежде чем отчётливо пыхнуть ощущением недовольства.

— Ждите! — промельтешил он напоследок и тотчас умчался вниз. Глубоко-глубоко вниз.

Время здесь текло совсем не так, как наверху. Порой Ларка замечал, что быстрее — а иногда, что во много раз медленнее. Во всяком случае, насчёт этого феномена весьма туманно отвечала даже старая ведьма из Кривого Урочища. А уж той веры было куда поболе нежели даже королевским Академикам.

— Держись, Ольча, — отправил он мягкий посыл бывшей ведьме. — Возможно, сейчас тебе и воздастся за все святые благоглупости…

Но взметнувшаяся снизу неодолимая сила всего лишь выбросила дерзкую парочку из земных недр. С гулким, тугим хлопком на пересохшем каменном дне фонтана обнаружились трое… спустя мгновение к ним присоединился упавший с вечереющего неба дух воздуха.

Ларка пошатнулся, но удержался на ногах. Утёр платочком вспотевший лоб и незаметно послал Нель особый взгляд — зря, что ли, почти час шептались тогда у борта корабля? Пусть даже для зрителей то заняло полминуты…

От плотнее сбившегося круга священнослужителей сюда шагнул властный, озарённый сполохами святого гнева старик.

— Изыди! — проскрежетал он перекошенным от ненависти ртом и воздел над четвёркой могучих духов истекающую призрачным пламенем длань.

Огненный демонстративно почесал себя пониже спины, Нель послала забавному старикану милую улыбку и воздушный поцелуй, а земляной неприкрыто повертел подобием пальца у подобия виска. А прибывший последним дух воздуха налился темнотой, принял форму и встал рядом со своими собратьями.

Ужас… кошмар… ещё полгода назад Ларка отнёсся бы к этакой четвёрке беззаботно и легко. Но сегодня он сполна мог разглядеть и оценить их неистовую силу. Вот уж… счастливы те, кто мало знают! Или блажен тот, кто вместо знания попросту верует, погрязнув во тьме невежества? Хех, вопрос вполне философский и даже спорный — но сейчас парень против воли почувствовал, как мелко затрясся за пазухой малахитовый талисман.

— Полегче, святые братья — кажется, сила не на нашей стороне, — Ларка проворно шагнул и заслонил собой изумлённо отшатнувшегося святого старца. Он сделал жест *не надо* в сторону нахмурившихся духов, а сам зашептал дедугану. — Потихоньку, осторожно, отступай назад под моим прикрытием — этих святой молитвой не прошибёшь. Это не демоны, это настоящие!..

Каким боком среди сильнейших затесалась дразняще-красивая Нель, парень не стал даже и гадать. Можно, конечно, предположить что сумела подмоститься под мрачного бога подземного мира, или же другим образом угодить тому.

— Святые братья, умоляю — осторожнее! — напевно и плавно проговорил напружинившийся поручик, по-прежнему прикрывая собой неохотно отступающего святого старца. — Эти по вашей классификации вроде архангелов, они вам просто не по зубам.

— Говори, чувствующий, — нежное журчание сладкоголосой Нель приласкало слух настолько дивно и приятно, что многие безотчётно облизали губы.

Темнота опустилась на великий город как-то незаметно. Ярче загорелись доселе едва тлевшие искорки звёзд, робко высунула из-за крыши какого-то храма свой краешек луна, и даже парочка первых, самых нетерпеливых нетопырей решительно выпорхнула на охоту. И всё же, это оказалась не та тьма, что смущает людские души. От радостного предвкушения чуда чуть быстрее забились сердца, а на щёки против воли вымахнул смятенный румянец.

— Приветствую вас, сильномогучие, — Ларка с достоинством поклонился. Похоже, спектакль таки удастся.

На просьбу оживить фонтан, с великолепным негодованием ответила переливающаяся в свете многочисленных огней Нель. Оказалось, что вызывающее и даже мерзкое поведение святого братства давно уже встало поперёк горла подземным жителям, если можно так выразиться. И на недавнем совете решено было лишить светлое королевство для начала воды…

— Этот фонтан первая ласточка. Если святоши не одумаются, вслед за ним пересохнут родники и ручьи, потом и реки. Не станет выпадать дождь — пусть пьют горечь морской волны! — строптивая русалка гневно излила на смятенное святое собрание всё своё негодование. Она была так прекрасна в гневе, что Ларка не смог не улыбнуться при виде этой живой, прозрачной и прекрасной статуи.

Несколько первосвященников заявили, что господь не даст таковому случиться. Однако расходившаяся водяная дева крутанулась вокруг себя и вместо привычного русалочьего облика перетекла в позаимствованную у прежней Ольчи стройную фигурку. Судя по строптиво дёрнувшемуся носику миледи

Хельги, та мгновенно распознала себя, любимую, и отнюдь не пылала восторгом по тому поводу, что тут на всеобщее обозрение выставили её весьма недурственные формы.

— Ошибочка, стариканчики, — сладко мурлыкнула Нель и, потянувшись, подемонстрировала себя во всей красе. Приметив в глазах леди пляшущее серое пламя бешенства, она лукаво усмехнулась, шагнула-перетекла — и теперь уже на лице равнодушно переминавшегося в сторонке корнета промелькнуло на миг странное выражение. Точная копия красивой и бесстыжей волшебницы покачала в воздухе искрящимся влагой пальчиком. — Ваш спаситель нам не указ. Мы не из его свиты — понятно вам, святоши?

Дух земли меланхолично добыл из рук статуи меч и развлекался тем, что то наматывал его себе вместо пояса, то завязывал на узел. А огненный и воздушный принялись пускать в ночное небо фейерверки — огневик протягивал пламенеющую ладонь, второй важно надувал щёки и ловко делал снизу *пуфф!*

Переговоры зашли в тупик — святые отцы и матроны оказались бессильны изгнать или хотя бы заставить корчиться в муках пришлых, а эти добродушно поплёвывали на все потуги и всё явнее строили из себя клоунов. И Ларке ничего не оставалось делать, как лично попросить Нель вернуть фонтану былое великолепие и славу.

— Кто из святого воинства нынче покровитель города? — с непонятным пока намёком строптиво поинтересовалась водяная красавица.

Из толпы возбуждённо перешёптывавшихся святых братьев и воинства протолкался плечистый парняга в бумазейном камзоле и с хорошей такой колотушкой в руке. "Здоров мужик" — уважительно подумал Ларка, прикинув на глаз ширину плеч святого рыцаря и вес его шипастой булавы. Рыцарь выступил вперёд и заявил, что ныне он назначен заместителем на земле святого небесного покровителя.

— Пусть он меня поцелует! — строптиво заявила капризная Нель с лукавой донельзя мордашкой. — Тогда я подумаю…

Немалых трудов стоило вспотевшему от усердия Ларке убедить собравшихся, что дева эта чище даже, нежели вода горных ледников, а упомянутый поцелуй плотским не считается. Кроме того, это традиция ещё со времён святого Роланда-рыцаря (святое собрание немедленно осенило себя набожным жестом) и означает она, что меж договаривающимися сторонами нет лукавства или дурных намерений.

— Что ж, ради процветания города на какие только жертвы не пойдёшь, — рыцарь залихватски встряхнул плечами и передал

булаву тощему служке в драном подряснике.

Если кто и отвёл глаза во время этого деликатного соглашения, то таких было тут меньшинство, и Ларка числился среди них одним из первых. Святые же отцы смотрели пристально — кто скептически, кто с недоверием и даже ненавистью. Но в конце концов Нель сладко облизнулась и заявила, что намерения этого рыцаря чисты.

Первыми зажурчали бронзовые херувимчики по кругу фонтана. Лукавые и улыбающиеся крылатые посланцы небес дружно излили кто во что горазд благословенную влагу. Затем отозвались и помощники статуи, окружавшие его изножие. И последним, как и подобает полководцу, сам древний герой принялся лить воду из вытянутой в руке чаши Святителя.

— Но если вы меня ещё хоть раз чем обидите… — Нель погрозила собравшимся пальчиком, и заливисто расхохоталась — дух огня с ворчанием полез из фонтана. Он забрался на плечо статуи и теперь сидел там, как нахохлившийся пламенеющий голубь. Правда, этот уж если нагадит, полгорода выгорит…

Трое городских клириков на пробу благословили воду, но та отозвалась лишь презрительными брызгами в их сторону, и в конце концов сконфуженные и мокрые святые братья отошли восвояси. А дерзко ухмыляющаяся Нель заметила в их сторону, что эта вода проистекает по её прихоти и из расположения к просьбе чувствующего — и святые дела тут ни при чём. Поскольку у местных уже наверняка голова шла кругом, то Ларка резонно заметил, что пора прекращать и не пугать почтенных горожан — новшества следует внедрять потихоньку.

Поскольку от одних только намёков на перемены у здешних делались такие физиономии, словно они сжевали целиком лимон, то достигнутым, пожалуй, стоило и ограничиться. Но тут завозмущался дух воздуха. Он скользнул вниз и приняв вполне человеческую форму, вежливо подхватил под локотки настоятеля из горного монастыря и аппетитненькую как пышечка первосвященницу в чёрно-белом клобуке. Он так увивался возле них, так старался, что те против воли прислушались.

Вкратце его энергичная речь свелась к следующему — снимите, мол, проклятие с перевала Семи Святых, чтобы младшие духи воздуха могли там шастать — а он за это будет в нужное время присылать дождевые тучи на монастырские и окрестные крестьянские поля. Если кто думает, что деловая хватка присуща только торговому и ремесленному люду, тот немало подивился бы, с какой цепкостью ухватились собеседники за разговор. Да ведь в самом деле, тамошние места последнее время жестоко страдали то от засух, то от сносящих всё ливней. И что

характерно, не спасали никакие молитвы…

Последние тучи закончившейся грозы уходили с неба неохотно. Словно присматривались тяжеловесные посланцы небесной ярости — чисто ли вымыта столица медного королевства? Не осталось ли где в огромном городе не обласканного струями ливня кусочка?

Но духи воздуха уже суетились в небе, гнали изрядно отощавшие тучи прочь. Туда, на полдень, где за каменным хребтом те едва ли могли бы пролить на исстрадавшуюся от жажды землю хотя бы жалкие капли. Выжатые почти досуха, свинцово-тёмные повечеру, они уплывали над позеленевшими медными крышами. Воля королевского мага, одиноко и вроде бы безучастно стоявшего на плоской верхушке башни волшебников, отсылала их туда. В земли орков. Да-да, именно на территорию извечного непримиримого врага. Кому-то из придворных ещё старого короля пришла в голову гениальная в своей простоте мысль — захватить контроль над погодой и в буквальном смысле выжечь всё в прилегающей с той стороны к горам полосе.

Кршмарное зрелище, как докладывал один из побывавших там. Воистину великая сушь. Выжженная до каменного звона земля, исчёрканная страшными и бездонными чёрными трещинами до такой степени, что даже на лошадях там проехать не представлялось никакой возможности. Ещё дальше на юг человеческая магия слабела, и уже где-то на берегах сонной и мутной реки Варрум косматые орочьи шаманы кое-как поддерживали нормальную погоду. Но три-четыре сотни лиг рукотворного ада разделяли владения людей и орков — наверняка именно поэтому в последние лет двадцать набеги клыкастых становились всё реже и слабее…

Над горбатым мостом Семи Дев в пелене туч, словно прощальный взгляд заходящего солнца, блеснул просвет. И тут же над великим городом вымахнул во всю ширину другой мост — небесный, призрачный. Словно сама ясноокая Ирис послала свою радугу потешить людские и не только сердца.

"Надо же! Оказывается, первый королевский маг не лишён некоторой романтичности!" — стоявший у высокого стрельчатого окна и наблюдавший это величественное зрелище полковник Блентхейм скупо усмехнулся уголком рта. Взгляд его зашарил в широком промежутке меж Канцелярией и таким же пузатым, как населявшие его купцы, зданием Гильдии. Однако, башня магов оказалась как обычно окутана недоброй тьмой. Да уж, медные короли умеют хранить свои секреты — личность и даже имя первого мага страны всегда почитались одною из важнейших тайн. Даже он, полковник, посвящённый в те ещё тонкости,

оказывался тут в неведении…

— Господа, его величество будет через минуту, — будничный и даже немного скучный голос слуги вырвал старого служаку из задумчивости и вернул вниманием в нарочито просто обставленную малую тронную залу.

Всё там же, и всё те же. Канцлер в чёрном бархате, мрачность которого едва ли скрадывали белоснежные кружева, полковник гвардии из числа личной охраны короля, несколько особо доверенных министров да пара магиков из числа лично приближённых. И всё же, не от того у Блентхейма еле слышно подрагивали колени, и не от того по спине уже тёк едкий ледяной ручеёк.

Не просто так Его Величество сдёрнул с передовой одного из лучших полковых командиров, что прилетел грифоном и маялся сейчас снаружи под дверями. Ох, что-то будет…

Король появился не как обычно — на этот раз без помпы и велеречий. Без этикетов и церемониалов. Что ж, его величество достиг столького, что мог себе такое позволить. С одной стороны, жест этот недвусмысленно оповещал, что встреча состоится в высшей степени неофициальная. А с другой, ох как не к добру! Таковое случалось, если сюзерен слишком уж торопился… либо пребывал в чрезвычайно дурном настроении.

— Оставьте пустословия и пустославия, — король с ничего не выражающим лицом досадливо отмахнулся от поклонов да сбивчивого бормотания сановников и устало поднялся по ступеням к трону. Он опустился на высокое и недоступное для прочих сиденье в шорохе парчи и потрескивании искрящихся от магии мехов — но стоявший ближе всех полковник всё-таки различил еле слышный вздох досады… — Этьен, зови этих солдафонов.

Церемонимейстер у дверей недаром прослужил на своей должности столько лет и до сих пор не лишился головы. Понимал уже не то что недомолвки господина — даже намерения. А потому он неслышно отворил всего лишь одну створку высокой, белой с золочёной резьбой двери и молча подал знак дежурившим с той стороны гвардейцам. Оскорбление, по дворцовым меркам, просто неслыханное.

Прибывшие на королевский зов заходили по одному, и полковник невольно залюбовался ими. Секунд-майор Морис и его командиры платунгов — крепкие, овеянные ветром и пламенем битв, загорелые и опасные как бритва… и всё же, сердце старого полковника трепыхнулось не в такт — у входящих непреклонно отбиралось не только боевое, но и церемониальное оружие. А вот это уже, дамы и господа, тревога аллюр три креста!..

Вчера случилось такое, что сам полковник поначалу не поверил принесённой вести. После взятия Фьорехайма — одного из городов-крепостей, прикрывавших ближние подступы к столице светлого королевства — ворвавшийся внутрь полк Мориса проявил непокорство. Словно обезумевшие, королевские солдаты принялись грабить, насиловать и мародёрствовать. Командир и его помощники метались по объятым пламенем кварталам, пытаясь восстановить ситуацию, однако достигли немногого. Дошло до того, что пришлось секунд-майору вызвать на помощь одну из спешащих под стены столицы кавалерийских бригад да применить силу к бунтовщикам.

И когда окружённый суровыми кирасирами полк вывели в поле, секунд-майор лично и во всеуслышание приказал казнить каждого десятого…

Разбирательство длилось недолго. Король слушал с темнеющим лицом, и те кто хотя бы немного знали его, холодели в предчувствии гнева.

— Позор! Командир полка королевской пехоты не сумел удержать подчинённых в повиновении! — к слову сказать, старая традиция, когда победитель отдавал город на три дня своему воинству, давно канула в небытиё. Слишком уж пагубно сказывалось на войске этакое моральное разложение. Кое-где в глуши сеньоры ещё позволяли своей солдатне подобное после междоусобных распрей — но регулярная армия? Шалите, господа — дисциплина должна поддерживаться нешуточная!..

Секунд-майор своей вины не отрицал. Заметил лишь, что сопротивление обороняющиеся оказали ожесточённейшее. Полк понёс серьёзные потери, и когда солдаты ворвались-таки внутрь городских стен, они уже были настолько разъярены жаждой мести за товарищей и безумием убийства, что удержать их в узде не нашлось никакой возможности. Он-то как командир, по уставу должен был войти в город последним.

— Каждого десятого… испытанных и проверенных в бою ветеранов… — обезумевший от гнева король словно не слышал слов своего офицера. Побледневшей трясущейся рукой его величество сорвал с ворота баснословно дорогие кружева и швырнул в угол словно грязную салфетку. — Вы разжалованы, Морис!

Всё же, монарх удержался от того, чтобы метнуть в проштрафившегося молнию или ещё какую-нибудь дрянь. Да и не подал стоявшим у стен гвардейцам знак прямо тут же смахнуть провинившемуся голову с плеч. Последнее на памяти полковника было лишь раз, когда прежний министр финансов проворовался просто до неприличия резво…

Гвардейский полковник с треском сорвал с бледного как полотно Мориса знаки различия и награды. Полуоторванный рукав сиротливо болтался на плече, и Блентхейм отчего-то подумал в этот миг, что приязнь и неприязнь монарха всё же одинаково опасны — прав был, наверное, тот поручик Ларка, когда уклончиво но непреклонно изъявил желание держаться подальше от сомнительного изъявления королевской милости…

— Стоять, Морис! Ваше наказание ещё не закончено, — как ни странно, голос его величества стал спокойным. Даже чересчур — ледяное дыхание зимнего ветра так и пронеслось по королевской приёмной.

Король встал и тяжело пошатываясь, словно пьяный, сделал несколько шагов вниз. Напряглись стражники, отчётливее завибрировала едва заметная аура вокруг обоих волшебников-телохранителей. А их августейший покровитель некоторое время стоял на самой нижней ступени, глядя разжалованному в лицо с блуждающими по нём лихорадочными пятнами. Всего лишь на миг августейший взгляд оторвался от бывшего фаворита, с тем чтобы мазнуть по короткой шеренге с четверыми стоявшими позади того командирами платунгов — а потом опять впился в Мориса.

— Вы, шаг вперёд! — и полковник в предчувствии совсем уж паскудного почувствовал, как уколола в сердце обжигающе-ледяная игла.

Ибо нетерпеливый жест монарха указал на стоявшую среди прочих капитаншу в полевом мундире с потёртыми почти до неприличия шнурами и аксельбантами на правой стороне груди.

Вся верхушка армии прекрасно была осведомлена насчёт романтических взаимоотношений этой пары, которой одни завидовали, но большинство всё-таки аплодировали, и которой все безоговорочно прочили самую блестящую карьеру…

— Не откажетесь ли принять майорский чин, дворянство вместе с ним, и должность командира полка? — словно темнота сгустилась во взгляде полковника, и лишь лицо Мориса виднелось там бледным пятном. Всё верно, все глаза сейчас смотрели на него… а потом медленно перетекли на капитаншу.

Блентхейм только сейчас обнаружил, что уже давненько держался за грудь, и биения своего сердца что-то не ощущал. Вот уж… не страдающий ни тучностью, ни одышкой, он сейчас запросто мог бы схлопотать апоплексический удар… другая ладонь его нетерпеливо затеребила стоявшего рядом магика. Тот горазд был не только своего короля охранять, но и первую помощь оказать в случае чего — совсем, знаете ли, дело в такой работе не лишнее.

И когда живительная сила, текущая из обжигающего Силой прикосновения, всё-таки заставила усталое сердце солдата трепыхнуться испуганным воробышком и забиться в навязанном извне ритме, только тогда полковник и увидел, как капитанша гордо подняла голову. Лишь две крохотные искорки сорвались с её загорелых щёк, но голос прозвучал хоть и чуть глуховато, но ровно.

— Приказывайте, ваше величество!

Суки, какие ж вы на самом деле всё-таки суки, бабы! Вот она, цена всей вашей любви и верности!.. на пределе сил задохнувшийся от гнева полковник ещё видел, как Морис медленно поднял голову. Да уж, тяжкой оказалась полная мера королевского наказания… и нелегко осознать истинную цену воздушным замкам… ладони бывшего офицера зашарили по поясу, сейчас лишённому привычной тяжести оружия — в сгустившейся словно ватная тишине они с треском сорвали золочёный дворянский знак и швырнули его королю под ноги.

Вот и всё… дальнейшее потерявшему сознание полковнику пересказал уже наутро осунувшийся и злой как разъярённая кобра канцлер.

Замер в ожидании недоброго вызолоченный королевский дворец. В статуи обратились тела гвардейцев с побледневшими от напряжения ладонями на их оружии. Соляным столбом на полушаге застыл за их спинами неслышно спешащий по своим делам церемонимейстер, страшась завершить шаг и таким образом хоть на миг приблизить неминуемое. Даже неуёмная звонкая капель неумолимо отсчитывавшей мгновения вычурной клепсидры неуверенно зависла в воздухе и не спешила ещё на шажок сдвинуть с места самоё время.

Его величество нехорошо прищурился.

— Вот как? — голос короля в тишине тёк мёдом и сладчайшим нектаром. — Спасибо, наш *бывший* офицер и наш *бывший* дворянин, что хоть в лицо нам не швырнули дарованную милость. Стража, взять его! Поместить в самый глубокий подвал — в цепи, на хлеб и воду, без права обжалования и помилования.

На щеке, под самым глазом его величества бешено дёргалась жилка. Король обвёл собравшихся безумным взглядом.

— И не приведи боги, если кто-нибудь… когда-нибудь… при мне упомянет это имя, — повелитель уже едва сдерживался, и неистовый рык его заметался под высокими сводами.

— ВОН!!!

Верно когда-то говаривал с кряхтением почёсывавший свою пегую бородёнку староста Хведот — давеча не то, что таперича! Даже война пошла нынче совсем не та, что в былые времена.

Раньше-то как бывало меж ратящихся сторон? Собирали две армии, выбирали место в чистом поле и давай проявлять удаль молодецкую… а ещё вернее, проламывать и сносить друг дружке дурные головы. Но в этой войне медное королевство в очередной раз доказало, насколько же опасно придерживаться старых традиций и отмахиваться как от мошкары от новых идей.

Привыкшие набирать разгон и таранить стальным клином противника, святые рыцари в том занятии немало поднаторели и, пожалуй, заслуженно снискали себе славу грозных бойцов. Однако нынче они пребывали в тягостном недоумении — медные воевали откровенно по-иному. Они организовали сплошную линию фронта, дамы и господа! Представляете? Казалось бы, чего проще, собрал пару десятков тысяч тяжёлой конницы да рви на куски растянувшуюся в ниточку жиденькую королевскую пехоту? Да вот тут-то и выяснилась вся пакость задумки генштаба медного королевства. Одно дело рыцарям в чистом поле боговать — но совсем другое постоянно натыкаться на укрепления.

Да-да, хоть медники — как презрительно называли тех гордые паладины Света — традиционно предпочитали пехоту, но всё же сумели в этой войне заставить уважать себя. Едва только продвинувшись вперёд и выбрав себе новые рубежи, отряды ненавистных еретиков тотчас принимались строить оборонительные редуты. Плели из ветвей туры и фашины, набивали землёй. Вчерашним пейзанам и ремесленникам руками-то работать не впервой. За пару часов на пустом месте вырастали хоть и простенькие, но укрепления — и штурмовать такие тяжёлой коннице весьма как-то несподручно, знаете ли. Тем более, что все ближние подходы защищались хитро замаскированными рвами и ловушками, незаметными в траве кольями и канатами, что так мерзко калечат ноги мчащихся боевых коней.

А из-за прикрытия удобно расположившихся в укреплениях пикейщиков и меченосцев лучники с магиками спокойно, как в тире, просто расстреливали потерявшую разбег да смешавшую ряды рыцарскую конницу. Да и с пехотой не сильно поштурмуешь таковое. Вон, на днях один полк медников в междуречье без труда целый день сдерживал бешеные атаки усиленной бригады святого воинства. И когда к вечеру таки удалось сбить оборонявшийся полк, говорят что командовавший рыцарством фон Бивер заплакал кровавыми слезами, а потом хохотал до такой степени, что заподозрили тут неладное. Медники просто отошли от разрушенных редутов… на сотню шагов назад. Как оказалось, там за день тыловики уже оборудовали вторую линию обороны — и как бы не лучше прежней. А лазутчики донесли, что офицеры

медного воинства вроде уже присматривают и третью копать… если соотнести потери и достигнутые результаты, то фон Бивер оказывался прав в своём безумии, пожалуй — к такой войне светлое королевство оказалось не готово.

Чтобы подвинуть армию медного королевства хотя бы на десяток лиг назад, не хватит всего рыцарства, их оруженосцев и дружин. А до прежней границы, веками проходившей по высоченному горному хребту, и войск всего мира мало будет… а меж тем, быстрая как ветер лёгкая конница медного королевства в любом месте вонзалась в незащищённые сбитой в одно ядро святой армией места. Вновь продвигала вперёд линию фронта — и там как по волшебству вновь вырастали укрепления.

Генералы святого воинства недоумевали — идти на захват территории, не обеспечив разгром армии противика — это противоречило всем воинским, веками освящёнными канонам. Но тем не менее, это работало. А медники тем временем упрямо избегали генерального сражения, всё время юля и пускаясь на обходные маневры и охваты. И уж если им удавалось окружить неосторожно выдвинувшуюся часть или выдвинутый в разведку боем полк — вот тогда наваливались всей гурьбой. Азартно и гулко грохотала боевая магия, ворочались в мешанине грязных и потных человеческих тел вдруг ставшие почти неуязвимыми для святых молитв огненные демоны, и спустя некоторое время лишь кровь и пыль оставались посмертной славой светлой армии.

Короче, святое воинство медленно но безнадёжно проигрывало эту войну. Оно всё ещё было сильнее — и тем не менее откатывалось назад как медведь под натиском стаи собак…

Сир Андреас отвлёкся от своих невесёлых размышлений и вернулся вниманием в высокую залу. Разумеется, прибывших еретиков не удостоили чести посетить королевский дворец. Но и оскорбить тех, выслушав где-нибудь на торговой площади или в собрании купеческой гильдии, как предложила одна из святых сестёр, тоже не решились. И тогда он сам озвучил идею устроить встречу в Круглой Зале — да-да, в том самом месте, где традиционно собирались высшие из высших паладинов Света. И хотя от прежнего состава осталось тех всего пятеро (брат Теверин намедни умер от ран и ожогов), таковое компромиссное решение устроило всех.

Но двое клириков из Святейшего Синода всё же настояли, чтобы его величество светлый король тайно прибыли в одну из дальних комнат, дабы с помощью непрерывно бормочущих псалмы откровения двенадцати святых братьев услышать предложения еретиков. Всё же, прежде чем отказаться, выслушать таки стоило…

Ларка обвёл собравшихся усталым взглядом. Всего час, как закончилось больше похожее на клоунаду зрелище у городского фонтана — а казалось, прошла целая вечность!

— Дамы и господа, разве я предлагал здесь отречься от вашей веры? — он обратился к упрямо поджавшему губы плотненькому протоиерею. — Быть может, я всё же обмолвился насчёт такого?

Тот помялся, покривился, но всё же выдавил из себя, что точно таких слов не было произнесено…

— Если хорошенько порыться в ваших святых книгах, можно найти оправдание и подтверждение всему — равно как осуждение и опровержение, — надо признать, первой кто осенила себя святым знаком после таковых богохульных слов, оказалась леди Хельга.

Хотя прежнюю яркость и буйство расцветок райской пташки миледи и сменила на более умеренные, но всё равно заметно выделялась на общем фоне как орхидея среди пыльных и скучных кактусов. Правда, в глазах здешних дам и святых сестёр иной раз мелькало нечто уж слишком похожее на неприкрытую зависть…

— В общем, мой совет — покопайтесь в ваших талмудах да найдите соответствующие новым идеям толкования, — голос поручика прозвенел на миг калёной сталью, и тут уже собравшиеся поняли, что по этому пункту обсуждения или трепыхания пресекаться будут жёстко и безоговорочно. — Равенство перед Спасителем и законом всех рас и народов, включая духов и домовых.

Ларка устало повернулся к корнету, своею безупречной выправкой посрамлявшему замерших возле окон и у входа стражников, и вздохнул.

— Я ничего не упустил?

Смазливый юноша с бумагами и свитками в руках смотрел на своего командира с откровенным обожанием. За каких-то полчаса иносказательно втолковать святошам, что те произошли от бандерлогов, а вовсе не от своих родителей; обложить витиеватой флотской руганью святого рыцаря, случайно уронившего на пол один из документов; и при этом недвусмысленно флиртовать взглядами с не на шутку разволновавшейся и разрумянившейся от того святой сестрой из нагорного монастыря? Положительно, тут от зависти просто удавились бы все какие ни есть прожжённые и лощёные дипломаты — метод элефанта в посудной лавке, во всей его сногсшибательной эффективности…

— Пожалуй, медный король оказался прав, назначив посланником этого поручика вместо, например, герцога Метерлинка, — сир Андреас задумчиво взъерошил свои светло-рыжие усы щёточкой и шумно вздохнул.

Вкратце суть сообщённых Ларкой сведений оказалась такова. Король и его министры маленько прикинули-посчитали, да сообразили: сковырнуть светлое королевство им под силу. Но вот удержать эти земли за собой… просто не хватало никаких сил и ресурсов установить на столь огромной территории свою администрацию и баронов. А что выйдет на этих землях после ухода оттуда поредевшей королевской армии, представлять никто даже не хотел. Дикость и варварство, и это поначалу.

Как уже не раз бывало в истории, словно из-под земли появятся орки и демоны, гули-трупоеды и барлоги — и вот такая победа и такое соседство повелителю медного королевства были попросту не нужны. А потому его величество и предложил: сделайте чуть терпимее свою людоедскую веру, гарантируйте мир и всё такое — и тогда светлое королевство, хоть и в ополовиненном виде, продолжит своё существование.

Ворчливые подгорные рудокопы, при всй своей несговорчивости, после долгих дебатов и выдранных в пылу споров бород старейшин, всё же согласились оставить святош в покое и не дожимать — удар их дружин из захваченного ныне железнорудного района оказался бы для святого воинства воистину смертельным…

— Ну да, лишились вы почти всех железных шахт. Зато гномам на их новом месте потребуется еда, дерево — а также столь уважаемое ими пиво. Надеюсь, у вас нет табу на развитие торговли и получение от того прибыли? А там, если замиритесь с бородатыми, дела и вовсе пойдут… — надо признать, ошеломлённые собравшиеся не смогли сразу подобрать ответ на столь дерзкие слова.

Но вот, против ожидания, единственными кто решительно возражали против мира со светлым королевством, оказывались до сих пор отсиживавшиеся в сторонке эльфы.

— Я даже и думать не хочу, что останется от вас и ваших людей, если из лесов выйдут на охоту их лучники, — собравшиеся дружно осенили себя святым знаком. Уж тут каждый помнил легенду, как одинокого остроухого, гордо стоявшего на вершине пологого холма, едва осилила сотня святых рыцарей — всего лишь трёх стрел не хватило тому, чтобы выйти победителем. Но и оставшиеся воители вскоре умерли в страшных мучениях. Предсмертное проклятие эльфа, знаете ли, это вам не какая-нибудь церковная анафема…

Корнет мазнул взглядом по документам, порыл носом над списком, и поднял голову со смеющимися блекло-синими глазами.

— Свидетельствую — воля его величества передана верно.

Если светлое королевство согласится пойти на предложенный компромисс и найдёт способ умаслить остроухих — войне конец.

Ларка устало мотнул головой в ответ. При некотором желании это можно было принять за согласие — но и в самом деле, недавнее, больше похожее то ли на откровение, то ли и вовсе на чудо происшествие у фонтана, да и все эти дебаты в Круглой Зале вымотали собравшихся до предела.

— Спасибо, корнет Велерин, — он быстро перебрал бумаги, а потом жестом дал понять — ссыпай всю эту писанину обратно в крепкий дорожный сундучок, откуда продукция королевской канцелярии и была извлечена.

Второй комплект документов и карт уже был передан светлой стороне. И дальнейшее зависело только от её гибкости мышления или же неуступчивости. Ведь с одной, самой высокой башни опоясывавших столицу укреплений уже можно было различить в ночи яркие вспышки боевой магии или же лиловое мерцание оказавшихся почти бессильными святых молитв. Война неумолимо приближалась сюда.

— От себя добавлю, дамы и господа — прошу отметить, что это моё личное мнение — королевская армия и магики показали ещё не все заготовленные хитрости и находки, — поручик отвернулся от созерцания ловких ладоней корнета и его ладной фигуры. — Доподлинно мне неизвестно, но чутьё подсказывает, что штурмовать столицу наша армия не станет. Её просто сравняют с землёй… иными методами. Так что, выбор за вами. Всё, я закончил.

Медленно, словно чужая, ладонь Ларки подняла с большого и нарочито круглого стола свой лениво мерцающий хвойной лапкой кинжал. Выложенный на столешницу в знак, так сказать равенства и свободы говорить, клинок строптиво дёрнулся в руке, сыпанул искоркой — но позволил укрыть себя в уютной тесноте ножен. Речи произнесены, осталось принять решения. Но каждый из числа собравшихся отдавал себе отчёт, что всё висело на волоске. Завтра взойдёт солнце, и снова в ослепительном огне и душном позвякивании рубки будут опять гибнуть и гибнуть люди.

Можно наделать самого совершенного оружия и боевых кораблей — но без бойцов это всё так, груда металлолома и древесины. Можно обладать великолепными рудниками, плодородными полями да пастбищами — однако без работных рук то всё замрёт в вековечном сне матушки-природы. Люди, вот главная ценность любого государства; и как же трудно доходят до власть имущих иные простые истины!..

Собравшиеся чуть расслабились, зашептались. Но круглая зала со сводчатым потолком, как оказалось, отменно глушила эхо

— шагнувший к стене Ларка обнаружил, что поверхности выложены меленькими изразцами с рифлёной поверхностью, изобилующей чудными выступами наподобие рукоятей вонзённых по самый эфес мечей. "А, чтоб звук гасить — неплохая находка" — устало сообразил поручик.

В самом деле, голоса робко или же с жаром совещавшихся доносились словно из-под воды. Под настороженным, колючим взглядом часового Ларка тихо приоткрыл выходящую на балкон дверь и выскользнул под летние звёзды. Только здесь он вздохнул чуть свободнее — просто душившая всю его сущность атмосфера святости уступила место ночной прохладе. А если учесть, что у пары-тройки дам и святых сестёр определённо наступили лунные дни — то некурящий и почти непьющий поручик ощущал по запаху сполна — то здесь, снаружи, определённо показалось получше…

Изящная тень выскользнула следом. Ловкие пальчики тут же проворно мазнули по мундиру поручика и ловко расстегнули пару верхних пуговок на воротнике.

— Ты был просто неподражаем, сир дворянин, — едва заметный в слабых отблесках изнутри здания корнет легонько засмеялся. — Особенно они заводились, глядя на это…

Ладонь коснулась груди парня раз, другой — в том месте где под единственной наградой малой звезды чести обретались самолично сделанные из брони павших паладинов стальные значки. А затем, в полном соответствии со старой пословицей, что житейские пакости столь же неисчислимы как полчища комаров, руки корнета обняли командира за шею.

— А с балкона полететь? — Ларка кое-как попытался отстраниться от коварно прильнувшего всем телом юнца.

Тот странно заколыхался, и лишь потом напрягшийся парень осознал, что нахал беззвучно смеётся. Зато сам он сейчас весьма дорог дал бы, чтоб оказаться как можно дальше отсюда. За кинжал взяться, что ли?..

— Мы с тобой оба по бумагам числимся в *вихлянутых*, — сладко и многообещающе мурлыкнул сей развратный вьюнош. — И я таки воспитаю из тебя достойную девятку. А ну, не дёргаться!

Остренькие ноготки корнета — единственное послабление, сделанное себе столь мастерски преобразившейся волшебницей — немилосердно впились в ухо и наклонили голову поручика к себе…

"Спасибо хоть, что помадой или блеском для губ не пользуется" — Ларка просто с неимоверным трудом удерживал себя в шаге от тошноты или уже ставшего почти нестерпимым желания нашинковать тут кое-кого тонкими ломтиками. А

бесстыжий юнец всё смаковал его губы, пил словно дорвавшийся наконец до воды жаждущий — ещё и язычком шалил.

— У, мерзавец, хоть бы для приличия отреагировал, — наконец, Велерин вздохнул с лёгким удовлетворением, а нескромная ладонь его легонько погладила поручика в том самом, ничуть не пожелавшем откликнуться месте меж ног. — Железный ты, что ли?

Ларка смущённо пробормотал в том духе, что на мужчину или животное у него никогда, пардон, не подымется — и решительно отстранил корнета от себя. Сзади-сбоку еле слышно пахнула током воздуха отворившаяся дверь, и на балкон под ручку с леди Хельгой с шумом выбрался сир Андреас. Хотя в почти полной темноте и не были видны его столь примечательные рыжие усы, но поручик вдруг почувствовал, что бесконечно благодарен паладину за своевременное спасение. Да что там — сейчас за помощь он и самому Падшему пожал бы его когтистую лапу…

— А, вот вы где, — лёгкий смех миледи беззаботно рассыпался в ночной тиши. — Я же говорила, святой воин — что пока мы там мозги и копья ломаем, эти двое тут плюшками лакомятся.

Паладин с хорошо заметным неодобрением заметил, что подобные особи имеются и в светлом королевстве. И что лично он, сир Андреас, если его изберут в паладины Круглой Залы, будет непреклонно ратовать, чтобы приняли насчёт таких дел суровый закон. Калёное железо на известное место одним — и соответственно, на шипастый кол сажать других.

Ларка невесело хохотнул, снова отогнав от своего естества коварно проскользнувшую туда под покровом тени ласковую ладошку корнета, и протянул вперёд руку.

— На один миг, — набивший трубку паладин неохотно прикоснулся люлькой к белеющей в полутьме ладони, и в той тотчас разгорелся огонёк.

Впрочем, благодарить святой воин даже и не подумал. Лишь кивнул коловой и затянулся первой, самой сладостной затяжкой. Странно было наблюдать, как из темноты вдруг озарились воинственно встопорщенные рыжие усы и кончик носа… или скорее, забавно. Да за что ж тут благодарить-то? К магии святые братья и сёстры относились как к страшному греху — но вот от таковых колдовско-ведьминских дел их и вовсе плющило да карёжило.

— Ладно, господа не станем ходить вокруг да около, — миледи задумчиво облокотилась на каменные перила балкона, вперила в ночную темноту свой взор и лишь затем принялась

осторожно подбирать слова.

Да, судя по всему, власть имущие светлого королевства, оказавшись перед угрозой бесславной и неминуемой смерти, скорее всего сделают правильный выбор. Да и вопреки всяким сплетням да слухам, вовсе не все настроены фанатично и восторженно принять мученическую смерть — и оставить на погибель и без присмотра народ. То бишь ту самую, смиренную паству, светскими лордами и духовными поводырями которой им волей божией назначено быть.

— Мы со святым воином прямо сейчас направимся на расширенное заседание Священного Синода, где будут присутствовать бароны и лично сам король, — последнее слово миледи произнесла с благоговейным придыханием. Но и общий смысл тоже заставлял ой как призадуматься внимательно вслушивавшегося не только в слова, но и в интонации Ларку.

Он снова отогнал расшалившуюся ладошку по-прежнему полувисящего на его шее корнета и заметил — быть посему. Но лучше бы не затягивать, война уже подошла к стенам столицы. Миледи и посерьёзневший по сему случаю паладин заверили, что решение примут быстро.

Но поручик придержал за локоть шагнувшего было вслед за леди сира Андреаса и этак доверительно поведал тому на ухо — за этой миледи, оказывается, числится вполне законный баронский титул в медном королевстве. Со всеми к тому прилагающимися и причитающимися, как говорится…

— Из соображений высокой политики лучше было бы, чтоб никто из святых воинов не вздумал… через постельные дела вылезти в бароны.

Отшатнувшийся паладин смущённо проворчал в усы, что блюсти честь дамы, в общем-то, дело привычное. Но большая политика, это дело и в самом деле хуже болота. В общем, он обещался не только присмотреть, но и довести новые сведения до нужных ушей — опасности тут и в самом деле могли проистекать нешуточные и весьма запутанные.

Потоптавшись и хмыкнув, здоровенный как лось святой воин наконец покинул балкон, оставиви поручика наедине с гудящей от усталости головой, лениво ворочающимися там мыслями — и с вырядившимся в мундир корнета от инфантерии смазливого искушения.

— Для себя бережёшь эту столичную штучку? — юнец весело и нахально потеребил Ларку за ухо и снова полез целоваться.

А чтоб тебе кисло стало! В самом деле, что ли с балкона сбросить — высота вполне приличная. Убиться насмерть не убъётся, но покалечится хорошо. Или расслабиться и наконец

проблеваться от непередаваемой смеси отвращения и омерзения? Ну никак он не воспринимал это недоразумение как… это. Всё же, парень не решился ни на то, ни на другое, и с тихим безропотным спокойствием принялся терпеть эти становящиеся всё более опасными игры.

Ничего у тебя не выйдет, корнет Велерин! Это в здешнем святом писании святой Антоний не смог устоять перед искушением — уж обаяние и женственный аромат ведьмы прошибает любое восприятие да играючись сметает любые преграды. А ты не ведьма… и даже не колдун. Но дело даже вовсе не в том.

— Нет, Ольча не по мне, — он не без удовольствия вдохнул свежего воздуха после затяжного штурма своих губ и не удержался от того, чтобы непроизвольно их не вытереть. — В том смысле, что я потомственной ведьме не ровня. У неё взгляд и без баронского титула повыше моей головы поставлен.

Смазливый нахал с досадой стукнул кулачком по груди парня.

— Говори-говори! Если б хоть пальчиком поманила — помчался бы за нею вприпрыжку, как резвый щенок за дворовой кошкой, — он от наслаждения мурлыкнул, всем телом чуть ли не вплавившись в своего поручика, и вздохнул. — Нет, ну хоть бы приличия ради откликнулся! Губами навстречу шевельнул… или шевельнул другим местом — хвостиком спереди.

Ну вот как тут объяснить? Ну не нравится, не лежит душа, не греет и не ласкает даже одна только мысль о подобных гнусностях! Корнет выслушал всю эту полную, судя по скептической улыбочке и хихиканью, ахинею — с чарующе блеснувшими в глазах звёздами.

— Но вот здесь-то ты где-то в уголке сознания знаешь, кто я на самом деле и что я, — еле слышно выдохнул он в ухо, легонько побарабанив пальчиками парня по лбу. — И что, всё равно не… греет? Как интересно!..

Ночной воздух окончательно посвежел, и нескромно прижавшийся к парню юнец чуть присмирел, уже не казался пресловутым наказанием господним. Да и вон за тем длинным с колоннадой помпезным зданием разлилось в небе бледно-серебристое сияние — похоже, в той стороне наконец-то должна была взойти луна.

По притихшему городу лишь иногда проносились всадники и кареты, перекликались патрули, а на перекрёстках потусторонним светом мерцали размещённые на стелах святые символы, освещая столицу немеркнущим сиянием святого присутствия. Вон *смирение* бросало на булыжник синеватые

сполохи, а напротив, за рекой, зеленоватое *благочестие* радостно вторило своему собрату мягкими весенними сполохами.

Как странно… ну да, с виду-то всё верно. Да вот, как однажды подумалось замыслившемуся над рефератом ещё в Академии одному кадету — одни люди не убивают, не крадут и прочее из страха перед карой господней и адскими муками. В то же время он, Ларка, не режет вдов и младенцев из своих убеждений. И кто тут оказывается честнее? Перед собою и богами, а?

Но даже, даже если по святой вере и предположить, что всем нам уготовано воздаяние — неужто хозяйничающий в царстве мрака Лучезарный настолько туп, чтобы мариновать хороших парней в котлах с кипящей смолой или давать им без толку париться на раскалённых сковородах? Фигушки — уж такого мастера как Ларка сразу приставят к какому полезному занятию. Или вон, Блентхеймы… если уж таковые попадают в ад, то скорее всего они сейчас тренируют и возглавляют тамошнее войско. А с такими учителями и генералами исход последней битвы Света и Тьмы попросту предопределён. Ну ничего не светит святошам в Армагеддоне…

Велерин снова мягко и вкрадчиво принялся за своё, словно выглянувшая краешком из-за красиво окружённого заревом здания луна вдохновила этого извращенца на новые ночные безумства. А ладонь его словно в забывчивости нежно ласкала волосы парня.

— Тьфу, болван бесчувственный! — корнет оторвался от своего занятия и со вздохом тихо сплюнул в сторонку. — Ну никакого удовольствия целовать этакую статую!

Тихо вжикнула начищенная домовёнкой бронзовая пряжка на поясе юнца, и враз насторожившийся Ларка почувствовал, как его ладонь мягко, но непреклонно увлекли в пушистое тепло совсем иных, нежели представлялось взгляду, тайн. И сейчас, в почти полной темноте, когда зрение и прочие чувства не видели отвратительного юнца, живое и смелое воображение по одному только прикосновению *там* тотчас дорисовало всё остальное совсем другим. А если ещё чуть дать волю расшалившимся пальчикам… мягко, ласково и шаловливо — словно порхающая над раскрывшимся навстречу цветком бабочка…

…

— О, это совсем другое дело, — теперь уже вполне женщина последний раз вздрогнула в сладкой судороге и медленно расслабилась. Теперь уже парень мягко, но неуклонно придерживал ту за неприлично тонкую талию, чтобы она не упала. Зубки её прекратили терзать плечо, и лёгкий выдох состоявшегося блаженства нежно донёс до ушей еле слышное. —

Спасибо — ты оказываетя просто очаровашка, мон шер.

Как поведал уже отдышавшийся еле слышный голос, это оказалось просто неописуемое блаженство — стоять одетой в мужское платье, лунной ночью, в самом сердце святого королевства, и тайком урвать… воистину, ничего подобного она никогда не пробовала.

Ну да, как прикинул Ларка — шпионско-любовная романтика ещё та. Он всё же оставил нежным вниманием ласковые и влажные тайны да поднёс ладонь к лицу.

— А ты сладко пахнешь, мон шер, — шепнул он и тут же с чувством облизал нескромно и притягательно пахнущие пальцы. — По одному только этому запаху догадаться можно, что ты фемина.

Волшебница тут же возобладала над женщиной. Она спохватилась, прошептала что-то неслышное, и тут же зябковатый ветерок маленького заклинания унёс прочь столь понравившийся парню аромат.

— Неужели настолько приятно, что ты мог бы поцеловать меня… там? — Велерина легонько, еле заметно передёрнулась от отвращения.

Вот ты и выдала себя с головой, подруга! Точно, всё байки про бордель — а грубоватая циничность бывалой шлюхи, стало быть, всего лишь хорошо отрепетированная маска лицедейки?

— Тише ты, дурак! — взвившаяся как маленькая буря волшебница тут же заткнула поручику рот очередным поцелуем. Правда, принят тот оказался не в пример весьма благосклоннее предыдущих. — Есть тайны, которые убивают вернее топора палача…

Что да, то да — начёт последнего утверждения Ларка ничуть не спорил. Правда, и не горел желанием совать нос в этакие весьма опасные для здоровья дела. Тем более, что в раскинувшемся по сторонам ночном городе редкая суета постепенно стала принимать более осмысленное направление. Гуще и чаще засновали посыльные и кареты, невесть зачем проскакал к полуденным воротам целый отряд святого воинства.

— Похоже, святоши наконец прекратили совещаться? — корнет кое-как привёл неприлично растрёпанный мундир в порядок. — Руки убери, мон шер поручик — я уже в образе! А впрочем…

Впрочем, вывалившийся опять на балкон запыхавшийся сир Андреас неприкрыто содрогнулся и даже втихомолку осенил себя отгоняющим Тьму знаком, когда застал эту залитую лунным светом парочку взасос целующейся. Ну ладно бы, где-нибудь в потёмках, стыдливо пряча такое непотребство от досужих глаз —

однако на залитом луной балконе, опоясывающем священную Круглую Залу?

— Кхм-м!.. — со значением громыхнул предупредительным кашлем паладин и не мешкая взял инициативу в свои руки.

Выяснилось, что в принципе никто из святых братьев и сестёр, равно как и представителей старинных родов не торопится на тот свет. Общее мнение оказалось почти единодушно — ещё не все дела на этом завершены. И раз такое дело, всё должен решить торжественный молебен в соборе святых Ивана и Паоло. Коль отец наш всевышний одобрит маленькое кощунство, быть посему.

— Гонец с официальным ответом в штаб медной армии уже у городских ворот, — сир Андреас привычным жестом взлохматил ус. — Ждёт только пакета.

Но тут выяснилось другое обстоятельство. Ни один смертный из числа не исповедующих святую веру, не в состоянии перенести столь мощное воздействие без… э-э, как бы то помягче сказать…

— Без того, чтобы не обратиться в истинную веру или же повредиться рассудком? — чуть насмешливо ответил Ларка, легонько лаская под мундиром соблазнительную попку корнета, сейчас уже почти не вызывавшего прежнего отвращения.

Паладин смущённо отвёл глаза и не без облегчения кивнул. Вот уж прости-господи! А вообще, чего ещё ожидать от этих еретиков, кроме какого-нибудь непотребства?

Ларка не без труда перевёл свои мысли от нежно прижимавшегося к нему мягкого тепла на другие, куда более жёсткие и опасные материи. Он взглянул в эти лучащиеся внутренним светом глаза, и вовсе не оставил без внимания заметное только ему движение взгляда влево-вправо.

— Корнет, приказываю навестить служанку-домовую и проверить пока, как там наше имущество… миледи Хельге наверняка захочется переодеться поскромнее к службе в соборе, — ноготки волшебницы предупреждающе впились ему в бок, но всё же, поручик королевской армии до конца озвучил своё решение. — А мне как посланнику и офицеру негоже пасовать перед опасностью.

Внутри его всё дрожало и корчилось в сладкой муке — вот оно, испытание, ради которого стоило рискнуть даже не то чтобы жизнью… как говорят эти чокнутые святоши, спасением души своей. Может и правы они да некоторые из учёных академиков медного королевства, что есть что-то такое за последней чертой. Что смерть это ещё не конец, а лишь очередной этап… но лично он на вопрос, как собирается закончить свою жизнь, всегда и неизменно отвечал с заставлявшим содрогнуться цинизмом:

— Умереть и сгнить!

Отгремел и закончился торжественный молебен. Умаялся и чуть притомился вдохновенно распевавшие свои псалмы церковный хор — признаться, с чисто песенной точки зрения получалось у тех весьма неплохо. Не хуже королевской оперы, пожалуй…

Но закончилась и другая битва — невидимая и едва ли осязаемая. Ларка не вслушивался в густой и зычный бас проводившего службу здоровяка в таком несметном количестве богато вышитых и украшенных одежд, что самому парню становилось за того неудобно — да как же можно в таком обилии всяких барм, риз и подрясников самому не упасть?

И всё же, ощутимо реющая в тёмном пространстве собора сила не коснулась самого поручика, скромно стоявшего в сторонке у самого притвора. Темнота с блеском свечей и окутанных потусторонним сиянием раскрашенных досок (кажется, тут это называют иконы) давила на плечи своею бархатной ненавязчивостью… а голос здоровяка теребил, не давал полностью отрешиться от реальности. То вздымался тоном едва ли не к самим небесам, то что-то вопрошал скороговоркой, то даже нервно вскрикивал, и тогда торжественно гремящий хор приходил на выручку всею своей разноголосицей.

Да, шарила в огромной пустоте невидимая сила. Не раз и не два вопросительно проводила по поручику мягкой вопрошающей лапкой — но каждый раз равнодушно отворачивалась да принималась за просветлённые лики других. Сами собою загорались поодиночке или целыми связками свечи, мягким сиянием во тьме озарялись лики святых приснопамятных в бога-рога-носорога великомучеников или как их там, а Ларка терпеливо стоял у стены под ликом неодобрительно взиравшего на него бородатого мужика с измождённой физиономией да пронзительным взглядом.

"Была б у меня по жизни этакая харя, я б тоже в пустыню на десять лет сбежал — да и поститься нетрудно было бы, уж бабы от такого кренделя небось сами шарахались!" — отчего-то эта крамольная мысль изрядно развеселила парня. Он сочувствующе подмигнул, казалось, нахмурившемуся от таковых мыслей святому и украдкой огляделся.

Оставленный на столе со свечами и какими-то чашами золочёный ножик для церковных дел мгновенно поменял хозяев. В проворных пальцах ритуальное оружие столь же привычно, как и положено металлу, сразу *потекло*. Что там руки учудят с ним, поручик даже и задумываться не стал. А вот проверим, что же такого в священном месте учудит подсознание, о котором так

уверенно толковал тот академик Зигфрей или как-то так.

Оказалось, получилось такое, что и на людях показать-то стыдно. Ларка с полыхающими щеками разглядел в своих руках напряжённый уд, отчего-то с мельчайшими подробностями вылепленный его руками. Вот уж… прямо как в той армейской байке. Типа, подходит к рядовому ротмистр да вопрошает — о чём вы думаете, глядя на вот эти кирпичи, мастерок да ведро с известковым раствором? А солдатик этак бодро и отвечает — так мол, и так, ваш-бродие, думаю о женской потаёнке. Ротмистр в удивлении, ясное дело — а при чём тут это дело? Солдатик молодой вздохнул — мол, я всегда о ней думаю…

Ужас — узнать вдруг о себе такое… кощунство, в соборе да во время службы! То ли и впрямь прав был тот академик, что курил такие вонючие сигары… да как же его звали? Фреймунд, что ли? Вроде как, если со знанием дела хорошенько покопаться в первопричине всех наших дел и помыслов, то всё оно к постельным желаниям и сводится. Или же то Спаситель таким образом недвусмысленно намекнул Ларке — вот тебе, а не святое причастие! Правда, малахитовый талисман за пазухой что-то уж подозрительно притих.

Нет, так дальше не пойдёт — парень осторожно вздохнул, опасаясь одним только этим нарушить откровенно воцарившееся вокруг святое благолепие. И быстренько принялся комкать это дело во вспотевших от стыда ладонях да употреблять металл на что-либо не настолько уж откровенно… гм-м, возвышенное.

Или то остатки внимания Велерины сказались? Не выветрился сладкий хмель из крови, что ли. Признаться, куда проще было бы представить себя с уютной и понятной даже сейчас Ольчей — однако, не с этой блестящей и опасной как удар молнии волшебницей…

— Вижу, поручик, коль скоро в корчах с синюшной харей не бьётесь и пузыри с бессмысленным видом во взоре не пускаете — стало быть, готовы принять святое причастие? — к обречённой мышкой притихшему Ларке приблизился буквально светящийся божественным присутствием сир Андреас и какой-то гвардейский полковник.

— Нет уж, пусть другие мозги себе запудривают, — Ларка с облегчением положил на застеленный церковной, закапанной воском парчой столик прежний ритуальный нож.

Да вот только, отныне на том переливалась яркой зеленью по лезвию строптивая еловая веточка.

— Как такое может быть? — у паладина откровенно полезли глаза на лоб.

Но спутник его куда больше заинтересовался ножом.

— Ну-ка, ну-ка, — полковник лет сорока с весьма холёной физиономией (за лигу их благородие дворянина видно) поковырял ногтем строптиво полыхнувшее клеймо. — Значит, правду сообщали о вас как о редкостном мастере? Возможно, направить такого к нам было знаком доверия?

Сир Андреас уже немного пришёл в себя. Во всяком случае, глаза на лоб уже не лезли, а воинственно распушившиеся усы не норовили встать дыбом. Он коротко посовещался с пока что стоявшими в сторонке святыми братьями весьма высокого ранга — а потом все они дружно принялись пожимать плечами, да с чрезвычайно растерянными физиономиями притом…

— Поручик, а не сделаете ли мне на память кинжал? — негромко поинтересовался полковник. — Вроде и боевой, но красивый. Чтоб как ни у кого.

Ларка пожал плечами. Да что ж, сделать-то нетрудно — да вот, чаровные клинки светлая религия отвергала строго-настрого. Только освящённые молитвами, и все дела… полковник в ответ доверительно заметил, что не выдаст.

— Ну, если как солдат солдату… — парень ухватил за рукоять требовательно протянутый ему нож и не мешкая принялся за дело.

Ну держитесь, господин полковник! Ваше благородие чудес жаждет? Будет вам их… потерпите лишь чуток.

Всё-таки, даже такую редкостную дрянь как божия благодать, если умеючи, тоже можно употребить в дело. Ларка работал легко и увлечённо, зачёрпывал силу из воздуха полными пригоршнями, сотворяя внезапно пришедшую на ум прихоть. И через минуту в руках его оказался ладный кинжал, прямо-таки зовущий к себе взгляды изящной простотой. Поручик убедительно заверил полковника, что капельку крови надо, дабы причаровать оружие — дескать, оно тогда и у наследников не потеряет своей силы.

— Нарекаю тебя… впрочем, не надо. *Ты будешь всегда легче входить в ножны, чем выходить из них*, — наконец, он положил на столик ещё тёплое оружие, умиротворённо мерцающее еловой лапкой.

Полковник осторожно взял со стола клинок, повертел его в пальцах, и на странное выражение лица его стоило в этот момент посмотреть!

— Положите на стол и глубоко вздохните, — посоветовал внутренне хохочущий от своей шалости Ларка.

Тот послушно выполнил подсказанное, затем взял кинжал вновь — и наконец усмехнулся.

— А теперь представьте — как вы или ваши потомки, и с каковым ощущением будете вонзать его в тело врага, — поручик

этак доверительно и бесхитростно усмехнулся, как он умел.

Сквозь любопытно обступившую толпу церковных и воинских чинов, беззастенчиво раздавая пинки, протолкалась леди Хельга. Стоило признать, что она и в самом деле переоделаясь в чертовски приятного вида брючный костюмчик зеленовато-серого муара, так шедший к её чуть рыжеватым волосам и так выгодно подчёркивавший и без того весьма недурственную фигуру. Но боги! Как же она сейчас яростно блистала божественной силой! Да уж, избранница небес, как ни крути…

— Что здесь такое? — миледи немилосердно заломила бровку в неуклонном требовании тотчас же получить ответы на все тайны мироздания.

Полковник с лёгким поклоном в сторону дамы положил клинок на столик.

— А попробуйте сами оценить, миледи, — он с озорным и любопытным блеском глаз посмотрел на неё.

Леди Хельга не колебалась ни мига. Кинжал хоть и не подчинился её требовательно и нетерпеливо вытянутой ладони, не вплыл в неё сам и покорно, как не преминуло бы сделать сейчас почти любое оружие, но молодая женщина снизошла к этой строптивой железке и взяла её со столика сама.

Клинок здорово шипел и брезгливо отплёвывался, однако через несколько мгновений глаза у миледи подозрительно заблестели. На как обычно бледные щёчки вымахнул смятенный румянец, а на для контраста побледневшем носике снова проявились веснушки.

— Опасное оружие… впрочем, как раз для мужчин, — ноздри миледи трепетали в гневе, как крылышки неугомонной бабочки. Ещё бы! Попасться в такую коварную ловушку! И даже божия благодать не защищает…

Однако, стоило только вернуть клинок на стол, как через некоторое время леди Хельга всё же сменила гнев на милость.

— Ох и юмор же у вас, молодой человек, право… — она всё же не смогла сдержаться, прыснула смехом и шепнула пару слов своей соседке в бледно-шафрановой рясе с кружевами. Та испуганно округлила глаза, но смотрела на кинжал со вполне понятным теперь нездоровым любопытством.

Ларка заверил полковника, что о таковом клинке нигде в истории и летописях с легендами даже не упоминалось. Мало того, кинжал и мог быть сделан только сегодня и только здесь — даже он сам не сможет повторить и изготовить точно такой же. Он прервался на полминуты ради того, чтобы полюбоваться весьма огорошенным видом дерзнувшего тоже полюбопытствовать оружием сира Андреаса.

— Так что, подарок, какового ни у кого нет и больше не будет, — он взял со стола уютно мурлыкнувший в его ладони клинок и рукоятью вперёд протянул полковнику.

Тот немедля вынул из ножен старый кинжал, на место того с заметным облегчением сунул новый. Покачав головой, вытер вспотевший вовсе не от жары лоб батистовым платочком. И лишь усмешка в жёстких умных глазах полковника напоминала о случившемся.

— Кажется, я знаю теперь — отчего милость отца нашего небесного не оказала на этого юного нахала своего обычного воздействия, — полковник подкинул к голове ладонь, намереваясь откозырять на прощание, однако передумал в последний момент и просто протянул руку в извечном жесте.

— Спасибо, поручик — и спасибо тоже.

Ларка осторожно пожал поданную ему руку и проводил полковника задумчивым взглядом. А отчего это у окружающих физиономии такие вытянутые?..

Однако оказалось, что снаружи величественно гудящего собора, с паперти которого уже хлынула разношёрстная толпа, история получила совершенно неожиданное продолжение и даже развитие. На поручика медной армии косились хоть и беззлобно, однако вовсе не дружелюбно, потому-то он без особого труда и пробрался на боковую сторону храмовой площади, где полковник и величественно покуривавший трубку сир Андреас о чём-то спорили в компании двух кардиналов с блестевшими от пота выбритыми тонзурами, и одной чопорной монашенки возрастом эдак лет под пятьсот-шестьсот.

— Что за шум, а драки нет? — весело поинтересовался Ларка.

Выяснилось, что руководство светлого королевства после совещания в соборе со своим Спасителем всё-таки приняло правильное решение. Да-да, бытиё — и возликовавший парень мысленно поздравил себя… всё-же он не зря прожил свою жизнь. Начать войну куда проще, чем остановить её. А сколько детей теперь не останутся сиротами, а женщин вдовами? То-то же.

— Остался только вопрос с остроухими, — мрачно заметил полковник. — Правда, есть тут один весьма интересный нюанс…

В краткой речи его и в самом деле обнаружилось одно чертовски любопытное обстоятельство. Оказалось, что ещё в прошлом веке отряду святых рыцарей посчастливилось взять в плен никого иного, как принца эльфов — одного из сыновей увенчанного вечнозелёной короной остроухого короля. Именно этим-то до сих пор тщательнейше оберегаемым секретом, кстати, и объяснялась ненависть племени перворождённых к светлому королевству — а с другой стороны, сдержанность и даже

половинчатость позиций тех.

— Жизнь этого нечестивца берегут и тщательно поддерживают, — с недовольной физиономией процедила святая сестра. — А живут они почти вечно.

Но оказалось, что существовало с тех пор ещё и предсмертное проклятие старого рыцаря — одного из немногих, кому посчастливилось выжить в том бою. Дескать, никогда и ни за что не возвращать елфам лесного демона. А проклятия это дело такое, знаете ли, весьма серьёзное…

— Ну и какие проблемы? — поручик с облегчением вздохнул на свежем воздухе. Наверное, уже и рассвет скоро. — У вас в королевстве, кажется, рабство ещё имеет хождение? Так и продайте мне елфа… ну, скажем, за бочонок пива — а я уж буду знать, что и как мне с ним делать.

— Эльфийского принца? Обменять на бочонок пива? — паладин заржал громко и весело — так понравилась ему эта мысль. — Клянусь муками Спасителя, это мне по душе!

Полковник тоже усмехнулся в ус — да и святые братья с сестрой переглянулись с просветлевшими лицами. В самом-то деле — продать на сторону эту хуже смерти надоевшую всем занозу в заднице пророчеством вроде бы не возбранялось… а уж меднолобый офицер пусть потом проклятие и расхлёбывает. Хотя, скорее всего, ему опять всё как с гуся вода пройдёт — коль скоро и благостью Спасителя в соборе не проняло.

— Так значит, мы продадим принца вам… за бочку пива, — полковник тоже усмехнулся. — А вы вернёте того в лес. Что ж — похоже, умаслить племя перворождённых таки удастся. Лучше худой мир, чем полностью проигранная война?

И только сейчас до похолодевшего Ларки что-то и начало доходить. Эта небрежность в обращении, и в то же время неприкрытое подобострастие окружающих… этот властный взгляд, а величественный поворот головы! О, как же он был слеп!

— Ваше величество? — вовсе не малость и по понятной причине севший голос выдал всю глубину его волнения.

— Вольно, поручик. И отставить чинопочитание, сейчас не время, — с усмешкой отмахнулся оказавшийся королём полковник, и пустился со святыми братьями в обсуждения.

Повелительный жест — и вокруг замельтешила маленькая буря. Дожидавшемуся гонцу тотчас же послали пакет. Предложение мира принято, а конкретные протоколы и обсуждения пройдут уже в соответствии со всею дипломатической и бюрократической тщательностью. Дескать, нельзя допустить, чтобы из-за неверно сформулированной фразы или небрежно проставленной запятой потом снова начали

проистекать некие недоразумения со вполне понятными последствиями.

За елфом, содержавшимся под неусыпной стражей и святыми молитвами в одном из недальних замков, тотчас поскакал получивший как подтверждение своих полномочий королевский перстень сир Андреас.

— А пока что, дамы и господа, — король повёл вокруг смеющимся несмотря на ситуацию взглядом. — Не устроить ли нам маленький бал? Проигрывать нужно с достоинством — да и не покажем же мы медному королевству своего уныния?

С последним доводом согласились даже такие хитрые бестии, как внимавшие с самыми постными физиономиями святоши. Ну, а уж дворяне и военные (а пуще того их жёны да прочие подружки) и вовсе горячо поддержали эту затею. В святом королевстве и без того каждое развлечение наперечёт. Так что — гуляем до самого утра?..

— Во дворце, подаренной самой весной, и под песню вечных звёзд мы танцевали, — корнет шаловливо усмехнулся, напевая эту старую песенку на мотив вполне недурственного здешнего менуэта.

В самом деле, они танцевали — плечистый и весьма приятно выглядящий поручик и стройный как юная рябинка корнет. И действительно во дворце, пусть это был и оплот вчерашнего злейшего врага.

Все эти танцы-манцы Ларка откровенно не любил. Ну да, заучил движения и па на обязательных в Академиях уроках этикета — как оказалось, пригодилось. Да вот только, с куда большим усердием и прилежанием он изучал фехтование или приёмы ковки да обработки металлов. Уж куда лучше этого дурацкого дрыгоножества… но оказалось, что и от таких нелепых на первый взгляд телодвижений можно получать удовольствие — особенно когда в твоих объятиях иногда оказывалось это юное и смазливое недоразумение в мундире корнета…

— Вам, вьюноша, было бы лучше родиться девицей, клянусь ранами Спасителя! — въедливо и с отчётливо заметной ноткой осуждения заметила в их сторону приятно пухленькая дама лет слегка за тридцать, когда Ларка вёл своего спутника к столам в соседней галерее.

Поручик окинул позволившую себе такие нескромные слова едва одним взглядом — но понял всё мгновенно. Хм-м, а весьма ничего, симпатичная дамочка здешняя королева… в ушах если это сапфиры так блистают радужными брызгами, то он, Ларка, в камнях и вовсе не разбирался. Ну скажите на милость — какая ещё придворная дама может позволить себе носить в ушах

полфунта бриллиантов? А эта широкая, алая с золотом лента по диагонали, с которой колючими искрами блистала высшая награда светлого королевства? Тоже мне, крест Спасителя! А платье? А походка и этот уверенный разворот полуобнажённых плеч? Миледи Хельга тут просто удавится от зависти — перед *такой* она словно дитё малое. Каждая мелочь на этой ухоженной ляльке ненавязчиво и мягко прямо-таки вопила о богатстве — и власти. Но, хороша всё же, ничего не скажешь…

— О, ваше величество, какая неслыханная для нас честь, — Ларка мигом вспомнил все, казалось бы, старательно и безнадёжно забытые правила этикета да принялся было изощряться в поклонах-расшаркиваниях да прочих ужимках.

Однако, королева ничуть не купилась. С бархатным глубоким смехом она легонько оттаскала поручика за ухо и поинтересовалась — как же это того угораздило? А придворные и монаси так и шарахнулись подальше после одного только повелительного движения веером. Ну что ж, такие намёки понятны. Ларка подхватил королеву под ручку и чинно повёл прогуляться по галерее, а потом и в зимний сад. По пути он разливался соловьём, по вполне похвально усвоенной привычке стараясь не утомить собеседницу, а наоборот — нащупать интересующую именно её тему.

— Да, с предназначением трудно бороться, — после некоторого раздумья заметила её величество и повела бровкой в сторону двух подозрительно плечистых святых сестёр, что следовали за нею неотрывно как тени. — Оставьте наше величество! В компании этого… гм-м, джентльмена я могу не беспокоиться за свою репутацию дамы. А уж тем более в оранжерее.

— И что же, поручик, вы не пробовали исправиться и встать, так сказать, на путь истинный? — карие глаза королевы блистали лукавством.

Ларка с самой покаянной физиономией заметил, что надумал вроде. Как-никак, в офицеры выбился, да во дворяне — пора уж и насчёт наследников озаботиться. Да вот, его величество медный король не иначе как для поддержания морального облика направил с ним в поездку этого смазливого корнета.

— Да, очаровашка этот кавалерист от инфантерии, — рассеянно проронила плывущая по дорожке зимнего сада королева.

От таких слов в самую пору насторожиться! Чтоб знатная дама просто так разбиралась в табели о рангах противного королевства? Вот Ларка и насторожился — однако августейшая спутница лишь чуть печально улыбнулась и едва заметно увлекла

за руку в просвет, с трудом различимый меж пышно разросшихся, похожих на апельсиновые деревьев.

Здесь оказался сделанный стараниями садовников вполне зелёный тенистый грот. Несмотря на то, что где-то под стеклянными сводами ярко пылали свщенные руки святого то ли Хомы, то ли Брута — здесь обнаружился весьма интимный и уютный уголок. Журчал откуда-то сбоку невидимый рукотворный ручеёк. На широкой альтанке лежал небрежно брошенный августейшею рукой меховой плащ, а на невысокой тумбе, довольно успешно сделанной из нижней части резной эльфийской колонны, сиротливо покоилась одинокая книга в тёмном переплёте.

Королева оставила руку своего спутника и шагнула к тумбе. В несколько мгновений она, притопывая от нетерпения каблучком, нашла нужные страницы и скороговоркой прочла несколько строк…

Поначалу озадаченному парню почудилось, будто он оглох. После лёгкого звона как отрезало разудалые звуки из золочёной королевской залы, умолкло щебетанье птиц из проволочного вольера у входа в оранжерею. И лишь ручеёк журчал всё так же звонко и неугомонно.

— Что-то вроде завесы тишины? — с видом записного знатока осведомился он.

Однако её величество небрежно соизволила уронить священную книгу обратно и повернуться. Некоторое время она рассматривала гостя своего излюбленного места с непонятным тому серьёзным вниманием, и лишь потом её полные красивые губы раскрылись.

— Нет, друг мой — это куда серьёзнее. Ведь мне тоже дарована всевышним определённая милость, — дальше выяснилось куда интереснее.

Оказывается, есть среди святых молитв одна чрезвычайно интересная. Как назвала её королева, Вуаль. И теперь на пару часов снаружи этого уголка время попросту замерло. Сюда не сможет пробраться ни звук, ни ветерок — но что самое интересное, ни один даже самый искушённый святой брат или маг. Когда Вуаль будет снята (а сделать это можно только изнутри), то снаружи не пройдёт и мгновения.

— Я понимаю, что уже не та что в лучшие годы. В общем, мой августейший супруг с некоторых пор завёл себе толпу молоденьких послушниц, и я буду не я, если не… Все равны пред ликом Спасителя! — её величество заметно волновалась. — Я попытаюсь наставить вас на путь истинный как женщина — а вы поможете мне отомстить?

О, коварство, имя тебе женщина! Но всё же, бывает иногда, что судьба благосклонно улыбнётся своему пасынку и от щедрот подарит сладкое мгновенье. Парень не колебался ни мига. Если уж прелюбодействовать, как говорят святоши — то с королевой. Тем более, что дамочка ещё отнюдь не утратила своей женской прелести, а оказалось немного сродни хорошо выдержанному вину.

— Нет, ну кого провести надумали, шельмы! — королева весело засмеялась, отчего аппетитная грудь её приятно для глаза заколыхалась, и с видом победительницы уселась на расслабленно лежавшего парня. — Рррр! Если ты из *девяток*, то я уж и не знаю…

Она призадумалась на миг, одною рукой лаская своего любовника, а другой ласково тормоша за нос.

— Если пройтись методом исключения, то единственно возможный ответ тот, что некий корнет на самом деле отменно замаскированная девица, — глаза женщины прямо-таки светились счастьем и лукавством. — А то будто я не видела, как вы целовались в тени за сиренью! С восторженной пылкостью неофитов…

И вновь, и снова, и ещё раз, и опять проистекли те сладостные события, что не оставляют равнодушной ни служанку, ни герцогиню. Королева казалась словно сорвавшейся с цепи — пылкой, ненасытной. Но в конце концов оказалась вынуждена сдаться и она.

— Никогда не думала, что месть может быть настолько сладостна, — лукавый шёпот выпорхнул вместе со вздохом сожаления. — Ладно, встаём, мой друг? Два часа уже почти прошли.

Но Ларка, с видом якобы расслабленным и безучастным лежавший на краю плаща, приоткрыл в ту сторону один глаз. И с самым ханжеским и смиренным видом поинтересовался — а нельзя ли набросить Вуаль ещё раз?

— Для повторения урока, так сказать — и закрепления пройденного материала… мне просто понравилось одна горячая девчонка. Можно ещё немного сладкого? — стоило признать, что счастливый смех и ласковый поцелуй были ему ответом.

— Дай мне требник, Ларка. Повторно не сработает — но там есть ещё один похожего действия текст.

Книга перекочевала в ладони королевы. Прищурившись в этой благословенной полутьме, женщина попыталась что-то прочитать, но потом всё же сдалась. Тогда парень потянулся рукой, пошарил под скамьёй и достал не замеченную садовниками опавшую веточку. Миг-другой, и меж ладоней та

высохла, а потом и занялась с одного кончика крохотным оранжевым огоньком. Маленьким светом истины во тьме невежества.

— Как красиво, — зачарованно шепнула женщина. С лёгкой улыбкой она положила на грудь держащего свет парня книгу и лихорадочно принялась в той что-то выискивать. — Ну же, ну! Ага, вот оно…

Чуть нараспев она прочла несколько строк. И снова лёгкий звон прокатился по всему телу, и снова вокруг покорным стражем улеглось само время. Ну что ж, не стали его терять и эти двое, заблудившиеся в лабиринте судеб, но встретившиеся в хитросплетениях случая.

Языки раскалённого почти добела лилового огня яростно лизали изнутри прозрачный шар. Метались, суетились и переливались в каком-то извращённом подобии жизни, а всё же раз за разом оказывались не в силах преодолеть границу. Отблески этого призрачного сияния бросали на лица двух склонившихся мужчин безумную мешанину света и тьмы — так что порою те казались ожившим воплощением вырвавшихся из мрачных бездн ночных кошмаров.

— Ну, вот и всё, остался последний шаг драмы, — едва слышно прошептал тот, что держал хрустальный шар в своих ладонях, и замолчал. Суровая складка над переносицей отчего-то показалась чуть глубже, а в горько опущенных уголках губ на миг почудилась печальная улыбка.

— Я тоже хочу видеть это своими глазами, — столь же мрачно откликнулся его собеседник, и обладающий столь явственными способностями волшебника король оторвал от мерцания шара зачарованно утонувший в лиловом неистве взгляд, поднял его на только сейчас отозвавшегося напарника.

Лицо того, да выступающий из-под чёрного плаща край кружев — вот и всё, что виднелось в окружавшей этих двоих беспросветной тьме. И не столько по знакомым всем чертам, сколь по мрачно-щёгольской черноте одежды можно было тотчас признать канцлера медного королевства.

— Да… мы не просто ждали эти десять лет, друг мой — мы готовились. Пусть это опасно — однако я не вправе лишить тебя сладости зрелища. Хорошо… да будет так.

Снаружи, с башни ратуши ударил колокол, и заунывный звук его что-то сдвинул в окружающем мире. Чуть дребезжащий сигнал полуночи пролетел над городом и увяз где-то вдали, в ночной сырости и прохладе. Король погасил сияние внутри прибора магической связи и бережно уложил ещё прабабке служивший хрусталь в специальную выемку ящичка, обитого изнутри траурным бархатом.

Витой шёлковый шнур портьеры скользил и ластился к пальцам, но всё же, с еле слышным шорохом тяжёлая плотная ткань раздвинулась в стороны, и в высокое окно пролилось слабое мерцание ночного города.

Присмотревшись и прислушавшись чуть, мужчины легонько кивнули в знак того, что всё в порядке — и вышли наружу. На

балкон, единственно с которого и можно было попасть в эту запретную почти для всех комнату старого королевского дворца.

— Всё в порядке, господа? — вопрос чуть приободрившегося на свежем воздухе его величества адресовался двум крепким мужчинам с обнажёнными клинками в руках и волшебнику, чья ухоженная борода белела в этой темноте.

Адмирал фон Триер с облегчением сунул в ножны тяжёлую абордажную саблю — да и полковник Блентхейм с заметно успокоившимся лицом проделал со своей шпагой то же.

— Франек, ваши услуги пока не нужны нашему величеству — но завтра с утра вы нам понадобитесь, причём хорошо отдохнувшим, — волшебник в кажущейся сейчас чёрною красной мантии с достоинством поклонился и убыл — уж таковые слова августейшего повелителя в пояснениях не нуждались.

А оставшиеся на балконе вояки этак смущённо переглянулись — и что-то уж больно неприкаянно переступили с ноги на ногу.

— Что такое, господа? — хмуро поинтересовался погружённый в мрачные думы канцлер.

— Кажется, мы догадываемся, — с посеребренной луною слабой улыбкой заметил король. — Говорите смело, господа военные.

Странно — не боявшиеся ни полков святого воинства, ни их боевых флотов крепкие мужчины снова переглянулись.

— Ваше величество… мы прибыли не только на ваш зов — но и с прошением об отставке…

Король грустно покивал после этих слов — зато канцлер еле слышно ахнул. Между прочим, никто иной как брат покойной королевы, назначенный монархом на должность после просьбы супруги, оказался вполне недурным кандидатом — по крайней мере, прикарманивал по-божески, дела вёл с блеском, да и королевскими секретами налево-направо не торговал. Да, не просто так удивился сей повидавший всякого государственный муж — уже третий век при дворе каждого короля блистал свой полковник Блентхейм. Если что и казалось в мире незыблемым, то именно это. Да и фон Триер оказался именно тем адмиралом, который поднял на небывалую доселе высоту славу королевского флота…

— Причины? — просто и чуть ли не буднично поинтересовался его величество.

Адмирал для уверенности солидно кашлянул, отчего обоих высочайших дворян едва не сдуло с балкона, и сконфуженно заметил — они не вправе оставаться на службе, коль скоро его величество, несмотря на мир со святошами, всё же настойчиво готовит тем некую весьма гибельную пакость.

— А кто, кто тот наглец, что заключил вместо нас мир? — с озорным блеском глаз осведомился король. — Договор ещё не подписан, господа — мы отбываем на рандеву с нашим августейшим собратом лишь второго дня. И до тех пор надлежит вышибать из святош дух — да так, чтоб они не передумали.

Полковник Блентхейм покривился, однако не нашёлся что возразить, а посему выдвинул другую причину. Дескать, на днях тут одного фронтового орёлика в клетку посадили…

— Так вот, ваше величество — два часа назад мы с адмиралом устроили заключённому побег, — вот это уже оказывалась новость так новость!

Но казалось, король вовсе не расслышал этих слов. Он облокотился на каменные перила опоясывавшей балкон балюстрады и весьма небезуспешно изображал, будто вид большей частию спящей столицы занимал его больше всего.

— Надо же, до сих пор где-то в городе липы цветут, так сладко пахнет, — вздохнул он, и прекратил наконец демонстрировать троим присутствующим свою столь красноречиво оставленную незащищённой спину. Тоже, между прочим, знак доверия — и нешуточный!

— Что ж, господа, уважаем. За смелость, за верность своим принципам — и что не испугались высказать нам то лично. Но будьте же последовательны до конца и поведайте нашему величеству, куда же вы запрятали от нашего гнева… гм-м, орёлика?

Адмирал хмуро зыркнул в мерцающий огоньками город, и с шумом вздохнул. Заметно было, что так и тянуло бравого флотоводца загнуть эдак привычно, как частенько бывало с мостика штормующего в океане или ведущего бой фрегата. Но из слов его выяснилось лишь, что один орёлик возжаждал прежде всего объясниться с некой… орлицей. Ну, а если после той оказии пёрышки ему не ощипают, то острова сен-Хок отличное для здоровья место — туда даже коронные сборщики податей рискуют показываться лишь раз в год.

— То есть, он сейчас отправился почти в сердце светлого королевства? — поинтересовался мрачно помалкивавший канцлер. — А если орёлик тот предложит святому королю свой меч воина и талант полководца?

Полковник еле заметно дёрнул плечом — но взгляд его не дрогнул.

— Мы не верим, что можем так уж ошибаться в том парне, но… если что, кинжал в сердце смоет любое бесчестие.

Но его величество со странной улыбкой покачал головой.

— Даже если… ничего страшного, — он снова поглядел в

ночной город, а затем совершенно непоследовательно поинтересовался, помнят ли господа военные некое событие десятилетней давности?

Да уж, таковые странности не рекомендовалось забывать никому. На очередном балу в честь годовщины коронации произошло нечто такое, о чём предпочитали даже не шептаться по углам. Голова на плечах как-то дороже, знаете ли…

— Стоит ли рассказывать нам о том новое, ваше величество? — адмирал несмотря на свою с годами всё сильнее проявлявшуюся тучность, соображал всё так же хорошо. — Вернее — стоит ли нам о том знать?

Канцлер негромко заметил, что некие деликатные подробности прошлого живо заставят господ офицеров бросить и думать о всяких глупостях вроде отставки или клинка в сердце. Так что его величество, скорее всего, прав — пора.

— Да, пожалуй, — король задумался, и взгляд его с лёгкостью пронизал пучину времени…

Как раз стояло начало осени — та самая, прославленная бардами и менестрелями пора, когда уже отошёл летний зной, но слякоть и дожди ещё только собирали свои силы где-то там, за полуночным хребтом. В тот год удалось без особых потерь отбиться и от орочьего вторжения, и от нападений святых рыцарей. Да и урожай на полях собрали отменный — в общем, живи казалось бы да радуйся. Тем более, что король и королева словно сбросили с себя не так уж и много лет да хоть ненадолго отчего-то вспомнили ту восхитительную и хмельную пору, когда они ещё совсем юными целовались под уютной сентю каштанов королевского парка.

Короче, медовый месяц бывает не только раз, и не только у новобрачных. Светящаяся счастьем и мягко похорошевшая королева вела себя с той лёгкостью и весельем, когда все шутки удачны и все кошки белы. И вот, на пиру она, расшалившись, первой ухватила кубок короля и отпила из него под смеющимся взором своего мужа и господина…

— Как покушавшимся удалось подсунуть нам Напиток Забвения, дело запутанное, — голос короля дрогнул, ибо впавшую в холодное беспамятство августейшую супругу так и не смогли привести в чувство — а через день с нею произошло и окончательно непоправимое. А буквально через седмицу покончила с собой и старшая дочь, малышка-принцесса.

— Так вот, господа — слушок насчёт того, что на нас покушался наш почивший ныне в бозе младший брат, вовсе не ложь, — на этот раз в словах первого дворянина королевства отчётливо прозвенела сталь. — Да вот только, стояла за тем вовсе

не кучка недовольных нашим величеством графов и баронов!

Взгляд короля блистал во тьме, словно сдвоенная путеводная звезда.

— Кажется, я начинаю догадываться… — адмирал неверной рукой нашарил ворот кителя и рванул его так, что по каменным плитам балкона с глухим треском поскакали медные пуговки.

— Да, господа, месть сладостна, — брат покойной королевы и нынешний канцлер пришёл на помощь своему оказавшемуся не в силах совладать с волнением королю. — Но правда также и то, что таковое блюдо следует подавать холодным. Десять лет мы лелеяли планы и готовились — неужто мы вправе простить светлым такое?

Полковник в замешательстве полез за трубкой — и о чудо! — его величество лёгким кивком позволил ему и адмиралу закурить в своём августейшем присутствии. Пред ликом короля! И даже оказался столь милостив, что самолично поднёс огонька на кончике пальца.

— Но отчего, ваше величество, вы нынче придержали наши армии за поводки? Если б не то весьма непонятное и великодушное предложение мира, мы бы максимум за седмицу разровняли все сортиры святош, — и тут понимание исказило почти успокоившееся было лицо старого служаки.

— Да-да, господа — нам и верным нашему величеству людям удалось размотать длинный и оказавшийся весьма запутанным клубок. И на том конце ниточки обнаружился никто иной, как тогда ещё молодой и весьма честолюбивый король Света.

Слова падали как удары незримого молота, и всё глубже вгоняли в землю призрачные надежды, что всё будет к лучшему. Да уж, личная месть короля — это не шутка. Даже если и выиграть войну — с августейшего собрата проигравшей стороны по традиции не должен был упасть даже и волосок. Просвещённая монархия, дамы и господа — такая беспросветная скука! Даже голову никому просто так нельзя срубить…

— Кстати, полковник, вы почти верно приметили сходство между нашим сыном — между прочим, вашим будущим королём — и Велериной, — наконец-то бледный как полотно король усмехнулся. — Но сделали не совсем верные выводы. Вернее, совсем неверные.

Как оказалось, король после смерти супруги говорил с десятилетней принцессой — как отец с дочерью. И серьёзная до бледности златоволосая малышка отказалась от блестящего будущего придворной дамы ради возможности отомстить.

— И вот тогда-то официально принцесса и моя племянница умерла — а в дальнем портовом городке появилась никому не

известная сирота Велерина, — канцлер помялся, но добавил, что малышка уже тогда показывала задатки недюжинной силы волшебницы. Таковой сильный козырь следовало держать до поры в рукаве и разыграть наверняка. А буквально пару лет тому словно сама помощь небес постучалась в ворота королевской академии Силы и Духа…

Полковник резко пыхнул дымом вверх, чем до полусмерти напугал привлечённого огоньками трубок и сейчас весело порхавшего над головами нетопыря.

— Значит, через несколько дней ваше величество и господин канцлер лично прибудут на подписание мира, чтобы воочию… насладиться неким зрелищем?

Король мрачно покивал, и Блентхейм с холодком в душе осознал, что нипочём не хотел бы оказаться сейчас на месте своего монарха.

— Что это будет, мы пока не можем сказать, господа. Есть тайны, недоступные даже нам. Кстати, адмирал. Приготовьте на всякий случай в ближайшем к столице порту хороший скоростной корвет с надёжной командой. Не для нас — для нашего сына и дочери.

А канцлер с самой недоброй улыбкой подтвердил: так что, господа — всё прочее это, право, это такая ерунда!

Тишина вновь зависла над балконом королевского дворца, чудным и непредсказуемым образом смешавшись с ночной темнотой. Она мягко обволокла собою этих четверых людей. Нимало не смущясь, обернула притихшее в ночи здание, вымахнула под звёзды — и торжествующе упала на город. И лишь тихонько и предупреждающе хихикала она, образовав ту самую, опасную смесь, под прикрытием которой зарождается так много зловещих планов — или же искорок новой жизни…

Очуметь можно! Если верить кретинизатору по прозвищу телевизор, в Москве нынче жара стоит на уровне экологической катастрофы. А тут, тысячей километров южнее, выходишь утром на балкон с кофе и сигаретой в лапках — и трясёшься от холода. Вот уж правду говорил классик, всё смешалось в доме Облонских.

А эта чудная пора уже по солнышку скучала. И хлад смертельный до утра, седой туман et cetera… Ну что ж, мой друг — начнём, пожалуй?

Видение уходило нехотя. Порхали вокруг яркие искорки грёз, словно цветочные эльфочки полузабытой сказки. Ещё ласкал ноздри томный аромат разгорячённых тел, ещё помнило всё существо шелковистое прикосновение женской кожи. Вполне естественно, что его пошатнуло.

Ларка стоял у входа в растительный грот, опираясь чуть

подрагивающей ладонью о ствол деревца. Пальцы ощущали как нечто вполне реальное шершавость коры. Неспешный, едва заметный чувствующему ток хладных соков. Всё так же журчал ручеёк, покоился на оттоманке брошенный небрежною рукою подбитый заячьим мехом плащ. И всё же… парень в сомнении тихо фыркнул, уронив один только взгляд на золотисто-розового шёлка платье королевы. Он много чего умел… но вот одеть на красотку этакий шикарный изыск портных — всего в пару минут, да не заплутать во всех этих потайных крючочках, пуговках и лентах с прочими подвязками?

Шалите… не настолько он хорош. И всё же, ещё не померкшее в глазах видение, тонкий и дразнящий аромат на губах — неужели всё это лишь почудилось?

Её величество стояла полуобернувшись, и левая ладонь её покоилась на чёрном прямоугольнике требника.

— Что скажете, поручик? — чувственные губы искривила лёгкая усмешка.

Поручик смущённо отделался шуточкой в том духе, что кое-кому после троих детей — и не нуждаться в корсете, это простотаки неприличная роскошь. Королева со смешливыми огоньками в тёмных глазах выслушала этот сомнительный комплимент, запросто могший бы кому-то другому стоить и головы, да легонько засмеялась.

Она шагнула ближе, чуть запрокинув голову в уверенном жесте красивой и вполне отдающей себе в том отчёт женщины.

— Вы не знаете, что случилось — и случилось ли, — несмотря на серьёзность слов, на женских губах блуждала смутная улыбка. — Я отняла у вас кусочек реальности — и вы дрогнули в смущении. Доселе вы слишком крепко стояли на своих двоих, мой друг… и всё же, в моих силах оказалось выбить почву из-под ваших ног.

Её глаза… о, это надо было видеть. Сияющий взгляд сполна отведавшей любовных утех не королевы — женщины. И в то же время, безукоризненная, волосок-к-волоску причёска знатной дамы оказалась не нарушенной даже в малости. А ещё запах… ну никак не может даже самая изысканная леди после милых шалостей не пахнуть томно и дразняще. А тут лишь чуть щекочущий ноздри запах духов — кстати, дамские парфюмы эти оказывались одним из немногих послаблений, сделанных святой верой.

Легенды и анналы говорят, что некогда знатные дамы светлого королевства взбунтовались — дескать, не может же от нас по жаре да ещё после бала или молебна переть как от полковой лошади? Святые сёстры из числа монахинь и

послушниц, да и прекрасная половина мещанского сословия вдруг проявили в том весьма неожиданную женскую солидарность — и сердца отцов-основателей вынужденно дрогнули. С тех-то пор парфюмы, мази и притирания, в изобилии производимые в медном королевстве, и составляли один из разрешённых к ввозу товаров. Как сказал кардинал дю Жоффре, женщина есть сосуд греха — но восславим же всевышнего, создавшего для нас этот источник искуса!..

— Затем я вырву у вас ещё кусочек — о, возможно совсем иным способом, затем ещё… Да-да, мой друг, я вижу панику в ваших глазах — бегите! Бегите как можно дальше и как можно быстрее, если не хотите потерять всякую связь с реальностью. Ибо ступить на такую зыбкую почву может лишь истинно почитающий Спасителя, — сладкое дыхание её голоса холодило губы в опасной близости.

А парень молча стоял и размышлял, как же чудно может уживаться в одном теле и в одной душе блистательный свет и первозданный мрак. Они все безумны — вдруг понял он. И общеизвестная шуточка насчёт напрочь свихнувшихся святош оказывалась-то на самом деле горькой и неприглядной истиной… ладонь его за спиной неприметно сорвала с деревца листок и сунула за отворот обшлага — надо будет потом вдумчиво поинтересоваться у людей знающих.

От входа в оранжерею донеслись возбуждённые голоса, смех. Королева медленно отступила на пару шагов и села на плащ. Она улыбалась, глядя на в задумчивости чуть опустившего голову парня.

— Что же вы молчите, словно у столба казни, друг мой?

И всё же, нам ли бояться хорошей драки? Когда Ларка поднял голову, в глазах его блеснул лёд.

— Жаль, ваше величество, что разница в положении никогда не позволит нам сразиться на равных. Впрочем, спасибо за… у эльфов говорят — кто предупреждён, тот вооружён.

Её величество прислушалась к приближавшимся звукам и мимолётно заметила, что сия сентенция скорее всего принадлежит древним гномам. А вопрос с первородством остроухих несколько сомнителен.

Голоса за листвой взорвались звонким хохотом, и чья-то уверенная рука откинула свисающие над входом в зелёно-серый уголок ветви.

— А, вот вы где, я же говорила вашему величеству! — вслед за весёлой и дерзкой миледи Хельгой в грот вошёл сам король.

Его величество нахмурился на миг — застать супругу наедине с мужчиной? Но репутация *девяток* королевской академии южан

известна была весьма широко, потому король дишь усмехнулся, позабавившись ситуацией.

— Что я пропустил, моя сестра в святой вере? — он как-то странно посмотрел на свою тут же замершую словно в недоумении спутницу, после чего ласково и шутливо приложился к ухоженной ручке этой розовато-вызолоченной холёной ляльки — а Ларка в этот миг ощутил, что эти все люди… они ему омерзительны.

Эти ужимки, недомолвки с полунамёком… показная святость одновременно с грязью в душе. Как это возможно — говорить одно, делать другое, а думать при этом и вовсе третье? При таком чудовищном разладе неизбежны проблемы со здоровьем, пожалуй — как телесным, так и душевным… надо будет на досуге у Велерины или Франека поинтересоваться.

И как теперь прикажете относиться к королеве? Паучиха в центре своих силков, искусно заманивающая добычу — или же несчастная, запутавшаяся между истиной и ложью женщина? Да уж, есть тут о чём подумать на досуге!

— В мои грезы он скользнул как натёртый лучшим маслом… — королева поколебалась чуть, но продолжила. — И всё же, я потерпела полное фиаско, мой друг — точно так же, как совсем недавно святые отцы в соборе.

Ларка легонько нахмурился — одной бровью, как он по живости своей перенял ещё у той Ольчи. Судя по откровенности разговора, вполне и очень даже могло оказаться, что живым ему отсюда не выйти. Или по крайней мере, в добром душевном здравии…

— Вот как? С трудом представляю, каким образом это возможно, — заметил король и мельком глянул на замершую миледи с её застывшим и ничего не выражающим взглядом.

Королева легко поднялась с оттоманки. Её золотое с розовым роскошное платье с тихим шуршанием расправилось и тут же приняло настоятельнейше рекомендованную правилами и канонами форму. Шаг-другой невидимых под подолом августейших и, кстати, весьма недурственных ног — и женщина уже всмотрелась в глаза нарочито невозмутимого поручика с непонятным пытливым интересом.

— Представляешь, мой супруг — этот нахал просто не пустил в мои мысли и грёзы, в мои законные владения образ Спасителя! Мало того, он даже попросил ещё раз применить самую сильную молитву Вуали — и я сделала то. С тем же успехом, впрочем…

Она легонько размахнулась и несильно, раз-другой шлёпнула парня по щекам сложенным веером.

— Нахал… Долго мне придётся читать святые молитвы и

каяться, искупая свой грех. Нет, мой супруг, даже не спорь — пусть то и произошло всего лишь в мире грёз, а не наяву. Однако, я прелюбодействовала в мыслях, а это ещё хуже… но что самое мерзкое — я получала от этого просто нестерпимое удовольствие!

Невидимый каблучок её величества гневно ударил в камни дорожки.

Ларка искоса, краем глаза посмотрел на застывшую красивой куклой леди Хельгу в её брючном костюмчике цвета переливающейся узорчастой стали. Миледи стояла недвижно, а от одного только выражения в серых глазах кулаки просто нестерпимо зачесались кого-нибудь тут прирезать. Но поскольку парень ещё толком не решил, кого именно из августейшей четы он ненавидит и презирает больше, то решил чуть повременить и послушать ещё. Может статься, что и сразу обоих придётся насильно отправить к их столь обожаемому Спасителю…

— Нет, мой брат в святой вере и августейший супруг, вовсе незачем лишать его головы в пределах вашего королевства. Всё-таки посланник, дело щепетильное. А пусть жертва знает об идущем следом охотнике? Пусть боится — так даже интереснее.

Адресованная ему чарующая улыбка королевы Ларке понравилась. А вот слова её совсем наоборот.

— Когда начинать бояться, ваше величество? — с как можно более изящным поклоном поинтересовался он.

Но всё же, ответил сам король. Да так, что парень призадумался всерьёз.

— По-хорошему, надо было начать в ту ночь, когда я устроил вашу встречу с этой дурёхой-ведьмой, — без улыбки ответил равнодушный монарх.

С этими словами он поощряюще улыбнулся своей супруге и подал ей руку. Вот так, чинной парой, они оба торжественно и неспешно удалились. Но лишь проходя мимо живой статуи леди у выхода, его величество легонько и освобождающе похлопали ту по уже ставшей алебастровой от гнева гладкости щеки…

Замечали ли вы, что дети и старики куда проще и быстрее понимают друг друга, нежели так называемых взрослых? Малыши воспринимают открытым сердцем распахнувшийся перед ними во всём своём цветущем великолепии мир — и счастливы этим восторгом. Однако, чуть повзрослев, они берутся за так называемый ум и принимаются суетиться в попытках достичь того-сего. А потом… потом большинство из них, кому посчастливится уцелеть от набитых шишек, мудреют. Да-да, не просто набираются пресловутого житейского опыта, а именно становятся мудрыми. Но лишь с тем, чтобы на этот раз снова отринуть сиюминутные дёрганья разума — и уже вновь

принимать мир всем своим настрадавшимся сердцем…

Под балконом с позвякиванием доспехов проследовала вахта ночной стражи, и сидящий наверху одинокий поручик проводил тех едва замечающим взглядом. Как же одиноко и горько сидеть вот так, посреди огромного чужого города — и ощущать своё бессилие что-то изменить.

Нет, за себя Ларка даже не волновался. В конце-то концов, вечно жить он и не рассчитывал. Рано или поздно безносая настигнет нас… и пожалуй, лучше уж так, в хорошей драке — вцепившись зубами в горло врагу, со славой подвести итог всему и вся. Что ж, дело солдатское!

А вот за двух девчонок стоило крепко подумать и даже встревожиться. Вернее, за двух с половиной — малышка-домовёнка угомонилась только сейчас, приводя в порядок хозяйские пожитки в коридоре гостиничного номера.

Периодически малышка звонко чихала от пронизывавшего всю столицу наподобие зловонного облака ощущения святости — однако в ответ на шутливую сентенцию *лучшее средство от простуды это чай с малиной и ночь с мужчиной* с ворчанием заявила, что в этом дурацком городе проще кабак приличный найти, нежели означенного мушшыну её рода. Она ворчала и разорялась бы ещё долго, но тут оказалось, что спустившись в гостиничный подвал вполне возможно применять нехитрые домовячьи *нашёптывалки* и *бормоталки* — то есть, мелкие бытовые заклятья типа чистки одежды или мытья посуды.

Волшебница… Велерина послала его далеко и безоговорочно, едва он вернулся под ручку с пошатывавшейся миледи из оранжнреи.

— Жеребец! Козёл похотливый! — корнет заподозрил что-то неладное в один миг, а потом с таким наслаждением устроил немало позабавившую придворных и святую братию-сестрию бурную сцену ревности, что в другое время стоило бы и восхититься.

А всё же, стоило признать по вдумчивом размышленьи, что воспитывалась волшебница чуть ли не в монастыре. И вся эта развязность дорогой шлюхи да присущая магикам широта взглядов на самом деле ширма. За которой прячется… что? И всё же, Ларка не без удовольствия вспомнил то вдруг ударившее от содрогавшейся в сладкой муке волшебницы незабываемое ощущение. Ей ведь было действительно хорошо — настолько, что слегка придя в себя испугалась и она сама.

Самой себя, что ли? Затаившегося в темноте подсознания зверя? Да уж, с прямодушными духами стихий куда проще, равно как и с порою непокорным, но честным металлом. Наверное, всё

же прав был тот академик Фреймунд…

Миледи тоже хороша, коза. Козюля. Чувствующему, да не признать в интонациях голоса кокетливо любезничавшей с королём леди очевидное?

— Поверь, Ларка, ни одна женщина не станет сожалеть о том, что сам его величество остановил на ней свой выбор и ввёл во Внутренний Круг посвящённых. Ну да, месячишко понежиться в лучах королевского фавора — при том, что осознание этакой лёгонькой опасности насчёт бывшей ведьмы придавало всему особое, незабываемое удовольствие… — зачем и отчего Ольче вдруг понравилось так больно уколоть его, Ларка понять всё же не смог. Но что миледи о двояком впечатлении после своих слов всё же догадывалась, несомненно. Никогда дурой не была, что б там ни воображал себе пресветлый король.

Вот и думай тут… Ларка проводил невидящим взглядом блестящую выбритую тонзуру святого брата внизу, что-то высматривавшего на брусчатке, и тихо вздохнул. Как же ему омерзителен этот великолепный город! С каким бы наслаждением он насиловал его штурмом во главе своего платунга — квартал за кварталом, неспешно и яростно… Не только потому, что столица исконно враждебного светлого королевства — а больше по той причине, что всё вокруг душило его. Эта святость вылизала каждый камень и каждый порыв ветерка до стерильной, нестерпимо мерзкой чистоты. И лишь невдалеке… поручик безотчётно напрягся, шепнул пару слов.

Как ни странно, стандартное армейское заклятье *дальновидения* всё же сработало здесь — и сидящий на балконе второго этажа человек увидел волшебно светящийся в ночи фонтан на большой площади. В искрящейся и брызгающей воде весело плескались ребятишки, радуясь прохладе после охватившей весь город дневной духоты. За ними присматривали несколько святых сестёр из приюта, а двое духов воды разрывались между тем, чтобы обеспечивать веселье и безопасность детворы — и тем, что обсуждали с монашенками способы вязания на спицах. Ну и прекрасно… хоть какой островок жизни в этой мерзкой и словно прах хрустящей на зубах святости.

Вверху почудилось какое-то движение. Ларка лениво поднял голову — так и есть!

Доселе он ощущал себя будто на донце исполинской кастрюли. Вполне надёжное и ощущаемое всеми органами чувств… гм-м, донышко вокруг. Где-то вдали незримые, но прекрасно ощущаемые границы этого мира, словно стенки уходящие вверх. Зато над головой… вверх страшновато было даже взглянуть. Пустота, страшная, холодная и затягивающая. Не

оживлённая суета спешащих по своим делам или бездельничающих духов воздуха, не проторённые трассы, по коим без устали сновали ветра и облака. Нет, здесь ощущалась бездонная пропасть, и у Ларки один раз даже чуть закружилась голова, когда он представил себя — падающим и бесконечно кувыркающимся *туда,* к этим вечным и равнодушным звёздам.

"Наверное, у чокнутых то называется *говорить с богом*" — парень вскинул ладонь во властном и в то же время приглашающем жесте.

Ну точно — из уже розовеющей на восходе черноты вверху с придушенным беззвучным воплем опускалось заметное лишь чувствующему нечто. При ближайшем рассмотрении это диво оказалось почти сожжённым святыми молитвами духом воздуха, яркой искрой падшей звезды слетавшим вниз.

И всё же, дерзкий или безумный ещё не сдался. Приметив раскрывшуюся навстречу ладонь, он отчаянным усилием чуть подправил свой больше похожий на падение полёт и таки плюхнулся ледяной струйкой воздуха на эту надёжную посадочную площадку, островок спасения в сем безумном мире. Некоторое время дух лежал, тихо нежась обернувшим его ощущением силы и защищённости, а затем блаженно растёкся — Ларка старался поддержать и подпитать столь неожиданного здесь гостя всеми силами.

— Шпаги в ножны, господа — а святые молитвы себе в задницы засуньте, — заметил он вполголоса. Разумеется, пришлых гостей-еретиков без присмотра не оставили, и на балконе по краям хмуро зыркали аж двое крепких рубак в чине капитанов. Да и в гостиничных покоях то не статуи по углам стоят, а святые истуканы. Гм-м, и истуканши тоже.

— Дипломатическая почта неприкосновенна, да и особа почтальона тоже. Не обучены правилам, что ли?

Дух наконец-то подпитался от парня и пришёл в себя настолько, что изрядно воспрянул… гм, именно что духом. Из нереальности один за другим вымелькнули два свитка, и Ларка не без тайного злорадства продемонстрировал встрепенувшимся и немедля сунувшимся сюда святым воинам ярко светящиеся печати королевской канцелярии. Те в ответ подавились смесью божбы и ругательств, и нехотя вернулись на свои места по краям балкона.

Поручик недолго думая, в несколько прикосновений ладоней придал гонцу облик махонького, феерически переливающегося сиренево-голубым и нежно-розовым дракончика размером с сокола — и под неодобрительно посматривающими взглядами охранников определил духа пока что себе на плечо. Те хоть и

ворчали что-то про нечисть и прочих демонов, но всё же немного успокоились. Ибо посланник медного королевства с весьма довольной физиономией немедля полюбопытствовал одной из депеш.

— Отменно, и весьма — мир дело уже почти решённое, и мой король выразил мне одобрение. Глядишь, звезда с неба прилетит да орденочком каким на груди обернётся… — он призадумался над вторым свитком и неожиданно обратился к офицерам.

— Господа, вот это, — он продемонстрировал в ладони неистово полыхающий печатями и защитной магией свиток. — Личное послание моего монарха вашему. Немедленно вызвать сюда особого королевского гонца, или кто тут у вас имеет право подносить сюзерену послания такого уровня!

Один из стражников проронил вниз несколько еле слышных слов. Под балконом немедленно поднялась суета, кто-то куда-то ускакал с искрами из-под копыт немилосердно нахлёстываемого коня. И потому никто не удивился, что спустя совсем малое время на балкон влетел весьма важного вида паладин. В нескольких словах поручик обрисовал тому ситуацию. А затем, встав, передал в ладонь гонца брезгливо дёрнувшийся свиток.

— Я, поручик королевской армии и посланник своего монарха, милостью августейшей сир Ларка, в присутствии свидетелей подтверждаю — послание передано в целости и в срок, из рук в руки. Вашему королю вручите с рассветом и в моём присутствии, а пока что проверьте на предмет неприятных сюрпризов магического свойства и охраняйте.

Тот напыщенно провозгласил в качестве подверждения-о-получении нечто подобное — и парень только сейчас разжал пальцы под благословляющим жестом как из-под земли объявившегося святого брата. Всё, письмо дойдёт до адресата. И как только святой гонец ринулся прочь, едва не роя копытом землю от усердия, парень с облегчением вздохнул и опять обратился к стражникам. Однако, на этот раз этаким доверительно-приглушённым голосом.

— Господа, мне нужен ваш совет в одном деликатном деле… — в нескольких фразах Ларка обрисовал ситуацию. Дескать, нужно тут раздобыть бочонок пива для одного весьма богоугодного деяния (те не сговариваясь осенили себя знаком Спасителя) — но такого пива, чтоб не стыдно было отведать хоть бы и самому королю святой земли. Да как можно быстрее найти таковое.

Осторожно переглянувшись, мужчины понимающе усмехнулись. В последовавших за тем немногословных, но блистательных прениях поручик быстро выяснил названия и

месторасположения всех окрестных кабаков и пивоварен — равно как и их особенности. И как только святые воины остановили свой выбор на несравненных и неподражаемых "Трёх херувимах", Ларка вновь поднялся на ноги.

— Кто там приставлен присматривать — за мной! — и немедля сиганул с балкона. Привычно перекувыркнулся по брусчатке, переводя инерцию падения в движение вращательное, и уже поднявшись, с вызовом уставился наверх.

Подумаешь, второй этаж! Когда их в Академии гоняли, тот дрессировавший их поручик пластунов под конец заставлял сигать с третьего — а потом не считал зазорным самолично бить *девяткам* морды да лишать увольнительных, если после осмотра у кого синяки или упаси переломы обнаруживались… и всё же, увешанные железом бравые вояки не решились. Лишь когда неспешно вышагивавший Ларка дошёл до угла, с великолепной небрежностью игнорируя поднявшуюся вокруг суматоху, они с грохотом и лязгом вывалились из дверей сонно затихшей гостиницы да поспешили следом.

— Направо, вашмилость! — о, что-то новенькое! Никак уважение во мнениях обозначилось? Ларка мысленно усмехнулся и поставил себе зачёт по психологии общения.

Красиво реявший в ночном воздухе дракончик наконец угомонился и с великолепием райской птицы вернулся на облюбованное место слева. И вот так, победно ставя шаг словно взявший на абордаж город пиратский капитан с попугаем на плече, Ларка бодро направился в подсказываемую сторону.

Для скорости решили срезать через ремесленный квартал. И вот тут — о чудо! — слух парня вычленил в ночи раннего утра сладчайший (уж для него так точно) звук. Молот и наковальня. Средний молоток с наклёпывающим бойком и малая чеканная, судя по отзвуку, наковальня.

— Вот как? — заинтересовался он и толкнул дверь, из-за которой столь рано вставший кузнец уже оповещал округу о незаконченной вчера спешной работе или же сверхсрочном заказе.

Через полутёмную, заваленную всяким товаром лавку они прошли в заднюю часть, и здесь Ларка безошибочно нашёл кузню. Хмурый хозяин откровенно изумился видению вломившихся к нему в эту рань двух святых воинов, да ещё и офицера ненавистного медного воинства.

— А ну-ка, почтеннейший, — обратился поручик к тому из сопровождавших, на чьей физиономии имелись хоть какие-то оставленные интеллектом следы. — Сколько, по-вашему, может весить живой дракончик вот такого размера?

Притаившийся на плече невесомый дух обеспокоенно заёрзал, но Ларка уже распорядился кузнецу расплавить в тигле указанное господином офицером число унций и гранов меди.

— Да живо, морда! — грозно рыкнул святой воин, и немало заинтересовавшийся кузнец проворно засуетился. Сообразил уже, что живота лишать или в подвалы пытошные тащить тут его никто не собирается — но вполне возможно некое диковинное зрелище…

Внутренне похихикивающий (а вот я вас!) Ларка голой рукой взял ало светящийся тяжёленький тигель словно кубок с вином, и некоторое время вдумчиво созерцал это зрелище с иногда искорками сгоравшими над ним пылинками. А затем кивнул неким своим сомнениям, и поднёс тяжело колыхнувшуюся расплавленную медь духу.

— Пей, дракошка, не смущайся.

На эти физиономии стоило посмотреть. Впрочем, на мордашку с удовольствием прикинувшегося феерическим дракончиком духа тоже. Тот с несомненным осуждением уставился на поручика одним глазом, затем повернул полупрозрачную головёнку и посмотрел другим. И лишь потом, жалобно курлыкнув, дух доверился чудящему *чувствующему* и на пробу, словно с сомнением, пригубил.

От чиха его полетели махонькие искорки, однако дух принялся быстро-быстро сновать тоненьким язычком, выпивая это вдруг оказавшееся вполне ничего лакомство… ноша на плече потихоньку наливалась весом, а сам дух воздуха столь ласкающим взор сиянием чистой меди.

— На, закуси, болезный, — вернувший тигель на верстак Ларка сунул дракошке в пасть серебряную монету, и тот весело ею захрумкал. — Теперь ты не демон и не нечисть — а полноправный медный дракон. И коль скоро родился ты в столице святого королевства, нарекаю тебя Августин!

Новорождённый весело оскалился и на пробу пыхнул струйкой оказавшегося ясно-зелёным пламени. Он снялся с плеча, резво облетел кузницу по кругу, и четыре пары глаз зачарованно следили за этим маленьким, изящным длиннохвостым чудом.

— Прошу потом при случае засвидетельствовать, господа — никакого колдовства, зарезанных младенцев или изнасилованных во все места девственниц тут не было, — наконец, заскучавший Ларка уронил на верстак выуженный из кошеля золотой кругляшок и направился прочь…

Кабачок, над входом которого три весёлых херувимчика с вывески тотчас скорчили угрюмые мордашки при виде поручика медной армии, оказался весьма неплох. Кругленький и

вспотевший от важности хозяин заведения лично нацедил господам по кружечке затребованного и оказавшегося просто великолепным пива, а потом двое слуг выкатили из подвала десятиведёрный бочонок точно такого же, с выжженным клеймом пивоварни из Бри.

— Это что же, я должен тащить сам? — отсчитывавший затребованную плату Ларка тут же принялся задирать нос. Ну не хотелось ему напрягаться, да и ронять престиж тоже — хотя, приходилось таскать на плечах тяжести и поболе. Например, двух подгулявших односельчан после той свадьбы внучки Хведота…

Но мальчишка-посыльный уже притащил из гильдии извозчиков и ломовиков полусонного лохматого крепыша. Тот пожал дюжими плечами и покатил покупку наружу. Одарив мальца медяком, а просиявшего хозяина чинным поклоном, поручик проследовал в двери.

На восходе уже почти совсем разгорелось, но десяток минут ещё оставался. Ну что ж, всё шло своим чередом, и уже кое-о-чём догадывавшийся Ларка вполне резонно считал, что чем бы ни обернулось дальнейшее — но следовало побыстрее озаботиться и оставить между собою и этим городом как можно большее число лиг.

— Да осторожнее, каналья! — больше для порядку буркнул он вознице, с натугой выгрузившему из пролётки бочонок. Между прочим, на площади, у самых ворот королевского парка…

Возможно, и забавно было бы со стороны наблюдать, как со всех сторон именно сюда и сегодня сползались нити причин и следствий. Чуть ли не глазом видимые нити и коготки судьбы. Знать бы ещё подоплёку… Слева вывернулись две ласкающие взгляд фигурки — то смазливый корнет и щеголяющая шоколадным бархатом и золотой парчой леди Хельга мило пришли сюда из гостиницы почтить некие события своим присутствием. Что ж, судя по диспозиции, громыхать тяжёлыми залпами вроде не собирались — и то ладно.

Справа, из неистового полыхания восхода, меж тесноты городских улиц на площадь с грохотом вылетела карета в окружении суровых гвардейцев короля — и Ларка краем глаза узрел здоровенную фигуру сира Андреаса, бесцеремонно выволокшего изнутри показавшегося тщедушным рядом с ним узника… Да уж, змея за пазухой куда понятнее такой ситуации! Да и приятнее, пожалуй, тоже.

Сзади, со стороны раскинувшихся в полуденной части столицы ремесленного и купеческого кварталов, первым прибыл сам поручик и теперь тихо наблюдал неведомые ему своим истинным смыслом события. А в тот миг, когда солнце

огненными искрами позолотило краешек вымощенной добротной брусчаткой площади, из дверей королевского дворца показался сам король в ставшем уже привычным взгляду мундире гвардейского полковника…

Ларку прошиб холодный пот, столь чудовищным и неправдоподобным казалось ему всё происходившее здесь — однако, как он ни силился, но так и не сумел проникнуть под покровы иных тайн… и он склонился в церемонном поклоне, отдавая дань уважения хоть чужому, но королю.

Сбоку вывернулся давешний паладин для поручений. Поручик вслух и с самой что ни на есть подобающей торжественности момента физиономией засвидетельствовал, что сие послание на подносике у того — от его монарха — да и печати не тронуты. А тот с весьма унылой физиономией процедил, что ни магических каверз, ни хитроумных ядов и прочих пакостей тут не замечено… в общем, вручение письма прошло чинно и с помпой.

Его величество прямо здесь же, у входа в окружавший королевский дворец парк, нетерпеливой рукой сорвал печати и мерцающую пелену защищавшей от сырости да нескромного интереса магии, углубился в чтение. На одинокого поручика чужой армии, стоявшего с медным дракончиком на левом плече да солидным бочонком пива у правой ноги, внимания никто пока не обращал — и то спасибо.

— Ну что ж, дамы и господа, мой августейший собрат подтвердил получение мирных намерений и инициатив. Послезавтра намечена встреча… — король свернул свиток и приблизился в сопровождении пользовавшегося несомненным доверием сира Андреаса да пары кардиналов.

Ситуация оказалась несколько странной — как выяснил из его слов насторожившийся поручик, светлому королю предложено выбрать уютное место для встречи недалеко от здешней столицы — но непременно с поляной или хорошим лужком возле замка.

— Что бы то могло значить? — и Ларка на всякий лучай поклонился, прежде чем отвечать на этот вопрос. Хотя по правде, на самом деле чтобы скрыть улыбку.

— Ваше величество, мой король и его министры уделяют нынешнему заключению мира весьма большое значение. Они в послании мне выразили надежду, что сия встреча потом войдёт в летописи да учебники истории. А это значит, что его величество прилетит с малой свитой, да охраной — а следовательно, будет целая стая грифонов. Затем и понадобилась лужайка в качестве посадочной площадки. Гм, а по окончании неминуемых торжеств

и взлётной тоже.

Король и сопровождавшие его святые физиономии кивнули с таким просветлённым и важным видом, что в иное время стоило бы и себе преисполниться той же важности. Но поручик в следующих словах намекнул, что ему в свою очередь нужна помощь или хотя бы совет.

— Видите ли — оказалось, что я, купив эльфячьего принца за что-то материальное, вполне могу нарушить какие-нибудь до жути запутанные традиции и правила перворождённых. Советники моего короля посчитали, что надлежит не корнету сопровождать пленника до границы, а лично мне и самому потом объясняться с остроухими. А вьюноше пока остаться вместо меня…

Дальше он добавил, что если не ехать в лесную столицу Лордаэрон, а лишь до ближайшей новой границы, где в присутствии пограничных патрулей эльфов и провернуть всё — то можно уложиться к завтра.

— А значит, мир выйдет по полной программе, ваше величество. Если вы ещё поручите леди Хельге доставить ваше личное и довольно вежливое послание лесному монарху… и как бы ни вертелся остроухий король словно карась на сковороде, а придётся ему проявить благодарность, благоразумие и прочая.

— В таком случае, не мешкайте, поручик, — король милостиво кивнул и обернулся к устало отдувавшемуся от бешеной скачки сиру Андреасу. — Организуйте пока охрану посланнику и его остроухому приобретению, да ступайте отдыхать. А мы пока займёмся покупкой пива… надеемся, не отравленное?

Похохатывающий король с интересом посмотрел на дожидавшуюся свой очереди бочку. Но уже подскочили сзади двое гвардейских капитанов и бодро доложили, что никак нет — они с оной ёмкости глаз не сводили.

Меж тем, сбоку сюда уже подвели равнодушно позвякивавшего лёгкими кандалами эльфа — и Ларка содрогнулся, один лишь раз заглянув в эти потухшие мутно-зелёные глаза… вся процедура, которой нескрываемо наслаждался светлый король и его окружение, прошла как в тумане. И лишь заполучив в подрагивающую ладонь чин чином оформленную купчую, где в нужной графе числилось "принц эльфов Тэаренил, одна штука", он немного пришёл в себя. Что-то сдвинулось в окружающем мире — но что и куда?

Королевские гвардейцы немедля водрузили бочку на импровизированные козлы из скрещённых пик, а из Сир Андреас с ловкостью, выдававшей немалый опыт и сноровку в подобных

делах, не мешкая вбил краник… на лицо с сомнением принюхавшегося к пенному напитку короля в этот момент стоило полюбоваться.

— А вроде недурственно, и весьма, клянёмся в том кровью Спасителя! Возможно напрасно, господа, мы доселе брезговали этаким простолюдинским напитком?

Церемонимейстер и пара его помощников уже приволокли золочёные подносы с нарочито большими кружками… История на миг приостановила своё кривоватое скрипучее колесо, всмотрелась сюда внимательными бессоными глазами. Встряхнула своими свитыми в косички из тончайших причин и вероятностей волосами и снисходительно усмехнулась. Во взоре её откровенно читалось бы торжество — да вот беда, некому, некому было заглянуть робко и ищуще в глаза бессмертной сплетательнице судеб. Она чуть склонилась поближе. Лёгкое дуновение, на миг овеявшее город неожиданной свежестью… и уже потом это утро прочно вошло в историю *как Королевское питиё на утренней площади*.

На часах 8:15 утра, а градусник с западной стороны дома показывает уже +30. Чтоб их Спаситель в аду миловал, всех этих синоптиков вкупе с метеорологами и прочими чревовещателями от погоды! Вчера утром было всего плюс десять, а нынче к полудню тощий и от того вдвойне злой термометр нагонит жары не иначе как под сорок в тени. Суточный перепад в тридцать градусов — то-то небось, сейчас астматики и сердечники штабелями падают…

Держитесь, миленькие, только держитесь!

Но уже мчалась, мчалась на полуденный закат лакированная с королевским гербом изящная карета. Неслась в грохоте бешено вращающихся колёс, мягко покачиваясь на добротных рессорах. А поручик в ней сонно взирал за окно и с куда большим сомнением поглядывал на своих попутчиков.

Если леди Хельга отнеслась к несколько… э-э, попахивающему немытостью эльфу с неприкрытой брезгливостью (ещё бы, этакая чистюля, принимающая водные процедуры не менее трёх раз в день!), то малышка-домовёнка наоборот, прониклась к пленному принцу самым живым и неподдельным интересом.

А тот, долговязый и исхудавший, откинулся на бархатные подушки с этакой сонной угрюмостью. И неприязненный взгляд нарочито севшей напротив, рядом с поручиком, миледи не заботил того ни в малейшей мере. Впрочем, поглядеть было на что — породистое лицо, коего не портили даже немытые спутавшиеся волосы землистого цвета, весьма изящное

телосложение хорошего фехтовальщика на шпагах или рапирах. И ладони… ладони мага или учёного — тонкие, нервные и жившие, казалось, своей собственной жизнью. Но вот глаза… усталые, больные словно у обречённо ожидающей последнего удара собаки.

В первом же попавшемся по дороге лесочке Ларка не выдержал. Он выскочил наружу, обогнул карету и с такой яростью распахнул лакированную дверцу с той стороны, что глаза пленника испуганно моргнули.

— Выходите, принц! А вы, миледи, соизвольте пока остаться в карете! — жестом поручик показал тревожно окружившей охране — подальше, а сам повернулся к неуверенно выбиравшемуся из кареты эльфу.

Сейчас, при ярком свете солнца, он только и смог получше разглядеть свою покупку. Ну да, насчёт милосердия святых отцов Ларка ничуть не обманывался и раньше — и очень ему хотелось надеяться, что бог всё-таки есть. В том смысле, что обязательно воздаст он слишком уж рьяно почитающим себя. И по заднице, и по переднице. В гробу люди и то краше выглядят… ладони парня брезгливо сорвали с безучастного эльфа оковы. Ого, какое хорошее железо! На оружие и доспехи для рядовых солдат куда хуже идёт.

— Вы меня слышите, понимаете? — над клёпаным ошейником ладони парня всё же замедлились. Что-то тут намудрили святоши с молитвами.

Зелёные, слезящиеся мутным гноем глаза впервые наполнились чем-то живым. Ещё бы — они двое сейчас стояли под сенью хоть и молодой, но дубовой рощицы. Говорят, этих остроухих хлебом не корми, а дай по лесам пошастать. Но выговорить или хотя бы запомнить вот это числящееся в купчей имечко Ларка не сумел бы и под угрозой немедленной казни…

— Tanca, cotumo, — удивительно, как эти слова древнего языка выплелись шорохом уже почти умершего к полудню ветра в листьях, но поручик понял. Зря, что ли, кроме всего прочего выучил по возможности этот дурацкий квенья… вполне, враг… ну что ж, это уже неплохо. И он подсунул едва не под нос этому тощему доходяге извлечённую из мешочка с бумагами купчую.

Гордое даже в таком замызганном виде лицо не поменяло своего выражения. Но вот в выражении глаз что-то такое определённо изменилось.

— А теперь слушайте внимательно, принц, — Ларка не сумел выдержать должной твёрдости, всё-таки отвёл взгляд. — Мы едем в сторону ближайшей границы с вашим народом… я могу избавить вас от последнего, от ошейника прямо сейчас — ибо

намерен вернуть вам свободу. Но, умные люди подсказали мне, что сделать то надлежит только под сенью вашего Вечного Леса. В присутствии нужных эльфов и в строгом соответствии с вашими древними обычаями. Иначе свобода не вернётся к вам полностью. Это так?

Еле заметно, эльф эдак снисходительно кивнул. Гордый, сучара остроухий…

— Да, homo, тебе посоветовал истинно мудрый — вполне возможно. Хорошо, я подожду, — несмотря на весьма жалкий и потрёпанный вид, соображал этот доходяга весьма шустро.

Вместо ответа Ларка развернулся в сторону кареты и гаркнул так, что с дерева кубарем вывалилась и улетела прочь какая-то ошалевшая с перепугу пичужка, а из дверцы с круглыми глазами опрометью выскочила миледи.

— Принц, это леди Хельга… и прочие какие-то там титулы, бывшая ведьма и мой друг. Миледи, не в службу, а в дружбу — снимите с ошейника святые молитвы и по мере возможности облегчите страдания, — он призадумался на миг, а потом махнул в сторону чуть более густого и тёмного дубравника, куда немного понижалась почва. — Там ручей… если ваша милость ещё и немного постирает принца эльфов, то она весьма меня этим обяжет.

Воцарилась почти полная тишина — вернее, пауза. И в это время выражение безмятежно-серых глаз миледи как-то так интересно менялось, пока не приняло то самое, весьма занимательное зрелище.

— Хорошо, — на удивление бесстрастно ответствовала миледи и неожиданно отвесила принцу изящный реверанс. — Пойдёмте, ваше высочество. Банно-прачечные процедуры, чуток святой терапии и всякое-такое разное…

Проводив эту исчезнувшую в подлеске парочку задумчивым взглядом, Ларка поймал глазами порхающий вверху медный блик. То малыш Августин по своей резвой непоседливости гонял мелких пташек. Есть их ему никакой нужды не было, поэтому воздушный хулиган развлекался над дубравой тем, что наводил на пернато-хвостатую живность должный пиетет. Разумеется, те ничего не понимали и попросту сходили с ума под разноголосое возмущённое пиньканье, чириканье и даже карканье. Ну ладно сожрал бы уж — так нет, мучает, драконья морда…

— Августин, присмотри за этой парочкой на всякий случай, — распорядился поручик и неожиданно зевнул.

Да что ж тут неожиданного-то? Ночь выдалась бессонной, а тут на свежем воздухе хорошо-о-ау! Чуть челюсть не вывихнул… и он в ожидании возвращения полез обратно в дверцу. Бархатные

подушечки всё же неплохая замена камням… хех, лепота…

Правда, поспать долго не вышло. Хлопая спросонья глазами, Ларка с недоумением взирал на предъявленное ему чудо и втихомолку прикидывал — уж не мерещится ли ему вся эта срань? Да посудите сами, миледи привела от ручья закутанное в её собственный шёлковый плащ, отмытое до скрипа остроухое чудо и взирала притом на него без прежней брезгливости. Чуть просохшие локоны эльфа уже завивались на ветерке, и с золотом этих волос вряд ли могла даже соперничать прежняя Велерина. Да и взгляд принца прояснился весенней зеленью, словно чья-то бережная рука смахнула с древней картины вековую паутину и пыль — мало того, в глазах эльфа вместо прежней безнадёги откровенно мерцал живой огонёк. Хм, с чего бы это?

Прежнюю одежду, судя по словам, эта нежданно-негаданно нашедшая общий язык парочка торжественно сожгла на маленьком костерке — вместе с прежними невзгодами и грязью. Что ж, символично. И одобрительно кивнувший поручик жестом подозвал к себе командира охраны.

— В самом деле, майор — как ни крути, а он принц, хоть и вражина остроухий. Найдётся ли тут поблизости приличная одёжная лавка?

Святой воин с любопытством поглядел на величественно и невозмутимо выглядевшего даже в одном плаще эльфа да нехотя признал, что совсем рядом по пути есть неплохой баронский городишко… и процессия немедленно возобновила свой стремительный, неудержимый бег.

Городок если и запомнился чем-то особенным Ларке, то в основном своей непролазной пылищей. Провинция во всей её милой и незатейливой красе! Разогнав разудалым гиканьем переполошившуюся стайку гусей, блаженствовавших в натёкшей у колодца луже, кавалькада полетела через торговое предместье.

— Стойте! — поручик приметил выцветшие шатры и кибитки бродячих лицедеев и повелительно указал туда рукой. В самом-то деле, тамошние клоуны могли даже что-то знать насчёт принятых у эльфов стилей одежды.

Майор сообразил почти сразу, и погнал туда пару своих осатаневших от жары и скачки парней.

В небольшом, притихшем под полуднем городке постепенно поднялся самый форменный бедлам. Бледные с перепугу и ответственности портные вкупе со старым актёром лихорадочно что-то изобретали и перешивали, во все стороны сновали посыльные — то за ниткой жемчуга, срочно реквизированной в шкатулке баронессы, то за отрезом шёлка от популярного далеко за пределами баронства контрабандиста, то за всякой иной

надобностью.

— Весело! А ну, живее шевелитесь, морды! — выдернутый с охоты и незамедлительно примчавшийся старый и слегка оттого костлявый барон довольно посмеивался в тенёчке под раскидистым платаном да поддерживал суету грозными окриками.

Рядом с ним неземным и никак не уместным в таком захолустье видением красовалась миледи. Хоть она и не снизошла до пива, а уж тем более до более подобающего лишь пейзанам lemonade-de-coshon, более известного под назвнием квас, но коротала время за припотевшим кувшинчиком спешно извлечённого из баронских погребов и оказавшегося вполне недурственным винца.

Ладонь парня бережно и привычно поглаживала талисман за пазухой. Что-то подозрительно притихла еловая веточка в малахите… тоже, между прочим, признак! Ларка искоса, краем ведьмачьего взгляда всмотрелся в разрумянившееся личико любезничавшей с местным бароном миледи. Нет, положительно невозможно в такое поверить! Разве что если предположить, что сон его в карете сморил не просто так, а в романтической тени на берегу ручья некта применила исконно женскую терапию к полностью потерявшему вкус к жизни некте — думать дальше в ту сторону парень себе просто запретил.

Ольча молодчина и сделала всё как обычно правильно. Несогласные же с этим весьма крепко рискуют своим и без того хилым здоровьем! Нет таких? Ваше счастье…

Поручик придирчиво осмотрел сравнительно простой и в то же время красивый костюм принца. Э, дьявол! Что этот остроухий, что Ольча — оказалось у них нечто одно весьма общее. Оба этих изящных и чуть худощавых представителя двуногих просто шикарно смотрелись в любой одежде. Хоть мешок с прорезями на них одень, а уж в изысках толковых портных и вовсе завидки берут. Ларка старательно придал своей физиономии независимое выражение и жестом показал — в путь!

Старому барону его загонщики, выжлятники и прочие доезжачие не мешкая помогли забраться в седло, так что часть пути почтенный вельможа провожал бешено мчавшуюся процессию, весело перешучиваясь с отчаянно хохочущей с ним в окошко миледи. У чуть покосившегося межевого столба, на котором под неизменным символом Спасителя красовался родовой герб, вельможа остановился и лишь величественно отсалютовал на прощание воздетым вослед мечом, взятым за клинок.

И этот весьма символичный крест остался последним

воспоминанием об умчавшемся назад провинциальном баронстве и его простых и бесхитростных обитателях. Да уж, таких людей Ларка просто не воспринимал врагами — да наверняка с ними проблем после замирения и не возникнет…

Попадающиеся по пути рощи становились всё гуще, увереннее — и вот-вот уже грозились срастись в самые настоящие леса. Стало быть, новые эльфийские вотчины и епархии уже совсем близко? Ближе к вечеру Ларка выбрался из надоевшей хуже святого причастия духоты кареты.

Миледи и уже приплясывавшая от нетерпения домовёнка немедля, с просто-таки неприличной резвостью направились проинспектировать вон те сочтённые самыми густыми кустики, а поручик огляделся и на пробу вжал ладони в лесную подстилку на обочине. Вчувствовался — ну, тут даже и к святоше ходить не надо, граница рядом.

Под землёй иной раз шастали самые смелые из духов. Вон, двое даже ручеёк тянут, пыхтят…

А лес впереди стоял грозной, молчаливой тёмной стеной. И в этом настороженном полусумраке Ларке почудилось если не враждебность к чужакам, то неодобрение точно.

— Господин майор, я считаю что вам не стоит больше сопровождать нас и рисковать здоровьем своих людей, — тот вдумчиво изучил что-то на своей карте и согласно покивал. Уж лучше схватиться с полком крепко сбившей строй пехоты, чем попасться под залп не знающих промаха эльфийских стрел.

— Что ж, господин медный поручик, удачи вам — но только в этом деле… — служака не решился на прощание подать руку — всё ж, как ни крути, а враг. Лишь поклонился миледи, отсалютовал куда-то в пространство меж вышедшим размять ноги принцем и Ларкой своим палашом, да не мешкая взлетел обратно в седло.

— Приказ короля выполнен, господа! Возвращаемся! — вместе с солдатами уехал и уже побледневший от страха возница.

Парень проводил умчавшийся по лесной дороге отряд отсутствующим взглядом. Ох, и чего мы только воюем? Нормальные парни, не особо развращённые своими святыми молитвами…

А ладони его уже задирали копыта запряжённым в карету лошадям. Четверик — не шесть, как положено светлому королю, да и притомились изрядно… уже не поручик но кузнец придирчиво осматривал подковы — не хватало ещё, чтоб уже в конце пути приключилась некая весьма нехорошая оказия. Мало того, на пару с эльфом шептал он над каждой лошадиной ногой одно старое ведовство. Уж здесь-то можно!

— Августин, — буркнул он в сторону медной статуэткой сидевшего на каретном фонаре дракончика. — Подымайся-ка ты на крыло, голубь мой, да указывай нам путь.

Бывший дух воздуха, эдаким непонятным и слегка противоестественным образом переквалифицированный в древнюю и почти уже полузабытую расу, немного важничал. Как там оно и что на самом деле вышло, Ларка особо голову не ломал. Внезапно пришедшая на ум прихоть оказалась возможной, а там уж пусть все ведьмы да умники из королевской Академии хоть головы себе изломают! Мало того, новообращённый дракончик оказался весьма непростым и с самого начала принялся проявлять вредный характер. В руки кроме хозяина не давался никому, даже ревниво погладившему его смазливому корнету.

А принцу эльфов, вознамерившемуся ухватить малыша за хвост да рассмотреть пристальнее, едва палец не отгрыз. Хоть там и зубки не больше кошачьих, и урону больше морального — а всё же, плюха племени перворождённых вышла немалая. Животное, а эльфа не слушает! Пятно на престиж, что ни говорите, преизряднейшее.

— Принц, у меня будет к вам просьба, — негромко парень поведал о беде, приключившейся с бывшей ведьмой, не забывая меж тем выковыривать веточкой плотно вбившийся под подкову камешек.

Однако, тут оказалось, что эльф и сам с присущей их расе чуткостью обо всём почти верно догадался. Немного смущённо принц заверил, что хоть и не сидит способа вернуть прежнюю Ольчу, но…

Дама большая и дама маленькая с треском и хрустом типично городских особ проломились сквозь подлесок совсем не с той стороны, куда столь поспешно удалились. Мало того, эти негодницы разорили по пути земляничную поляну — однако вздумавшим выразить своё негодование по поводу заминки принцу и Ларке недолго думая заткнули рты пригоршенкой тёплых и ароматных ягод. Даже стремительно спикировавший с уже темнеющего неба медный сполох поймал подброшенную в воздух земляничку.

— Спасибо, — парень кивнул им и полез на козлы. — Малышка, ты со мной — а принц развлекает беседой миледи.

Каждый занят своим делом. Кони тоже рванули с места с такой резвой прытью, каковую трудно было бы от них ожидать к вечеру. Ведь старое ведьминское чародейство придало их копытам вовсе неуместную скорость. Деревья и кусты по сторонам уносились назад серо-зелёным вихрем — а животные

всё ещё наращивали скорость. И это ощущение бешеной, более похожей на полёт скачки весьма понравилось Ларке.

Ничуть не удивился бы он, если бы влекомая этой бешеной четвёркой демонов карета вместе с седоками и пассажирами взмыла бы над кронами да понеслась как в сказке.

— В принципе, если под каждую коняку по паре духов воздуха приспособить, да под карету пяток… — парень осторожно утёр выдуваемые встречным ветром слёзы и мельком бросил взгляд вверх, где реющий над лесом медный отблеск старательно указывал ведомое лишь ему направление.

Туда, где за лесом чуть правее уже садилось солнце — именно в ту сторону и мчали в сумерках волшебные, не знающие устали кони. А сидящий на козлах Ларка иногда оборачивался и посматривал назад, где ему то ли мерещились, то ли от усталости казались какие-то едва заметные сполохи. То ли отголоски могучей битвы волшебников, то ли и в самом деле так о себе предупреждала уже близкая и оттого торжествующая погоня…

Пол-четвёртого. Закончена очередная (которая уж!) вычитка последней главы, и я устало откидываюсь от клавиатуры на спинку кресла. Завтра пошлю роман е-мэйлом в издательство. Можно отправляться хоть немного поспать — к пол-восьмому на работу — но есть ли в том смысл? Едва уснул, как уже сразу благоверная подсовывает под нос чашку будоражаще-ароматного кофе да пристаёт: вставай, и все дела!

Ногу мягко щекочет уютное тепло. Нет-нет, то не домовёнка… утробно муркнувшая кошка оставила своё законное место на одеяле у ног спящего сынишки и лично соизволила прибыть сюда, чтобы удовлетворить своё неуёмное кошачье любопытство.

— А пошли погуляем, Марго?

Сиамка у нас умница, вся в хозяев — она безошибочно улавливает нужное слово. Плавная семенящая походка тотчас приносит обладательницу четырёх изящных лапок к двери на балкон, кошка тык-тык-тык шаловливо теребит штору и эдак со значением оглядывается на меня.

— Муррр? — а хвост дёрнулся и изогнулся с эдаким сомнением в невообразимую загогулину, отдалённо напоминающую вопросительный знак.

Вот и не угадала, красавица! Я кладу в карманы шортов ключи, зажигалку-сигареты, вместо домашних шлёпанцев озабочиваюсь сандалиями. Забрасываю на плечо обречённо притихшую кошку и тихо выскальзываю из квартиры в подъезд, стараясь не потревожить сладко спящих домочадцев.

Между прочим, прямо под окнами у нас городской парк с

печально потухшим вечным огнём посередине… однако лето, дамы и господа! И уже почти рассвело. Море зелени и океаны ароматов. Марго резво прыгает и носится по травке словно не кошка почтенного возраста, а ошалелый от радости совсем котёнок, зато я чинно прогуливаюсь по дорожкам, наслаждаясь бодрящей после духоты квартиры прохладой и тем особым, ни с чем не сравнимым настроением, какое только и бывает ранним утром в ещё тихо дремлющем городе. Когда в душе царит чистота, покой, и хочется полюбить весь мир — так уж и быть, вместе с населяющими его двуногими тварями.

Тихо ухохатываясь от вида кошки, наподобие сурка вытянувшейся в столбик и пытающейся принюхаться к распустившейся розе, я нахожу приют на лавочке под величественной елью да оскверняю утренний воздух дымком сигареты.

Марго оставила вниманием вонюче-колючий цветок, и в её голубых, повернувшихся ко мне глазах сквозит неодобрение. Но я не обращаю внимания на уже подкрадывающуюся по-пластунски к сонно гурркающему первому голубю сиамку, а сам с нехорошим интересом присматриваюсь к беленькому такси, остановившемуся у моей четырёхэтажки. Равно как и призадумываюсь, какого рожна здесь понадобилось в такую рань паре вылезших оттуда, помято-взъерошенных и потешно акающих москвичей.

Далёконько от белокаменной залетели, сизокрылые…

"Скажи слово природы!" — Ларка вспомнил полузабытую уже детскую игру и усмехнулся. Вот скажи, а иначе лес не примет тебя. Или дух не пропустит по тропинке. Пропуск, пароль, проще говоря. И каким торжествующим огнём ожидания горели глазёнки детей…

На самом деле, звонкий детский голос не требовал в полусумраке заветного слова. Не звучала меж стволов и плавная, чуть напевная речь перворождённых. Вообще никто ничего не говорил — однако поручик всем своим блаженно расслабившимся в лесу естеством чувствовал, что настороженно вставшая на пути чащоба нечто вопрошает.

И просто так не пропустит.

Даже эльфа? Но принц в ответ на немой вопрос во взгляде парня только беспечно пожал плечами, и Ларка неодорительно покрутил головой.

— Ну ладно, сами напросились…

Вертлявый Лёнчик, дай ему боги посмертия полегче, однажды как-то показал. Хоть и неохотно, но продемонстрировал — как же он ходит по лесу, когда скрадывает зверя. И хотя позёвывающий от скуки Ларка не присматривался особо, всё же сейчас он сумел

бочком-бочком, вывернув своё восприятие вообще винтом, скользнуть в обнаруженную щелочку. Нет, не меж деревьев и даже не в прогалину зарослей. Крохотная, еле заметная даже чувствующему заминочка во всматривающемся в чужаков неусыпном внимании. Хоть и новое пограничье, но остроухие успели отгородить *своё* и *чужое* непонятным ни магикам, ни святошам образом. А всё же, чуть наспех.

— Потихоньку, след-в-след, за мной…

Уставших, но ничуть не взмыленных коней пришлось оставить. Вернее, распрячь и шепнуть им в заинтересованно навострившиеся уши кое-что сугубо лошадиное, не для досужих. Вроде бы, бабкино колдовство подвести не должно — благородные животные доберутся к ближайшему стойлу сами, причём в плохие руки не дадутся, да и волкам на зуб не достанутся… Матовый туман в глазах ласково шептавшей прильнувшим к ней коням Ольчи растаял, и она снова обратилась в величественную и чуть насмешливую умницу, миледи Тэйл.

— Хотела бы я знать, как это провернула, — задумчиво проронила она, вздохнула и точно так же, бочком ступила на едва заметные на лесной подстилке Ларкины следы.

Последним сквозь невидимую преграду пробрался принц эльфов, беззаботно завернувшись в щеголеватый дамский плащ и насвистывая сквозь зубы мотивчик из эльфийской оперетты.

— *Частичка чёрта в нас*

— *Заключена подчас*, — безошибочно определил Ларка арию перворождённой леди ла'Сильвы, и за вон той мохнатой ёлочкой повернул чуть левее.

Как раз на полуденный закат.

Зачем он шёл именно так и не шёл этак, вряд ли мог объяснить и сам себе. Наверное, есть что-то в людях, не совсем уж оторвались они от… даже не природы. Не от законов её и даже не от шастающих туда-сюда или бездельничающих духов. От чего-то глубинного, первородного и необоримого. Уйдём мы, люди, уйдут и те кто придут на смену нам — а это так и будет равнодушно перебирать в незримых пальцах чётки веков и тысячелетий, что словно один незначительный день скользят бесконечной чередой…

На плече завозилась беспокойно мохнатая пушистость, и прямо в щёку сосредоточенно выбирающего путь Ларки ткнулся холодный мокрый нос. Миг спустя над тихо сопящей, почти кошачьей носопыркой прорезались два тусклыми изумрудами просиявших глаза. И лишь потом не такая уж лёгкая и довольно-таки жаркая ноша обозвалась робким голосом домовёнки.

— Жаль, что ты не нашего роду-племени, — малышка лапкой

отвела ветку, счастливо вздохнула и растеклась на загривке несущего её парня как можно непринуждённее.

Сообразив, что такие слова можно запросто посчитать чуть ли не признанием в любви, Ларка легонько ущипнул всё ещё пахнущую парфумами домовёнку за отъевшееся на столичной сдобе пушистое брюшко и в задумчивости остановился.

Всё ж таки, он не охотник и не лесной дух, но вроде бы зябковатое вдоль позвоночника ощущение постепенно угомонилось. Да и на фоне ещё чуть светлого неба нетопырём порхающий силуэт снизился, с любопытством поглядывая сюда ничуть не злобными алыми глазёнками.

Небольшая и довольно уютная прогалина в лесу тянулась косо вдаль, насколько было видно в уже надвинувшемся сумраке. "Старая гарь!" — сообразил Ларка и со вздохом опустил домовёнку наземь.

— А ты не так прост, homo, — признал бесшумно подошедший сзади эльф в тот миг, когда слева замаячила в потёмках Ольча.

— Теперь ваш черёд вести, принц? — в усталом голосе Ларки вряд ли можно было даже при желании расслышать угрозу.

Однако, бесшумно соткавшиеся вокруг из темноты тени пацифизмом и филантропией что-то явно не лучились. Да и альтруизмом, пожалуй, тоже. Напротив, они ощетинились клинками, навершиями, остриями и наконечниками. И хотя стояли бесшумно и почти неподвижно, у парня не возникло ни малейшего сомнения, что в случае нужды эти лесные бестии станут передвигаться весьма быстро.

И при этом пытаться его убить всеми своими наверняка многочисленными и хорошо отрепетированными способами.

Эльф шагнул к своим соплеменникам и певучей скороговоркой прощебетал несколько фраз. Эка незадача! В написанном виде поручик ещё попытался бы храбро расшифровать и перевести высокую речь перворождённых — но вот на слух совершенно не воспринимал. Единственно сумел он вычленить словечко *heri*, что означало леди — и такие дела ему не понравились.

— Не двигайся, смертный, — чьи-то ловкие руки бесцеремонно избавили Ларку от веса оружия, даже кинжал из-за голенища выудили.

Из дальнейшей речи выяснилось, что обряд возвращения одного из высоких сыновей Вечного Леса прекрасно пройдёт и без медноголового поручика — невидимая уже почти в кромешной темноте сила выдернула из замершей ладони Ларки купчую. Зато вот миледи придётся проследовать с несколькими воинами в… в

общем, в оставшемся непонятным направлении.

— В качестве хорошо охраняемой гостьи, — чего стоило парню остаться хотя бы с виду спокойным, знал только он.

— А ваши никчемные жизни нас не интересуют, — и грубый толчок в спину послал парня вместе со вцепившейся в его ногу, и даже не мелкой, а именно что крупной дрожью трясущейся домовёнкой в темноту…

В залив скользнула призрачная тень. В другое время её куда яснее высветил бы свет заходящего солнца, однако сегодня светило пряталось за плотным покровом туч, щедро изливавших дождь. И всё же, оторвавшийся от шахмат смотритель маяка бросил лишь беглый взгляд в затянутое водонепроницаемой пеленой магии оконце, и даже не дёрнул заострённым ухом. Свои.

Свои — в данном случае это означало барк-скороход легендарного морского колдуна Лаэдрика из высокого дома Альв. Поговаривали, что блистательный волшебник и один из лучших учеников Архимага сейчас болтается где-то далеко в безбрежном Закатном океане, где у рыб обнаружилась какая-то странная, плесенью и слизью поражающая их болезнь. Однако, что такое хорошему волшебнику пяток сотен лиг? Так, на пару часиков хорошего хода с попутным, заботливо приручённым ветром…

Если бы смотритель и его напарник, при нужде могущие либо залить весь тёмный залив беспощадным огнём, в котором сгорел бы любой корабль чужаков или незваных пришельцев, либо и вовсе отгородить его от реальности пеленой отчуждения — если бы они вздумали проследить за вернувшимся скороходом, то заметили бы, как тот обогнул пирсы Морских Королей, у которых обычно ошвартовывался, и втянулся в рябое от дождя русло впадающей в залив Эстрели.

Но, хранители морских врат весьма благоразумно поступили, что не заинтересовались делами одного из могущественнейших волшебников, а с удовольствием вернулись к до малейшего варианта разбираемой ими защите Тара-Канн — сумрачный король на чёрно-белой доске уже весь вертелся от нехороших предчувствий, завидя совсем рядом белых конных головорезов и пики светлых пехотинцев…

Барк тихо и неприметно коснулся стенки в самом сердце древнего, расположившегося в глубине бухты эльфийского города — с тем, чтобы выпустив на берег текучую в сумраке тень, тут же с лихим разворотом уйти вниз по течению обратно в бухту.

Вообще, взгляд любого не принадлежавшего к расе перворождённых не заметил бы в этом месте ничего такого. Ни пирса с кипящей на нём круглосуточно жизнью, ни корабля, ни

стоявшего на обеих берегах устья Эстрели древнего города — ничего. Лишь чуть более радостное и светлое для души место, под сенью древ которого было и хорошо — и в то же время какое-то подспудное чувство так и толкало поскорее покинуть эти места, не осквернять их своим присутствием.

Впрочем, Лаэдрика древняя магия эльфов не коснулась. Да и вряд ли он по давней привычке заметил её — скорее заметил бы вдруг проявившееся её отсутствие. Потому прибывший плотнее завернулся в свой колдовской, защищающий от дождя и сырости плащ да поспешил наверх. На широкой и длинной Пристани Ярлов он огляделся, кивнул паре знакомых эльфов, и продолжил свой путь.

Нет-нет, не домой спшил могучий и весьма искусный в волшбе эльф — жил он в другом городе — и даже не в дерево-обитель имевшегося здесь отростка дома Альв. На этот раз он направился в стоявшее на самом верху прибрежной кручи прибежище Архимага.

Иной раз чересчур злые на колкости язычки перворождённых поговаривали порой, что верховный маг и сам не в силах ответить — сколько же веков он коптит небо. Но лишь многозначительно ухмылявшийся в ответ на подобные вопросы Архимаг оказался первым из тех, кто сумел поставить политику Гильдии Магов превыше мелкособственнических интересов даже великих домов Эльфийского Двора. На него ворчали, косились порой и неприкрыто — но тем не менее, он устраивал всех.

— Войди в мой дом, и не как гость — как друг, — напевная фраза коснулась обеспокоенно подрагивающих от капелек дождя ушей Лаэдрика, едва он занёс ногу над служащей порогом сторожевой ветвью.

— И тебе долгих лет да спокойного течения Силы, — не задумываясь пробормотал скороговоркой морской волшебник и действительно ступил в обитель.

Обернувшее ощущение спокойствия, устоявшееся и незыблемое, вкупе с теплом и пряными запахами трав и в изобилии растущих здесь цветов, как обычно оказали своё умиротворяющее воздействие. Лаэдрик скинул на с готовностью протянувшиеся побеги лианы свой примечательный плащ. Наскоро — лишь бы учитель не приставал — поелозил щёткой по золотистым с еле заметной щеголеватой прозеленью волосам. И едва травяной ковёр закончил приводить его мокрые и кое-где заляпанные грязью с приставшими хвоинками сапоги в должное соответствие с правилами приличий, проследовал во внутренние покои.

— Лучше бы ты вошёл в этот дом как мой любовник, —

Мальва шутливо потеребила прибывшего за уши и беззастенчиво вытребовала дежурный поцелуй, оставивший на губах лёгкий аромат какой-то невообразимой цветущей тутти-фрутти.

Лаэдрик с одобрительной ухмылкой обозрел внучку Архимага. Как обычно, девица себя одеждой внутри дома особо не обременяла — лишь тончайшего кольчужного плетения травяная повязка на бёдрах. Да ещё два иногда трепещущих крылышками махаона стыдливо прикрывали грудь. Ну, зелёная звёздочка волшебницы Леса в как обычно всклокоченной причёске и то была самой заметной деталью одеяния.

Нет, она ему нравилась, и очень — но чисто эстетически. Судя по летописям других рас, те считали эльфов смазливыми или просто красивыми, а тут ещё и умопомрачительный результат здорового образа жизни с природной, щедро дарованной всемилостивейшей Эллуной магией. Просто великолепная живая статуэтка!

Единственное, что немного даже не портило, а всего лишь смазывало впечатление, так это чуть широкоскулые и крупные черты лица, делавшие Мальву немного похожей на самок homo. Но сама девица относилась к сему весьма сомнительному пороку с достойным уважения философским терпением. И даже не пыталась исправить или замаскировать то, подобно другим весьма ревностно следящим за своим nobless oblige эльфийским дамам.

Впрочем, Мальва и Лаэдрик росли вместе почти с объятий дерева-няньки, и последний давно уже перестал обращать внимание на этакое при других условиях бы весьма пикантное отличие подруги детства от прочих ma'daeni. Но пить одурманивающий декокт, чтобы потом обратиться в похотливое животное и две седмицы только и делать, что совокупляться подобно низшим расам?

Ужас, что бы ни твердили о том главы домов или целители из их священной рощи… Лаэдрик отогнал эти грязные картины и приветливо усмехнулся Мальве. Шутливым жестом Силы он опрокинул эльфийку на травяной ковёр и пощекотал опрометчиво подставленные той пяточки.

От визга радостно-оскорблённой эльфийки застонала стеклянная и кварцевая посуда на полках, заметались магические огоньки, а дремлющий дух-хранитель на миг обеспокоенно приоткрыл своё дремлющее внимание.

— И как я только терплю тебя, такого пенька безлистого… — Мальва проворно извернулась, на мгновение мелькнув размазанной в пространстве Тенистой Залы сладостной тенью, исчезла, и теперь настороженно взирала из-под надёжной защиты

Стража. Но всё же, сердиться она долго не могла. Тут же погасила на ладони зелёное сияние своей магии и скользнула-перетекла поближе. Снова обняла за шею, обдав нежным запахом женщины и весенней зелени, и заглянула в глаза смеющимся взором.

Лаэдрик следил за этой смазливой бестией с лёгкой всепрощающей улыбкой друга. Разумеется, он вполне отдавал себе отчёт, что Архимаг ничуть не возражал бы против того, чтобы лучший его ученик вошёл в семью с внучкой. Но всё же, слишком редко меж перворождённых вспыхивало то чувство, к которому бережно и уважительно относятся даже боги — а заставить себя выпить одурманивающий эликсир молодой (по меркам народа эльфов) волшебник считал слишком уж унизительным и мерзким. Впрочем, таковых среди его расы было большинство. Потому-то даже во времена мира численность перворождённых оставалась невысокой…

Архимаг вошёл как обычно бесшумно. И хотя присутствие его шутливо борющаяся парочка почуяла безошибочно, барахтаться перестала не сразу. Наконец, девица коварной подножкой опрокинула Лаэдрика на спину и с лёгким победным рыком уселась сверху. От весьма небрежной причёски её сейчас вообще ничего не осталось, и огонёк волшебницы, непременный атрибут и свидетельство Носящего Силу, стыдливо прятался где-то в этих всклокоченных золотистых лохмах.

— Деда, может быть, стоит мне померяться с ним силами всерьёз?

Старый волшебник, за свои эдак пятнадцать веков повидавший на свете даже кое-что такое, что не упоминалось в древних и священных книгах, снисходительно улыбнулся и прикрыл распахнутое в дождь и темноту окно.

— У вас есть случай проявить всю свою силу и изворотливость, — небрежно проронил этот эльф, которого от малолеток вряд ли отличил бы сторонний наблюдатель. Разве что по некой величавости походки да по неспешности суждений и поступков.

Возюкающая на травяном ковре парочка сразу оставила свои игры и заинтересованно подползла поближе, развалившись на мягком покрытии с выдававшей немалый опыт непринуждённостью. Красивые и смелые, словно молодые хищники, гордость, надежда и опора. Глаза их блеснули заинтересованностью, когда учитель… нет — Учитель сел в своё чуть потёртое привычное кресло у весьма недурственной иллюзии устроенного на homовский лад камина.

— Я недавно от его величества, потому и срочно вызвал вас обоих. К новым границам нашего королевства сейчас

приближается весьма интересная процессия, — в нескольких словах Архимаг обрисовал ситуацию.

— И на пятках у них висят Призрачные Егеря? — Мальва зябко передёрнулась — непонятная страсть Светлого Королевства в случае чего использовать вызванные из неназываемого силы не столько забавляла, сколько настораживала.

Но ситуация и в самом деле оказалась серьёзной и куда более щекотливой, нежели даже поползновения Лаэдрика на пяточки… девица мельком покосилась — не надумал ли тот, воспользововавшись тем что подруга отвлеклась, возобновить эту доводящую до истерического хохота каверзу?

Но волшебник и капитан, штормовавший и штилевавший во всех уголках всех океанов, размышлял весьма сосредоточенно. Не шутка ведь, пронырливый офицеришка медного королевства выкупил из плена Тэаренила, сына правящего дома, и мчится сейчас на земли эльфов? Ну, тут понятно — наверняка рассчитывает на весьма крупное вознаграждение, это вполне в психологии homo.

То, что его сопровождает высокопоставленная дама из Внутреннего Круга светлого королевства с личным посланием от тамошнего кукольного короля с его смешными и наивными интригами и насквозь видными играми, тоже терпимо. Всё-таки, на недавнем совещании у подножия трона главы и лидеры Домов таки сошлись во мнении — можно и заключить мир. Всё-таки, опрометчиво когда-то отданные этим короткоживущим людям Полночные Леса снова вернулись к перворождённым.

Мохнатая служанка это не в счёт, можно Мальве шапочку пошить, ещё и на муфту или сапожки хватит. А вот возникшая из нереальности кавалькада проклятых всеми светлыми богами Егерей, не знающая что такое устать или потерять след, это уже куда как удручающе. Само по себе серьёзно до дрожи в ушках, но ещё и движется в сторону границы.

— Откуда и когда пришли сведения? — безмятежно валяющаяся рядом Мальва тугоумием не страдала даже на фоне прочих эльфов — вся в деда.

Ответ Архимага озадачил обоих настолько, что они переглянулись. С его величеством неким образом связалась сама королева Света? Интригой тут уже даже не пахло — просто-таки пованивало. Коль скоро тамошний король снарядил весьма и очень серьёзную погоню, а его подвергнутая обряду венчания самка прислала предупреждение, тут уж и к Священному Древу не ходи, кроется что-то интересненькое.

И парочка подползла ещё ближе.

— Разумеется, принца и сопровождающую его… гм, свиту решено пропустить. В эти кружева придворных интриг я гильдию втягивать не стану, — Архимаг отпил из бокала и задумчиво поиграл вином в гранёном ещё пращурами сосуде. — А вот вам, молодёжь, придётся всерьёз примериться к Проклятым…

Удивительное это ощущение — восторг пополам с остраткой! Мальва легонько даже пошуршавела, а потому безропотно позволила другу детства почесать себе по-кошачьи выгнутую спинку. Зато Лаэдрик ласково избавляя девицу от мурашей, сосредоточенно нахмурился — и странно оказалось видеть задумчивость на этом красиво подсвеченном пламенем лице.

— Учитель, мы одни из лучших — однако у нас нет никаких шансов, — странно, однако внимательно наблюдающий Архимаг согласно кивнул и отставил бокал.

— Всё верно, дети мои. Я уже выслал в район Аскадианских островов ладью с Элерондом, Теладриэлью и ещё несколькими перспективными волшебниками. Кланы выделили в поддержку эскадры Кленового Листа и Осенней Бури, да несколько толковых капитанов. Сейчас все они готовят там место и накрывают его самыми сильными Связующими Заклятьями. Совет домов и лично его величество дали разрешение на использование Книги, — от последнего известия валяющая на нежнейшем травяном ковре парочка затрепетала в возбуждении.

Тайная и вожделенная для почти всех волшебников книга Великих Заклинаний содержала сведения по вызову и управлению таких могучих сил, что пользовались ею лишь в самых крайних случаях. То есть, чрезвычайно редко и неохотно, уж древняя раса эльфов куда как лучше иных знала, чем опасно и чревато неразумное использование такой волшбы.

— Значит, нам нужно лишь отвлечь егерей, а потом искусно направить их через портал в ловушку? — Мальва отмахнулась от попытавшегося что-то возразить соседа и, потешно заломив точёную зелёную бровку, принялась рассуждать: — Лаэдрик силён в морской волшбе, я в магии леса — этого с одной стороны, должно хватить — а с другой, не насторожит Егерей.

Но друг детства тоже не страдал замедленным мышлением, и таки вставил свои пять цехинов в эту кучу женской трескотни.

— Похоже, учитель, есть шанс крепко прихватить этих демонов из Неназываемого… и если не вырвать из-под власти светлых фанатиков, то хорошенько изучить?

Мальва зловредно пиханулась локотком в бок, одновременно глядя на него нарочито безмятежным взглядом зелёных глаз и

голосом записной пай-девочки, ни разу не покидавшей рощи дерева-няньки, поинтересовалась:

— Деда, сколько ты нам порталов выделишь?

Колдовать такую редкость и диковину умели немногие даже из весьма искушённых в волшбе чародеев перворождённых, но Архимаг сумел удивить своих учеников и на этот раз. Из рукава его появился целый пучок особым образом зачарованных веточек. Штук десять — просто неслыханная щедрость для обычно предпочитавшего не давать лёгкой жизни своим ученикам старикана!

— Всё верно, дети — вы нынче на острие нашего замысла и одновременно наживка. А я с другими подготовлю пока место, — он опустил связку тонких прутиков на стол. Стоило только с нужным заклятьем такую веточку сломать, как содержащаяся в них могучая магия тут же откроет портал в представленную воображением местность. Никаких свитков или артефактов!

— Место встречи изменить нельзя, — важно изрекла Мальва и перевернулась на спину, предоставив другу детства нежно расчёсывать и приводить в относительный порядок восхитительное золото её волос.

— Битва будет происходить там, где мы захотим. Тогда, когда мы захотим — и на тех условиях, когда мы захотим, — блеснул и Лаэдрик высказыванием какого-то великого полководца предков.

Вполне возможно, что это безмятежное валяние на зелёном ковре одних и задумчивое сидение в кресле другого и казалось безмятежным — да вот только, на самом деле это оказалось затишье перед бурей. Впрочем, какой могучей она ни оказалась, стихия природы и перворождённых унеслась на просторы океана с тем, чтобы угодить там в призрачную, полыхнувшую нестерпимым светом Сеть и больше не интересовать нас ни в коей мере.

Огонёк парил где-то недалеко от лица. Но судя по тому, что он даже чуть грел щёку — на самом деле совсем даже близко… Ларка отвернулся от наколдованного каким-то настырным магом светящегося шара и попытался вновь вернуться в сон. Надо же, он почти уже догнал удирающую девицу, таки не соизволившую показать своего лица!

Однако приставучий огонёк не угомонился. Всё так же нахально он лез и светил — на удивление ярко. Парень с досады, знакомой каждому разбуженному в неурочный час, попытался даже закрыть лицо подушкой. Однако тёплая и какая-то меховая подушка на попытку взбить её повыше заворчала что-то не совсем понятное, но откровенно нелестное для homo вообще и о самом Ларке в частности. Мало того, сия постельная принадлежность

даже попыталась лягнуться невесть зачем выросшей из меха лапой.

Удивлённый донельзя, парень даже открыл один глаз. Подушкой оказалась весьма раздосадованная эгоцентризмом и бесцеремонностью хозяина домовёнка, ничуть не менее Ларки недовольная ярким утренним солнцем. Ах вот ты кто, непонятный огонёк!

Вместо постели им обоим правила матушка сыра земля, неплохо утоптанная и щедро присыпанная всяким лесным и не очень сором. По сторонам обнаружились какие-то отвесные стены, грязные и отчуждённые лица… пришлось для разнообразия проснуться, чтобы не дать совсем уж вольготно множиться обнаружившимся вокруг непонятностям, и даже попытаться сесть.

Ларка вместе с очумело осматривающейся, прислушивающейся и даже принюхивающейся домовёнкой оказался на дне никак не природного происхождения котлована глубиной этак шагов в десять и вдвое больше ширины. Вместе с ними (вернее, у дальней стороны) обнаружился десяток людей самого что ни на есть пейзанского облика.

И больше ничего. Лишь небо и краешком глаза заглядывающее сюда солнце, да несколько сосновых лап вверху. А судя по столь удручающему факту, как отсутствие хоть чего-нибудь, пусть отдалённо смахивающего на лестницу, стремянку — то Ларка с подивившим самого себя спокойствием сделал вывод, что на пару с опять принявшейся трястись служанкой оказался в самой обычной яме. В холодной. В каталажке, а проще говоря, импровизированной тюрьме.

— Слышь, ахвицер медный, а тебя-то сюда за что? — сипло поинтересовалась старая как мир одноглазая бабка с самого краю кучки благоразумно отодвинувшихся подальше людей. Остальные насупились и на всякий случай сгрудились плотнее — уж Ларка среди этих доходяг выглядел просто-таки сказочным богатырём.

Судя по говору, это всё оказывались бывшие подданные светлого короля, на свою беду не захотевшие или не успевшие удрать с уступленных перворождённым земель.

— Не сказали, злыдни остроухие, — парень с наслаждением потянулся и размял кое-какие занемевшие от не очень удобной постели места.

— Эй, ты б тово, полегче, — угрюмо пробубнел лохматый мужичок с лишаём на пол-лица, и невесть уж зачем добавил, что сидят они тут уж второй день.

Ларка классически огрызнулся в том смысле, что задницу всяким остроухим он лизать не намерен, однако сверху солнце

тут же заслонила текучая и бесшумная тень.

— Прикажу — и станешь, — спокойно констатировал подошедший заглянуть на пленников эльфийский часовой в переливающейся серым и зелёным одежде.

Перворождённый утолил своё любопытство — а может, и счёл в должной мере удовлетворённым свой служебный долг — и совсем уж собрался уйти. Однако замер полуобернувшись и прислушивался.

Ибо Ларка подробно, с душераздирающими подробностями и скабрезными намёками перечислял, что именно этому … и этому … эльфу надлежит сделать со своей задницей. Громким, чётким и неплохо поставленным командным голосом он прошёлся по возможной родне солдата, не обойдя вниманием ни более чем сомнительное тех происхождение, ни сексуальные привычки и отклонения. Судя по его словам, ни одно приличное сообщество зоо-некро-филов отныне не открыло бы свои двери для остроухих. А даже самый *клубничный* притон под красным фонариком не пустил бы эльфов и на порог, вполне резонно опасаясь за моральный облик трудящихся там развратниц и извращенцев.

По мере продвижения чуть заострённые уши эльфа постепенно меняли свой оттенок с еле заметного зеленоватого на откровенно пунцовый. Но главное было не это. Ничуть не жалующийся ни на глаза, ни на соображение Ларка ещё вначале приметил на солдате меховой плащ… и судя по дрожанию в слепом ужасе прижавшейся к ноге домовёнки, малышка тоже сообразила, из чьего это весьма неплохого меха та одежда пошита.

— Это всё? — ровным голосом осведомился солдат.

Однако парень покачал головой и по-новой набрал в лёгкие побольше воздуха. Если в бою противника надлежит бить в самое уязвимое место, то и здесь… постепенно Ларка от высокородных остроухих дам, предпочитающих собачек никуда не годным в постели мужчинам своего народа, и предводителей эльфийских домов с их просто вызывающими тошноту привычками стал забирать повыше — и совсем уж подобрался к никогда не виданному королю.

— Прикрой, — проворчал солдат куда-то назад, и рядом с ним замаячил ещё один — с наложенной на тетиву лука стрелой.

Почти неотличимый от первого, напарник окинул пренебрежительным взглядом сидельцев и замер, готовый с умопомрачительной скоростью и меткостью выдать ливень смертоносных стрел.

Ларка прикусил губу — такого оборота событий он откровенно не ожидал. А эльф ловко раскрутил в ладони

длинный кожаный бич и с несомненной сноровкой обрушил его на плечи дерзкого homo… жаль мундир. Парадный и почти совсем не ношеный. Свои плечи поручик медной армии особо не жалел — лишь бы до полкового магика добраться. А уж тот, если в настроении, разве что покойника на ноги не подымет… сам того не заметив, парень стал считать удары вслух.

Боль пульсировала в плечах и спине, едва не застя кровавой пеленой сознание. Однако же, стоило признать, что до сельского пастуха из Каменки… как же его звали? До пастуха этому эльфу далеко. Тот своим длинным кнутом с вплетённой на кончике медяхой одним размашистым щелчком распускал шкуру дуриком сунувшемуся волку.

— Думаешь, удастся отквитать их мне, грязный homo? — наконец, запыхавшийся эльф выдохся.

— Сорок семь, — невесть зачем отозвался Ларка и сплюнул наземь. — Не тебе. Ты обрёк на позорную смерть сорок семь своих соплеменников.

Наверное, таки правду поговаривали, что по крайней мере некоторые из перворождённых сохранили способность отличать истину от лжи. Парень спокойно выдержал излучающий ненависть взгляд зелёных, нечеловечески красивых и чуть раскосых глаз и процедил через лопнувшую от попыток закусить её и сдержать стон губу:

— Ты будешь последним из них, kelvar, — зачем он обозвал эльфа ещё и животным, не знал и он сам.

Эльф брезгливо передёрнулся от смеси отвращения и страха — всё-таки этот непонятный самец homo, которых король Эарендил невесть зачем повелел считать младшими братьями, не врал. Надо же, а ведь когда-то охотились на этих едва отличающихся от лесных обезьян волосатых тварей… он медленно, словно зачарованный, потянул из ножен клинок.

— Отставить, — на другой стороне обнаружился принц Тэаренил собственной персоной.

Но боги! Насколько же он отличался от вчерашнего! Наверное, столь же сильно разнится едва прошедшая выделку медь и прихотливое изделие ювелира или искусного кузнеца. Наверху котлована стоял холодный и высокомерный вельможа, благороднейший сын самого леса. Если что и пришло в этот миг на ум отступившего в тенёчек Ларки, так это сравнение с горячим и сухощавым скакуном редкой степной породы.

— Отставить, — повторил ещё раз принц и брезгливо осмотрел всю эту нелепость у своих ног. — Поручик, я уже осведомлён, что слов на ветер ты не бросаешь. А миледи заверила, что безопаснее схватиться с горным медведем, чем с

тобой. Возьми свои слова обратно, иначе тебя не выпустят из этой вонючей ямы.

Ларка в ответ проворчал, что выберется он сам — а вот место это послужит отличной братской могилой для полусотни остроухих… можно и ещё добавить.

— Места-то хватит.

Принц покосился сверху недоверчивым взглядом, однако оказался и впрямь умнее солдата — ввязываться в словесную перепалку не стал. Обронил на ходу, чтобы рабов покормили. И исчез столь же бесшумно, как и перед тем появился.

Солдаты наверху переглянулись с весьма недовольными физиономиями, отчего те не стали ничуть пригожей — и один из них бросил за спину некие слова.

Время тянулось медленно, почти незаметно. Поднявшееся солнце заливало котлован беспощадным зноем. Да и запашок, хоть присыпали наспех выкопанные отхожие местечки старательно, в безветренном воздухе бодрости что-то не добавлял. Ларка стоял в классической позе надменного офицера — ноги чуть расставить, а руки сцепить за спиной — и старательно накрывал своей тенью уже едва не кипящую в своём меховом облачении домовёнку.

— Если выберусь, постригусь и побреюсь налысо, — страдальчески простонала тяжело и часто дышащая малышка.

Представить себе этакое лысое безобразие Ларка так и не смог. От раскалённых под солнцем плеч на всё тело расплывалась ноющая, выворачивающая винтом боль, и в конце концов он не выдержал. Скинул мундир и давно промокшую, тёмную от пота рубаху — и прижался спиной к сухо осыпающейся песчанистой стенке котлована.

Скорчившаяся под ногами служка посматривала вверх на хозяина с весьма озадаченным выражением, но парень знал, что делал…

Первыми прибывших на призывный, манящий до одури аромат ауры чувствующего духов земли он приласкал мягко, щадяще, старательно не пуская в сознание уже вставшую почти на пол-неба боль. Зато как обычно следущие за теми водяные отшатнулись.

— Тебе так плохо?

С тем, чтобы тут же спохватившись, прильнуть и охладить пылающие рубцами плечи и спину чувствующего. Они ни о чём не просил, как обычно — и уж тем более не приказывал. Жизнь утекала медленно, по капельке… но уже спешили с солями и особыми кристаллами земляные духи, растирали в тончайшую пыль травки и коренья. И опомнившиеся водяные стыдливо

притянули из бездонной глубины пригоршню искрящейся собственным светом живой воды. Всего лишь на два глотка — одним развести мазь дабы наложить компресс.

Второго же едва хватило, чтобы смочить губы и язык да скользнуть в пыльную тесноту гортани…

И всё же, этого хватило. Настолько, что уже почти целиком канувший в нереальность осознал, что ему не померещилось — один из странно знакомых водяных духов скользнул как-то незаметно поближе, потеребил прозрачной лапкой за впившуюся в землю ладонь и отчего-то шёпотом поведал на ухо:

— Нет, старшие силу тебе не дадут, чувствующий, чтоб убивать перворождённых. Найди иной путь…

Из неестественно-зелёной травки, кропотливо высеянной и выращенной на газоне городскими службами, выглянула довольная донельзя кошачья мордочка. Влажное и тёмное на ней пятно с прилипшими к нему несколькими пёрышками наглядно поведали мне о судьбе незадачливого голубя. Что ж, покойся с миром, летающая ты городская крыса… в это время Марго обернула ко мне задумчивый взгляд голубых глаз и неожиданно зашипела самым хамским образом, предъявив вовсе не такие уж безопасные маленькие клыки.

— Ты чего, подруга?

Однако, тут оказалось, что недовольство на дух не переносившей чужих маленькой хищницы и в самом деле адресовано не мне. Сзади из-за величественной по-кремлёвски серебристой ели ко мне подошли те самые двое приезжих, которых я давно и успешно выбросил из головы.

— Пан … … …? — поинтересовался моим пресловутым ФИО седой и элегантно подтянутый джентльмен с повадками то ли отставного полковника, то ли и вовсе генерала в штатском.

Впрочем, лощёный мужчина назвал мои от роду данные прозвища верно, да и вёл себя вполне чинно, потому я не нашёл причины отнекиваться. Зато второй, по-армейски коротко стриженый здоровенный блондин попытался по своей невесть уж зачем соблюдавшейся привычке зайти и стать у меня за спиной. Тихарь, понятное дело… Однако, там он попал в засаду к притаившейся под кустом барбариса сиамской кошке — со вполне, впрочем, предсказуемыми последствиями. И оказался вынужден с позором ретироваться.

— Не советую, — с важным видом (знай наших!) изрёк я громиле, утирающему платком кровь с располосованной котячьими царапками руки и штанины, и откровенно жаждающему реванша. — Шрамы от неё очень плохо заживают.

Обернувшись обратно к присевшему на скамейку

Полковнику, я заметил в глазах его одобрение, а на губах адресованную храброй кошке улыбку — и это разом успокоило все мои возникшие было сомнения и подозрения.

— Никаких панове, господ и прочей мути. Я вас слушаю, — рука моя ткнулась в пачку и безошибочно выудила оттуда курительную палочку допинга.

— Одному попавшему в беду человеку отчаянно нужна ваша помощь… — с присущим людям армейским прямотой и решительностью он сразу взял быка за рога.

Беспощадно заливавшее светом солнце успело сместиться со своей высшей точки, когда наверху обозначилась хоть какая-то активность. В сопровождении вовсе не дружелюбно поглядывающего часового появился ещё один остроухий и педрильски смазливый эльф с плетёной корзиной в лапках. С изрядным сомнением обозрев скопище пыльных и потных людей, он изобразил на породистом лице должную меру презрения и полез в свою ношу.

С тупыми хлопками на дно ямы шлёпнулся примерно десяток среднего размера рыбин, и тут же аромат копчёности заставил судорожно дёрнуться желудки и наполниться оскоминой рты.

— Жрите, скоты, — равнодушно процедил эльф и бесшумно исчез.

Впрочем, вместе с ним отвернулся и ушёл ничуть не заинтересовавшейся суетой внизу давно скинувший свой зловещий плащ стражник.

— Хозяин, а я таки урвала! — из облака пыли, где в попытках ухватить вожделенную еду сцепились с сопением и пыхтением пейзане, донеслось несколько тумаков и оплеух, но домовёнка вынырнула оттуда с видом весьма торжествующим.

А в лапках её висели две вполне приемлемого размера копчёные трески. Возможно, это были селёдки или иной разновидности морские твари — Ларка в этаких делах разбирался не то, чтобы очень. Он пристально осмотрел источающую аромат добычу, стараясь не захлебнуться от разом наполнившегося слюнками рта. Чуть запачкано — однако, всё равно шкурку сымать.

Но оказалось, что вслед за малышкой из потасовки приковыляла и осуждающе качающая головой бабка. Не сумевшая или не рискнувшая полезть в откровенно перерастающую в потасовку возню да урвать и себе кусочек пищи, старая плесень, похоже, решила попытать счастья у показавшегося ей меньшим злом, а возможно и сердобольного молодого лорда.

— Присоединяйся, бабуля, поделимся, — Ларка не счёл нужным морить старушку голодом и первым, по правилам ещё из

Каменки вынесенной вежливости, предложил нуждающейся отведать пищи.

Странно — единственный глаз старухи вспыхнул таким нестерпимо ярким внутренним светом, что оторопевший парень не сразу признал в нём злобу. Свистящий шёпот захлебнулся клёкотом, когда старая ворона наклонилась к поручику:

— Не вздумай есть! — а затем с размаху зашвырнула обе рыбины обратно в не замедлившую вновь разгореться потасовку.

На выражение мордашки у малышки-домовёнки в этот момент стоило полюбоваться. Недоумение перетекло в обиду, затем в уморительно смотрящуюся задумчивость. Потом опять в сомнения, чтобы наконец остаться в обречённо-отрешённом виде. Она посмотрела на вновь разгоревшуюся драку, вопросительно на пожавшего плечами и оставшегося недвижным хозяина, а затем почти враждебно на устроившуюся рядом с хозяином старуху.

— Не знаю… но верю, что ты прав, — малышка, которую Ларка втихомолку вдоволь напоил притащенной духами холодной водой и даже слегка полил, уселась с другой стороны в куцей тени и с обречённым видом сложила на брюшке лапки.

Смотрелось, правда, словно все конечности просто втянулись в этот косматый и взъерошенный клубок мокрого меха — да там и растворились. А бабка как в шатре предсказательницы побывала… через полчаса на удовлетворённо облизывающихся и пренебрежительно поглядывающихся сюда лицах пейзан проступило недоумение.

— Эй, господин елф! А как бы нам тово… водички бы, — первым отважился обратиться к стражнику лохматый долговязый мужичок.

Однако сверху не удостоили даже ответом.

Только сейчас до удручённо прислушивавшегося к недовольному ворчанию желудка Ларки и начало что-то доходить. Он переглянулся с вновь открывшей глаза домовёнкой и повернул голову к старухе.

— Они такие мерзотники, светленькие-то. Приказ прынца свого выполнили — да вот, напоить-то никто не говорил. А после рыбы такой, да с голодухи… ох, что будет-то! — а ведь, сокрушённо покачавшая седой головой бабуля как бы не ведьма?

Та повздыхала, пошамкала вовсе не беззубым ртом, но отнекиваться не стала. Дескать, в медном ахвицере родственную душу она признала сразу — но подойти сразу побоялась, уж жизнью учена.

Ларка осторожно поведал, что стоит ему только молвить слово шастающим за его спиной духам, и воды тут будет столько, что хоть залейся. Однако взгляд пристально посмотревшей на уже

стонущих и едва не корчащихся людей не предвещал ничего хорошего.

— Они уже обречены, сокол мой медный — уж я-то вижу над каждым Оскал Вечности, — похоже, ведьма единственным глазом умела видеть поболе, чем Ларка двумя.

Естественно, после таких слов парень самым пристальным образом искоса, как учили, полюбопытствовал и сам.

Да вроде ничего такого — хмарь какая-то серая вроже как трепещет, и всё. Усмешка бабки, равно как и её весьма едкое замечание, что мастеровой парень совсем другим делам обучен, Ларку вовсе не рассердили. Он спокойно сидел, прижавшись к прохладной земляной стене, и рассуждал сразу над двумя весьма интересными, и что самое главное — весьма своевременно посетившими его мыслишками.

Первой было соображение, куда же это запропастился малыш Августин. Вряд ли тот позволил бы остроухим бестиям заманить себя в какую-нибудь ловушку — не по зубам он им. Но вот огрызаясь подпалить пол-леса это запросто. А вторая — откуда старой ведьме известно о кузнечных талантах впервые в жизни встреченного ею поручика? И всё же он молчал, справедливо полагая, что в своё время всё разъяснится, да от делать нечего прислушался к бубнению зловредной ведьмы.

— Вон те трое самых здоровых, то лихие люди… ещё четверо лесорубов, уж таких елфы не жалуют. Чета бортников, что медком от бешеных пчёл промышляли, — тут Ларка даже передёрнулся от брезгливости. Уж насчёт всякой дури законы что медного королевства, что светлого, оказывались единодушны, и даже амнистии или помилования не предусматривали.

Люди уже корчились в судорогах, жадно хватали воздух потрескавшимися губами. Вот один забился в корчах, раздирая синюшное лицо, завыл хрипло что-то неразборчивое.

— А про равнодушных к полюбовным утехам елфов это ты метко, ахвицер, заметил — хоть и не все они такие, но бесит упоминание о том до чрезвычайности. Правда-то глаза ихние бесстыжие колет, — странно, однако на сморщенном личике одним глазом зорко присматривающейся бабки блуждала смутная улыбка…

Вновь брызнула чья-то кровь, едва не забрызгав Ларке лицо. И только сейчас почти недвижно сидевшая старуха с неожиданным для её возраста проворством шастнула вперёд и почти сразу вернулась. В одной, свёрнутой ковшиком ладони она несла полную пригоршню горячей и грешной человеческой крови, а в другой парень с содроганием увидел вырванную из кого-то печень. От одной только мысли, что ведьма собиралась сделать,

его замутило… однако всё оказалось куда проще и в то же время занятнее.

— Выжми и намазюкайся, зверушка, — бабуля беззлобно швырнула печень домовёнке, а сама принялась ловко раскрашивать показавшейся раскалённою жидкостью Ларку.

Остатками намазалась себя, даже рванула с готовностью затрещавшую дерюгу на сухоньких старушечьих плечах.

— Ну, чего расселись? — злобно зашипела больше похожая на какого-то тошнотворного монстра ведьма, и глаз её гневно сверкнул.

Ларка переглянулся было с домовёнкой — но отнюдь не страдающая тугодумием малышка уже весьма живописно раскинулась в кровавой луже. Втихомолку подивившись несомненному и весьма неожиданному актёрскому мастерству служанки, парень и себе поспешил придать истерзанный вид упокойника. Ведьма напоследок проворчала отозвавшееся дрожью заклятье — чтоб елфы живых не унюхали, как она сказала — и тоже притихла где-то по соседству.

Лежать на солнцепёке в недвижном воздухе само по себе жаркое и неблагодарное. Подсыхала чужая кровь, стягивая до заскорузлости кожу, досаждали слетевшиеся как на пир мухи — однако, трое выживших прилежно изображали из себя лишённые душ тела. Время текло нарочито медленно, как оно всегда и бывает. Это лишь в счастье оно летит стремительно и неудержимо, такова уж причуда богов.

И всё же, в голосах пару раз заглянувших в яму перворождённых Ларка уловил лишь едва скрываемое презрение и скуку. И как только вечерняя тень с противоположной стороны накрыла проходимцев благословенной сенью, в пропотелый до чавканья сапог Ларки кто-то бесцеремонно постукал, а скрипуче-язвительный голос ведьмы ядовито осведомился над головой — долго ли ещё тут кое-кто собирается прохлаждаться?

— Думается мне, соколики медные, самое время уносить манатки. Остроухие как раз убрались возносить песнопения своей Эллуне или Ценариосу.

Домовёнка со слипшейся и обвалянной в окровавленном мусоре шёрсткой смотрелась вырвавшимся из ада тамошним ёжиком, ведьма выглядела небрежно ободранным и ещё по какой-то прихоти богов ещё живым полутрупом… задумавшийся на миг, каким же представлялся уставившимся на него взорам он сам, Ларка встряхнул головой и выкинул эти глупости из головы.

Вечерело. Еле веющий на поляне с выкопанной поверединe ямой ветерок утих, заплутал где-то меж сосен с тем, чтобы окончательно там задремать в своих сладостных полугрёзах. Зато

край обрывающейся вниз земли породил сначала одну голову, затем вторую и невесть зачем косматую третью.

Уговаривать земляных духов не пришлось. Высунувшись из осыпающейся стены, они сами подставили спины под сапоги поручика, образовав невидимые ступени. А уж подсадить на одно плечо не такую уж и тяжёлую ведьму да с липко-вонючей домовёнкой на загривке вскарабкаться по ним — не задача для крепкого парня.

— Конечно, граница с царством света совсем рядом — но туда мне что-то совсем не хочется. Да и искать нас примутся в ту же сторону, — найдя первый же попавшийся ручей, Ларка принялся… нет, не мыться.

Сначала пошёл вверх по течению и повёл брезгливо обнюхивающихся спутниц за собой. Затем в первом же удобном месте он перешёл вброд мелкое озерцо с несколькими впадающими в него притоками и вновь, вновь принялся путать водными путями следы.

— Думаешь, поможет? — грязная и угрюмая ведьма тоже старалась изо всех сил, бормотала что-то такое, от чего шерсть иной раз вставала на загривке дыбом даже у домовёнки.

— А есть ли у нас выбор? — вполне резонно огрызнулся поручик.

Есть хотелось просто нестерпимо. Пригоршня земляники и несколько найденных по пути орехов, да вдоволь свежей воды хоть и не утолили голод, но по крайней мере немного приглушили его. И бредущий по руслу Ларка со вздохом поднял глаза от очаровывающего течения воды, так и затягивающего взгляд в бездумное созерцание её отблесками.

Ещё одно озерцо чуть большего размера с лёгким журчанием изливалось меж двух белых камней сладкоголосым ручьём, ластящимся к усталым ногам. Вокруг словно зачарованные воины, стояли по берегам сосны, смотрелись печальнор и недоверчиво в воду, и их тягучий мягкий аромат словно сон обволакивал восприятие. Где-то на той стороне пинькала какая-то пичужка, словно не наоралась за день и даже сейчас провожала уже скрывающееся за лесом светило.

Ощущение вечности, покоя захлестнуло как-то сразу. Тишина, несуетность этого места даже выгнала на обратившееся в кровавую маску лицо подобие улыбки. И зачем на свете есть эти глупые, неугомонные двуногие с их войнами, противостоянием и заумными идеями?

— По-быстрому ополоснулись, — Ларка сделал шаг в сторону и замер, вглядываясь в величественно замерший лес и тяжело опираясь на подобранную по пути в качестве дубины крепкую

ветку словно на посох. — Желательно без особой магии, а потом промолви наговор текучей воды, бабуля.

Домовёнка с ведьмой не заставили себя упрашивать, сразу принялись возиться за спиной поручика. А тот стоял, иногда слабо морщась от чересчур громких всплесков, посматривал в незаметно наливающуюся чернотой глубину леса, и вода приятно холодила через сапоги разгорячённые ноги. Жаль, что здесь нет хоть каких, хоть совсем уж старых и истёршихся от времени горушек — можно было бы показать эльфам, почём им нынче обойдётся каждая капля человеческой крови.

— Готово, а ты, хозяин? — сзади прихлюпала по ручью трясущаяся от холода домовёнка со слипшейся влажной шёрсткой, однако не было нужды даже приглядываться — как та довольна.

Ларка хмуро отмолчался. Лишь показал жестом — за мной — и, устало пошатываясь побрёл вперёд.

Замершая недвижным зеркалом поверхность озера странным образом легонько прогибалась под ногами словно хороший ковёр, однако не пускала тромцу вглубь. И волшебным образом идущие по нём трое в полсотни шагов добрались до торчащего посреди островка, поросшего тальником и ракитником.

— Чудны дела твои, ахвицер, — по своей зловредности не удержалась старушка, но распространяться дальше на эту тему не стала.

Если предположить, что остроухие злыдни не успели за сутки утащить миледи Тэйл слишком далеко, а также зная свой неугомонный насчёт всяческих приключений характер, то потому и неудивительно, что Ларка услышал вырвавшиеся из сорванного горла слова.

— Отдыхайте здесь. Если до утра не вернусь, разбирайтесь сами, — и не прощаясь развернулся, пошёл в ту сторону, откуда где-то на пределе восприятия душу ласкало легчайшим необжигающим жаром. Храм или алтарь эльфийских богов, а стало быть вдоволь жатвы для Угрюмого Косаря. Меч бы ещё найти, да хоть кусок металла — а там парень живо сделает из него смертельный росчерк последней милости Тьмы. Если перворождённые не сообразят сразу и не откупятся Ольчей, сожалеть об этой пока ещё предстоящей ночи им придётся чертовски и весьма долго…

— Эти мужчины иногда бывают чересчур уж непонятливыми. Правда, домовёнка? — негромко заметила вослед старушка каким-то не таким голосом.

Ларка всё же остановился, вновь ощущая под ногами тугую неподатливость волшебным образом удерживающей его на себе

воды, и оглянулся через плечо.

Последний луч солнца пробился через прогалину в щербатом оскале леса — с тем, чтобы сзади, подобно искусному осветителю в театре, зажечь мерцающим сиянием ауры замершую в непонятной позе ведьму. Та чуть расставила в стороны вскинутые ладони, словно то ли извиняясь, то ли отгораживаясь ими от окружающего мира, и с медленным тягучим напевом принялась потихоньку оборачиваться вокруг себя.

Против солнца, естественно — уж кто б тут сомневался.

Слияние. Единство с окружающим тебя миром. Естественность, гармоничность — весьма важное дело не только для маскировки, но и в повседневности. Мы с тобой одной крови, и всё такое… покров тайны скользнул невесомым и невидимым облачком прочь, явив под собой другую обёртку.

Ах, госпожа Тьма — вот ты как выглядишь? Темнота изящно и как-то непринуждённо скользнула с плеч завершившей второй оборот ведьмы, с тем, чтобы с хихиканьем лукавой девчонки умчаться прочь.

И вот наконец, даже не по распахнувшимся в удивлении глазам, а по всему восприятию ударил призрачный, заметный лишь таким способом Свет… но вот померк и он, разметался неровными сполохами и исчез меж плывущих над озером косматых лохм вечернего тумана.

Три слоя — это серьёзно.

"Ольча, как же сейчас приятно тебя видеть. Да нет, не видеть… а просто осознавать — ты есть, ты рядом" — то оказалась последняя мысль, которую потом только и мог припомнить вернувшийся на островок Ларка перед тем, как без сил опуститься под таинственно чернеющий куст и забыться тяжёлым сном…

Я сидел, расслабленно потягивая источающую дымную вязь неведомых иероглифов сигарету и задумчиво слушал показавшуюся бы при других обстоятельствах невероятной историю. Поглядывал краем глаза, как весело прискакавшая с целой охапкой ваты, йода-зелёнки и лейкопластыря дочь хлопотала, щедро обрабатывая чуть ли не вдвое более высокого громилу.

А меж тем, суть дела оказалась головокружительной до изумления. Некая журналистка, подрабатывавшая на вольных хлебах этаким фрилансером, позапрошлой ночью сидела и сочиняла синопсис на переданный издательством на рецензию и только что прочитанный ею роман-фэнтези. Дело тонкое, кропотливое и требующее особенной вдумчивости — кто ж тут спорит.

И надо же было такому случиться, что в один вовсе не распрекрасный момент на районной подстанции произошло несанкционированное переключение энергоячеек…

— В общем, в сеть кратковременно попало триста восемьдесят вместо строго предписанных по уставу двухсот двадцати, — условно названный Полковником на миг отвлёкся, заметил блондинистому боевику, чтоб тот не дёргался, а позволил ребёнку вдоволь поразвлекаться, и продолжил: — Мало того, автоматика на конденсаторной станции сошла с ума и сдуру выдала мощный пиковый импульс.

Всё понятно — дальнейшее я как вовсе не понаслышке знакомый с электричеством человек прекрасно могу представить и сам. Со вполне голливудским грохотом, но вовсе не показушным спец-эффектом настольная лампа журналистки-полуночницы неслабо взорвалась.

— Нет, физически женщина не пострадала, — с кислым выражением на породистом лице кадрового вояки покачал головой собеседник.

Я уже с этаким нехорошим холодком догадываюсь, какие слова произнесёт он сейчас, и всё же страшусь услышать их. Лишь крепче прижимаю к себе Марго, по-прежнему поглядывающую на филейные части чужаков с несомненным вожделением.

— Но она в тот миг настолько углубилась, оттачивая формулировки — а тут взрыв, удар, испуг. Короче, разум её навсегда остался бродить неведомыми нам тропинками Средиземья, или как там оно у вас называется…

— Августин, где ты там, чёрт тебя дери?

Этот вопль, раздавшийся рано утром, хоть более и походил на жалобный стон, своё ожидаемое воздействие всё-таки оказал. Но всё же верно сказал кто-то из древних, что приятности как правило поставляются нам судьбой вместе с неприятностями. Короче и проще говоря, в предутреннем, разбавленном сыростью сумраке рядом с неприкаянной мордашкой дракончика обнаружилась ещё одна физиономия. Причём, именно та, которую сейчас Ларка хотел бы видеть меньше всего.

Нет, в принципе он не имел ничего особенного против эльфов (вчерашний кнут уже подзабылся), однако рядом с холёным и надменным как хоть бы и сам король принцем остроухих парень чувствовал себя куда как менее уютно, нежели скажем, рядом с голодной коброй. Или даже с Велериной, находящейся в не самом бодром расположении духа.

— Сгинь, пропади, изыди, — он слабо махнул ладонью на остроухий, чуть розовый в свете разгорающейся зари профиль — в слабой надежде, что это ему всё-таки приснилось или

померещилось.

Простим малым сим слабости их! Эльф не дёрнул даже заострённым ухом, а как ни в чём ни бывало осведомился — будет ли один медно- и тупоголовый поручик завтракать?

— Кушать, жрать, трапезничать, — блеснул принц Тэаренил отменным знанием Общего языка и сленга, а сам принялся возиться с накрытой салфеткой корзинкой, источающей просто-таки умопомрачающие запахи.

Что ж, бывают предложения, на которые не соглашаются — но бывают и такие, от которых попросту не отказываются. Потому Ларка кое-как стряхнул с себя остатки сна, потянулся так что ойкнули и захрустели косточки, и поплёлся умываться — благо всего-то пара шагов.

— А здорово ты меня вчера провела, Ольча, — въедливо и чуть осуждающе заметил он.

Запропастившегося куда-то с вечера дракончика за неимением ушей Ларка зловредно дёрнул за хвост. Тот пошипел легонько, старательно попытался надуться — однако через несколько мгновений уже уселся на своё законное левое плечо, поглядывая на содержимое корзинки с некоторым недоумением и даже осуждением.

— На, ешь, — поручик оторвал со своих брюк серебряную пуговицу и бросил любимцу. Поскольку этот предмет оказался принят не в пример более благосклонно, нежели на пробу предложенные ранее паштет, зелень и ножка куропатки, мир оказался восстановлен быстро и качественно.

Если кто в полной мере и обладал искусством непринуждённо и как-то даже изящно болтать с набитым ртом, так это оказался никто иной, как принц остроухих собственной персоной.

— Дела вчера обстояли куда серьёзнее — и в то же время проще, — Тэаренил с кислой миной, так странно смотрящейся на его худощавой породистой физиономии, осмотрел уже обглоданную им косточку.

— Кстати, за нашей каретой мчались такие науськанные светлым королём ужасы, что лучше и не упоминать — переполох поднялся на всю эльфийскую гильдию магов, а некоторые великие дома чуть ли не объявили военное положение. Но, вроде Архимаг и его ученики выкрутились…

Из дальнейшей речи его выяснилось, что вручившая письмо и тут же заключённая под стражу миледи Тэйл весьма ловко обвела вокруг пальца простодушных воинов, вниманию которых её поручили — и с весьма похвальной бы при других обстоятельствах прытью исчезла в неизвестном направлении.

— Мне стоило немалых трудов убедить лидеров кланов, что от леди неприятностей ждать не придётся… — Ларка покосился на означенную, сидящую уж слишком близко к блистательному принцу древнего народа, но благоразумно сделал вид, что мисочка с эльфийским салатом занимала его в этот момент больше всего.

Сообщение о том, что после некоторых поисков на сумасбродную девицу махнули рукой, доверившись слову наследника правящего дома, немного успокоило — но вот что делать с медным поручиком, при эльфийском дворе сразу не сообразили.

— Я предъявил им Августина — однако, они всё равно не поверили, что ты и есть тот самый мастер, чьей работы клинки нынче являются одной из лучших достопримечательностей королевского арсенала, — с некоторым унынием закончил Тэаренил. — Знай себе твердят — оружие всего лишь отменная гномья работа, а дракон искусно наколдованный — и хоть ты им осиновый кол на головах остроухих теши!

И, утомлённый столь долгой речью, принц надолго припал к бокалу.

Ларка заботливо скармливал чистенькой и блаженно чавкающей домовёнке самые лакомые кусочки, а сам с философической задумчивостью размышлял — насколько же и в самом деле бренна земная слава. Ну ладно, на всобщее признание или весомую в звонкой монете благодарность королевства эльфов он не рассчитывал. Однако попасть в яму к такой компании, с которой рядом даже и нужду справить зазорно? Сомнительное это дело…

— Ольча, а ты как выкрутилась?

Та заразительно засмеялась при виде слегка сконфуженного принца и на удивление ласково погладила того по щеке.

— По традиции, я не могла быть введена прямо ко двору — только под опёкой какого-нибудь из великих домов. И весьма опрометчиво меня поручили вниманию Лунного Ветра, одного из сильнейших кланов.

Парень с демонстративным недоумением почесал в затылке и обмолвился в том духе, что хоть совой о пень, что пнём по сове — остроухие лично ему, так все они на одно облик. На зачем-то златокудрые задницы похожи, с остренькими ушами.

Поразительно — на лице принца перворождённого народа показалось что-то весьма смахивающее если не на румянец, то на багровость точно. А Ольча звонко и беззаботно рассмеялась, одним лишь касанием ладони утихомирив готовую уже было вспыхнуть бурю.

— Неправда, Ларка, не злобствуй. Короче, во дворце этого клана находится их реликвия — Лунный Колодец.

Дальнейшее понадобилось растолковывать лишь раскрыв рот внимавшей домовёнке. Эпизод, как миледи Тэйл молитвой усыпляла суровых эльфийских воинов, весьма позабавил ту. Глазёнки от перемешанного пополам со страхом восторга широко раскрылись, когда невидимой пантерой скользящая по древесным мостикам и галереям замка леди обнаружила у корней неусыпно охраняемую реликвию, отправила прочь околачивающихся вокруг остроухих и храбро из Лунного колодца отпила.

— Для любого другого смертного то означало бы именно что немедленную и безоговорочную… — всё же, пальцы принца легонько и непритворно ласково коснулись губ Ольчи, не позволив вымолвить то слово, которое не любят воины и эльфы. — В общем, я что-то потеряла, что-то приобрела. Но вспомнила и ещё кое-что такое, чего раньше попросту знать не могла.

Рассказчица запнулась и со вздохом призналась, что то надо сначала обдумать. Дальнейшее оказалось уже просто — немного вспомнившая себя прежней Ольчей святая сестра и теперь наполовину ведьма, уже чувствовала себя почти свободно в святая святых эльфийского города.

— В общем, под утро я добралась, спрыгнула в ту яму. Быстренько сменила облик на самую что ни на есть мерзопакостную старушенцию и принялась терпеливо дожидаться рассвета, — под конец ей даже зааплодировали.

С удивлением Ларка приметил на обычно бледных щеках ведьмочки лёгкий загар — однако та усмехнулась какой-то новой, мудрой усешкой и справедливо заметила, что вчерашний целый день на солнце таки сделал своё дело.

А светило, словно его позвали, уже поднялось над ручьём и окружающим островок озером, вызолотило его алой медью и золотом разгорающегося дня. С вредным стрекотанием пролетела над головами сорока, шарахнулась прочь и пёстрым комком никчемных перьев унеслась подальше в сосновую чащу.

Принц очнулся от созерцания неспешного и сладостного утра — первого утра на свободе, и вздохнул.

— Мой отец, по согласованию с несколькими главами великих домов, хотел отблагодарить одного поручика самым ценным: подарить ему жизнь. Однако, мне при поддержке королевы-матери, сестры и Архимага удалось убедить его величество — уже не отца — не давать почву и без того циркулирующим слухам о коварстве и неблагодарности моего народа. Я внимательно слушаю…

Дальнейшая пауза и молчание в комментариях не нуждались. Ларка прекратил почёсывать за ушком млеющую и чуть не мурлыкающую от избытка чувство домовёнку и заглянул в её томно смежившиеся глаза.

— Что ж… если народ эльфов прекратит охотиться на домовых и делать из них меховую одежду — напротив, признает младшими братьями-сёстрами, я буду удовлетворён.

Если честно, парня весьма тяготила эта более похожая на торгашескую сцена. Однако он не понаслышке знал, что политика дело тонкое. Щепетильное и куда более грязное, нежели содержимое клозета. А посему надлежало расставить все точки над i, выдернуть все иголки из сиденья, забить все гвозди в сапоге.

— Спасибо, — коротко ответил ничуть не удивлённый против ожидания принц, улыбнулся, и тут же (под нажимом изумлённых решением поручика девиц) покорно пояснил: — Я так и предполагал, что ты ничего не попросишь для себя — уж дифирамбы одной леди на кое-чей счёт воспринял серьёзно — и поспорил на то со старшим братом. Так что, я негадано-нежданно выиграл пари и стал обладателем Изумрудного Лука древних королей. В общем, считай, что своё желание выполнено.

Тут уже пришёл черёд изумляться Ларке. Одна из легендарных реликвий народа перворождённых, передававшаяся из поколения в поколение и из рук в руки… и это нас, людей, называют сумасбродами?

Правда, принц Тэаренил несколько испортил впечатление, почти сразу перейдя к другому, более щекотливому вопросу.

— Те твои слова… насчёт сорока семи эльфов… я предлагаю тебе в обмен на их жизни одну — свою. Отец… нет, его величество знает, и после некоторых колебаний поддержал меня.

Ларка с интересом посмотрел на слегка напрягшегося в ожидании ответа перворождённого. Да уж, остроухий принц таки знает, что непросто иной раз быть одним из великих своего народа.

— Только не надо убеждать меня, что я просто-таки до неприличия жажду повесить твои ушки нанизанными на верёвочке. На шею, в качестве так-сказать-трофея, — он полуулёгся, продолжая гладить всё ещё ошарашенную и благодарно рыдающую возле него лохматую малышку. — Сделаем так… пусть тому солдату всыплют соответственное число горячих да втолкуют, в чём и отчего он был неправ.

В ответ на недоумённый взгляд принца парень пояснил, что никогда и ни за что не поверит в такие, на первый взгляд весьма убедительные, мотивы перворождённого. Куда охотнее поверил

бы он в порядочных министров, не берущих мзду портовых чиновников или рубящего лес эльфа.

— Тут интриг понакручено в два, а то и три слоя, Тэарениль. Не убедил ты меня — и чем большее нас с тобой будет разделять расстояние, тем спокойнее на душе мне будет, — спокойно закончил Ларка и заботливо напоил всё ещё всхлипывающую домовёнку водой. — Кстати, как там, замирились со светлым королём?

— Не совсем, — невпопад ответил задумавшийся эльф. — Вернее, замирились — но там что-то такое потом произошло… кровавое. Подробности мне пока неизвестны, да и неинтересны, клянусь Вечным Лесом.

Хоть и неудобно оказалось созерцать выглядящего наподобие побитой собаки ещё только что гордого ринца перворождённых, однако Ларка старательно не обращал на то внимания. Хороший солдат держится подальше от начальства и поближе к кухне. Стало быть, и тут самым благоразумным было бы находиться на возможно большем расстоянии от высокой политики, эльфов и прочих источников неприятностей.

На плече встрепенулся задремавший было дракончик, нимало не интересовавшийся перипетиями и страстями земными. Августин задрал голову к ещё сохранившему розовость утреннему небу, пристально обозрел по очереди каждым глазом, и даже предупреждающе чуть впился в плечо хозяина коготками.

Разговаривать малыш не хотел или не умел, да и вообще предпочитал не показывать до поры свои умения и таланты. Однако, Ларка ничуть не сомневался, что в случае нужды дракончик преподнесёт недругам немало сюрпризов весьма пренеприятнейшего свойства. Уж не голубь мира, вестимо… и даже не ворона.

Над головами мелькнула бронзовая тень и со свистом неслась куда-то за взволновавшиеся макушки сосен. Нехотя поднявшийся на ноги Ларка всмотрелся, прикрыв гляза от света ладонью, и успокаивающе кивнул. Не узнать могучего Игла, хоть раз прокатившемуся на этом грифоне было просто невозможно.

— Это кто-то из медного королевства. Давайте отойдём на краешек.

Над лесом вновь выросла хищно раскинувшая крылья тень. Сделав в воздухе классическую горку, диковинный летун недовольно заклекотал при виде столь неудобного места для посадки, однако опустился плавно и мягко. При этом, правда, грифон накрыл почти весь островок своими отливающими бронзой, великолепными орлиными крыльями. Да взъерошил волосы Ольчи так, что они разом встали дыбом.

С грифона немедля спрыгнула знакомая подтянутая фигурка в мундире корнета от инфантерии — но боги, в каком виде! Волосы спутаны и запвлены. Щеголеватая прежде одежда изорвана и местами закопчена, а в тёмных на ней пятнах намётанный взгляд Ларки немедля признал кровь. Однако, мордашка волшебницы прямо-таки лучилась довольством, а голубые глаза просто неприлично сияли.

— Привет, дамы и не совсем дамы! — она потрепала по холке отдыхающего грифона и поспешила сюда. — Ага, вы подкрепляетесь? Значит, и мне чего перепадёт!

Прежние обитатели маленького островка только глазами хлопали привиде этакого дива да недоумённо переглядывались.

— Только не говорите мне, леди, что вы встряли в очередную передрягу и нам срочно надлежит лететь на край света и кого-то там спасать, — осторожно обратилась Ольча к волшебнице, непринуждённо реквизировавшей останки трапезы.

— Ууэх сау'ем эт, — шутливо огрызнулась вновь прибывшая и, утолив первый голод, пояснила. — Вот уж совсем нет. Всё хорошо — только вот, я с рассвета и росинки горчичной во рту не видала.

Домовёнка уже немного отошла от своей маленькой и в то же время великой радости и теперь вовсю прислуживала госпоже волшебнице. Во всяком случае, со свежей салфеткой и чистым бокалом Велерине повезло.

— Э-э… не познакомит ли меня кто-нибудь с этим юным и нахальным недоразумением? — принц, как ему и подобало, первым пришёл в себя после нашествия этой маленькой бури.

— Не думаю, что кому-то из вас это удастся, — Велерина шутливо нахмурила бровку, когда оказалось, что вина осталось на донышке. — Ладно, малышка, тащи воду.

Та опрометью и со всех своих маленьких ног метнулась к бьющему недалеко ключу и уже тащила, пыхтя от усердия, искрящийся в утренних лучах бокал чистейшей влаги.

— Ларка, ты знаешь — я тебя почти люблю! — заявила волшебница, счастливо похлопав себя по тому месту, где у леди не всегда должен быть животик, и с улыбкой поднялась на ноги. — Да помогите же кто-нибудь!

Уже начавшая что-то понимать Ольча осторожно подключила свои умения к остервенело сдирающей с себя мужскую личину волшебнице. Та еле слышно шипела — личина, похоже, прикипела насмерть. Но в конце концов, чуть порасневший кончиками ушей принц эльфов признал, что маскировка отменная и ввергла в замешательство даже проницательного по определению перворождённого.

Зато Ларка, уже предчувствуя некую весьма не банальную историю, поинтересовался — за что же это ему такие признания?

— Ты сделал то, что не мог сделать никто — выставил светлого короля посмешищем! — в голубых глазах церемонно отвесившей реверанс волшебницы плескалось лукавство. — Когда папенька услыхал, что король Света рогат, он хохотал как ненормальный!

Дальше последовали такие деликатные подробности, что парень поневоле принялся раздумывать, за чьи же плечи ему спрятаться, ибо проваливаться со стыда под землю он решительно не умел.

— Мало того, оказалось, что королева Света в интересном положении — а ведь каждая собака знает, что августейший супруг не входил к ней уже пару лет… — проказница наконец оставила свои этикеты и прыгнула на шею парня.

Голубые и шалые глаза в упор — это, скажу я вам, похлеще, нежели оказаться под прицелом платунга изготовившихся к стрельбе арбалетчиков. Ларка уже ощутил себя морально готовым удрать на край света или что-то в этом роде.

— Мало того, папенька прилюдно, с громовым хохотом смаковал эти известия… короче говоря, король Света устроил бучу — тому есть достаточно свидетелей. Ну, а я нечто подобное и предполагала. Пришлось немного охладить пыл мужчин и даже умудрилась обойтись без трупяков.

— А кто, кто у нас папенька? — осторожно поинтересовался он.

И получил ответ в полной мере — да так, что свет солнца померк в его глазах. Принцесса медного королевства, причём старшая!

Конец всех тех робких и несмелых мечтаний, в которых ещё не решился признаться себе и сам. Сладкое и в то же время невыносимое ощущение, когда порой алеют невесть с чего щёки, а ты этому нежно улыбаешься.

Вот и всё… солнце зачем-то кувыркнулось, ушло винтом куда-то вбок, а шершавая неподатливость земли предательски вздыбилась и ударила в скулу…

— Это всё чертовски интересно. Однако, чем я смогу помочь?

Ответ импозантного Полковника ещё не прозвучал, словно страшась выпорхнуть в утреннюю свежесть — но он заранее мне не нравится. В ожидании я отсылаю домой сделавшую своё дело дочь. Та покладисто забрасывает Марго на шею этаким живым воротником и весело чешет напрямик, великосветски игнорируя всякие недоразумения вроде дорожек или газонов. Зато блондинисто-стриженый жлоб смотрит ей вослед с таким

незабываемым выражением лица, будто узрел гуляющего с тактической ядерной боеголовкой на плече ребёнка.

— В своё время я работал в одной из секретных лабораторий ГРУ. И занимались мы как раз вопросами считывания информации напрямую из головного мозга человека. С нужной полнотой и гарантированной достоверностью, — жёстко заявляет мой собеседник, и мне нет нужды ему не верить.

— Очень надеюсь, что у вас ничего не вышло, — тихо отвечаю я и вновь лезу за сигаретами.

Очень уж мне не нравятся этакие попытки тотального и полного контроля за умами и даже настроениями. Но ответ меня не разочаровал — всё же, не удалось.

— Почти. Но кое-какие результаты всё-таки получены были — и я прошу вашей помощи, — в глазах Полковника появилось какое-то новое выражение. — Ведь моя племянница заблудилась в придуманном именно вами мире.

Ах вот оно что! Что ж, альтруизм и филантропия бывшего гру-шника это как раз последнее, во что я мог бы поверить… но личная заинтересованность дело другое. К тому же оказалось, что примчавшаяся из бундеса мать журналистки всё-таки надеялась и надеется на благополучный исход — вопреки всему, как может верить только сердце матери. И тогда сокрушённый Полковник решился на отчаянную попытку.

— Вы будете вести активную роль в этом слиянии разумов, и лично вам ничего не грозит. Ну, почти ничего, — невесть зачем он пытается меня уговорить, хотя я не промолвил ещё ни слова в ответ.

Да, не произнёс, не выговорил, не проронил. Но лёгкий ещё даже не холодок, а вскипающие где-то в глубине пузырьки злого и пьянящего азарта уже безошибочно подсказывают мне, что я не откажусь ни за что. Спасти человека, тем более женщину? Ради этого рискнуть не только можно — просто нужно. Даже без разговоров.

— С супругой моей станете общаться сами. Уговаривать, гарантии, страховка, — выговариваю я и неспешно, старательно, несколько раз щёлкаю зажигалкой у сигареты, прикрытой ладонью от несуществующего ветра.

А пальчики-то подрагивают…

Сознание возвращалось медленно. Словно заблудившийся — нет, не в чёрной — в серой и какой-то мутной пелене мотылёк, оно боязливо подрагивало крылышками, приникало — с тем чтобы робко отпрянуть. И опять порхать вокруг да около. И всё же настал момент, когда робкий огонёк прильнул и озарился светом нового дня в неистовом сиянии жизни…

— Чтоб вам кисло стало — всем и каждому, — Ларка открыл глаза и решительно попытался придать себе вертикальное положение.

Это почти удалось. Именно что почти — придать да, зато вертикальное не то чтобы очень.

— Лежи-лежи, — Ольча ловко поймала пошатнувшегося парня и с немалой сноровкой уложила обратно.

И всё же, кое-что рассмотреть сквозь темнеющий взор всё же удалось. Принц с несколько угрюмым лицом сидел у маленького костерка, вернее из изображающего его духа огня, и с видом слегка пришибленным смотрел в побулькивающий котелок. Велерина поделилась хоть и оборванным но кителем с щеголяющей в весьма живописных лохмотьях Ольчей — а та на пару с домовёнкой хлопотала над раненым.

По крайней мере, контуженным…

— Вот уж не думала, что ты так к этому отнесёшься, — в глазах волшебницы что-то подозрительно блеснуло. — А ещё стойкий и надёжный, как скала…

Зато Августин сидел на ветке в непосредственной близости от грифона. И тот — о чудо! — всем телом старательно изображал испуг. вон, даже съёжиться попытался. Да уж, глубоко в летающих укоренился страх перед драконами, пусть и такими маленькими.

— Я — вспомнил — всё, — голос Ларки постепенно от слабого и задыхающегося окреп. — Велерина, седлай Игла, бери эльфа и домовёнку — и чтоб я вас больше не видел. Это приказ.

— А не пойти ли тебе… — на удивление, строптивая принцесса за годы своей маскировки весьма неплохо обогатила свой словарный запас лексиконом пьяных боцманов и нетверёзых по определению портовых грузчиков.

— Увы, май лав, нам с Ольчей предстоит отправиться куда дальше.

Только фыркнувшая на это волшебница не впечатлилась даже для виду. Зато стала приставать к Тэаренилу, Ольче и даже зачем-то домовёнке — что же это за ругательство *май лав*? В конце концов ведьма не утерпела и проворчала, что точно не помнит, но это точно не ругательство. Вовсе даже наоборот. Но если одна оказавшаяся чересчур уж высокородной девица тотчас не заткнётся…

Велерина в комическом ужасе закрыла прыгающие от восторга губы ладонями и вообще, старательно принялась изображать из себя чинную и воспитанную девочку. Правда, пальцы её как-то подозрительно нежно заблудились в волосах разнежившегося от этого Ларки. Зато просто не умеющий долго

пребывать в унынии принц эльфов неприлично захихикал от этого зрелища. Что ж, ему простительно — так долго пребывать в окружении святош и не повредиться маленько рассудком? И всё же, он придёт в себя. Побольше положительных эмоций, свежего воздуха на так излюбленной этими высокомерными остроухими природе.

— Как и когда? — всё же, Ольча не утерпела и задала этот вопрос, едва Ларка сумел преодолеть сопротивление девичьих рук и кое-как сесть.

Остров вместе с озером легонько раскачивались, словно корабль под названием "весь мир" попал в небольшой шторм, но в общем оказалось терпимо.

— Здешний северный полюс, и побыстрее — аппаратура уже наверняка на красной отметке.

Любопытство в глазах обоих августейших отпрысков и домовёнки виднелось прямо-таки аршинными буквами, что же это за такое сильномогучее заклинание? Но ведьмочка-святая-сестра-журналистка просто отмахнулась от них и с пытливым интересом всмотрелась в нагоняющего страху на могучего грифона медного дракончика.

— Августин?

Да, это он — Ларка улыбнулся своей сообразительности, когда ещё сам не зная зачем создал это маленькое чудо.

— Малыш, яви свой истинный облик.

Недоверчивый взгляд ало светящегося глаза с уже заметной чёрной вертикальной прорезью зрачка — и дракончик с места, покладисто взмыл вверх. Вопреки всем законам природы, он быстро и без единого взмаха сверкнувших рьяно надраенной медью крыльев набрал высоту. Невообразимый пируэт — словно бесшумный хлопок — и тут Игл окончательно спрятал голову под крыло.

Ибо из уже чуть выцветшей лазури летнего неба прямо на маленький островок пикировал исполинский дракон. Чистого медного цвета, реальный и настоящий до дрожи, он в последний момент заложил вираж и игриво чиркнул величественно воздетым крылом по берегу с растущими на нём деревьями. И это зрелище, грохот и треск словно спички ломающихся корабельных сосен, разлетающиеся обломки и прибрежные валуны в туче пыли, пуще всяких иных доводов убедили зрителей в том, что драконы всё-таки существуют.

— Никогда не думала, что они столь прекрасны, — зачарованно шепнула Ольча, и Ларка согласно кивнул. Уж куда красивее пикирующего на тебя бомбардировщика.

Расшалившийся Августин хотел устроить ещё какую-то

демонстрацию своей силы и всемогущества, и вознамерился было пойти на второй заход. Он даже плюнул ясно-зелёным пламенем на торчащую из берега скалу, и содрогнувшиеся от ослепительной вспышки зрители подумали, что здешние эльфы уж как-нибудь без этой достопримечательности пейзажа обойдутся…

— Нам пора, малыш, — Ларка с сожалением вздохнул и покачал головой. Редкостное зрелище даже для этого мира.

Как ни странно, дракон услышал. Не мешкая он развернулся почти на месте вопреки всем законам аэродинамики и, весело помахивая длинным хвостом, пошёл на посадку. Вода в озерце вскипела и пошла волнами, когда в него не совсем изящно плюхнулась отнюдь не весящая несколько унций туша, и окатила брызгами съёжившихся наблюдателей.

— Прощай, несбывшаяся мечта, — в последнем поцелуе Ларки Велерина не ощутила ни капли страсти — словно уходящий в дальнее и последнее плавание на своём корабле брат.

— Нет, я так не могу! — в голубых глазах волшебницы металось неукротимое пламя.

Она тряхнула головой и решительно шагнула вперёд, к гостеприимно опущенному на истерзанный островок драконьему крылу.

— Я согласна заплатить своей жизнью — но таки побывать на этом вашем полюсе! Если вы боги, я провожу вас…

Принц эльфов судорожно сглотнул и промолчал, но его движение оказалось столь же решительным и красноречивым.

Вот уж… не применить же к ним известные методы убеждения в виде чем тяжёлым по макушке? Да и малышка-домовёнка вцепилась в ногу Ларки с такой силой, что на ум поневоле приходило сравнение с хорошо прихватившимся лейкопластырем.

— Августин, сможешь прихватить на борт грифона — чтоб он сэкономил силы и смог отвезти принца, принцессу и малышку обратно?

Дракон смерил испуганно съёжившегося и в самом деле ставшего чуть меньше Игла пренебрежительным взглядом и даже не соизволил кивнуть, только презрительно пыхнул из ноздри ядовитым дымком. Понятно… этому здоровяку лучший грифон королевских грифонятен даже в качестве закуски перед завтраком маловат.

— Эт-точно, — с интонацией незабвенного товарища Сухова кивнула Ольча, однако судя по её каверзной усмешечке, кое-что эта смазливая межзвёздная (или межмировая?) ведьмочка таки задумала.

И точно — с визгом *неси меня!* проказница запрыгнула на руки опешившего от такой радости принца. Весело болтая ногами и напевая арию из Аиды, она позволила гордому перворождённому занести себя на спину дракона… впрочем, Велерина оказалась тоже вовсе не неподъёмной чушкой. Куда легче, да и приятнее — чего уж тут греха таить.

— Это за охмурение той королевы, — вдумчиво и сладострастно она принялась на ходу терзать зубками ухо Ларки, а тот всё никак не мог избавиться от своей дурацкой и совершенно счастливой ухмылки. И даже не попытался стряхнуть со спины целую толпу с разудалым гиком промчавшихся по ней сладких мурашек…

Полковник приподнимает голову и с неподдельным интересом вслушивается в буквально-таки полный дикции голос диспетчерши. Как можно что-то разобрать в этом болтающемся под сводами аэропорта неразборчивом звуке, мне неведомо напрочь. Однако мой собеседник удовлетворённо кивает.

— Заканчивается регистрация на наш рейс, успели вовремя. Последний раз спрашиваю…

Вроде и неудобно послать человека — всё-таки старше. С другой стороны, нашему армейскому человеку разухабистые выражения вовсе не в диковинку. И всё же, я ограничиваюсь кивком и демонстративным вздохом. Ну сколько ж можно?!!

Багажа или ручной клади у нас нет, а весь облепленный пластырем и на совесть раскрашенный дочерью блондин за таковую не сошёл бы при всём желании. Потому не удивительно, что Полковник уладил все могущие возникнуть недоразумения с щекастым и красномордым таможенником при роскошных хохляцких усищах всего лишь парой слов — и вот мы уже подтягиваемся к чреву до поры притихшего "Туполева".

— Время там течёт в сотни и тысячи раз быстрее. У вас будет время на адаптацию — на ломку — и на постепенное, хоть и не всегда безболезненное "всплытие" своего эго, — я равнодушно киваю на эти слова.

Да, точно, мон колонель — я просто-таки пропаду без твоих це-у в созданном мною мире! И что б я делал, а? Впрочем, ничего такого я не произношу. Но словно приободрённый моим молчанием собеседник, мельком убедившись, что весьма живописно выглядящий блондин тоже устроился в своём кресле, откидывается на спинку и невинно интересуется:

— Да, а в каких вы отношениях со своим, до поры прячущимся в подсознании зверем? Ведь там будете вы — и в то же время не вы.

И всё же, мой ответ его удивляет. Да просто в прекрасных,

Полковник! Глупости то всё, насчёт держать зверя в узде, не давать ему воли… А мой зверь просто лапочка, и мы живём с ним душа в душу. Я вовсе не сдерживаю его, он всё время развлекается снаружи — да мы и есть одно сладостное, неразделимое целое. Вот и сейчас, разве не видно, как мой зверь брезгливо морщит усы от лёгкого запаха авиационного керосина?

— И что же, даже если крепко?.. — Полковник с намёком проводит пальцами сбоку по шее.

Я подтверждаю, что даже в полубессознательном состоянии или на автопилоте мне не нужны тормоза — мой зверь просто настоящий джентльмен. Он не нуждается ни в цепях, ни в узде. Он славный, и ему ничего не приходится стыдиться ни тогда, ни потом.

— Завидую, — с еле заметной грустью роняет мой сосед по креслу и собеседник, когда серебристый недоделанный дракон наконец отрывается от взлётной полосы. — У нас как раз всё и застопорилось из-за неконтролируемого, вырывающегося на свободу бессознательного…

— Ох боги, до чего же тут холодно! — эльф, закутанный в щедро извлечённую Ларкой прямо из воздуха шубу, озирался вокруг просто-таки с жалобным видом.

— Тише. Слышите? У нас это называют шёпот звёзд, — выдохнула струйку пара скупо разрумянившаяся на морозе и куда больше перворождённого привычная к таким температурам Ольча.

И действительно, в здешней тишине слышалось что-то неуловимо-звенящее, шепчущее и таинственное. Прямо из вымороженного воздуха выседали невидимые глазом снежинки-льдинки и с потусторонним звуком падали на лёд. Верный признак, тут и к старейшине эльфов ходить не надо, что мороз за сорок. Сорок — это… э-э, много. Почти адский холод, в общем.

Знания всплывали в голове с поразительной быстротой. Целыми пластами и эпохами. Единственной, кто оказался не рад этому, оказалась слегка дующаяся Велерина. Зато Ларка стремительно, периодически дуя на коченеющие пальцы, покрывал строками и цифрами листы бумаги.

— Это усовершенствованная схема производства алюминия по технологии Муассака-Уилсона, позволяет перерабатывать не только бокситы… — сжалившись над умоляющим взглядом волшебницы, он нашёл под краем шубы её щёчку и с удовольствием чмокнул. — Алюминий это не очень прочный металл, зато лёгкий и совершенно не боится ржавчины. С помощью магии вы его легко получите — деньги потом замучитесь даже лопатой грести.

Волшебница живо навострила невидимые под лохматой енотовой шапкой ушки и подобралась. Воодушевлённый такой поддержкой Ларка тут же принялся набрасывать схему производства никеля.

— …да-да, точно! Из той самой руды, прозванной медным дьяволом. Гномам отдайте — всё равно без человеческой магии в вашем мире это не сработает.

А чуть в сторонке замершая в объятиях красавца-эльфа Ольча шёпотом поясняла тому — здесь то самое место, куда никогда не дуют ветры. Только отсюда. Полюс холода, кухня погоды и всё такое. Правда, если вслушаться, там ещё что-то было о получении пенициллина и антибиотиков, семантике и лингвистике. Но осипший на морозе Ларка как раз добрался до основ атомной физики, благо Велерина от отчаяния разошлась, и сдерживая замерзающие на морозе слёзы, жадно требовала ещё, ещё знаний.

Зато домовёнка и нахохлившийся, поджавший хвост Игл не стали покидать показавшуюся им меньшим злом тёплую спину дракона — Августину даже здесь не было холодно. Атомный реактор у него под хвостом, что ли?

А вокруг простиралась та самая, унылая и однообразная пустыня. Сколь хватало глаза, во все сторону под фиолетово-синим бездонным небом протянулась слепяще-белая поверхность. Где-то за горизонтом неслышно поднимались и рушились феерические дворцы, на полнеба вставали призрачные мосты и башни. То самое, зловещее и притягательное одновременно место из снов. Вещие, что ли, они были?

Или пророческие…

Ларка поймал себя на том, что глядел в омуты с болью всматривавшихся в него голубых глаз. Тонул, тонул в бесконечном сладостном паденьи и никак не хотел из возвращаться. Ну что тут скажешь?

Впрочем, что-то явно умыслившая волшебница шепнула *подожди* и отошла. О чём-то тихо посовещалась с округлившим свои роскошные зелёные глаза Тэаренилом. Принц осторожно, неуверенно кивнул, отчего его меховой треух тоже потешно закивал ушами — а затем принялся о чём-то шептаться со вздрогнувшей и странно обмякшей в его объятиях Ольчей.

— А теперь мы, — вернувшаяся от них волшебница прелестно разрумянилась от мороза, и глаза её блистали ярче всех звёзд. — Обними же меня на прощание, творец всего сущего!

Их губы наконец снова встретились, и только сейчас Ларка сквозь сладкий и нежный туман осознал смысл сказанных девицей слов… но поздно, поздно! Он точно так же вздрогнул, когда под левую лопатку вошёл тонкий и длинный кинжал

холодного железа, никогда не знавшего ужасов горна и ковки. В глазах заплескались какие-то детские недоумение и обида, когда нестерпимо обжигающий чужеродной магией ледяной клинок, ещё обагрённый кровью ведьмы, добрался сердца. И его же коснулся нежный девичий шёпот:

— Прости, дорогой. Но в любви каждый старается сам для себя.

Всё? Неужели, это всё?

Наверное, таки да.

Как же боль…

но…

Вот и скажите теперь, можно ли верить женщинам? Да никогда! Я опять сижу в глуховато свистящем чреве самолёта, весь в тягостных воспоминаниях и раздумьях — и опять подо мной проплывают ослепительно-белые кучеряшки облаков. Однако, на этот раз они подсвечены солнцем уже с дргугой стороны.

Я лечу домой.

Дело сделано, журналистка благополучно вернулась на круги своя, а мне хватило твёрдости без особого скандала настоять на своём — никаких подарков, компенсаций и прочих знаков благодарности. И как бы ни стоило изумляться по поводу самой эскапады, как втихомолку дивился сопутствующим феноменам Полковник, но всё прошло удачно. Даже чересчур, и мне теперь о многом придётся серьёзно поразмышлять.

Например, о том, что один из прадедов колонеля после поражения республиканцев в Испании не вернулся домой в Англию, а кружным путём добрался в далёкую и для многих пугающе-таинственную советскую Россию. Да-да, я сразу догадался — тот бравый интербригадовец, вживую видевший Хэмингуэя, носил странно теперь знакомую мне фамилию Блентхейм. Ну вот хоть убейте, случайно совпало!

Угу, покойной бабке моей, потомственной ведьме из настоящих, о совпадениях расскажите…

Или о том придётся подумать, что в стоящем у моих ног магазинном пакете с аляповатой картинкой полуодетой (или полуобнажённой?) поп-дивы скромно обретается статуэтка прихотливо изогнувшегося меднёного дракончика. На задней лапке, правда, болтается бирка с ценником-ярлыком, свидетельствующим, что сия дешёвая китайская подделка приобретена за энную сумму в комиссионке на Малой Грузинской — но ту бирку я самолично, втихаря от на радостях всё обнимавшего племяшку Полковника отпечатал на струйном принтере. Таможня не прицепилась, и ладно. Но глаза алым всё

равно светятся, мне даже отсюда видно.

Как уживётся Августин с Маргошкой? Интересно, кто же из них на кого охотиться станет? Дурдом предстоит, ох чует моё сердце! И где мне взять этому прожоре вдоволь серебра? Впрочем, вспоминаю я, где-то у меня завалялся моток проволоки серебряного припоя.

Авось дракошку до эльфячьего поноса не прохватит…

Эпилог

Новый день, а с ним и новые хлопоты. Не всегда лёгкие и не всегда приятные, однако нам ли роптать? Живы и при том более-менее здоровы, в кошеле немного бренчит — и сетовать на судьбу было бы совсем уж чёрной неблагодарностью. Потому стоящая на внешней галерее небольшого замка женщина благосклонно кивнула таковым своим мыслям и вернула взгляд с теснящихся вокруг пиков вниз.

Через перевал снова текла река. Стальная с редкими бронзовыми вкраплениями река войск. Только, на этот раз течение её оказывалось с полуночи, чужой и кровавой — домой. Да и настроение у солдат оказывалось совсем другим, всё-таки возвращались победители. А всякие вьетнамские синдромы как раз после проигранных войн, знаете ли, и приключаются…

Леди Оуверрон приветливо помахала ухарски подкручивающим усы красавцам из непобедимого двенадцатого кирасирского, как раз проезжавшим мимо её замка, отчего с плеч её упала на плиты галереи вязаная шаль. Наклонившись за ней, хозяйка маленького горного замка вдруг услыхала из дверей тоненький, какой-то детский плач.

— Интересно! Неужто служанка раньше времени разрешилась? — однако, мимолётно посланное с многолетней привычкой заклятье не обнаружило в замке обиженных детей.

Заинтересованная женщина плотнее запахнула на плечах шаль и властной походкой хозяйки и чародейки ступила во внутренние покои. Прислушиваясь и зорко присматриваясь к малейшим несообразностям, она обошла уже все службы и жилища слуг. Ничего. Почудилось?

Что ж, пришлось ей мимолётно пожать плечами и подняться к себе. Надо кое-что обдумать… и всё же, умудрённую жизнью женщину продрал нешуточный мороз, когда проходя мимо своей гостиной уловила она всё тот же тоненький, жалобный и безутешный звук.

— Кто здесь? — хотя в комнате доставало света из окон, леди Оуверрон на всякий случай зажгла ещё и магический шар на своей ладони. Случаи-то бывают разные… И вот так, с полусбежавшей с одного плеча шалью и трусливо задрожавшим светом в другой руке, она обнаружила источник звука.

На каминной полке в своём маленьком безутешном горе страдала её бронзовая тёзка. Статуэтка словно ожила. Она плакала, утирала слёзы — и вновь вся сотрясалась в рыданиях.

— Ну что ты? — против воли, голос знатной дамы дрогнул, а

к горлу её подкатил какой-то комок.

Леди-маленькая подняла к ней искажённое мукой лицо, и леди-большую с головы до ного осыпало морозным жаром:

— Творец… Создатель… Он оставил нас…

Поначалу хозяйка замка ухватилась было по перенятой от соседок привычке за сердце — однако при желании и некотором везении леди Оуверрон запросто пережила бы и внуков тех, кому ещё только предстояло родиться. Потому она оставила в покое даже для приличия не пожелавшую ныть грудь и склонилась к своей крохотной копии.

— Я думаю о том же, о ком и ты? — и когда вновь разрыдавшаяся малышка кое-как кивнула, со странно забившимся сердцем медленно распрямилась.

Миг-другой она невидящим взором смотрела куда-то в совсем ещё не забывшийся вечер. Вот оно что… то-то шептало что-то тогда предчувствие! Значит, не так оно всё просто оказалось, как виделось по-первости? Ох, непросто…

Несколько шагов привели леди Оуверрон к небольшому, много лет закрытому плотной накидкой предмету. Поколебавшись, она недрогнувшей рукой отбросила в сторону ткань, и старинной работы настольное зеркало, доставшееся ещё от прабабки, явило взору её свой слегка запылившийся облик.

— Фири, а ну наведи чистоту, лентяй ты эдакий, — стоило леди лишь проронить негромко эти слова, как влетевший в окно дух воздуха покорно и трудолюбиво исполнил приказ госпожи. Он проворно отпрянул от мерцающей, странно подавшейся вперёд и чуть не ухватившей его поверхности и на всякий случай отлетел подальше.

Угрюмо и неодобрительно он смотрел, как хозяйка добыла из потайного, запирающегося висящим на шее ключиком шкапчика старинную шкатулку. Отперла и её — уже другим — и словно в сомнении посмотрела внутрь.

Духи воздуха помимо прочего отличаются непоседливостью и любопытством — однако Фири откровенно струхнул. Уж он-то знал, что сейчас произойдёт. Госпожа наденет свои чародейские драгоценности и амулеты, от которых древней магией шибает так, что даже честному духу спасу нет — а потом прошепчет старинные слова и начнёт свою волшбу. Ну так и есть, вон уже и зеркало просветлело. Пора удирать подальше…

Этой реки никогда не существовало. Да и не могло существовать этого не отображённого ни на одной карте чёрного, словно из странно ожившей смолы потока. А всё же, по прорезавшей царство вечных льдов и снегов реке спускалась лодка. С вершины мира, из точки равновесия тех незримых сил,

что бесконечно творят и разрушают этот мир, в добротной крутобортой шлюпке плыли несколько живых. Казалось бы, нечего им делать в этом не знающем жизни месте, куда не рисковали сунуться даже самые отчаянные из духов — но тем не менее, дерзкие плыли невесть откуда и невесть куда по своим делам.

Вот одна, сидящая на корме закутанная в меха фигура подняла голову, словно почувствовав на себе незримый взгляд, и всмотрелась в небеса.

— Если от одной свечи зажечь другую, пламени от первой не убудет? Будет лишь две свечи, Тэаренил.

Вторая фигура, в которой только слепой не признал бы перворождённого, наклонилась. Заботливо поправила шубы на паре словно уснувших людей, потрогала зачем-то нос прикорнувшему рядом мохнатому зверьку… ах, это домовёнок.

— Очень надеюсь, Велерина, что твоя магия не спасует. И тогда мир этот навсегда останется живым — потому что его творец полюбил своё создание всем сердцем.

— Да принц. Если клинок, который уничтожил и создал вновь по своей прихоти Ларка, именно то о чём я думаю, — голос златоволосой и слегка осунувшейся женщины с ярко-голубыми глазами странно дрогнул. — Тогда они скоро проснутся, стоит лишь уйти из этого царства вечных льдов. Они-боги пусть сами по себе, а они-люди, тень бессмертных в нашем мире, сами по себе.

Странно выглядящий в мехах эльф покивал, глядя на кого-то из спящих с неожиданной нежностью.

— Да, и я буду знать, когда придёт пора пробуждения. Я ведь один из мастеров Жизни, и даже знаю предстоящий обряд. А до той поры нам остаётся только ждать и надеяться…

— Ждать и надеяться, — задумчиво прошептала похолодевшими губами леди Оуверрон, и не без тихого вздоха завесила зеркало вновь.

Она медленно, словно вдруг навалилась на неё странная тяжесть, сняла обжигающие её и всё же иногда необходимые украшения, и подошла к каминной полке.

— Слышала, малышка? Ждать — и надеяться!

30.07.07

PS Столичной штучке, журналистке и умнице Ольге Фост — спасибо!